

СМЕНА

2002

октябрь

■ Александр Джигейн
Око вселенной

■ Толмидж Пауэлл
Цветы на могиле

Признание и доверие сделали масло ЛУКОЙЛ
народной маркой

ЛУКОЙЛ Стандарт ЛУКОЙЛ Супер ЛУКОЙЛ Пюре ЛУКОЙЛ Селений ЛУКОЙЛ Асен-гارد

По вопросам приобретения фасованных масел "ЛУКОЙЛ" обращаться
по многоканальному телефону: (095) 973-7063 www.lukoil-masla.ru

ЛУКОЙЛ
ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский
Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чинина

---

10 **2002**
октябрь (1656)

Сдано в набор 22.08.2002.

Подписано к печати 16.09.2002.

Печать офсетная.

Заказ № 2812

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena @ gamet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии
ООО ОИД "Медиа-Пресса"

по адресу: ул. Правды, 24,
Москва, А-40, ГСП-3, 129993.

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2002.

32 *Шолмидж Пауэлл*
ЦВЕТЫ НА МОГИЛЕ
Детектив

132 *Стефания Воложкова*
ТАК И ЖИВЕМ
Рассказ

162 *Александр Экштейн*
ОКО ВСЕЛЕННОЙ
Остросюжетный роман

4 *Борис Сопельняк*
НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ

80 *Сергей Каленикин*
ВРЕМЯ УБЫВАНИЯ
БЫТИЯ?

230 *Игорь Гамаюнов*
ТРИ РОКОВЫЕ
ОШИБКИ

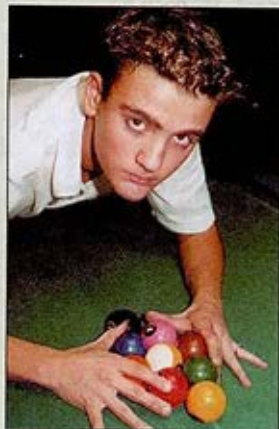
240 *Анастасия*
Захарова
КЛАДОИСКАТЕЛИ

244 *Шатъяна Шитова*
БОРЬБА
С НАРКОТИКАМИ
ИЛИ
ЗА НАРКОТИКИ?

252 *Андрей Ильин*
ТОЛПА ЖИВЕТ
ПО ЗАКОНАМ РЕКИ

260 *Николай Зуев*
ШАРИКОМ
ПО ШАРИКУ

стр. 100 ▼

стр. 260 ▲

14 *Василий Ильин*
ХРИСТИАНСТВО

26 *Ингеборга Данкунайте:*
**"СЧИТАЮ СЕБЯ
РУССКОЙ
АКТРИСОЙ"**

88 *Любовь Русева*
**ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ
ИСТОРИИ**

100 *Роман Белоусов*
ФАБЕРЖЕ

118 *Шамара
Грум-Гржимайло*
**ЕВРАЗИЙСКИЕ
ДРАМЫ**

265 *Дмитрий Фуртовой*
**"КОСМИЧЕСКИЙ"
ДИДЬЕ**

24 *Ирина Путьева*

87 *Шатьяна
Медлишвили*

*Александр
Экштейн*

**ПЛЯСКИ
АНТИХРИСТА**

Подготовка к полету на Юпитер продолжается. В это же время в городе Таганроге назревают не менее интересные события, закрученные вокруг центра "Семьи и брака". А Басенку, Стромову и Баркалову приходится вплотную заняться расследованием цепочки загадочных смертей...

Рекс Стаут
**КЛИЕНТУРА
НА НАРАХ**

Известный дизайнер и владелец фирмы Кейс прогуливался, как всегда, на любимом коне Казанове по парку, но через какое-то время конь вернулся в конюшню без седока, а Кейс был найден в кустах парка с простреленной грудью. Кому выгодна эта смерть? За расследование берется Ниро Вульф со своим неизменным помощником Арчи Гудвином.

ноябрь '2002

АНОНС:

Борис СОПЕЛЬНЯК

НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ

Формально Министерство иностранных дел России было создано 20 сентября (8-го по старому стилю) 1802 года. За полтора года до этого на престол взошел 24-летний Александр I. Молодой император и его ближайшие друзья, а это были воспитанные на просветительской литературе XVIII века В. Кочубей, П. Строганов, Н. Новосильцев и А. Чарторыйский, прекрасно понимали, что абсолютная монархия развратила русское общество, и систему государственного управления нужно решительно менять. Именно тогда на

всю Россию прозвучали знаменательные слова Александра I: "Быть выше законов я, конечно бы, не захотел, ибо не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала".

Изданный 20 сентября Манифест предусматривал создание восьми министерств, в том числе, коммерции, внутренних дел, финансов, народного просвещения, юстиции, военных сухопутных, морских сил и иностранных дел. Справедливости ради надо сказать, что история внешнеполитического ведомства России началась задолго

до упомянутого выше Манифеста. Еще в IX веке в Константинополь было отправлено первое русское посольство, а в 860 году с Византией был подписан договор "О мире и любви". В период ордынского нашествия стало не до дипломатии, и лишь при Иване Грозном, а точнее, в 1549 году, был создан Посольский приказ — так называлось первое в России учреждение, ведавшее дипломатическими делами.

При Петре I Посольский приказ был преобразован сперва в Посольскую коллегию, а потом в

Коллегию иностранных дел. Что касается созданного Александром I Министерства иностранных дел, то оно действовало вплоть до октябрьского переворота 1917 года — тогда оно стало называться Народным комиссариатом по иностранным делам, и лишь в марте 1946-го ему вернули старое название — Министерство иностранных дел.

Так сложилось, что все эти годы дипломаты были самой желанной и самой легкой добычей для всякого рода разведок, контрразведок, а танке королей,

шахов, султанов и президентов. И это не случайно! Ведь дипломаты являются носителями самых серьезных государственных тайн и секретов, они заранее знают, что замышляет тот или иной король или президент, именно они приезжают в резиденции глав государств с горькими сообщениями о начале войны, они же подают первые весточки о том, что пора бы замириться.

Еще в XVIII веке, как только Турция и Россия где-нибудь на Дунае или в Крыму начинали военные действия, русские послы тут же оказывались в Семибашенном замке, где содержали самых опасных преступников. Первым проложил туда дорогу доверенный представитель Петра I П. А. Толстой — он побывал в замке дважды и чудом уцелел. Чуть более полувека спустя путь Толстого повторил А. М. Обресков. Но он был куда дальновиднее, предусмотрительнее и, если хотите, изворотливее: даже находясь в тюрьме, он был в курсе всех планов султана и ухитрялся передавать эти сведения не просто на волю, а прямо в Петербург. Еще более дерзко и рискованно действовал российский посол в Париже И. М. Симолин. В годы Великой французской революции он был в самой гуще событий и даже, рискуя жизнью, стал очевидцем штурма Бастилии. Он же чуть было не спас от казни Людовика XVI, выдав ему паспорт на имя... вдовы полковника царской службы баронессы Корф. Несколько застав "баронесса" проскочила нормально, но в Варенне ее опознали и вернули в Париж.

Но первая кровь пролилась в январе 1829 года, когда в Теге-

ране был убит не только глава российской миссии А. С. Грибоедов, но и около полутора десятков сотрудников посольства. Эта варварская практика продолжалась и в более поздние времена. 10 мая 1923 года в Лозанне шестью выстрелами в упор был убит видный советский дипломат Вацлав Воровский. Четыре года спустя на Главном вокзале Варшавы тоже шестью выстрелами убили полпреда Советского Союза в Польше Петра Войнова. Пал от бандитской пули дипкурьер Теодор Нетте, кое-как выкарабкался с того света его коллега Иоганн Махмасталь...

Этот скорбный список довольно длинен. Но в наиболее сложном положении оказались наши дипломаты с началом Великой Отечественной войны — они стали самыми настоящими заложниками фашистской Германии.

О том, что вот-вот грянет война, сотрудники нашего посольства в Берлине знали еще в марте 1941 года. Признак был самый верный: во-первых, всем, кто возвращался из отпусков в Германию, не разрешали брать с собой жен и детей, и, во-вторых, тем, у кого жены и дети были в Берлине, велели как можно быстрее отправиться их домой. А когда посол заявил, что тем, кто останется в Германии без семьи, он увеличит зарплату вдвое, все стало яснее ясного.

Были, конечно, и скептики, которые говорили, что немцы не дураки, им еще Бисмарк запрещал воевать на два фронта, но и они примолкли, когда директор школы объявил, что из Москвы пришел приказ закончить учеб-

ный год не позднее начала мая и детей немедленно отправить в Союз. А тут еще участились анонимные звонки по телефону: неизвестные доброжелатели предупреждали, что через неделю-другую гитлеровские дивизии пересекут границу и двинутся на Москву.

Посол не раз пытался проваться к Риббентропу, чтобы выяснить обстановку и снять напряжение, но его не принимали и отправляли к второстепенным чиновникам, которые только пожимали плечами. И вдруг, в три часа утра, а это было 22 июня, раздался звонок из германского МИДа: секретарь Риббентропа просил посла немедленно прибыть в министерство. Вернулся он через час. На молчаливый вопрос встревоженных сотрудников: "Что случилось?", он бросил короткое и страшное слово: "Война".

Подтверждение последовало чуть ли не через пять минут: с боковых улиц вырвались огромные грузовики, набитые фашистской солдатней. Еще пять минут — и посольство окружено. Бросились к телефонам, но они отключены. Как быть? Как сообщить в Москву о начале войны? Кто-то предложил дать телеграмму. Идея была принята. Но как только из ворот посольства вырулил автомобиль с дипломатическими номерами, его тут же остановили, а водителя и сотрудника посольства арестовали и бросили в гестапо. Пока возились с этой машиной, на прорыв пошла другая: телеграмму у представителя посольства приняла, но в Москву не отправили.

В это же время где только можно начали разводить костры: надо было уничтожить архивы, шифры, всевозможные досье и

другие важные документы. Но самая большая проблема была в другом: в разных районах Берлина разбросано немало советских учреждений — торгпредство, отделение ТАСС, филиал Госбанка — и никто не знал, что происходит с работающими там людьми. Тревога была не напрасной. Уже ранним утром эсэсовцы совершили налет на торгпредство. Переломав мебель и перевернув документы, они стали ломиться в шифровальную комнату, где закрылся наш шифровальщик Николай Логачев. Пока крушили дверь, Николай сумел развести костер и сжечь все документы. От дыма потерял сознание и лежал на полу, но разъяренные эсэсовцы избили его до полусмерти и бросили в тюрьму.

На беззащитных советских людей началась самая настоящая охота, их не спасали ни паспорта, ни дипломатическая неприкосновенность. В застенках гестапо оназались и сотрудники военного и морского атташе, и представители Интуриста, и журналисты ТАССа. Их били, морили голодом, шантажировали, склоняли к измене, но ни один из них не дрогнул и не согласился обменять советский паспорт на германский. Тяжелее всех пришлось сотруднику аппарата военного атташе Арнадию Баранову. Его арестовали, бросили в тюрьму и предложили подписать заявление о предоставлении политического убежища в обмен на признание в том, что работники военного атташата СССР занимались шпионской и подрывной коммунистической деятельностью. Баранов отказался! Тогда его начали пытать. Не помогло! Заковали в кандалы и бросили в

концлагерь. Снова не помогло! Угрожали "снять перчатки", то есть содрать с рук кожу.

— Валяйте, — сказал Баранов. — Я и без кожи буду давить вас на каждом углу.

Тогда его бросили в карцер, надеясь, что упрямый дипломат загнется от холода и крыс. Но Аркадий Баранов выжил! И не только выжил, но и добился того, что его вернули на Родину.

Несладно было и тем, ного эсэсовцы блокировали в посольстве. То, что спали на столах и стульях, никого не смущало, а вот от недоедания начали страдать: свои собственные запасы закончились довольно быстро, а ни на рынок, ни в магазин немцы не выпускали. Они были так уверены в надежности своих заслонов, что несколько расслабились. Не учли они и кое-каких психологических факторов. Короче говоря, как всегда, подвела их излишняя самонадеянность. Один человек за пределы посольства все же вырвался. Этим человеком был заместитель резидента советской внешней разведки в Берлине Александр Коротков, который работал под крышей сотрудника посольства. По-немецки он говорил прекрасно, имел опыт как легальной, так и нелегальной работы и, что особенно важно, немцев знал как облупленных — особенно их склонность к накопительству. На этом-то они вместе с первым секретарем посольства Валентином Бережновым и сыграли.

Дело в том, что как раз в эти дни начались переговоры по поводу обмена сотрудников советского и германского посольства. В связи с этим право выезда из здания посольства — но только по строго

определенному маршруту и в сопровождении начальника охраны посольства Хейнемана — имел Валентин Бережнов. По дороге они болтали о разных пустяках: о новых фильмах, о сортах пива, о погоде. Но рано или поздно в их беседах возникала тема войны. И тогда Хейнеман начинал сокрушаться по поводу судьбы единственного сына, который оканчивал военное училище, а у него, офицера СС Хейнемана, такое скучное жалование, что нет денег даже на то, чтобы, как это положено по немецким законам, приобрести сыну сапоги, мундир, шинель и другие предметы экипировки.

— А у нас это выдают бесплатно, — вскользь бросал Бережнов. — Не говоря уже о валенках, шапке, теплом белье и даже овчинном полушубке.

— Это вам не поможет, — косясь на шофера и громче, чем это нужно, замечал Хейнеман. — До зимы вы не продержитесь.

— Не говори "гол", пока не перепрыгнешь! — ронял Бережнов.

— Что-что?

— Не дели шкуру неубитого медведя! — добавлял Бережнов.

— Какой медведь? Наной гол? Я ничего не понял.

— Это русские поговорки. В переводе они звучат не столь ярко, но суть их в том, что пока дело не сделано, не надо трубить о блистательной победе.

— Мудрые, очень мудрые поговорки, — после паузы вздыхал Хейнеман. — Завтра же расскажу о них врачу. Обязательно расскажу!

— Врачу? — вснидывался Бережнов. — Вы больны?

— Я-то здоров. А вот жена... Доктор говорит, что кризис поза-

ди, что она вот-вот пойдет на поправку, а этого "вот-вот" или, как вы говорите, "гоп" нет и в помине. Правда, он намекал на какое-то дорожное лекарство, но мне оно не по карману.

— Знаете, что, Хейнеман, давайте на мы вечером соберемся в моем кабинете. У русских такие разговоры насухую не ведутся, — выразительно щелкнул он по горлу. — Договорились?

— Натюрлихь, — согласно кивнул Хейнеман.

Чтобы не подвести Хейнемана, Бережнов накрыл стол не в своем кабинете, а в комнате, смежной с вестибюлем. Дело в том, что в соответствии с установленным немцами порядком, солдаты несли наружную охрану, а в вестибюле посольства — их начальник Хейнеман. Но если вдруг кто-то из солдат по какой-то необходимости мог направиться в здание посольства, Хейнемана могли вовремя предупредить, и он встретил бы подчиненного на своем посту.

Первая вечеринка прошла успешно. Потом была вторая, третья... И вот однажды, когда Хейнеман снова заговорил о дорогом лекарстве, Бережнов как бы вскользь заметил:

— А у меня проблема с точностью до наоборот. Как вы наверняка знаете, в Берлине я работаю довольно долго и скопил кое-какие деньги: дело в том, что у меня была мечта — купить хорошую, большую радиолу, настоящий, знаете ли, "Телефуннен", от вида которого мои московские друзья зашлись бы от зависти. Но теперь — какой "Телефуннен"? Через неделю-другую нас отправят домой, и уже сейчас

объявили, что не разрешат ничего вывозить, кроме одного чемодана с личными вещами. Так что мои сбережения пропадут... Я очень надеюсь, что вы поймете меня правильно: вместо того, чтобы выбрасывать деньги в клозет, я мог бы предложить их вам. У меня есть тысяча марок, — протянул он конверт с деньгами. — Считайте, что они ваши. Я буду рад, зная, что вы их потратите на такое благое дело, как здоровье вашей супруги.

Колебался Хейнеман недолго...

— Спасибо, — сказал он, пряча конверт. — Я вам очень благодарен и обязан. Если смогу быть вам чем-нибудь полезным, то можете на меня рассчитывать.

— Ну, что вы, оберштурмфюрер, о какой благодарности речь?! Хотя... Лично мне ничего не нужно, а вот у одного моего друга довольно странная проблема. У него роман. С немецкой девушкой. Одному Богу ведомо, когда они теперь увидятся. Он очень переживает, да и девушка, наверное, тоже. Не исключено, что она... Ну, вы сами понимаете, что случается с девушками после интимных встреч. Короче говоря, он хотел бы с ней встретиться, хотя бы на часок. Но как? — развел руками Бережнов. — Кроме меня, из здания никого не выпускают.

— Как жаль, — вздохнул изрядно захмелевший Хейнеман. — Любовь — это святое. Любовь — это... это... Когда я познакомился с моей бедной Мартой, то ездил к ней на велосипеде. Тридцать километров в одну сторону. Три раза в неделю... Вашему другу надо помочь! Как? Пока что не знаю. Надо подумать... Дайте мне денек-другой...

Ровно через сутки Хейнеман изложил подробный план поездки Бережнова и его влюбленного друга.

Как вы понимаете, влюбленным другом был Александр Коротков. Выезд назначили на раннее утро, когда не проспавшиеся эсэсовцы были не очень внимательны. За руль неприметной "Опель-олимпии" сел Бережнов. Рядом Хейнеман. Сзади — Коротков с небольшим, но очень модным чемоданом. По версии Бережнова там были дамские вещи, предназначенные для девушки его влюбленного друга, а на самом деле перво-разрядный радиопередатчик, который во что бы то ни стало надо было передать "Норсинанцу" — таким был псевдоним руководителя подпольной антифашистской группы Сопротивления Арвида Харнана. Несколько позже "Норсинанец", а также "Старшина", он же Харро Шульце-Бойзен, возглавили широко известную "Красную капеллу", которая несколько лет передавала в Москву сверхважные сведения и была самой большой головной болью гитлеровской контрразведки. А курировал работу этой группы Александр Коротков, и встречался с "Норсинанцем" и "Старшиной" он и только он.

И вот теперь, с началом войны, самые полезные и самые важные агенты остались без связи. Значит, информацию им придется передавать не через кого-то, а по радию, которой у них нет, но которую им должен передать Коротков. Именно ради этого была затеяна вся эта история с Хейнеманом и несуществующей немецкой девушкой.

Как бы то ни было, "Опель" беспрепятственно выехал за во-

рота и остановился у ближайшей станции метро. Сменив несколько маршрутов и убедившись, что "хвоста" за ним нет, на одной из станций он встретился с членом подпольной группы Элизабет Шу-махер. Вручив ей чемодан, Коротков торопливо заметил:

— Времени у нас мало, поэтому буду предельно краток. В чемодане — рация. Исходная цифра для шифровки 19405. Запомнила? Очень хорошо. И еще. В этом конверте двадцать тысяч марок. Передай их Харнану, скажи, что это для нужд организации. Скажи также и то, что теперь, когда началась война, каждое слово, пришедшее в Москву из Берлина, будет на вес золота. При первой же возможности я лично постараюсь выйти на связь.

Не думал тогда Александр Коротков и не гадал, что эта встреча последняя, что век "Красной капеллы" будет недолог, а судьба ее членов трагической. Летом 1942-го гестапо выйдет на след подпольной организации, а осенью арестует более ста ее членов. Потом будет суд — и изуверские приговоры, которые утвердит Гитлер: тридцать одного мужчину отправят на виселицу, восемнадцать женщин казнят на гильотине, несколько человек расстреляют, а остальных бросят в концлагерь.

Но это будет позже, гораздо позже... А тогда, в июне 1941-го, довольный удачно проведенной операцией, Александр Коротков, как и было условлено, вышел к универмагу и сел в подкидавший его "Опель".

— Ну что, как прошла встреча? Как вела себя ваша Гретхен? — поинтересовался Хейнеман.

— Встреча прошла на высоком уровне, — отшутился Коротков. — А Гретхен, конечно же, расстроена... Когда-то мы теперь увидимся, — с неподдельной грустью вздохнул он.

— Ничего не поделаешь, война, — сочувственно огорчился Хейнеман.

— Вы не возражаете, если я притормозу около газетного киоска? — вмешался в разговор Бережнов.

— Пожалуйста, — кивнул Хейнеман.

Вернувшись с пачкой газет, Бережнов протянул их Короткову и попросил прочитать их хотя бы по диагонали.

— Если верить газетам, то наши дела плохи, — недовольно ворчал Коротков. — Они уверяют, что путь на Москву открыт... Ого, а вот это признание дорогого стоит! — неожиданно оживился он. — Послушайте-ка, что пишут в "Фелькишер беобахтер", причем на первой полосе. "Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержан и фатализм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падает мертвым в рукопашной схватке".

— Да-а, судя по всему, война с Россией обойдется нам недешево, — вздохнул Хейнеман. — Боюсь я за своего сына, ох, боюсь...

Бережнов и Коротков многозначительно переглянулись: они поняли, что Хейнемана нужно обихаживать и дальше — он им еще может пригодиться.

Вернувшись в посольство, они тут же начали планировать новую поездку, но выбраться на волю им больше не удалось: количество ох-

ранников было удвоено, и за ворота никого ни под каким видом больше не выпускали. А в ночь на 2 июля пришел приказ приготовиться к погрузке в железнодорожные эшелоны. На сборы — ровно час. Вскоре подошли крытые грузовики, в которые затолкали сотрудников посольства и членов их семей, причем работников торгпредства и других советских учреждений по каной-то, чисто немецкой логике, загоняли в отдельные грузовики, а впоследствии и в особые вагоны. Таким образом было составлено два эшелона, которые на рассвете двинулись в долгий, двухнедельный путь.

Издевательства над людьми продолжались и по дороге — многочасовые переклички под палящим солнцем, сто граммов хлеба и похлебка из брюквы на целый день, ужасающая теснота, невозможность помыться и постоянные намерения на то, что немецкие дивизии войдут в Москву раньше, нежели туда прибудет посольский поезд. Но люди держались и, как могли, подбадривали друг друга. 18 июля составы прибыли на болгаро-турецкую границу. В районе города Свиленграда их встретили представители советского посольства в Турции и переправили на теплоход "Сванетия", где измученные и истерзанные дипломаты смогли, наконец, привести себя в порядок и, самое главное, получить советские паспорта. Потом их переправили в окрестности Карса, и только 2 августа они пересекли советско-турецкую границу. Второй эшелон мурыжили до 30 августа: видимо, немцы не теряли надежды, что кто-нибудь да сломается и попросит политического убежища у победоносной

Германии. Не вышло, в Германии не остался ни один работник посольства, торгпредства или какого-либо иного советского учреждения.

В не менее сложном положении оказалась немногочисленная советская колония в Дании, которая еще в 1940-м была оккупирована германскими войсками. Там тоже были задержания, аресты, всякого рода издевательства, настоячивые предложения политического убежища и неприкрытые угрозы, пока, наконец, не было принято решение об обмене датских дипломатов на советских. Потом — мучительная поездка в товарняках, Свиленград, Стамбул и только через три недели Ленинанан.

Еще более нагло и вызывающе вели себя власти Румынии. Напомню, что фашистская диктатура во главе с генералом Антонеску там была установлена еще в августе 1940-го. А в ноябре Бухарест официально присоединился к оси Рим-Берлин. С этого момента начались постоянные провокации на советско-румынской границе, а за сотрудниками посольства установлена непрерывная слежка. А тут еще наш плохо обученный летчик перепутал Одессу с Констанцей и, потеряв ориентировку, приземлился на территории Румынии. Газеты подняли такой крик, что, казалось, Румыния вот-вот пойдет на Москву, а летчика отправят на эшафот. С великим трудом летчика отбили, а конфликт кое-как замяли.

Не успел стихнуть этот скандал, как грянул новый. Сотрудников посольства Шутова и Еремина, которые сопровождали до болгарской границы нашего дип-

курьера, ни с того ни с сего арестовал начальник сигуранцы небольшого городка Меджидия. И не просто арестовал, а сильно избил, требуя, чтобы они рассказали о содержании диппочты. Тут уже шум подняли наши! Информация попала в газеты. И только после этого румынские власти принесли официальные извинения, а излишне ретивого чиновника отдали под суд.

Правда, агенты сигуранцы тут же нашли вариант неприкрыто иезуитской мести: они запретили появляться в посольстве врачам, учителям, шоферам, уборщицам, телефонистам, водопроводчикам и даже почтальонам. Вначале наши лишь посмеивались, но когда у посла Лаврентьева серьезно заболела жена, а потом и ребенок, и, как он ни бился, к нему не приехал ни один врач, все поняли, что дела обстоят более чем серьезно.

А 22 июня Лаврентьева срочно вызвали в МИД и сообщили, что "военные действия между Германией и Советским Союзом уже начались, и что Румыния, как союзница Германии, выступила на стороне последней", а это значит, что сотрудники советской миссии должны немедленно покинуть здание и отправиться на пригородную станцию Китила, где их разместят в железнодорожных вагонах. Новарство было не только в том, что в вагонах стояла жуткая жара, и на перрон никого не выпускали, но и в том, что время от времени станцию бомбили советские самолеты: как только начинался налет, охрана разбежалась, а запертые в вагонах люди могли погибнуть под бомбами своих же летчиков.

От нестерпимой жары, недостатка воды и отвратительного питания многие, особенно женщины и дети, начали болеть. Лаврентьев попросил шведского посла сообщить о сложившейся ситуации румынским властям. В ответ — молчок. Тогда весь мужской состав посольства объявил голодовку. Как ни странно, это помогло, и через двое суток румыны прислали детского врача. А еще через сутки поезд, наконец-то, тронулся... Но на этом злоключения наших дипломатов не закончились: уже на болгарской территории их поезд чуть было не сорвался в пропасть, и только мастерство машиниста спасло их от верной смерти. Домой они, как и все остальные, попали через Стамбул и Нарс.

Что касается советских дипломатов, находившихся в Италии, то им пришлось иметь дело с убежденными фашистами, которые войну с Советским Союзом считали чем-то вроде крестового похода. Муссолини даже направил Гитлеру восторженное письмо, в котором благодарил его за то, что тот согласился на участие в войне итальянских сухопутных и воздушных сил. А уже 26 июня первая итальянская дивизия была отправлена на восточный фронт. Как показало время, для молниеносной победы одной дивизии не хватило, пришлось увеличивать их количество до десяти — и все они остались на заснеженных полях России.

А сотрудники нашего посольства в Риме поспешно уничтожили архив, шифры и другие важные документы. Из здания их не выпускали, телефоны отключили, газеты не приносили, так что о

положении на фронтах они ничего не знали. Когда, наконец, была достигнута договоренность об обмене итальянских дипломатов на наших, чернорубашечники, посмеиваясь, говорили, что немецкие и итальянские солдаты до Москвы доберутся быстрее, нежели выдворенные из Рима дипломаты.

Через несколько дней итальянский МИД предложил два варианта доставки 167 советских граждан в Россию: первый — на пароходе из Неаполя в Одессу, второй — поездом до Испании, оттуда на пароходе до США, затем поездом до Сан-Франциско и снова на пароходе до Владивостока. Первый отпал из-за того, что в Черном море уже шли морские сражения и оказаться на дне было проще простого. Никак не устраивал и второй, так как в Атлантике шныряли немецкие подводные лодки. С великим трудом, с помощью посла Швеции, договорились о поезде до Стамбула.

По дороге был и голод, и холод, и издевательства полицейских, но, сжав зубы, советские люди терпели. В Москве последние заложники третьего рейха оказались 4 августа. В Наркомате иностранных дел наконец-то облегченно вздохнули: никто не погиб, не потерялся в пути. Война еще только начиналась, и каждый толковый специалист был на вес золота...

Но даже прекрасно понимая, как важна во время войны работа внешнеполитического ведомства, многие дипломаты сменили авторучку на автомат. На передовую отправилось около 250 сотрудников МИДа, 67 из них пали на полях сражений. ■

ХРИСТИ

**Василий
ИЛЬИН**

В одном из последних номеров мы анонсировали публикацию нового цикла материалов, затрагивающих близкую всем без исключения тему — религии мира. При этом мы намерены дать читателям, особенно молодежи, хотя бы общее представление о самых различных вероисповеданиях. Хотим подчеркнуть, что при подготовке этого цикла ни в коем случае не ставилась задача пропаганды какой-то одной религии или критика другой.

Наш новый цикл мы начинаем с христианства, ибо в нем существует несколько церквей, из которых наиболее известны православная, католическая и протестантская. Но образовались эти церкви лишь два века спустя после появления христианства, и о них мы впоследствии поговорим отдельно.

Эта одна из самых крупных по числу последователей мировая религия возникла в Палестине вокруг личности Иисуса Христа, в результате его деятельности, а также деятельности его последователей.

Почему в Палестине? Да потому, наверное, что эта маленькая страна исторически была центром пересечения самых различных цивилизаций. На протяжении веков Палестина переходила от одного завоевателя к другому: она входила

в состав Персидского царства, за нее боролись полководцы, поделившие после смерти Александра Македонского основанную им державу. Во II в. до нашей эры Палестина обрела независимость, но уже в первой половине I в. до нашей эры она досталась римлянам. А примерно через сто лет именно там появились первые христиане.

Палестина — это вечно спорная территория, вечные столкновения народов, идеологий, взрывчатая смесь Запада и Востока, солнечное сплетение цивилизованного мира того времени. Немудрено, что религии, получившие впоследствии всемирное распространение, так или иначе зарождались либо в самой Палестине, либо в непосредственной близости от нее.

Притеснения со стороны иноземных завоевателей, внутренняя

АНСТВО

Просто это будет исторический обзор без каких-либо комментариев, своего рода курс истории религий, который обычно читают в крупных университетах. Естественно, что при подготовке этого материала была использована только литература, одобренная церковью, в том числе и исторические источники, а также классическая художественная литература.

борьба между различными классами и политическими группировками, бедность палестинской экономики приводили к постоянному оттоку населения; многие переселялись в расположенные сравнительно недалеко более богатые города переднеазиатских стран, вошедших в состав Римской империи. Проповедники нового религиозного учения встретили здесь чрезвычайно благодатную почву для своей миссионерской деятельности.

Для населения Римской империи вообще были характерны религиозные поиски, неудовлетворенность традиционными античными верованиями. Результатом этого был интерес к иноземным религиям, в частности, к иудаизму. Да и поверить в возможность воскресения мессии было легче людям, которые постоянно слышали в своем языческом окружении рассказы об

умирающих и воскресающих богах плодородия (египетском Осирисе или греческом Дионисе), а также тем, кто читал в иудейских священных книгах о неизбежности пришествия мессии.

Время возникновения христианства обычно относят к 33 году нашей эры — году распятия Иисуса Христа на кресте, однако название "христиане" не сразу закрепились за сторонниками новой религии и стало впервые употребляться в Антиохии в 40-44 годах.

В основу нового летосчисления была положена дата рождения Иисуса Христа. Он родился в небольшом палестинском городе Вифлееме в семье бедного плотника Иосифа и его жены Марии. Христиане верят, что рождение Христа его матерью совершилось чудесным путем в результате непорочного зачатия по наитию Святого Духа.

О большей части жизни Иисуса Христа — его детских, отроческих и молодых годах вплоть до 30 лет — известно мало. О последних годах жизни Христа, когда он начал проповедовать новую веру, весьма подробно сообщается в священной книге христиан — Библии (во второй её части — Новом Завете). Согласно рассказам Евангелий, Иисус Христос был казнен (распят на кресте) римским прокуратором (правителем) Иудеи Понтием Пилатом. Иисус Христос был сыном Божьим и своей жертвой искупил грехи человечества. На третий день после казни он воскрес, явился своим ученикам (апостолам), а затем вознесся на небо. Последователи христианства верят во второе пришествие Христа, когда он будет судить всех живых и мертвых, даруя вечное блаженство праведникам и адские муки грешникам.

При этом многие биографические факты имеют письменное подтверждение в трудах историков того времени. Иосиф Флавий в дошедшем до нас тексте "Иудейских древностей" пишет об Иисусе: *"В то время был Иисус, мудрый человек, если только позволительно его называть человеком, ибо Он был совершитель чудесных дел, учитель людей, с удовольствием приемлющих истину, и привлек к себе многих как из иудеев, так и из эллинов. Он был Христос. И когда Пилат, по настоянию вождей наших, осудил Его на крест, те, которые прежде любили Его, не оставили Его. Ибо Он явился им на третий день опять живым, как и божественные пророчества изречли о Нем касательно этого и множества других чудесных дел. Поколение христиан, так названных по нему, не исчезло еще и теперь"*.

Что касается страшной казни — распятия на кресте, — то римляне в этом случае не затрудняли себя изобретением чего-то особенного, а применили самый заурядный способ экзекуции, хотя впоследствии многие христиане принимали мученическую кончину по-другому: их живо сжигали, топили, бросали в клетни к диким зверям. Так что страдания святых — не выдумки, а жуткая реальность, к сожалению, достаточно обыденная для римлян, которые вообще особой гуманностью не отличались.

Кстати, во многом благодаря снобизму римлян, проповедники нового религиозного учения встретили чрезвычайно благодатную почву для своей миссионерской деятельности. Христианство принимали не только рабы и бедняки, но и достаточно обеспеченные люди, в том числе и из привилегированных сословий. Психологически, впрочем, это вполне объяснимо: как и любое революционное движение, христианство зарождалось стараниями людей, не столько недовольных, сколько пресыщенных прежними порядками.

Если предание о первых учениках Иисуса рисует их бедняками из свободных (или представителями презираемых профессий), то для первых общин христиан вне Палестины характерно присутствие в них рабов. Это понятно: рабы были чужаками в имперском обществе; какое бы положение они ни занимали — доверенного слуги, который мог распоряжаться другими рабами, или закованного в кандалы сельского работника — они оставались рабами, вещью. В конце I века множество иудеев после разгрома их восстания было продано в рабство. Они жили, сражались на

аренах амфитеатров рядом с другими рабами. Те из них, кто уже принял христианство, рассказывали о своей вере товарищам.

Основой отношения христианства к рабству было представление о равенстве всех христиан перед Богом, равенстве прежде всего духовном. Вопрос реальной свободы или несвободы был для первых христиан несущественным: они не принимали всей системы существующего мира и ждали его конца (особенно христиане, чьи настроения отражены в Апокалипсисе). Поэтому обстоятельства временной, по их убеждению, жизни в этом мире не имели существенного значения. А тезис о том, что земная жизнь со всеми ее страданиями — лишь мгновение перехода к лучшей жизни, действовал безотказно. Римский же пантеон был слишком приближен к земным порядкам, чтобы нравиться угнетенной части Римской империи.

Между прочим, первых христиан в языческом Риме обвиняли в... атеизме. Сегодня, когда для многих из нас слова "религия" и "церковь" в первую очередь ассоциируются с христианством, это звучит странно. Но две тысячи лет назад религиозная ситуация в Риме была иной. Центральным моментом римской религии был культ императора. Римский император обожествлялся уже при жизни. Поклонение ему было единственным обязательным для всех граждан ритуальным правилом. Оно предполагало принесение жертв императору и произнесение клятвы именем императора.

Возникшее и быстро распространявшееся по империи христианство скоро обнаружило свое несоответствие этому положению.

Прежде всего, христиане утверждали, что Бог один, а боги, которым поклоняются не христиане, — не более, чем деревянные или каменные куклы, идолы, не способные ни услышать, ни помочь. Кроме того, христиане всячески избегали языческих увеселений и зрелищ. Такое отношение породило прежде всего среди простого народа представление, что христиане — безбожники. Ведь они не признают богов, а нем еще назвать не признающих богов людей?

Но христиане, помимо всего прочего, не признавали и культ императора. Это, по римским представлениям, серьезно усугубляло их вину, так как свидетельствовало уже не просто об атеизме (что, откровенно говоря, волновало прежде всего жрецов и простой народ — многие римские интеллигалы сами всюю потешались над богами и высмеивали народные верования), но и об опасности для государства. Культ императора был официальным государственным культом. Не признание его, отказ приносить жертвы императору и поклоняться его изображению означал государственную измену.

"Атеизм" не был единственным грехом христиан в глазах римлян. Последователей Христа также обвиняли в человеконенавистничестве и разврате. Так простой народ интерпретировал те обрывки слухов о христианских собраниях и богослужениях, которые доходили до людей. Причина неприязни и слухов состояла в том, что жизнь простого народа в Римской империи была максимально открытой, была на виду. Христиане же собирались на свои богослужения тайно, непосвященные (то есть не принявшие Крещения) туда не допускались.

Верующие собирались на молитву в натаномбах — вырытых в земле длинных извилистых улицах и переулках (первоначально — местах захоронения римлян, а затем — христианских мучеников).

Сегодня может показаться странным, что, несмотря на такое отношение со стороны народа и на правительственные гонения, христиане не стремились сделать свою жизнь более открытой, установить контакт с государством. Напротив, с одной стороны, оставаясь абсолютно лояльными к большинству римских законов и правил жизни, христиане были непреклонны в вопросах веры. Казалось бы, чего проще: сделать богослужения открытыми, поучаствовать в чествовании императора — и никаких гонений бы не было, и обвинения в атеизме и разврате сами собой бы отпали. Однако христиане не шли на это, предпочитая смерть. Почему? Чтобы были пренращены обвинения в атеизме, недостаточно было доказать, что ты веришь в Бога. Для римлянина религия — прежде всего культ, исполнение внешней, общепринятой и традиционной стороны обрядов. А христиане категорически отназывались именно от языческих обрядов.

Мало кто задумывается над тем, что самыми первыми христианами были, естественно, евреи. Более того: когда стали появляться христиане из язычников, то и христианам-евреям они относились как к элите. Еще в V-м и VI-м веках христиане-греки и христиане-персы, когда освящали урожай, освящали дом, вообще совершали какие-то сакральные действия, обязательно звали христианина-еврея, потому что считали, что его благословение действеннее. Александр

Мень в одной из своих статей приводит любопытные факты:

"Когда стали креститься первые язычники, то большинство евреев сказала: "Нак, не приняв Моисеева Закона, они становятся христианами?! Нет, они должны пройти через обрезание и все прочие вещи". Это было трудно, это стало ощутимым препятствием. Для многих греков и римлян это было совершенно неприемлемо. Не надо забывать, что обрезание было принято в Египте, у арабов, но в западном мире совершенно не было известно.

В 51-м году, в Иерусалиме, было решено, что еврей-христиане могут соблюдать все обычаи Закона, но христиане от язычников освобождаются от этого. Дальнейшее развитие Церкви показало, что это освобождение стало важнейшим фактором в распространении христианства в мире. Попав в языческие страны, христианство, конечно, впитывало элементы язычества. Взаимодействуют народы, взаимодействуют культуры. Ничего страшного здесь нет. Первые христиане не только не вызывали агрессии, но они находились в любви у всего народа, как отмечает книга Деяний. Их любили как очень благочестивых людей. К ним примкнули многие фарисеи".

Деяния апостолов, по-видимому, написанные в самом конце I века, объединяют рассказ о деятельности ряда апостолов, прежде всего в иерусалимской общине, восходящий к устным преданиям. В рассказах о путешествиях Павла и его учеников содержатся имена римских наместников, известных по другим источникам, бытовые детали соответствуют описанному времени и месту. Согласно христиан-

ским расказами, отраженным в этих произведениях, проповедников нового учения в городах восточных провинций Римской империи иногда слушали со вниманием, иногда резко против них выступали.

"Вскоре после сошествия Святого Духа апостолы Петр и Иоанн шли в храм на молитву. При дверях храма сидел нищий, хромой от рождения. Он, протянув к апостолам руку, просил у них милостыни. Апостол Петр сказал ему: "серебра и золота нет у меня, а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи", и, взяв его за правую руку, поднял. У хромого тотчас укрепились ступни и колена, он начал ходить и вошел вместе с апостолами в храм.

Множество народа в изумлении от этого великого чуда сбегалось в притвор, называемый Соломоновым, где были апостолы. Здесь апостол Петр произнес вторую проповедь о воскресшем Господе. Многие из слушавших апостола уверовали; и было число таковых оноло пяти тысяч человек.

... Верующие ежедневно собирались в храм и слушали проповедь апостолов, а в воскресные дни собирались по домам для преломления хлеба, то есть для Святого Причащения. Все они были соединены великою любовью, так что у них были как бы одно сердце и одна душа. Многие продавали свои имущества и полученные за них деньги приносили к апостолам для раздачи нуждающимся. Всегда и за все верующие благодарили Бога. За свою любовь и добрые дела они приобретали уважение и любовь со стороны народа, и число верующих ежедневно умножалось.

Со временем все верующие в Господа Иисуса Христа стали назы-

ваться христианами, а учение и жизнь по вере Христовой — христианством".

"Воскресные чтения для детей". СПб. 1894 г.

Что же нужно было делать поверившим в Христа, чтобы обрести избавление? Ответ на этот вопрос краток: отречься от мира. Для христиан, ожидавших скорый конец света, не могло существовать разработанных норм поведения на каждый случай повседневной жизни; они должны были готовиться к суду над всем миром. В основе их мировоззрения лежало неприятие окружающей действительности; "отречение от мира" означало отречение от всей системы ценностей, которая определяла бытие человека в земном мире, где правит сатана — "ннзья мира сего", как сказано в Евангелии от Иоанна.

В Откровении Иоанна гибель во время Страшного суда грозит всем, кто "поклоняется идолам, "которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить", тем, кто не раскаялся "в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем". Христиане противопоставляли тому миру, который в их глазах был абсолютно безнравственным, свою абсолютную нравственность — аскетизм вместо "блудодеяния", самопожертвование и любовь к ближнему вместо ненависти.

Эта нормативная нравственность была трудно достижима в реальной жизни; многие христиане под ближними, прежде всего, понимали своих единоверцев или сочувствующих им. Неприятие иноверцев проходит через различные раннехристианские сочинения. Даже в Нагорной проповеди, где было провозглашено милосердие и

прощение, сказано: *"Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плоды добрые, срубается и бросают в огонь"*. Правда, судить тех, кто "не приносит плода доброго", дело Бога, а не человека. *"Не мстите за себя, но дайте место гневу Божию"*, — сказано в Послании к римлянам. Но настойчивое повторение этого призыва по-казывает, что не все христиане разделяли на деле подобную позицию. Проповедь всеобщей любви не могла избавить их от ненависти к своим гонителям.

Количественный состав первых христианских групп был, вероятно, очень непостоянным. Кроме основного ядра фанатично преданных новым идеям людей в них входили люди, которые только сочувствовали христианам. Были и такие, которые сначала увлеклись проповедью христианства, затем отходили от него. Такое положение не должно удивлять, ведь основная масса свободного населения империи, как ни сильно было в ней чувство неудовлетворенности, еще не могла порвать со старыми традициями приверженности к своему городу, своей общине, к античным формам общественной жизни. Многие христианство, по-видимому, и привлекало, и отталкивало.

Иногда приход в христианство совершался по довольно экзотическим причинам, одну из которых предание связывает с именем епископа Валентина — впоследствии канонизированного. В середине III века (примерно в 260-270 годах) римский император Клавдий II считал, что семейные узлы препятствуют юношам выполнять свой воинский долг, и запретил жениться

под страхом смертной казни. Но епископ Валентин пренебрег запретом тирана и тайно совершал обряды венчания. Его недоброжелатели донесли императору об ослушнике, и Валентина бросили в темницу, а затем казнили. Казнь пришлось на 14 февраля — теперь этот день считается "Днем всех влюбленных".

Церковь эту традицию не одобряет, но и не поддерживает, епископ Валентина канонизировали не потому, что он соединял любящие сердца, а потому, что желающие вступить в тайный брак принимали христианство. Но немногие скучные фанты уже обросли массой красивых легенд, в том числе и такой, что в темнице Валентин влюбился (!) в слепую дочь тюремщика, излечил ее и перед казнью написал своей возлюбленной прощальное письмо, что и положило начало традиции "валентинок".

Но абсолютно достоверно то, что в 496 году римский папа Геласиус объявил 14 февраля днем Святого Валентина. С тех пор влюбленные почитают его и считают своим заступником. В этот день принято устраивать свадьбы и венчаться. Говорят, что это залог вечной любви.

Если вернуться к более серьезным вещам, то христианская идея сострадания и спасения должна была привлекать самых разных людей, не только ущемленных социально, но и страдающих физически. Подход христиан отличался от понимания сострадания в античном мире. Аристотель в "Поэтике" писал, что сострадание бывает лишь к незаслуженно страдающему. Жалость, с его точки зрения, может вызывать лишь не-

счастье, причиненное вольно или невольно близким людям; если же так поступаешь по отношению к врагу, "то ни действие, ни намерение не содержат ничего жалостного". Другими словами, страдание само по себе не может вызвать сострадания.

По-видимому, значительное место среди первых христиан занимали женщины. Женщины-христианки упоминаются и в христианских, и в нехристианских источниках. Положение женщины на рубеже нашей эры было достаточно свободным по сравнению с предшествующими временами. Женщины-наследницы, дочери и вдовы могли распоряжаться своим имуществом, заключать сделки. В высших слоях общества разводы были достаточно частым явлением — и не только по инициативе мужа. Особенно распространены были разводы среди римской знати, но влияние Рима сказывалось и на жизни в провинциях.

Распад семейных связей, что было еще одним выражением распада связей общественных, рост числа женщин-одиночек, многие из которых вынуждены были продавать себя, вызывали своеобразную реакцию в общественном мнении. С одной стороны, восхвалялась женская добродетель, писатели-моралисты описывали идеальных женщин — верных супруг и матерей. С другой стороны, женщины часто представлялись чем-то темным, колдовским: в литературе Ранней империи появляются образы женщин-колдуний, страшных и безжалостных. К тому же идеальные женщины плохо вписывались в реальную жизнь Римской империи, точнее, были совершенно не нужны там, где торжество-

вал порок, а добродетель высмеивалась. Немудрено, что многие женщины искали для себя источники духовного очищения и находили — в христианстве.

Христиане же не только принимали женщин в свои общины, они открыто заявляли, что именно грешницы и блудницы могут прийти к ним. В Евангелии от Иоанна рассказывается о женщине, которую толпа хотела побить камнями за прелюбодеяние, но Иисус остановил избиение словами: "Кто из вас без греха, первый брось в нее камень". Вероятно, первыми христианами из высших слоев общества были именно женщины, поскольку они острее, чем их отцы и мужья, должны были чувствовать неприемлемость прежней системы духовных и этических ценностей.

Триумфальное шествие христианства по нашей планете было связано с целым рядом особенностей этой религии. Прежде всего следует отметить, что людей привлекали в христианство его очень высокие гуманистические принципы, его обращенность ко всем расовым, этническим и социальным группам. Определенную роль сыграла и провозглашенная самим Иисусом Христом миссионерская направленность новой веры. Позже своеобразной пропагандой христианства служило и то обстоятельство, что именно христианские страны добились в большинстве случаев наиболее ярких успехов в своем экономическом, социальном и культурном развитии.

Большинство христиан признает необходимость совершения таинств — священных действий, призванных сообщить верующим Божью благодать. Однако в вопро-

се о числе таинств, их понимании, форме и времени совершения разные направления христианства далеко не единодушны. Если православные и католики признают семь таинств: крещение, миропомазание (у католиков — конфирмация), причащение, покаяние, елеосвящение, брак, священство, то большинство протестантов — только два: крещение и причащение (Вечерю Господню).

Богослужбная практика у христиан разных направлений очень разнородна. Весьма торжественная литургия в православных и других восточных, а также в католической (где она именуется мессой) церквях противопоставляется простоте богослужбной практики в большинстве протестантских церквей (англиканские церкви занимают в этом отношении промежуточное положение).

Чтобы понять место христианства в окружающем его мире Римской империи, причины и пути его распространения, нужно представлять себе основы этого учения. Такой основой первоначального христианства была вера в искупительную жертву мессии Иисуса, который пострадал за грехи людей и воскрес, обещая тем самым спасение для всех уверовавших в Него. Первые христиане верили в мессию Иисуса, верили, что Он пострадал за них, верили в то, что Он вернется на землю, чтобы установить царство Божие на земле. Эта вера ярко выражена в Апокалипсисе, где идет описание страшного суда над всеми грешниками.

Идея нравственного совершенства и в то же время отсутствие выработанной регламентации повседневной жизни привлекали к

христианам людей из разных слоев общества и разного уровня образованности. Античная философия, в частности, стоицизм, тоже говорила о несовершенстве земной жизни, но она предлагала человеку (причем не всякому, а тому, кто способен на это) жить в соответствии с разумом в мире, который не мог уже назаться разумным. Христианство же отрицало земную мудрость ("мудрость мира сего есть безумие перед Богом"), оно обращалось к любому человеку, страдающему, несчастному, и обещало ему спасение через веру; именно страдающим прежде всего должна была открыться Божья благодать. Христианство не могло спасти людей от реального страдания, поэтому оно его своеобразным образом обожествляло.

По существу, в раннем христианстве, его мировосприятии проявилась психология человека, лишённого всех общественных связей и гарантий. Христиане воспринимали себя временными странниками на земле. И в то же время именно человек находился в центре христианского вероучения: он нес ответственность не только за свои личные действия, но и за всю мировую несправедливость; он обладал возможностью выбрать путь, который привел бы его к спасению, но к спасению в иной жизни. Ни один человек не мог отказать от признания за собой части вины в общем несчастье, и признание это стало редпосылкой духовного спасения, которое одновременно было провозглашено христианством.

С самого начала в христианской этике сочетались логически несочетаемые вера в предопределение и убеждение в возможности

выбора. Согласно христианскому учению, весь путь человечества вплоть до явления и искупительной жертвы Христа был предопределен, предсказан, и в то же время каждый человек имеет свободу выбрать путь спасения, то есть принять христианское учение или отказаться от него.

Подобное сплетение веры в предопределение и признания за каждым человеком возможности сделать выбор между духом и плотью изначально было свойственно христианам. С одной стороны, Бог заранее предопределил поведение как "сынов света", так и "сынов тьмы", с другой стороны, подчеркивается добровольное вступление в общину. Это противоречие не могло быть объяснено логически. Но первые христиане и не пытались ничего объяснять; их религия была прежде всего религией откровения, воспринимаемого эмоционально и иррационально.

Итак, основы христианской этики первоначально заключались в отказе от норм "этого мира" и единении в вере. Однако жизнь постоянно ставила перед христианами вопросы об их конкретном поведении в "этом мире", поскольку они не уходили в пустыню (да и куда могли уйти жители густонаселенной Греции или городов малоазийского побережья? В лучшем случае в другой такой же город). Уже в таких ранних христианских сочинениях, как Откровение Иоанна и в посланиях Павла, ощущается острая внутренняя борьба, которая шла среди первых христиан по вопросам их поведения по отношению к внешнему миру и друг к другу.

Христианская этика складывалась постепенно в результате при-

способления к окружающей действительности, и принципы, провозглашенные некогда первыми проповедниками, сосуществовали в ней с практическими действиями, далеко не всегда совпадавшими с этими принципами. Столь же актуальным вопросом, связанным с реальной жизнью, был, по-видимому, и вопрос о "блудодееании" и о бранах с язычниками. Однако речь шла скорее всего о более широком явлении: христиане, не признававшие норм языческого мира, отвергали и семейные нормы; ожидание скорого конца света, идея только духовного очищения, сознание своей исключительности могли породить в этих людях ощущение того, что их поступки не подлежат обычным моральным оценкам.

Главным для всех христиан оставалось убеждение, что их вера направляет их поступки, где бы они ни находились. Этика первых христиан, как и их вероучение, была основана на откровении. Может быть, именно поэтому в среде христиан мог прийти и человек, желавший совсем порвать с окружающим обществом, и человек, занимавший в этом обществе достаточно высокое положение. Но внутреннее неприятие внешнего мира и постоянное фактическое общение с этим миром на деле порождали трудноразрешимые противоречия и постоянные споры.

Христианство уже давно не является единым религиозным направлением. На протяжении нескольких столетий оно распалось на несколько различных течений.

Но об этом — в следующих материалах. ■

Ирина ПУТЯЕВА

* * *

*Помню первую вылазку в Яту,
Белоснежную, стильную яхту...
Мы с тобою под залпы азалий
Что-то личное недосказали.
Целовались беспечно, изриво
В фантастической вотчине Грина,
Где мы счастливы были когда-то,
В алый парус поверив заката.
Только все изменилось немножко...
Лишь гора, изогнувшись, как кошка,
Наклонившись, лакает лениво
Из лазурного блюда залива.
Ночь под бархатной маской актрисы,
Да еще ядоносные тисы
Под томящие, знойные трели
Угощают нас как Сальери.*

ОТРАЖЕННЫЕ СВЕТОМ

*Стать бы и мне человеком, но что,
Что мне такого поведают люди?
Кто мои сны — как по нотам — прочтет
Ночью бессонной при свете прелюдий?
Ты мои светлые очи отверг.
Крылья по плечи мне вечер обрезал.
Белый корабль прилетает в четверг.
Черный котенок приходит по средам.
Кисти твои отцвели. И сентябрь
В угол свалил транспаранты с рябиной.
Как они пишутся — эти картины?!*
Ты позабыл. И не вспомнишь.

А жаль...

*Пусть мы умрем,
Но ведь свет не померк.
Бог наши сны не явил и не предал.
Белый корабль приплывает в четверг.
Жаль, потому что ты занят по средам...*

* * *

*Не может быть, такого быть не может,
Что навсегда исчезнем мы. Но если...
Хочу, чтобы следы твои воскресли,
И я по ним нашла тебя, о Боже!
Не может быть,*

Такого не случится,
Что мы не встретимся в скрещеньи радуг.
О! Сколько душ у этой переправы
Свои сердца меняют на лучины!
О, Боже мой, спасибо за свиданье.
Круг первый пройден, и не страшен ад...
С букетом звезд я в зале ожиданья
Жду поезда, идущего назад...

* * *

Время белых берез,
Перелетных дождей...
Обращаясь к судьбе, говорю ей:
— Ни пуха!..
— К черту, к черту! Не думай о ней... —
Шепчет старая ведьма на ухо.
Все пройдет. Все пройдет.
И пора бы понять,
Что от горных вершин
Остается лишь горстка...
Так — как прежде —
Тебя не смогу я обнять.
Мне не вылепить пламя из воска.
Зажигаю свечу.
И берусь окрестить
Каждый крик в опустевшей вселенной,
Но — ни капли воды!..
И песок лишь хрустит
На губах, пересохших от тлена.
До утра этот пух с тополей облетит.
Я на что-нибудь все же отважусь:
Если в реку — нельзя,
То в пустыню войти,
Мой любимый,
Отважусь я дважды.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

С. Букину

Вздых и восторг, не ради слова,
От потрясающей картины.
В подрамнике у водяного
Кувшинок охра, ретушь тины.
Ему виднее, может стать...
Палитра утра, нега лета...
Лишь как Аленушка по братцу,
Грустит природа по поэту.

Уж так было угодно судьбе, что она "принадлежит" трем странам. Родилась в Литве, прославилась в России, живет в Англии. В Лондоне она блистает на сцене, в России — на экране. Ей повезло работать с известными мировыми именами: Брайаном де Пальма, Эймутасом Некрошюсом, Никитой Михалковым, Петром и Валерием Тодоровскими. Снялась в фильмах, которые смотрят до сих пор: "Интердевочка", "Утомленные солнцем", "Подмосковные вечера"... Последний — "Одиночество крови" режиссера-дебютанта Романа Прыгунова.

— По жанру этот фильм — триллер, совершенно умопомрачительная страшилка. Просто море крови, сплошные убийства. Кошмар каной-то. Но зато очень интересный, захватывающий сюжет. И красивая операторская работа. Я занята в главной роли, играю женщину-ученого, ставшую жертвой собственного изобретения.

— "Одиночество крови" был представлен в конкурсной программе нынешнего Московского международного кинофестиваля, но не получил призов...

— Если говорить о фестивалях и призах — все это субъективно, потому что в жюри, как правило, разногласия вкусов. Считаю, что к призам надо относиться совершенно спокойно, это просто мнение других людей, а не реальная оценка твоей работы.

— Как вы сами оцениваете этот фильм?

— Я никогда не оцениваю свои роли и фильмы, в которых снималась. Что вышло, то уже вышло. Вообще, моя жизнь делится на несколько периодов. Главный — когда снимаюсь. Тогда времени у меня ни на что другое не хватает, ведь съемки идут иногда по 12 часов. А когда я работаю, со мной очень скучно. Никогда не поддерживаю компанию, тем более что я не пью, кста-ти, и не курю.

— Членство в составе жюри для вас тоже период серьезной работы?

— Да, я человек довольно серьезный во всем, что касается профессии. И уже не первый раз вхожу в жюри: не только в Москве, но и в других странах. Я смотрю все фильмы, стараюсь даже не спать...

Ингеборга Дапкунайте:

"Считаю себя рус"

ской актрисой”

— Вы такая легкая, всегда улыбающаяся, смешливая, с юмором. Поэтому трудно представить вас среди солидных мэтров...

— Видите ли, я долгое время считала себя очень некрасивой, все время находила всякие недостатки и утешалась только мыслью, что раз с внешностью не повезло, надо взять талантом и очень много работать, работать.

— Но теперь-то вы уже по-другому относитесь к своей внешности?

— О да. Однажды режиссер Витаутас Жалакявичус предложил мне роль озорной, веселой девчонки, и когда меня впервые в примерной накрасили, я вдруг себе понравилась и подумала, что шанс у меня еще есть, могу даже быть красивой.

— Ну, играть-то вы начали много раньше, еще в детстве.

— Да, года в 4. Моя бабушка, работавшая в оперном театре в Вильнюсе, привела меня туда играть сына мадам Баттерфляй в опере "Чио-чио-сан". Наверное, она и дала мне толчок стать актрисой. Я ведь жила с ней, под ее пристальным взглядом выросла. Она — мой большой друг, когда приезжаю в Вильнюс, времени не хватает, чтобы обо всем с ней поговорить. Она родилась в 1905 году, пережила все перемены, революции, войны. Ее судьба очень интересна, ведь она жила всегда в Литве, которая стоит на перекрестке Европы. Хочу написать книгу, где бабушка будет главной

С Александром Збруевым

героиней. К сожалению, пока нет времени, очень жалко.

— В какой среде вы выросли?

— Она не отличалась от той, в которой росли мои ровесники, хотя мой папа работал в МИДе в Москве. Мы все жили в Советском Союзе, и я росла обычным советским ребенком. Но в моем доме читали запрещенную литературу, справляли Рождество... Бабушка хранила маленький литовский флаг, однажды я его нашла, и все страшно перепугались, потому что боялись, что я его понану в школе, своим подружкам. Но в 14-15 лет уже все становится понятно... А когда произошли те знаменитые события в Вильнюсе в начале 90-х, я уже работала в театре, надеялась, что возврата к прошлому не будет. И стояла на баррикадах. Хорошо помню свое состояние. Только началась перестройка, мы все молоды, работаем у Некрошюса, самого, наверное, прогрессивного в Литве режиссера, можем ставить все, что хотим. И вдруг по городу едет машина с огромным мегафоном и вещает, что весь парламент — нелегален...

— Сейчас не разочаровались? Ведь мы все ждали другого?

...Нинитой Михалыным

— Конечно, разочаровалась, как и многие. Мы же не знали, что такое капитализм на самом деле. Нам вдалбливали, что капитализм — плохо. А все назло пропаганде считали, что, напротив, именно это и есть светлое будущее. Все оказалось иначе. Теперь видим последствия.

— Как вы оказались в Лондоне?

— Я работала у лучшего режиссера Литвы Эймунтаса Ненрошюса в Вильнюсском молодежном театре. Играла хорошие роли. Начала репетировать *Кармен*, о чем и мечтать не могла. И вдруг мне предложили попробовать себя на роль в театральной постановке в Лондоне. Представляете? Я много ездила по разным странам, но в Лондоне никогда не была. И так случилось, что у меня оказалось несколько

...С мунем

свободных дней, да еще поездку обещали бесплатную, почему бы нет? Подумала, если на роль не утвердят, ничего страшного, зато хоть прокачусь.

— Ничего себе, предложение! Как-то все нереально звучит!

— Судьба! Случай! В Англии работала одна литовка, моя знакомая, и у нее оказались мои фотографии. Режиссер Саймон Стоунс ставил спектакль *"Ошибки речи"* со знаменитым Диноном Малновичем, только не могли найти актрису на главную роль. Она показала мои фотографии режиссеру, что-то его

заинтересовало... Ну, я и приехала. Думала, только на семь месяцев, оназалось, надолго. Мы с Саймоном поженились. После свадьбы я улетела в Москву, потому что Валерий Тодоровский предложил роль в фильме "Подмосковные вечера". И весь первый год после свадьбы прожила в России. Теперь летаю то в Лондон, то в Москву, то в Вильнюс, все время в разъездах.

— Трудности с английским языком были?

— Конечно, хотя я омончила английскую спецшколу в Вильнюсе. Но заниматься языком пришлось много. Каждый вечер со мной работал Саймон Стоукс или Джон Малнович, хорошие учителя.

— Вы уже привыкли к лондонской атмосфере? Жизнь там вам не в тягость?

— Вначале все давалось трудно, хорошо, что был рядом муж. А теперь привыкла и даже понравилось жить в Лондоне. Обожаю свой район, магазины, киоски, где я делаю покупки. Люблю гулять в парках, сидеть в маленьких кафе с подругами. Обычно я там завтракаю. Хожу в клубы и на вечеринки, даже на футбол — болею за английские команды. Уже сложились свои привычки, есть друзья и подруги. Но для этого всего потребовалось несколько лет.

— А популярные английские традиции соблюдаете? Например, фэйф-о'флук, знаменитый пятичасовой чай?

— Мы с мужем действительно пьем чай оноло пяти часов. Днем обязательно ланч. Для англичан традиции — образ жизни. Они их даже не замечают, просто живут так.

— Обычно считают, что стиль общения в нашей стране и за рубе-

жом резко отличаются друг от друга...

— По-моему, в России теперь тоже отношения изменились... Что касается Англии, там жизнь настолько распланирована, что надо заранее договариваться о встречах. А зайти в гости просто так, без предупреждения, снажем, в одиннадцать вечера, не принято. Но засиживаться допоздна англичане любят, особенно когда весело, расованная компания и можно хорошо выпить. Нет, особой разницы все-таки нет.

— Недавно вышла новая картина российского режиссера Алексея Балабанова "Война". Своей суровостью и жесткостью она произвела довольно сильное впечатление. Вы в ней тоже снимались. Сложно было вам, такой хрупкой, работать на этих съемках?

— Да, я играю залонницу, взятую в плен навазцами. Съемки в Кабардино-Балкарии действительно проходили безумно трудно. Для меня еще создали хорошие условия: я жила в санатории, хотя каждый день приходилось тратить на дорогу четыре часа. А вся группа жила в ауле без всяких удобств. Что до моего изящества, то в сцене, где героиня должна переплыть во время побега холодную горную рену, я отказалась от дублеров, все сделала сама, хотя меня и отговаривали. И я в восторге от Балабанова. С ним хочется работать.

— Вы в Лондоне работаете в театре, играете на английском. Учить роль на чужом языке трудно, это же не просто бытовой разговор с мужем или приятелями, где любую ошибку, неправильное ударение простят. Многих наших драматических актеров приглашали на постановки в другие страны, но без хоро-

шего знания языка не все выдерживали.

— Да, я тогда первый раз играла, думала, что ничего у меня не выйдет. Ведь всего четыре недели на подготовку давали. И вопрос "получится — не получится" дане не возникал. Билеты распроданы, репертуар на год вперед запланирован. Выкручивалась, как могла.

— Для вас что важнее — театр или кино?

— Наверное, все важно. Просто дисциплина разная. В театр актер должен приходиться каждый вечер, что бы ни произошло. Всегда должна быть в форме. Для меня и кино и театр — работа.

— А в российские театры приглашают?

— Никогда. Я играла только в Вильнюсе и вот теперь в Лондоне. Хотя русский язык для меня стоит на втором месте после литовского. Но надеюсь, все еще предстоит. Я вообще не люблю говорить о своих планах — мало ли что произойдет. Но, конечно, хотелось бы играть и в русском театре или антрепризе.

— Михалков собирается снимать продолжение "Утомленных солнцем". Предложений от него не поступало?

— Нет. Но я надеюсь.

— Инга, вы в силу "принадленности" к трем странам много ездите. Все-таки, какой город вы можете назвать абсолютно своим? И любите ли заниматься домом, хозяйством?

— Я не привязываюсь к городам, привыкаю только к людям. Мне интересно общаться. Больше живу в гостиницах, обожаю хорошие отели. Иногда, правда, прихожу в ужас, что нет времени создать свой настоящий дом. Но так уж получается. И вообще, если бы не

нравился мой образ жизни, я бы изменила его. Пона же мой дом — самолет и гостиница.

— А как муж на это смотрит? Неужели не возражает?

— Саймон тоже постоянно в разъездах. Но иногда у нас совпадают по времени премьеры или репетиционные периоды, и тогда мы вместе. Такая работа, что приходится чем-то жертвовать, от чего-то отказываться, идти на компромиссы. В бране каждый должен уважать другого. Очень важно понимать, что главное — интересы дела. Кстати, вы спросили, какой стране я принадлежу. Да, по национальности я литовка, вышла замуж за англичанина, живу в Лондоне. Но все-таки я русская актриса. Москву люблю безумно. И хотелось бы здесь работать. ■

Беседовала Алла ЛЮДЕН.

рисунок
Виталия Федорова

Цветы на могиле

Толмидж ПАУЭЛЛ

В гостиничном номере мне было ужасно одиноко, а составление отчета оказалось слишком занудным делом. Я отодвинулся от заваленного бумагами стола и закурил сигарету, мельком увидев свое отражение в зеркале туалетного столика. Эдакий господин Никто. Или Кто-Угодно. Пять футов одиннадцать дюймов росту, сто семьдесят фунтов. На морщинистом лбу — прядь черных волос. Прищуренные глаза, сероватая от усталости небритая физиономия. Я вздохнул и подписал отчет: Стив Гриффин. Встал, потянулся и только теперь увидел, что за окном темно, и услышал, как в брюхе урчит от голода. Сунув бумаги в прислоненный к столу портфель, я решил освежиться и направился в душевую кабинку. Но не дошел до нее. Зазвонил телефон.

— Мистер Гриффин? Вам звонят по межгороду. Минуточку, соединяю... Говорите, пожалуйста.

Связь была плохая, голос звучал еле слышно.

— Морин! — гаркнул я. — Какой сюрприз! Погоди секундочку, я сейчас скажу телефонистке, что связь...

Морин откашлялась. Нас разделяла добрая сотня миль.

— Связь в порядке, — окрепшим голосом проговорила она.

Я стиснул телефонную трубку.

— Что-нибудь случилось? Пенни? Пенни здорова?

— Она смотрит телевизор. С ней все в порядке. Но... но она еще не знает...

— Чего не знает?

— Стив, тебе надо немедленно вернуться домой! — Голос Морин сорвался на визг. Затем на миг наступила тишина, и вскоре Морин негромко и совершенно спокойно проговорила: — Какой-то человек хочет меня убить. Сегодня днем было уже второе покушение. В первый раз это могла быть и случайность, но теперь я уже не верю... Таких совпадений не бывает!

Я тяжело опустился на стул. Далекий голос продолжал умолять меня поскорее вернуться домой.

— Первое покушение, — сбивчиво рассказывала Морин, — было двумя днями раньше. И вот — та же машина.

Морин ездил в загородный питомник за саженцами, и вдруг на перекресток вылетел здоровенный автомобиль. Заслышав визг покрышек, она изловчилась отскочить прочь и каким-то чудом не угодила под колеса. А сегодня, когда вышла из гастронома с покупками и ступила на мостовую, ее снова попытались задавить. Та же самая машина. Громадная. Зеленая. Очень похожая на их собственную.

— Господи, Морин! Но с какой стати...

— С какой стати? — переспросила она и вдруг разревелась. Это было совершенно не в ее духе: Морин никогда не плакала. И не сочла бы покушение на свою жизнь достаточным поводом для слез. — Я все расскажу, когда ты вернешься, Стив.

Я задумчиво нахмурил брови.

— Хорошо, я выезжаю. А ты вызови полицию и сиди дома.

— Приезжай, Стив, тогда и вызовем.

Сотня миль в темноте, под накрапывающим дождем. Я ехал на машине, принадлежавшей отделу сбыта. Она была слишком легкой и плохо держала дорогу. Чувства голода как не бывало. В голове прокручивался недавний телефонный разговор. Кто-то покушается на жизнь Морин, но она хочет видеть меня дома, во плоти, чтобы поведать мне обо всем лично и вызвать полицию, когда я буду рядом.

Это казалось какой-то фантазмагорией, сказкой. Как наша с ней первая встреча. Мы познакомились в Германии в последние дни войны. Морин была в труппе Национального театра.

Когда над головой показался немецкий самолет — один из немногих спятивших от злости и отчаяния стервятников, которые еще оставались у “люфтваффе”, — мы с ней очутились в одной и той же траншее. Там было полно грязи, но я прижал Морин к земле, а сам распластался на ее спине. Завыли сирены, загавкали зенитки. Тело женщины было сковано страхом, но она не дрожала. Спустя несколько секунд самолет благополучно смылся, и люди на земле снова зашевелились. Все, кроме меня. Я вдруг услышал голос Морин:

— Кровь, — пробормотала она и позеленела. А в следующий миг, отчаянно дрыгая ногами, выбралась из окопа и вскоре вернулась в сопровождении двоих парней с носилками.

Меня извлекли из канавы и трусцой потащили к санитарной машине. Морин бежала рядом, маленькая, запыхавшаяся, с короткими кудрявыми белокурыми волосами, которые топорщились на ветру. Когда носилки задвигали в машину, Морин с виноватым видом склонилась ко мне.

— Я навещу тебя в госпитале, солдатик.

— Буду вне себя от радости, — процедил я сквозь стиснутые зубы. Шок уже начал проходить, и боль взяла меня в оборот.

Рана была неопасная, но мне разорвало мышцу на спине, и заживала она медленно. Морин трижды навещала меня, пока их куда-то не перевели. Я пообещал разыскать ее, когда вернусь в Штаты, и сдержал слово.

Какое-то время мы просто дружили: ни у Морин, ни у меня не было близкой родни, и мы оба чувствовали себя одиноко. После тех зрелищ, которых мы вволю насмотрелись за океаном, в нас что-то надломилось, мы стали другими, нам чего-то все время не хватало. И вскоре мы решили, что не хватает нам друг друга. Как-то после вечеринки, когда нам не хотелось разбредаться по домам, мы всю ночь в весьма приподнятом настроении катались на машине, а наутро поженились.

Брак наш не был идеальным, но мы старались, как могли, и дело, в общем и целом, спорилось. Мы не были влюблены друг в друга в традиционном смысле этого слова, но нас многое связывало. А поскольку мы не подходили друг к дружке с меркой эдакого романтического идеала, то могли позволить себе добрые приятельские отношения и полное взаимопонимание. На маленькие несовершенства мы попросту не обращали внимания и не испытывали из-за них ни обид, ни раздражения.

Нашей дочурке Пенни теперь пять лет. У нее маленькое личико, белокурые кудряшки и ровные белые зубки. Ее рождение еще больше укрепило наш союз.

Все это звучит весьма тоскливо, но, боюсь, я создал у вас неверное впечатление. Мы ходим в гости и принимаем гостей, у нас уйма друзей. Морин — женщина умная и веселая. Хотя у

нее и есть один мелкий изъян — лютая ненависть к мелочам, — который дает о себе знать всякий раз, когда Морин хлопочет по хозяйству. Есть у нее и крупный недостаток (если на свете найдется беспристрастный судья). Он заключается в том, что Морин жизнь не мила, если никто не обращает на нее внимания.

Она не жеманна и не кокетлива, но если уж входит в комнату, будьте любезны тотчас же заметить ее и отдать должное. Что это — актерская душа? Возможно. Хотя я склонен думать, что таким образом Морин борется с глубоко укоренившимся в ее натуре чувством неуверенности.

Мимо промелькнули первые фонарные столбы на городской окраине, движение сделалось более оживленным. Вцепившись в руль так, что у меня заболели пальцы, и с ловкостью заправского таксиста лавируя в потоке машин, я пересек город и свернул в наш жилой район, который называется Мид-Парк.

Наступила полночь, дождь полил сильнее. Кое-где в новеньких уютных домах, обрамленных зелеными лужайками, светились окна. Я свернул на бульвар Таррант. Наш дом стоял в середине квартала. В гостиной горел свет, под навесом стояла наша машина. Я остановил служебную легковушку позади зеленого седана и, откинувшись на спинку сиденья, несколько секунд разглядывал машину и освещенные окна дома. Потом вылез, поднял воротник дождевика и бегом пересек лужайку. Парадная дверь была не заперта. Я распахнул ее, почти уверенный, что увижу Морин, которая, как обычно, поднимется из кресла мне навстречу. Но в гостиной никого не было.

— Морин! — позвал я.

Тишина начала оживать. Казалось, пустому дому больно и обидно, что его бросили безо всякого присмотра. Я быстро обыскал первый этаж, потом взлетел наверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки разом. Сердце мое бешено колотилось. В спальне тоже никого не было. Тогда я ринулся в комнату дочери. Мне не удалось сразу открыть дверь: я слишком ослаб. Пришлось подождать несколько секунд, собираясь с силами и прислушиваясь к своему громкому дыханию. Наконец я сумел повернуть дверную ручку и зажечь свет.

Пенни мирно спала в своей кроватке, обхватив одной рукой исполинскую плюшевую панду. Она заворочалась, вздохнула и принялась сладко посапывать.

Вытирая руки и лицо, я снова спустился вниз. Когда вошел в гостиную, носовой платок можно было выжимать.

Сейчас главное — не расклеиться и попытаться что-нибудь придумать. Я закурил сигарету и заставил себя успокоиться. Бросая в пепельницу спичку, вдруг заметил окурочек и взял его.

Он был еще мягкий и влажный: сигарету загасили совсем недавно. На окурке не было губной помады, значит, курила не Морин. Наверное, какой-то мужчина.

Я удержался и не раскрыл рта, но мысленно позвал Морин по имени. А мгновение спустя очутился у парадной двери и ощутил прикосновение мокрой мглы к лицу. Морин могла просто куда-то выйти. Едва ли в такую ночь она отправится в дальний путь, не взяв машину и оставив Пенни одну в доме.

Во всех соседних особняках было темно, и я закрыл дверь. Как и большинство простых людей, я не очень люблю обращаться в полицию. Но тут мне вспомнился глухой и еле слышный голос Морин в телефонной трубке.

Телефон у нас стоит в маленькой нише в прихожей. Я снял трубку, набрал номер, и вскоре гудки сменились тихим усталым голосом:

— Полиция, пятый участок.

— Я хочу сообщить об исчезновении человека.

— Соединяю с отделом.

Наступила тишина. Я вытер рот тыльной стороной ладони. Раздался щелчок.

— Отдел розыска пропавших без вести. Де-Костер у телефона.

— Это Стивен Гриффин, бульвар Таррант, 642. Моя жена исчезла.

Де-Костер вздохнул так, словно ему уже давно осточертела работа.

— Ее имя?

— Морин. Она...

— С чего вы взяли, будто она исчезла? Может, вышла ненадолго, или ей подружка позвонила. Или в кино задержалась...

— Слушайте, — перебил я его, — два часа назад я был за сотню миль отсюда, на юге штата. Жена позвонила мне и умоляла поскорее вернуться домой, потому что кто-то покушается на ее жизнь. Когда я приехал, в доме горел свет, машина стояла на месте, но жены не было. Если у вас есть какие-то вопросы...

— Я задам их, когда приеду, — объявил Де-Костер и положил трубку.

Через восемь минут послышался шелест шин на мокрой мостовой, и перед домом остановилась патрульная машина. Я ждал на пороге. Из пелены дождя выскочил Де-Костер в сопровождении молодого полицейского в мундире. Они представились, и я пригласил их в гостиную.

Де-Костер оказался тощим долговязым человеком с болезненно желтым лицом и большими мешками под серыми глазами. Но в глубине его зрачков горели яркие огоньки.

— Рассказывайте, — велел он, сдвигая шляпу на затылок.

Я рассказал все, что знал.

— У вас есть ее фотография?

Я взял со столика в углу снимок Морин. Де-Костер принялся разглядывать его, и я был уверен, что он счел мою жену весьма привлекательной женщиной с незаурядным лицом.

— Прямо фея, — пробормотал он. — Глаза озорные, взгляд чуть искоса. Зубки — что надо. Узнать ее будет несложно. — Де-Костер протянул снимок полицейскому в форме и велел извлечь его из рамки, предварительно попросив у меня разрешения на это.

— Садитесь, поговорим, — сказал он мне.

— Поговорим?! — взорвался я. — А почему вы ничего не делаете? — Я уже успел рассказать им об окурке. — Тот человек, который тут курил, мог увести Морин задолго до моего приезда. Каждая потерянная минута...

Он тронул меня за плечо.

— Я понимаю ваши чувства, но вы торопитесь с выводами. Даже если вы правы, этот человек не будет таскать ее с собой по улицам, пока его не сцапают. — Де-Костер кивнул молодому полицейскому. — Оповестите все патрули.

Полицейский взял фотографию Морин и вышел, а Де-Костер тотчас превратился во внимательного слушателя, словно я был единственным покупателем, который забрел в его лавчонку за последние пять лет.

— Расскажите мне о ней.

— Что именно?

— Все, что придет в голову. Подруги, привычки, пристрастия. Чего она не любит, чем занимается, есть ли у нее враги...

— Враги? Нет у нее врагов. Таких, чтобы...

Де-Костер молча усмехнулся, и мои внутренности сковал холод. Я посмотрел сыщику в глаза, и его взгляд сказал мне все. Да. Такой враг был. По крайней мере, один. Такой, чтобы...

Заговорив о Морин, я почувствовал облегчение. Пока мы могли упоминать ее имя в настоящем времени, у меня оставалась эта спасительная последняя соломинка. Де-Костер оказался очень хорошим слушателем. Он ни разу не отвлекся и не отвел глаза.

Я попытался нарисовать ему портрет жены, описать это странное смешение состояний — зрелости и неистребимой девичьей наивности. Бывало, я слушал Морин и думал: вот ведь невинное дитя. Но проходило несколько секунд, и она выказывала такое знание жизни, такой цинизм, какие бывают присущи лишь дряхлым и не слишком благодушно настроенным философам. Иногда она могла испугаться щенячьего тьяканья, а иногда ей ничего не стоило обратить в бегство мастифа.

Де-Костер кивал, поддакивал, строил сочувственные мины и всячески поощрял меня к дальнейшему повествованию. Он узнал от меня, что Морин была не очень удачливой актрисой.

Если разговор вдруг заходил о театре, ее глаза и сейчас еще делались грустными, хотя после рождения Пенни Морин почти не вспоминала о своей сценической карьере.

А еще Де-Костер узнал, что я был младшим партнером в фирме, выпускавшей пластмассовые изделия. Возглавлял фирму Уиллис Бэрк, мой фронтовой друг. Дела шли неплохо. Уилл, потомок древнего гордого рода, вложил в фирму почти все полученные по наследству деньги. Теперь он был исполнительным директором, распорядителем, конторской крысой. А я — мышью-полевкой. В том смысле, что работал "в поле" и частенько бывал в разъездах.

— Итак, вы часто покидали дом? — уточнил Де-Костер.

— Я тут почти и не бывал... — ответил я и осекся.

Мы долго сидели молча, глядя друг другу в глаза. Я положил руки на подлокотники кресла. Мне показалось, что физиономия Де-Костера сделалась еще уже и длиннее.

— Запомните одну вещь, Гриффин, — сказал он мне. — Существуют лишь три причины, по которым кто-то может охотиться за вашей супругой. Первая: этот парень — психопат. Вторая: Морин с кем-то спутали.

— А третья?

— Третья заключается в том, что в ваше отсутствие она сделала нечто такое, из-за чего кто-то захотел ее убить.

Де-Костер произнес это участливым тоном, но я почувствовал лютую ненависть к нему.

Послышался перезвон колокольчиков за дверью. Я вскочил с кресла и выбежал за порог, опередив Де-Костера. На крыльце стоял Уилл Бэрк, долговязый, но крепко сбитый мужчина. Сам того не сознавая, он держался горделиво и осанисто, с уверенностью человека, которому никогда не приходилось считать деньги. В тридцать пять лет он все еще напоминал выпускника колледжа и председателя студенческого совета. У него было квадратное лицо, подбородок казался высеченным зубилом. Брови чересчур мохнатые, но ровные. Над высоким чистым лбом торчал непокорный каштановый вихор.

Уиллис был без шляпы, капли воды поблескивали на его волосах и черном пиджаке, глаза тускло светились. Значит, успел промочить горло.

Он сунул указательный палец мне под нос.

— Я смотрю, казенная машина стоит возле дома. Полагаю, ты заслужил премию за успешное...

— Заходи, Уилл. Тут кое-что произошло.

Уилл вошел, и я закрыл дверь. Мой приятель посмотрел на Де-Костера и снова на меня. Он уловил тревожный подтекст моих слов.

— У тебя неприятности, Стив? Нужна помощь? Как в студенческие годы, да?

— Уилл, Морин исчезла.

Он мигом протрезвел и вытаращил глаза. Мгновение спустя лицо его осунулось.

— Когда это случилось?

— Нынче вечером, — ответил я и торопливо рассказал ему все. Я так тараторил, словно не хотел слышать произносимых мною слов. Де-Костер безмолвно слушал мою сбивчивую речь.

Уилл облизал губы.

— Погоди-ка, дай сообразить. Она позвонила, так? На нее дважды покушались. Когда ты приехал, ее уже не было. Слушай, я не сплю, а? Это все на самом деле?

— Не так уж вы и пьяны, — заметил Де-Костер.

— Я опасался чего-то в этом роде. — Уилл содрогнулся и плюхнулся в кресло, но тотчас снова вскочил. — То-то я и гляжу, у нее такой вид, словно она страдает бессонницей.

— Когда вы видели ее последний раз, мистер Бэрк?

— Вчера вечером. Мы с Карлой, моей женой, пригласили ее на ужин. Нам показалось, что Морин взвинченна, и решили устроить ей вечеринку. Но из этого ничего не вышло.

— Почему?

— Мы с Карлой погрызлись. Такое у нас не редкость. Я уж и не помню, из-за чего началась вчерашняя перебранка... ах, да, Карла забыла заказать столик в клубе "Пингвин". Я должен был позвонить ей днем и напомнить, так она мне заявила. Я, мол, знаю, как она занята и сколько у нее забот. Обычно Морин забавляли наши мелкие пикировки, но вчера она разозлилась и ушла. Сегодня позвонила, чтобы извиниться, сказала, что была не в себе и у нее страшно болела голова.

— А сегодня вы ее не видели?

— Нет. Я спросил по телефону, нужна ли какая-нибудь помощь, но Морин ответила, что хочет отдохнуть денек-другой. Собиралась прилечь и никуда не выходить, разве что в гастроном, да и то под вечер. На том разговор и кончился. По правде сказать, я малость злился из-за вчерашнего. После ухода Морин Карла поставила пластинку и сказала, что была дурой, поскольку обидела Морин, а меня и вовсе хамом обозвала за то, что я, мол, выношу сор из избы. Короче, вечер я провел в клубе, нынче утром поработал малость, а потом отправился лечиться от похмелья. Должен признаться, курс лечения еще не завершен.

— А миссис Бэрк? Виделась ли она с миссис Гриффин?

— Не знаю. Спросите ее.

— Непременно, — пообещал Де-Костер. — Насколько я понимаю, между вашими семьями не только деловые отношения?

— Мы дружим домами, — ответил Уилл. — Иногда я прихожу к Гриффинам, если мне хочется спокойно поесть. — Он оглядел гостиную. — Тут так уютно. Обстановка расслабляет. Не то, что у меня дома.

— Часто ли вы заходите сюда, когда мистер Гриффин в отъезде? — небрежно поинтересовался Де-Костер.

Ямочка на подбородке Уилла обозначилась резче.

— Слушайте, вы, слуга общества, может, вам нос расквасить?

— А вы пьянее, чем мне показалось поначалу, — сказал Де-Костер. — Или круглый дурак. Отвечайте на вопрос!

Уилл смерил полицейского взглядом и решил, что обмен словами все же предпочтительнее кулачного боя.

— Я не люблю скандалов, — сообщил он и посмотрел на меня. — Это во-первых. А во-вторых, Стив — мой друг.

Я обрадовался, когда он это сказал. И мне было приятно то, как он произнес свою тираду. Потому что, как ни старался я забыть желчные намеки Де-Костера, все-таки он уронил мне в душу капельку отравы.

Зазвонил телефон, и я бросился в прихожую. Звонили Де-Костеру. Он внимательно выслушал собеседника, изредка вставляя односложные замечания и исподлобья поглядывая на меня. Из столовой донесся звон: горлышко бутылки соприкоснулось с краем стакана. Уилл вступил в сражение со своим похмельем.

Де-Костер бросил трубку. Его лицо сделалось серым. Словно обращаясь к самому себе, он проговорил:

— Пилить тупым ножом куда более жестоко, чем полоснуть скальпелем.

Я схватил его за локоть.

— О чем это вы?

— В морг только что доставили женщину, которая соответствует данному вами описанию.

В этот миг с домом произошло нечто странное. Его стены, казалось, сделались шире, с ужасающей быстротой помчались прочь, и я вдруг очутился в каком-то огромном черном пространстве, где бушевал холодный ветер. Я был совсем один.

Лицо Де-Костера вновь обрело четкость очертаний. Я почувствовал, что он крепко держит меня за предплечье.

— Вполне возможно, что они ошиблись, и это не она. Вам придется поехать туда.

Это Морин, подумал я. У них есть ее фотография. Они не могли обознаться. Де-Костер сам сказал, что такую женщину узнать нетрудно.

Я стоял у подножия лестницы, держась за стену и стойку перил. Подняв голову, я увидел тусклый свет на площадке второго этажа. Там горел ночник, там было тихо. Там спал ребенок.

Я почувствовал ладонь Де-Костера на своем плече.

— Я вызову сюда нашу сотрудницу, сержанта Элду Даррити. Она молодая, добрая и умеет ладить с детьми. Если девочка проснется, сержант Даррити не растеряется.

Уилл вышел в прихожую. Он слышал достаточно, чтобы догадаться об остальном. Лицо его лоснилось так, словно на него плеснули подсолнечным маслом.

— Стив, я еду с тобой. И позову Карлу, чтобы посидела с Пенни.

— Поехали, — согласился я. — Но Карлу не беспокой.

Я бы предпочел, чтобы в доме была сотрудница полиции. Если Пенни проснется, Карла может начать болтать. С ее языком она вполне способна поведать ребенку о “важном событии”.

Сержант Даррити оказалась миловидной брюнеткой, весьма смысленной на вид. Она была крупной крепкой женщиной с удивительно добрым лицом.

Поддерживаемый под руки Уиллом и Де-Костером, я вышел на темную улицу. Мы забились на заднее сиденье патрульной машины, молоденький полицейский в мундире устроился за рулем. В салоне было тепло и сухо. Настырный дождь дробно барабанил по крыше, заливал стекла. “Дворникам” пришлось изрядно потрудиться.

Мне вспомнилось, с каким страхом и какой нежностью Морин смотрела, как меня грузят в санитарную машину. “Я навещу тебя в госпитале, солдатик...”

Морг размещался в здании из красного кирпича, к двустворчатым стеклянным дверям вели истертые выщербленные ступени. Внутри горел яркий белый свет. После поездки в темном салоне машины он резал глаза. Де-Костер тихо сказал что-то человеку в халате.

— Пожалуйста, пройдите сюда, мистер Гриффин.

Мы миновали коридор и вошли в какую-то холодную комнату, где по кафельному полу расхаживал молодой человек в белом халате и кедах. На прямоугольном столе лежало прикрытое простыней тело. Молодой человек приподнял край простыни, и я в тысячный раз сделал официальное опознание. Девятьсот девяносто девять предыдущих опознаний я произвел, пока мы ехали в морг.

Человек в белом халате вновь прикрыл простыней мертвое лицо, и я отвернулся. Мне было зябко, но по щекам катились капли пота. Я попытался вспомнить ее смех, но в темном лабиринте памяти всплывал лишь один образ, самый последний, виденный только что, изуродованный и окровавленный, лишенный всякого достоинства. Мокрая, изодранная в клочья одежда. Маленькое треугольное личико облеплено пропитанными водой волосами.

Завтра утром Пенни проснется и первым делом спросит, где мама.

Я бестолково метался по комнате, и за мной неотступно следовали два или три человека. Неловко сунув в рот сигарету, я

попытался прикурить, но потерпел неудачу, и тогда кто-то поднес мне горящую зажигалку.

Потом в лицо снова ударили струи дождя. Круговерть размытых огней за стеклами машины. Уилл и Де-Костер по-прежнему сидели рядом.

Мы остановились перед домом, вылезли из машины и вошли в прихожую. Сержант Даррити доложила, что Пенни спит и все в порядке.

Нет, все было далеко не в порядке. Напротив, все было в полном беспорядке, все шло наперекосяк и разваливалось. Так просто не должно было быть. Морин нужна всем нам. И Пенни, и мне, и нашему дому.

Где-то в городе какой-то человек сейчас наверняка чувствует, как расслабляются его мышцы и нервы. Возможно, он даже улыбается. Или потягивает виски. Или мрачно проигрывает в сознании все случившееся, старательно отыскивая в своих действиях хоть какой-то изъян, мельчайшую оплошность.

Человек, который никому не нужен и не может быть нужен.

Де-Костер спросил, справлюсь ли я без посторонней помощи. Я кивнул, а Уилл сообщил полицейскому, что посидит со мной.

Де-Костер повернулся ко мне.

— При сложившихся обстоятельствах слова ровным счетом ничего не значат, и я не стану попусту тратить их, — сказал он. — Если сможете, расслабьтесь, Гриффин, и постарайтесь отдохнуть. Нам понадобится любая помощь, в том числе и ваша. Утром вам предстоит беседовать со множеством людей.

Я кивнул. Де-Костер и сержант Даррити ушли, а я опустил-ся на кушетку в гостиной и закрыл лицо руками. Я слышал, как Уилл возится в столовой, разливая виски. Вскоре он вернулся с бутылкой в руках.

— Пропустишь стаканчик в лечебных целях, Стив?

Я покачал головой. Уилл наполнил свой бокал. У него был усталый, почти болезненный вид. Он сел, уперев локти в колени и держа стакан обеими руками, потом поднял голову и сказал:

— Стив, я кое о чем умолчал в разговоре с Де-Костером.

— То есть?

— Я захаживал сюда, когда ты уезжал. Теперь, после всего этого кошмара, я просто обязан тебе сказать. Попытаться объяснить. Она была мне как сестра, Стив. — Его голос оборвался.

Я застыл как изваяние.

— Продолжай, Уилл.

Он вяло взмахнул рукой.

— Я знаю, что рискую лишиться сокровища, которое так долго лелеял. Нашей с тобой дружбы, Стив. Но если ты узна-

ешь от кого-то другого, будет еще хуже. Все было совершенно невинно, Стив, но если тебя просветят какие-нибудь доброхоты, ты можешь решить иначе.

Он снова умолк. Похоже, Уилл никак не мог найти правильных слов и отчаянно нуждался в помощи. Но я молчал. Пусть попотеет.

— Она вовсе не была благоразумной молодой матроной, как бы тебе того ни хотелось, Стив. Она старалась стать такой, уверяю тебя! Ради вас с Пенни. У нее были достоинства, которыми пользовались другие. Морин обладала эдакой порывистой щедростью. Она чувствовала себя одинокой и жаждала рукоплесканий, похвалы. В каком-то смысле это было ребячество, и ей приходилось постоянно напоминать себе, что она взрослая. Морин очень ценила тебя, Стив. Твою силу, твое здравомыслие. Когда ты был дома, она совершенно преобразалась.

— Ты собирался поведать мне о своих отношениях с ней, — напомнил я ему, — а вместо этого живописуешь меня как болвана, который не знал собственную жену.

Уилл торопливо осушил бокал.

— Я тебе уже говорил. И объяснял, почему. Не так уж часто мы с ней оставались наедине. Ни у кого из нас и в мыслях не было заводить шашни. Мы просто болтали, ужинали, иногда катались на машине и обменивались шуточками, способными рассмешить только малое дитя...

— Как в студенчестве, — вставил я.

Уилл потупил взор, кожа вокруг его губ побелела.

— Может, и так, Стив. Наверное, мы оба стремились повернуть время вспять и делали вид, будто нынешнего мира не существует.

— А потом ты возвращался к Карле. Она знала?

— Я ей не говорил. Думаю, она не поняла бы. Мне уйти, Стив?

— Нет, — ответил я. — Полагаю, ты сказал мне правду, а Де-Костеру соврал, чтобы в меру своего разумения уберечь мою мужскую честь. — Я встал. — Поэтому я тебя не выгоняю, Уилл. Но, может быть, тебе лучше вернуться к Карле?

— Останусь тут. А с Карлой ничего не случится. Может, сумею чем-то тебе помочь. Спасибо, Стив.

В полной тишине я поднялся по ненавистой лестнице, вошел в спальню и, сбросив башмаки, растянулся поперек кровати. Тьма облепила лицо, я вслушивался в настырный шелест дождя, бившегося в окна, и думал о том, что мне следовало бы уделять Морин побольше внимания. Теперь я понимал, что, по сути дела, почти не знал жену. Был слишком занят зарабатыванием денег, потому что считал это своим важнейшим вкладом в семейное благополучие. У меня никогда не возникало мысли обмануть Морин...

Девушка пришла ни свет ни заря. Уилл дрых в спальне для гостей, а Пенни еще не проснулась. Я варил кофе на кухне и ломал голову над самой сложной в моей жизни задачей — как рассказать все Пенни. В этот миг и послышался перезвон колокольчиков.

За порогом стояла рослая миловидная девушка с приятными чертами, высокими скулами и пухлыми теплыми губами. У нее были огромные темно-карие глаза и блестящие каштановые волосы до плеч. А общий облик создавал впечатление спокойствия и дружелюбия.

— Вы, должно быть, Стивен, — молвила она голосом, который был вполне под стать дивному образу. — А я — Вики Клейтон.

Увидев недоуменную мину на моей физиономии, она спросила:

— Разве Морин никогда не говорила обо мне?

Ее спокойствие было напускным. На самом деле девушка нервничала. Я понял это, увидев, как она сжала пальцами газету, которую держала в руке.

— Может, и говорила, мисс Клейтон, но сегодня такое утро, что я вполне мог запамятовать.

— Да, конечно, — она порывисто, сама того не сознавая, коснулась моего запястья. — Извините, Стивен. Дело в том, что когда-то мы с Морин были подругами.

Мы продолжали беседовать через порог. Наконец я догадался отступить в сторону, и девушка вошла в дом.

— Не желаете ли чашку кофе? — спросил я.

Девушка не стала отказываться и извиняться за то, что явилась так некстати. Вместо этого она просто сказала:

— Благодарю вас.

И уселась за обеденный стол. Я принес кофе. Газета уже лежала на столе, и я заметил заголовок. Женщина попала под машину. Бывшая актриса. Жена, мать. Полиция ведет розыск сбившего ее автомобиля.

Я заставил себя отпить глоток кофе.

— Давно ли вы здесь живете, мисс Клейтон?

— Нет, всего несколько дней. Приехала навестить родных, позвонила Морин. Мы собирались пообедать и поболтать, вспомнить былое.

— Вы знали ее по работе?

Вики усмехнулась.

— Да, но я оказалась совершенно бездарной лицедейкой.

Послышался дробный топот, и в столовую вбежала девушка в мятой пижаме. Увидев незнакомку, Пенни стала, как вкопанная, потом поспешно забралась ко мне на руки. Обняв меня за шею, она прижалась носиком к моей груди.

— Папа! Папа приехал! — Пенни прыгнула на пол и бросилась на кухню. Я не успел остановить ее.

— Мам! Папа приехал!

Вики Клейтон побледнела и отвернулась.

— Мам...

Увидев, что в кухне никого нет, Пенни вернулась ко мне. Я схватил ее и подкинул высоко в воздух.

— А что, мама еще спит? — спросила она.

— Пенни... — начал я и умолк.

Вики проворно вскочила на ноги.

— Привет, Пенни. Я Вики. Твоя мама уехала по делам, а я забыла спросить ее, что ты предпочитаешь на завтрак. Впрочем, ты и сама можешь сказать мне это, и мы соберем такой завтрак, что ты пальчики оближешь.

Вики оказалась настоящим даром небес. Она просто замечательно обращалась с детьми и сразу поладила с Пенни.

А вскоре начались визиты и телефонные звонки, дом наполнился шорохами и приглушенными голосами. По лестнице спустился совершенно трезвый и весьма сердитый Уилл. Он вновь обрел ясность мысли и тотчас вежливо, но твердо взял дело в свои руки.

Прибыла Карла — толстенькая сытая сорока, которая сегодня почему-то не верещала. Она схватила меня за руку и тихо заплакала.

Уилл спас меня, приставив жену к телефону отвечать на звонки.

Воспользовавшись этим, я вышел на кухню. Вики и Пенни уже позавтракали и возились в песочнице на заднем дворе. Кажется, строили городок.

Приехали полицейские. Опять двое, но другие, не вчерашние. Оба были в гражданской одежде. Один предъявил мне удостоверение лейтенанта отдела по раскрытию убийств. Звали его Лайэм Рейнолдс. Мы уединились наверху. Рейнолдс был молод, хорош собой и совсем не похож на легавого. Скорее уж он смахивал на балетного танцовщика.

В спальне я указал ему на кресло, а сам присел на пуфик. Лейтенант извинился за визит в такой час и добавил:

— Но я знаю, вы хотите, чтобы мы его поймали и изобличили. Тут наши желания совпадают, Гриффин, и я его возьму. Надеюсь, он окажет сопротивление при аресте. Слишком много чести — везти его в управление живым. С нашими присяжными он может отделаться десятью годами тюрьмы.

Рейнолдс умолк и заметно расслабился.

— Извините. Я тоже женат. У нее такая же фигура и такие же волосы... — он встал и подошел к окну. — Я слишком много болтаю, но мне никогда не нравились твари, которые выползают из-под камней и нападают на женщин. — Лейтенант прервал созерцание лужайки. — Давайте начнем с ее вчерашнего звонка. Простите за каламбур, но это был первый тревожный звонок?

Я кивнул. Этот Рейнолдс удивительный парень. Когда я смотрел на него, мне почему-то делалось легче. Может быть, причиной тому были его прямота, умение просто и непредвзято воспринимать окружающее. Окутавшая мое сознание дымка вдруг рассеялась, и я увидел, что, оказывается, настал новый день. Мой взгляд остановился на кровати, на которой еще сутки назад спала Морин. В этот миг до меня, наконец-то, дошло, что моя жена мертва.

— Я знаю, чего вы боитесь, Гриффин, — сказал Рейнолдс. — Вас страшит причина.

— Да, — ответил я.

— Причину мы выясним, — пообещал лейтенант, и на его лице появилось сочувствующее выражение. — Возможно, мотив не имеет никакого отношения к вашей супруге. Возможно, причина существовала только в воспаленном мозгу убийцы.

Он снова спросил о телефонном звонке, и я дословно передал ему свой разговор с Морин.

— Ага, оказывается, она знала причину, — заметил Рейнолдс.

— Но мне не сказала... А между тем причина была куда серьезнее, чем она думала.

— Деньги?

— Едва ли. С чего вдруг? На жизнь нам вполне хватало, но ни излишков, ни нужды, которые могли бы стать источником опасности, не было.

— Какие-нибудь дурные привычки?

— Пороков за ней не числилось. Во всяком случае, таких, которые могли бы толкнуть кого-то на... Нет, на мотив ее недостатка уж никак не тянут.

— Связь на стороне? — бесстрастно, будто врач, спросил Рейнолдс.

— Она была честным и очень добрым человеком. Я только теперь понял, как ей, наверное, было одиноко и как уязвим был наш союз. Разумеется, по моей вине. Но если бы Морин ответила взаимностью какому-нибудь пылкому воздыхателю, она непременно рассказала бы мне об этом и развелась со мной. По-моему, лейтенант, вам следует поискать мотив в каких-то особенностях ее будничной жизни.

— Приму к сведению, — пообещал Рейнолдс. — А теперь, с вашего позволения, я бы осмотрел ее личные вещи. Пока нам не за что ухватиться, если не считать нескольких установленных фактов. Причина смерти — повреждение мозга. Вероятно, травма получена в тот миг, когда на Морин наехала машина. Тело нашли на Тиммонс-стрит. Это мрачный и грязный отрезок набережной, застроенный складскими помещениями. Людей там встретишь нечасто. Наверняка она не пошла бы туда одна. Нет. Он приехал сюда и силой увез ее, а на Тиммонс-стрит она, должно быть, изловчилась выскочить из машины.

Панический страх. Ступор. Она ничего не соображала. Попыталась бежать, и тогда он воспользовался машиной как орудием убийства.

У меня пересохло во рту.

— Он планировал это с самого начала и уже дважды пытался задавить ее. Как будто его заиклило.

— Да... — задумчиво протянул Рейнолдс и принялся вышгивать по комнате. — Где она хранила письма, записки, неоплаченные счета?

— Где попало. Она не отличалась большой аккуратностью. Посмотрите в ящике туалетного столика. Левый верхний.

Это был ящик для всякой всячины. Я стоял рядом с лейтенантом, пока он просматривал старые письма от подруг Морин и маленький альбом, в который она клеивала программки спектаклей и немногочисленные газетные вырезки времен ее сценической карьеры. Рейнолдс извлек из ящика счета, квитанции, клочки бумаги с нацарапанными на них записями, потом протянул мне чековую книжку.

— Посмотрите, все ли в порядке.

Я перелистал корешки чеков. Потом еще раз, гораздо медленнее. И задумчиво нахмурил лоб.

— Нет, не все в порядке. Далеко не все. Недавно она выписала довольно много чеков на небольшие суммы, но в совокупности они значительно превышают ее обычные расходы.

— Мы выясним, обналичены чеки или нет. — Рейнолдс сунул книжку в карман, чтобы не забыть позвонить в банк, и снова полез в ящик, в котором уже почти ничего не осталось. И все же лейтенант исхитрился сделать открытие: он извлек на свет стопку машинописных листов, сколотых скрепкой.

— Похоже, какая-то пьеса, — сказал он.

— Я и не знал, что она упражнялась в драматургии.

— А она и не упражнялась. Вот имя и адрес автора, вверху слева на титульном листе. Рэнди Прайс. Знаете такого?

— Не припоминаю.

— Поехали, посмотрим, что за птица.

Мы спустились вниз. Уилл Бэрк говорил с кем-то по телефону. Положив трубку, он двинулся нам навстречу. Теперь Уилл был собран, деловит и не чувствовал ни малейшей растерянности. Типичный молодой председатель совета директоров. Таким он и останется, пока студент в его душе не проснется вновь и не пошлет председателя куда подальше. И тогда Уилл опять устроит себе веселый отпуск на два-три дня, забыв о своих многочисленных заботах, чопорности и важном виде.

Я представил его Рейнолдсу и ушел, дав им возможность поговорить. Мне не хотелось заглядывать в гостиную, где отирались доброхоты, поэтому я покинул дом через заднюю дверь.

Солнце уже припекало, небо было синим и чистым. Вокруг благоухала умытая дождем зелень. Я заставил себя не думать о

том, как обрадовалась бы такому славному деньку Морин, и на минутку остановился возле угла, чтобы понаблюдать за Пенни и Вики. Последняя сидела на краю песочницы, прикрыв колени узорчатым подолом юбки. Слегка подавшись вперед, она увлеченно возводила какое-то песчаное сооружение. Пенни сидела на корточках и следила за ходом строительства.

Я шагнул вперед, и моя тень упала на песочницу. Вики поднялась. Утренний ветерок играл ее волосами. Сообщив Пенни, что мы скоро вернемся, я отвел Вики в сторону.

— Спасибо, — сказал я. — Благодаря вам, ее утро превратилось в настоящий праздник.

— Мое тоже. Пенни просто замечательная. Надеюсь, я все сделала правильно. Мы говорили о ее матери. Думаю, мне удалось внушить ей, что мамы несколько дней не будет дома. Когда она начнет скучать чуть меньше, можно будет мало-помалу открыть ей правду.

— Я обязан вам даже больше, чем думал поначалу, мисс Клейтон.

— Пустяки. Я люблю детей. Ведь я учительница.

— Я этого не знал.

— Разумеется, коль скоро Морин никогда не упоминала обо мне.

— Я уезжаю вместе с сыщиками, — сообщил я ей. — Но прежде освобожу вас от забот о Пенни. У нас есть подходящая нянька.

— А стоит ли? Я совершенно свободна. Впрочем, извините, забыла. Я ведь чужой человек. Возможно, вы не хотите, чтобы я осталась с Пенни.

Я принял решение без малейших колебаний, и посмотрев на дочь, строго сказал:

— Пенни, слушайся мисс Клейтон.

— Хорошо, папочка.

Рэнди Прайс обрелся в Тенистой Дубраве, недалеко от Мид-Парк. Но здесь была самая что ни на есть настоящая деревня. История Тенистой Дубравы началась во время строительного бума между двумя войнами и тогда же закончилась: местный подрядчик обанкротился, успев лишь вымостить улицы и возвести несколько дешевых лачуг. Потом город начал стремительно расти, но в другом направлении, а в Тенистой Дубраве асфальт пошел трещинами и долговязые заплесневелые фонарные столбы с разбитыми плафонами торчали, будто скелеты сказочных часовых, которым ровным счетом нечего охранять.

Мы миновали два-три деревянных домика, которые, похоже, никто никогда не ремонтировал и не подкрашивал. Во дворах стояли ржавые колымаги, а на задах одного из домов паслась корова.

Обитель Прайса выгодно отличалась от других местных хибар. Впрочем, не так уж и разительно. Позади его дома не было любопытных коров, а возле боковой стены стоял более-менее приличный автомобиль, вот и вся разница.

День был знойным, а неумолчное жужжание всевозможных насекомых делало его еще и каким-то вялым. Мы с Рейнолдсом лениво поднялись на парадное крыльцо, и лейтенант постучался в дверь.

Довольно долго нам никто не открывал, и лишь когда Рейнолдс постучался снова, из недр дома донесся тягучий сонный голос, которому наверняка предшествовал зевок:

— Иду, иду, подождите, я сейчас.

Наконец Прайс добрался до двери и воззрился на нас сквозь забранную сеткой раму. Он был молод, смугл и очень хорош собой. Кабы не бородка и аккуратно подстриженные усики, я сказал бы, что передо мной отрок.

— Привет, — молвил он и улыбнулся, сверкнув крупными ровными белыми зубами. — Извините, но сегодня мне не до покупок.

Рейнолдс покосился на меня.

— Стивен Гриффин, — представился я. — А вы, надо полагать, Рэнди Прайс?

Он просиял.

— Ну и ну! Вы — супруг Морин? Черт возьми! Что же вы не предупредили о приезде? Я бы хоть прибрался малость!

Он распахнул сетчатую дверь, и мы вошли в дом. Убранство тесной гостиной исчерпывалось парой кресел, письменным столом, тахтой и соломенной циновкой. На всех горизонтальных поверхностях, за исключением тахты и стула перед столом, высились угрожающе кренящиеся башни из дряхлых книг и журналов. Не мудрствуя лукаво, Прайс сбросил часть своей библиотеки с кресел на пол и затолкал в угол. Пока он занимался этим делом, я сумел мало-мальски разглядеть его. Прайс был хрупок и изящен, с костлявыми локтями и плечами, но бицепсы его бугрились и, судя по виду, обладали немалой силой.

Покончив с наведением порядка, Прайс вытер ладони о штаны и протянул мне руку.

— Очень рад видеть вас, Стив. Морин обещала познакомить нас, когда вы вернетесь из командировки. Жаль, что она не смогла приехать с вами. Что, так много дел?

Я изучал его физиономию и слушал этот полудетский монолог, пытаюсь понять, что за существо стоит передо мной.

— Садитесь, ребята, будьте как дома. Может, пивка? У меня найдется.

Он пулей вылетел из комнаты и принялся греметь чем-то на кухне. Я взглянул на Рейнолдса.

— Прикиньтесь дурачком, — посоветовал лейтенант. — Он еще не знает, что случилось с миссис Гриффин.

Рэнди вернулся с тремя запотевшими банками и открывалкой. Поставив их на стол рядом с маленькой пишущей машинкой, он откупорил банки и протянул одну мне, другую — лейтенанту. Мы с Рейнолдсом уселись и принялись потягивать пиво. Рэнди примостился на краешке стола и с улыбкой разглядывал нас.

— Вы такой же любитель театра, как Морин, Стив? — спросил он меня.

— Боюсь, я мало смыслю в искусстве лицедейства.

— Ну, тогда вы лишаете себя едва ли не самого большого удовольствия в жизни, — рассудил он. — Конечно, до настоящего театра мне еще далеко, но я помаленьку набираюсь житейского опыта, изучаю людей. Ведь это — основа великой драматургии. Читаю, занимаюсь. И пишу. — В глубине его глаз словно зажглись блуждающие огни. Рэнди принялся рассуждать о театре, вышагивая по комнате, насколько это было возможно.

Мне не составило труда догадаться, как этому мальчику удалось мгновенно поладить с Морин. Он был полон жизни и задора, он лелеял ту же мечту, что и она когда-то, пусть и совсем недолго. Юноша с классическими, точеными чертами. И Морин с ее безотчетной щедростью и прекрасными порывами души. Разумеется, она бросилась помогать ему, как только поняла, чего он хочет.

Рэнди немного успокоился и опять взгромоздился на край стола, после чего надолго припал к своей банке.

— Я никогда не смогу достойно отблагодарить вашу супругу, Стив. У нее врожденное чувство театра, она способна безошибочно определить, что уместно на подмостках, а что — нет. Я строчу одну пьесу за другой — вон, уже целый сундук набрался. Как только напишу две-три штуки, которые мне понравятся, сразу же подамся в Нью-Йорк. Я обречен на славу. — Он произнес это так просто и искренне, что я почти поверил ему. — У меня есть эта лишняя толика знания жизни и людей. И когда-нибудь весь мир поймет то, что сейчас понимают только Морин и еще несколько человек...

Он осекся, и на его лице появилась робкая улыбка, благодаря которой только что произнесенная Рэнди речь показалась мне гораздо менее хвастливой и эгоцентричной, чем была на самом деле. Я впервые в жизни видел такую непробиваемую и бесхитростную человеческую самоуверенность.

— А может, — нарушил Рэнди воцарившуюся после его выступления тишину, — вам, ребята, еще пивка?

Рейнолдс отказался. Я последовал его примеру.

— Пару недель назад, когда я познакомился с Морин, я и представить себе не мог, как мне повезло, — продолжал Рэнди. — Она еще сохранила кое-какие знакомства и хочет отдать мои лучшие вещи какому-нибудь пробивному театральному агенту.

— Одна из ваших пьес лежит у нас в машине, — сообщил ему Рейнолдс. — Может, ее-то миссис Гриффин и хотела показать агенту?

— Вообще-то я дал ей три, — ответил Рэнди и вдруг нахмурился, переводя взор с лейтенанта на меня и обратно. До него начало доходить, что дело нечисто, и я сразу же почувствовал это: атмосфера в комнате неуловимо изменилась. — Послушайте, вы что, по делу приехали? — спросил Рэнди.

Рейнолдс встал, извлек из кармана кожаную книжечку и раскрыл ее, показывая полицейский жетон. Рэнди вытаращил глаза.

— Что случилось? — вскричал он. — Что с ней?

— Когда вы видели миссис Гриффин последний раз? — спросил Рейнолдс.

— Слушайте, ребята, если что-то случилось... Вчера днем у нее дома... Может, скажете...

— В котором часу?

— В два или в три пополудни. Я ездил в город за бумагой, оказался неподалеку и заглянул. Морин сказала, что у нее болит голова, и надо еще сходить в гастроном. Я вызвался закупить все, что нужно, но она отказалась, и я тотчас уехал.

— Она не показалась вам встревоженной или испуганной?

— Испуганной? Да в чем дело? Не соблаговолите ли...

— Как вы познакомились с миссис Гриффин?

— Это случилось здесь. Она ехала через Тенистую Дубраву, чтобы срезать путь от дома до Красивого холма.

— А что ей понадобилось на Красивом холме?

— Дадли Лаудермилк, — ответил я за Рэнди. — Наш приходящий садовник. Он живет на Красивом холме.

— Совершенно верно, — подтвердил Рэнди. — Она говорила, что едет к садовнику. Но у нее случилась поломка, порвался ремень вентилятора. О ремне ведь вспоминаешь, только когда он лопается, а это обычно происходит за миллион миль от человеческого жилья. Черт, да скажите же, наконец...

— И ее машина остановилась здесь?

— Да, в полумиле от дома. Из-под капота валил пар. Она боялась ехать дальше, а потом вспомнила, что недавно миновала какой-то дом. Мой дом. Она зашла позвонить, вызвать буксировщика, но у меня нет телефона. Зато есть машина, и я, разумеется, предложил свою помощь. Она была в туфельках на шпильках и устала, отшагав полмили. Я спросил, не угостить ли ее чем-нибудь, и она выпила стакан воды, а потом мы недолго поболтали. Тут-то она и заметила на столе пишущую машинку и пьесу, и мы разговорились, а через пять минут стали добрыми друзьями. Теперь скажите же, что случилось.

— Миссис Гриффин мертва, — сообщил ему Рейнолдс.

— Мертва? — скрипучим шепотом повторил Рэнди. — Как же так? Когда это случилось?

— Вчера вечером ее сбила машина на Тиммонс-стрит.

Парень застыл, как соляной столб. Стало так тихо, что я услышал жужжание букашек на улице. А мгновение спустя физиономия Рэнди задержалась, как будто его пытали, и сделалась совсем детской. Теперь усы и бородачка выглядели на ней чуть ли не нелепо. В глазах парня заблестели слезы. Он закрыл лицо своими нервными костлявыми руками и опрометью выбежал вон из комнаты. Спальня примыкала к гостиной. Рэнди бросился на кровать, его плечи, а потом и все тело затряслись от сдавленных рыданий. Вскоре ему, однако, удалось справиться с собой. Он перевернулся навзничь и сел. Его щеки были испещрены грязными мокрыми полосами, которые тянулись от глаз до усов. Рэнди сжал кулаки и принялся тереть ими веки. Потом уронил руки на колени и уставился на нас, то и дело всхлипывая.

— Как же так? — пробормотал он. — Как это могло с ней случиться?

Он смотрел на нас с мольбой во взоре, но ни Рейнолдс, ни я не могли ответить ему.

Спустя несколько секунд Рэнди встрепенулся. Видимо, ему в голову пришла какая-то мысль.

— Тиммонс-стрит... Как ее туда занесло?

— Мы полагаем, что миссис Гриффин привезли туда насильно, — ответил Рейнолдс.

— Насильно? С каким-то умыслом?

Рейнолдс кивнул.

— Кто? Кто мог это сделать?

— Пока не знаем. — Лейтенант сунул руки в карманы. — Но этот человек уже дважды покушался на ее жизнь. Она говорила вам об этом?

— Нет, хотя я чувствовал, что она встревожена. Я спрашивал, в чем дело, но она отвечала лишь, что последнее время ей нездоровится. В конце концов я прекратил расспросы.

— Где вы были вчера вечером, Прайс?

Рэнди вскочил.

— Вы думаете, что я...

— Просто ответьте на вопрос.

— Я был тут.

— Один?

— Один. Если мне необходимо иметь алиби, значит, не повезло. Но я ведь не знал, что оно понадобится. — Рэнди повернулся ко мне. — Когда похороны?

— Наверное, послезавтра.

— Я приду. Дайте знать, если понадобится моя помощь.

— Спасибо.

Он проводил нас до парадной двери. Когда мы отъезжали, Рэнди сидел на провисших досках крыльца и тупо смотрел в пустоту.

После недолгого молчания Рейнолдс сказал:

— Не нравится он мне.

Я покосился на лейтенанта.

— Почему?

— Не знаю. Просто иногда встречаешь людей, к которым лучше не поворачиваться спиной. Наверное, я слишком долго прослужил в полиции. Слишком привык выискивать в душах противоречия. — Рейнолдс угрюмо покачал головой. — Даже когда этот мальчишка рыдал, я не мог избавиться от ощущения, что он презрительно кривит губы, поскольку его не волнует ничего, кроме собственного выдуманного дарования. Я слышал его рыдания, Гриффин, но их отголосок смахивал на далекие глухие раскаты хохота, и я понял: парень умеет двигаться в темноте. Проворно, решительно, без малейших колебаний.

Остаток утра я провел в полицейском управлении и подписал разрешение на вскрытие, которое должно было пройти во второй половине дня. Рейнолдс пообещал выдать мне останки Морин завтра или послезавтра. Потом лейтенант расспросил двоих сыщиков, которые утром побывали на Тиммонс-стрит. Им не удалось узнать ничего нового. Свидетелей убийства так и не нашлось.

Рейнолдс сказал, что меня отвезут домой в патрульной машине, и спросил:

— Не желаете еще прогуляться?

— Если нужно.

— Думаю, нужно. Я хочу, чтобы вы были под рукой. Какое-нибудь случайное слово, невинный поступок, на который мы не обратим внимания. А вы знали Морин и сможете заметить что-то необычное.

— Я перекушу. А вы за мной заедете.

Меня повез домой молодой краснолицый полицейский, который всю дорогу сочувственно молчал и держался крайне предупредительно. Когда я сказал, что хочу проехать по Тиммонс-стрит, парень, похоже, отнесся к этому с пониманием.

Возможно, это был просто порыв, причем не самого благородного свойства, но, скорее, мною руководило желание пройти весь путь до конца, раз уж я оказался не в силах предотвратить этот конец.

Тиммонс-стрит выглядела заброшенной и обшарпанной. Вдоль нее тянулись грязные, окутанные тишиной склады, обращенные воротами к серой, набухшей от дождя реке. Мрачную картину оживляли только две бильярдных, в дверях которых маячили тощие подростки, да пара-тройка убогих ресторанчиков.

Единственным местом, где хоть что-то происходило, был причал. В конце старинного пирса, возле склада, принадлежавшего, если верить облупленной вывеске, фирме "Куколо-

вич и сыновья", стояла помятая баржа. Моряки споровисто ошвартовали ее, и маленький буксирчик, дав гудок, с пыхтением поплыл вниз по течению, к океану.

— Вон там, мистер Гриффин, — сказал молодой полицейский.

Он остановил машину. Я вылез и сделал несколько шагов. Полицейские начертили на растрескавшемся асфальте белые линии, но, кроме них, ничто не напоминало о разыгравшейся здесь трагедии. Улица как улица. Словно и не было ничего. Я не заметил даже тормозного следа машины. Ну, да ведь водитель и не тормозил. Он задавил Морин вполне сознательно.

Я вернулся в машину, и молодой полицейский доставил меня домой.

Там были только Вики и Пенни. Уилл уехал полчаса назад, предварительно позвонив на службу.

Вики накормила меня бутербродами, салатом и тортом. Уплетая за обе щеки, Пенни рассказывала, как чудесно прошло утро. Потом Вики увела ее наверх и уложила вздремнуть.

Когда она вернулась, я приканчивал кофе. Мы вместе убрали со стола. Сложил посуду в мойку, Вики посмотрела мне в глаза.

— Я ищу работу, Стив.

— Я-то думал, вы учительница.

— Это так. Но сейчас летние каникулы, у меня уйма времени, и я не знаю, куда себя деть. Три последних года я посещала летние курсы при университете, но потом мне надоело. — Она пустила горячую воду и плеснула в мойку жидкого мыла. — Конечно, вам сейчас не до того, но поверьте: найти домработницу и няньку для Пенни будет ох как непросто. Позвольте мне помочь вам. Всего несколько дней, пока вы не придете в себя и не начнете налаживать свою жизнь.

Я кивнул.

— Вы во многом похожи на нее.

— На Морин?

— Да. Такая же славная душа. Такая же щедрость и порывистость. Вы тоже спешите делать добро.

Приехал Рейнолдс на патрульной машине. Я устроился на сиденье и спросил:

— Куда поедем?

— В питомник, где выращивают саженцы, а потом — в гастронорм.

Поездка в питомник оказалась пустой тратой времени. Никто из тамошних работников не видел, как два дня назад машина едва не сбила женщину.

Тогда мы покатали в универсам, расположенный к югу от Мид-Парк, и побеседовали с управляющим. Протирая стекла очков, тот сказал:

— Да, помню, как мои работники рассказывали, будто бы какую-то женщину чуть не задавили.

— Кто именно видел это? — спросил Рейнолдс.

— Да откуда мне знать?

— Давайте выясним.

Нашей третьей по счету собеседницей оказалась черноволосая толстая кассирша. За ее спиной выстроилась очередь из любознательных покупателей с мешками в руках.

— Ой, мамочки! — воскликнула толстуха. — Да, помню. Ее едва не убили!

— Вы сами это видели? — спросил лейтенант.

— Нет. Но он мне первой рассказал.

— Кто?

— Томми Хайнс. Он все видел.

Рейнолдс взглянул на управляющего.

— Это наш товаровед, — пояснил тот. — Когда образуется очередь, он помогает укладывать покупки в мешки и относит их на автостоянку. Сейчас он в подсобке, помидоры привезли.

В подсобке было холодно и темно, повсюду валялись ящики и корзины, воняло черноземом и подгнившими яблоками. Томми оказался тощим долговязым парнем с белобрысой шевелюрой. Он подошел к нам, вытирая лицо длинным белым фартуком, изучил жетон Рейнолдса, взгляделся в лицо лейтенанта.

— Да, я видел, как ту даму едва не задавили. Она что, разыскивает водителя?

— Вроде того. Узнаете ее? — Рейнолдс достал из внутреннего кармана фотографию — уменьшенную копию той, которую Де-Костер забрал из дома накануне. Интересно, сколько таких маленьких снимков сейчас путешествует по городу в карманах любопытных сыщиков?

— Да, это она, — уверенно ответил Томми. — Хотя вчера она была напугана и выглядела чуточку иначе.

— Расскажите нам, что именно вы видели, — попросил Рейнолдс.

— Ну... мы уже закрывались, и народу было битком. Я взял два мешка со снедью и понес на стоянку, а когда бежал обратно, эта дама вышла из магазина. Она сама несла свои покупки, маленький сверток. Я не обратил на нее особого внимания, помню только, что женщина была видная. Она сошла с тротуара и начала переходить улицу. Иногда покупатели ставят машины напротив, потому что при оживленном движении со стоянки трудно вырваться налево. Женщина миновала середину проезжей части и вдруг закричала, хотя и не очень громко. Я не смотрел на нее, шел в магазин, но, когда услышал крик, обернулся. В потоке машин выдался просвет, и она пошла, но тут как раз эта тачка, видать, свернула на перекрестке. Водитель несся как угорелый, и, когда женщина закричала, он, должно быть, потерял голову...

— Подробнее, Томми.

— Ну... она выронила пакет и попыталась отскочить, а водитель, вместо того, чтобы свернуть, наоборот, попер прямо на нее. К счастью, женщина была молодая и проворная. Будь она старухой, пиши пропало. Я подбежал и помог ей подняться, она сказала, что все в порядке, врача не надо, поедет домой. Увидится с мужем, а уж тогда все будет хорошо.

— Значит, она села в машину и уехала?

— Ага. И вот что удивительно: машина была точь-в-точь такая же, как та, которая едва не сбила ее.

— Как насчет номера, Томми?

— Да какое там! О номере я и не подумал. Спихватился, только когда парень завернул за угол и был таков.

— Вы уверены, что за рулем был мужчина?

— Похоже на то.

— А может быть, женщина с короткой стрижкой?

— Мне такое в голову не приходило. Может, и женщина. Но тогда мне показалось, что это был мужчина.

— Пострадавшая сказала что-нибудь о машине или водителе?

— Нет. Она вроде как плакала. Оно и неудивительно. Бормотала какую-то бессмыслицу.

— Можете припомнить?

— Ну... она ведь плакала. Сказала, что хочет видеть мужа. Что должна найти кого-то и убедить. Что он не прав. Что она не нарочно... Просто набор слов. Истерика, понимаете?

— Спасибо, Томми.

— Всегда пожалуйста. — Парень усмехнулся. — Вам спасибо, что помогли хоть ненадолго забыть об этих чертовых помидорах. Наверное, у той дамы все в порядке, и она вернулась домой, к своему благоверному.

Мы сели в машину и покатали восвояси. Я раздумывал о том, как мерзавец мучил Морин, о том, как на Тиммонс-стрит ему, наконец, повезло. Я уже начинал представлять себе этого мерзавца мертвым. Мне не хотелось, чтобы Рейнолдс поймал его, не хотелось, чтобы на него наложили руки власти штата. Мне хотелось другого — самому огласить приговор и привести его в исполнение.

Рейнолдс ехал быстро, умело лавируя в потоке машин.

— Что вы думаете о тачке, которой он воспользовался? — пробормотал лейтенант, словно обращаясь к самому себе. — Она была точной копией вашего седана, и это странно, Гриффин. Ваша супруга упоминала это обстоятельство, и Томми Хайнс тоже.

— Совпадение? — предположил я.

— Может быть. Но едва ли. Это было бы уже чересчур. Машины этой модели редко красят в зеленый цвет такого оттенка.

— Совершенно верно. Это была одна из причин, почему мы ее купили, — сказал я. — Морин хотелось чего-нибудь особенного. Не броского, а просто немного необычного.

— По-моему, мы имеем дело с чокнутым, — рассудил Рейнолдс. — На это указывают все факты. Он очень рисковал и мельтешил на людях, зная, что впоследствии они смогут опознать его. Он выкинул смертельный номер перед битком набитым покупателями магазином, не заботясь о том, что кто-нибудь может запомнить номер машины. Здравомыслящие люди так не делают. Представьте себе, что это маньяк и что он заиклен на одной-единственной мысли: задавить, и непременно точно такой же машиной, как ваша. Но почему? Откуда могла взяться такая мысль? — Я молча смотрел на лейтенанта. Его лицо сделалось похожим на лик каменного изваяния. — Полагаю, вы уже давно размышляете об этом. В его больных мозгах машина прочно связана с причиной, по которой он считал себя обязанным сделать то, что сделал. Но почему машина такая же, как у вас? Может быть, ваша машина повинна в какой-то постигшей его беде?

— Морин заявила бы в полицию, случись такое, — ответил я.

— Возможно, да. А возможно, и нет. Если она кого-нибудь изувечила, то могла запаниковать. Кроме того, я ведь не говорю, что именно она сидела за рулем. Вы даете свою машину знакомым?

— Пока не давали. Но если бы кто-то из друзей попросил, мы, конечно, не отказали бы.

— Не была ли ваша машина недавно в ремонте? Вмятина на крыле? Разбитая фара? Не припоминаете ничего такого?

— Нет. Во всяком случае, мне об этом не известно.

— Разберемся, но, конечно, понадобится время. Парень возвел себе надежную крепость, Гриффин. Его никто не знает, никто не видел. Никому не ведомо, зачем он это сделал. Но машина — его ахиллесова пята.

В доме опять было полно притихших напряженных людей. Уилл уже вернулся. Я выдержал бомбардировку невнятными соболезнованиями, и, когда толпа мало-помалу рассосалась, Уилл сказал:

— Ты совсем разбит. Выпей кофе. Вики Клейтон заварила целый кофейник, знала, что понадобится. Умная девушка.

— Где она?

— Повела Пенни гулять. Тут было слишком людно, и Пенни могла уловить общее настроение. Так сказала Вики.

Мы выпили кофе, и я заговорил было о делах, но Уилл не пожелал меня слушать.

— Можешь забыть о работе на целый месяц, а если угодно, то и на более долгий срок. Ничего страшного не случится. Дела

у нас идут неплохо, но лишь благодаря твоим постоянным разъездам.

— Слишком много я ездил, Уилл.

— И не говори.

— Я возвращался домой, проводил с семьей субботу и воскресенье, а потом опять исчезал на месяц или два. Куда это годится?

Он положил руку мне на плечо.

— Прошное не изменишь. Рейнолдс раскопал что-нибудь?

Я рассказал ему о версии лейтенанта и о машине.

— Рейнолдс, конечно, не гений, — рассудил Уилл, — но парень крутой, смысленный и опытный. Он привык выискивать схемы и трафареты. Может, и на сей раз сумел нащупать что-нибудь подобное. Я вчера говорил: Морин была чем-то обеспокоена, и началось это не два дня назад, когда было первое покушение, а гораздо раньше.

— Ты что-то заметил?

Уилл поерзал в пластмассовом кресле.

— Да. Впервые это произошло недели три назад. Мы встретились на улице. Морин выходила из цветочной лавки, и вид у нее был такой, словно она похоронила любимую тетюшку. — Уилл налил себе вторую чашку кофе. — Я даже подумал, что она захворала. Увидев меня, Морин сказала, что все в порядке, и немного приободрилась. Тогда я решил, что она просто устала. А может, ей было одиноко. Я пригласил ее в бар, но Морин отказалась, сказав, что ей пора домой. И тут я сморозил большую глупость. Решил ее развлечь, рассмешить, вот и брякнул: у тебя что, богатый дядюшка преставился, и ты купила цветы на могилу? Разумеется, я знал, что все наши знакомые живы-здоровы, но Морин не улыбнулась. Наоборот, едва не расплакалась.

Я отодвинул чашку.

— Ты не помнишь, что это была за лавка?

— Конечно, помню. Маленькая лавчонка на углу Второй и Парковой.

Я пулей вылетел из кухни, но Уилл, похоже, не обиделся. Памятуя о полученном от Рейнолдса уроке, я поднялся наверх и запасся маленькой фотографией Морин.

Продавщица цветов оказалась изящной улыбчивой пожилой женщиной с приятной речью, мягким голосом и коротко остриженными седыми волосами.

— Вам букет для дамы, сэр? Розы? Судя по всему, такому джентльмену, как вы, нужны именно розы.

— Мне нужен траурный венок.

Улыбка старушки погасла.

— Простите меня, сэр! — Продавщица вышла из-за длинного стеклянного шкафа с корзинами и пульверизаторами. — Такая бестактность с моей стороны! Но вы еще совсем молоды, и

я... — Она развела руками и участливо спросила: — Вероятно, ваша матушка?

— Жена.

— О! Мне так жаль...

Я прислушался ко всем ее профессиональным рекомендациям, расплатился за венок, сообщил, куда его доставить, и добавил, что погребение назначено на послезавтра.

— Я обо всем позабочусь, мистер Гриффин, не беспокойтесь. С цветами будет полный порядок.

— Она заходила к вам недели три назад, — сказал я. — Возможно, вы ее помните.

— У меня столько покупателей... — Продавщица умолкла и вгляделась в фотографию Морин, которую я ей протянул.

— Какая молоденькая и хорошенькая, — сказала цветочница. — Но я ее не помню, уж не обессудьте, мистер Гриффин. Может, если бы я увидела человека, а не фотоснимок... — Она склонила голову набок и поднесла портрет поближе к глазам. — Да, вот сейчас начинаю припоминать. Кажется, тут была очень похожая женщина. Весьма примечательное лицо, но я обратила внимание на ту женщину совсем по другой причине: она нервничала. Опрокинула корзину и насильно всучила мне деньги в возмещение ущерба. Но вот ее фамилия ничего мне не говорит.

— Она могла назваться другим именем.

Цветочница пожала плечами и вернула мне фотографию.

— Можно от вас позвонить?

Женщина кивнула на телефон в дальнем углу. Я набрал номер полицейского управления и спросил лейтенанта Рейнолдса. Его не оказалось на месте. Подозреваю, что он отправился объезжать авторемонтные мастерские.

— Мне надо срочно увидеть его. Это Стив Гриффин. Кажется, я раздобыл важные сведения.

— Мы можем связаться с ним по радио.

— Попросите его приехать в цветочную лавку на углу Второй и Парковой.

Я положил трубку и повернулся. Цветочница стояла рядом. Лицо ее побелело и напряглось.

— Право, мистер Гриффин... Не ведаю, что происходит, но вызывать в мой магазин полицию...

— Поймите меня правильно, — сказал я. — Мою жену убили. Если полиция будет знать, какое имя она вам назвала и какие цветы купила, это, вероятно, поможет найти преступника.

— О! — воскликнула женщина и глубоко вздохнула. Ее глаза подернулись поволокой, в них снова появилось сочувственное выражение. — Разумеется, я помогу всем, чем только смогу.

Она открыла стальной картотечный шкаф, задумчиво поджала губы и подперла указательным пальцем подбородок. Ста-

рушка постояла несколько минут, напрягая память, потом принялась сноровисто перебирать карточки. За этим занятием ее и застал лейтенант Рейнолдс, который появился в лавчонке минут через пять. Я представил его цветочнице, она коротко кивнула и, не отрываясь от картотеки, проговорила:

— Здравствуйте, лейтенант. Ага, кажется, вот оно. — Женщина вытащила из ящика листок. — Джейн Браун. Я, помнится, еще подумала: вот же странно — такое простое имя, а дама-то броская.

— Вы всегда записываете имена покупателей? — спросил Рейнолдс.

— Конечно, нет. Но если мы продаем цветы для каких-то торжеств, скажем, свадеб, вечеринок... ну, и для похорон тоже, то нам надо знать, кто и кому посылает эти цветы.

— И куда она просила отправить свою покупку?

— Никуда. Унесла цветы с собой. Это был большой траурный букет в корзине. Я спросила ее имя, она назвала, а когда я пожелала узнать, куда доставить цветы, она заколебалась, а потом сказала, что отвезет их сама.

Я чувствовал себя как после хорошего удара в солнечное сплетение. Морин купила цветы на чьи-то похороны, но, боясь, как бы ее не выследили с помощью продавщицы, назвала вымышленное имя и обвела нас вокруг пальца. Нас-то она обманула, а вот психа в зеленом седане перехитрить не смогла.

Рейнолдс задал еще несколько вопросов и получил ответы, которые ровным счетом ничего ему не дали. Выйдя из лавчонки, Морин направилась к машине, но встретила какого-то мужчину и остановилась поболтать с ним. Наверняка это был Уилл. Затем она пошла дальше. Спустя несколько секунд она проехала мимо лавчонки на машине, нажала на клаксон и остановилась. Цветочница вынесла корзину и поставила ее на заднее сиденье машины. Все это время Морин была одна, если не считать тех нескольких секунд, когда она болтала с Уиллом.

Продавщица проводила нас до двери. Мы поблагодарили старушку, и тут я впервые заметил на стекле витрины золотистую надпись: "Цветочный салон Эльды Дорранс".

Мы остановились возле серой патрульной машины лейтенанта.

— Не расстраивайтесь, Гриффин, — сказал он мне. — Такое случается сплошь и рядом.

— А я-то думал, что ухватил ниточку.

— Вы и ухватили. Один факт у нас есть: Морин купила цветы на чьи-то похороны и не хотела, чтобы об этом узнали. Мы выяснили, когда была сделана покупка. Двадцать три дня назад. Цветы сохраняют свежесть двое-трое суток, не больше. Значит, надо выяснить, кого хоронили двадцать дней назад.

— И вы сумеете безошибочно определить, кому предназначались цветы?

- Человеку, погибшему под колесами автомобиля.
— Моего автомобиля, — добавил я, — управляемого Морин.
— Не берите в голову, Гриффин.

Мои плечи поникли.

— Ладно... Пожалуй, поеду домой.

Но мне не удалось обмануть лейтенанта. Не успел я сделать и трех шагов, как он окликнул меня. Я остановился и обернулся. Рейнолдс улыбнулся мне.

— Вы поступили правильно. Нащупали нить и сделали за полицию ее работу. Действуйте, Гриффин. У вас светлая голова, и вы можете что-то обнаружить. Но никакого сольного пилотажа. Если вы найдете парня первым, вас упрячут за решетку, потому что убийство маньяка — это тоже убийство.

— Не понимаю, о чем вы.

— Что ж, ладно, — ответил он. — Буду держать с вами связь.

Дома никого не было. Я сел на кушетку в гостиной, потом передумал и решил прилечь. Навалилась усталость, словно меня накачали дурманом. Руки и ноги сделались тяжелыми, я почти ничего не соображал. Прикрыв лицо руками, я погрузился в тревожный сон, но вскоре вздрогнул и снова принял сидячее положение. Меня разбудил звук открываемой двери. Вики и Пенни вернулись с прогулки. Пенни охотно и подробно рассказала мне о своем походе по магазинам и похвасталась приобретенными игрушками. Вики невозмутимо оглядела меня и сразу поняла, в каком я состоянии. Напомнив Пенни о необходимости переодеться и приступить к стирке, она отправила девочку наверх.

Как только Пенни убежала, Вики опустила на краешек кресла напротив меня.

— Может, изольете душу, Стив? — спросила она. — Кто знает, вдруг легче станет.

— Мне об этом деле и думать не хочется, не то что говорить. Рейнолдс почуял кровавый след. Он думает, что Морин кого-то убила, а потом близкий родственник жертвы в отместку убил мою жену.

— Вы ее знали, Стив. Была ли она способна на убийство?

— Разве что на случайное. Она могла ненароком сбить человека, а потом впасть в панику и скрыться. Но тут совсем другое. Кто-то хладнокровно и дотошно планировал ее убийство...

— Возможно, от горя у него помутился рассудок.

Я встал.

— И что же? Я должен даровать ему прощение и пожелать всего наилучшего?

Вики вцепилась в подлокотники кресла и сдавленно проговорила:

— Сейчас вы точно в таком же положении, в каком был он, и испытываете те же чувства.

— Да. И, заметьте, он не простил Морин.

— Но если не будет прощения, не будет и надежды, — сказала Вики и вдруг заплакала. По щекам ее покатались слезы.

Наутро я решил на несколько дней отослать Пенни из города: слишком много людей приходило выразить соболезнования, и в доме наступала тревожная тишина, которая мало-помалу начала действовать ей на нервы. Уилл Бэрк предложил воспользоваться его домиком на озере. Иногда мы выбирались туда на выходные. Пенни любила озеро, обрамленное высокими тенистыми соснами. Ей нравилось смотреть на птиц и кроликов и носиться по поросшему шалфеем лугу. Вики вызвалась поехать с ней в качестве гувернантки. Конечно, ей пришлось бы безвылазно сидеть там, но это все же лучше, чем жить в гостинице. У ее родных слишком тесная квартира, и они не могут принимать гостей, объяснила она мне.

Я взял напрокат машину, загрузил ее сундуками и, сев в свой седан, поехал впереди, чтобы показать Вики дорогу.

Домик представлял собой бревенчатую хижину. Окна выходили на купальные мостки и лодочный причал. Наверху располагались две спальни и ванная, а внизу была просторная гостиная со сложенным из больших каменных глыб очагом.

— Вы уж простите мое любопытство, — сказала Вики, войдя в дом, — но как ему удалось все здесь обустроить? Я смотрю, и морозильный шкаф есть, и телефон, и электроплитка... А какие диваны и кресла! Даже медвежья шкура на полу!

— В лодочном сарайчике — маленький катер с подвесным мотором, — сообщил я ей. — Хотите, я его выведу?

— Спасибо, но я неважный мореход, да и Пенни может свалиться за борт.

Вики напоила меня кофе, и я отправился обратно в город.

Серая патрульная машина стояла перед домом, за рулем сидел Рейнолдс. Я загнал "седан" на подъездную дорожку.

— Никаких "подозрительных" похорон, — сообщил мне лейтенант, когда мы вошли в дом. — Я проверил данные за пять дней. Может быть, она отвезла цветы в другой город?

— А что говорят в авторемонтных мастерских?

— Кузов тоже могли выправить в соседнем городе. — Рейнолдс бросил шляпу на кресло, уселся на кушетку и тяжело вздохнул. — Ну и утро выдалось. Вконец замучился. И надо проверить еще несколько гаражей, в том числе и совсем маленькие в пригороде. — Он вытянул ноги и принялся разглядывать свои башмаки. Его глаза сверкнули, как две льдинки. — Не может быть, чтобы мы не нашли мастерскую.

— А если не найдем?

— Тогда — труба. Придется начинать все сызнова и нащупывать другие версии.

— Или поднять лапки кверху.

— Этого не будет. Убийца наделал ошибок. Безупречных преступлений не существует.

— А что вы скажете о нераскрытых?

— Все преступники допускают оплошности, и немало, — стоял оң на своем. — Преступление само по себе — свидетельство глупости, оно нелогично и противоречит укладу вещей в обществе, к которому принадлежит преступник. Если преступление не раскрыто, значит, его расследовал тупой и нерадивый полицейский, который наломал дров.

— Но с точки зрения преступника, это и есть идеал, — сказал я. — Он спокойно доживает до старости и умирает в собственной постели, а внуки приносят на его могилу букеты цветов.

Рейнолдс вскочил, как ужаленный.

— Гриффин, вы умница!

— Что я такого умного сказал?

— Цветы! Почему мы решили, что она купила их к похоронам? Почему она не могла положить их на могилу спустя несколько дней после погребения? Я не там искал. Мне надо было начать с похорон, состоявшихся двадцать три дня назад, и двигаться в другую сторону — двадцать четыре дня, двадцать пять, и так далее.

Лейтенант бросился в прихожую, и я услышал, как он накручивает диск телефона.

В этот миг перед домом остановился грузовичок почтальона, и водитель вылез из кабины, держа в руке толстый продолговатый конверт. Письмо было адресовано Морин, и на конверте значилось: “наложенным платежом”.

Я расплатился и вскрыл конверт. Внутри лежали две пьесы Рэнди Прайса и записка из театрального агентства “Халл и Джордан”:

“Уважаемая миссис Гриффин, в продолжение нашей переписки, начатой месяц назад, сообщаем Вам, что и мистер Халл, и мистер Джордан ознакомились с прилагаемыми к сему рукописями. Судя по качеству пьес, их автор обладает определенными задатками, но, увы, его произведения еще незрелы и свидетельствуют о неопытности их создателя. Тем не менее, возврат обеих рукописей вовсе не означает, что мы отказываемся рассматривать другие работы того же автора. Напротив, мы хотели бы заверить мистера Прайса в том, что он действительно наделен даром драматурга, разбирается в людях, чувствует характеры, и ему есть, что рассказать о жизни. Манера его письма, пусть пока несколько сыроватая, тоже весьма самобытна. Уверяем Вас, что, если он пришлет нам другие свои работы, мы будем знакомиться в ними “в режиме наи-

большого благоприятствования", и как только он создаст нечто более профессиональное, чем две прилагаемые к сему пьесы, мы всеми силами постараемся ему помочь. Искренне Ваш Роджер Халл.

P.S. Конечно, я помню Вас, Морин. Еще с тех времен, когда работал в актерском агентстве. Итак, Вы вышли замуж, и у Вас маленькая дочурка. Поздравляю, поздравляю, поздравляю! Я недолго служил в армии, демобилизовался и теперь помогаю драматургам. С актерами больше не работаю. P. X."

Приписка была сделана чернилами, уже после того, как секретарша Халла положила на его стол отпечатанное письмо.

Я засунул всю эту писанину в ящик стола. В этот миг в комнату вошел Рейнолдс, и я выкинул из головы мысли о надеждах и заряде бодрости, которые сулило Рэнди Прайсу послание театрального агента. Потому что по выражению лица лейтенанта понял: он что-то нащупал.

— Поедете со мной? — спросил Рейнолдс. — По дороге все расскажу.

Мы забрались в полицейскую машину, и Рейнолдс взял с места так резко, что взвизгнули покрышки.

— Двадцать восемь дней назад, ровно четыре недели, без пяти девять вечера, на Уэст-Энд-авеню молодая женщина с маленьким мальчиком на руках ступила на мостовую и была сбита машиной, которая проскочила перекресток на огромной скорости и пошла юзом. Женщина попыталась отбросить ребенка прочь, но не успела. Два дня спустя мать и сына предали земле.

Меня затрясло. Голос Рейнолдса делался все глуше, и вскоре я перестал слышать его. Морин за рулем машины, а перед лобовым стеклом — женщина с ребенком на руках... Морин, застывшая от ужаса, скованная и неподвижная, бессильная совладать с несущейся вперед машиной... Нет! Этого не может быть!

— В дорожной полиции говорят, — продолжал Рейнолдс, — что машину до сих пор не нашли. Она чуть замедлила ход, но не остановилась, а потом помчалась прочь. Похоже, водитель обезумел от страха. Ребята на месте преступления получили несколько невнятных и противоречивых описаний автомобиля. Было ясно лишь, что это тяжелый "седан", темно-серый, светло-голубой или зеленый. Номера никто не запомнил.

— Как звали погибших? — с трудом выговорил я.

— Их фамилия Мартин. Глава семьи владеет крошечной бакалейной лавчонкой на Западной стороне. Мы разузнаем о нем побольше. Дело вел Билл Рейвнел. Скоро мы его увидим.

На рубеже веков Западная сторона была роскошным районом. Чинным, тихим, с внушительного вида домами. Когда-то в здешнем каретном ряду стояли роскошные экипажи, по

улицам сновали великолепные выезды. Прохожие на залитых солнцем тротуарах под сенью кленов обменивались вполне искренними пожеланиями доброго утра.

Ныне тишину помнят лишь старожилы. Западная сторона кишит народом, причем довольно шумным, особенно в конце рабочего дня. Некогда приличные дома теперь поражали чудовищной вычурностью позолоченных колонн, донельзя обшарпанных и ободранных, и производили гнетущее впечатление, особенно после того, как их разделили на тесные темные квартирки, до отказа набитые жильцами. Уцелело всего несколько деревьев, да и с тех малолетние верхолазы содрали всю кору. Между бывшими особняками, некогда разделенными широкими лужайками, теперь втиснулись прачечные, конторы торговцев недвижимостью, ссудные кассы и авторемонтные мастерские, и тут не осталось ни дюйма свободного места.

Рейнолдс остановил машину возле пожарного крана, и спустя несколько минут подкатил точно такой же серый полицейский автомобиль. Он остановился перед нами, распахнулась дверца, и на тротуар выбрался рослый молодой человек с мальчишеским лицом и очень короткими волосами. Он зашагал в нашу сторону.

— Это Билл Рейвнел, — представил парня Рейнолдс.

Я протянул руку. Рейвнел принял ее, но тотчас выпустил. Его синие глаза смотрели холодно.

— Погибла целая семья, Гриффин, — процедил он. — Надеюсь, что за рулем сидела не ваша жена.

— Рейвнел! — одернул его Рейнолдс.

Рейвнел взглянул на лейтенанта, потом на меня.

— Извините, — ледяным тоном проговорил он. — Но я вел это дело и знал Мартинов. Это были хорошие люди, небогатые и очень любили друг друга, пока какая-то безмозглая пьяная парочка...

— Парочка? — переспросил я, чувствуя, как по спине пробегают холода.

— Мужчина и женщина.

— Пьяные?

— Да, судя по тому, как они ехали.

Мы вылезли из машины. На миг я усомнился в том, что сумею удержаться на ногах. Рейвнел указал на середину мостовой.

— Вот где это случилось, — добавил он. — Женщина погибла на месте, ребенок прожил еще несколько часов.

Мы перешли через улицу. Пока Рейвнел и Рейнолдс опрашивали людей, знавших семейство Мартин, и показывали им фотографию Морин, моя ненависть к Рейвнелу мало-помалу сошла на нет, потому что я попытался взглянуть на случившееся его глазами, и на какой-то миг мне это удалось.

Алек Мартин три года воевал на Тихом океане, был комиссован по контузии. Он охотно рассказывал приятелям, как лежал в госпитале. Казалось, он надеялся, что, выговорившись, забудет этот кошмар.

Алек родился на Западной стороне, женился на бывшей однокласснице по имени Салли. Жили они в крошечной квартирке на втором этаже, деля с соседями темный коридор и ванную. Алек купил маленькую бакалейную лавочку за полквартила от дома, а спустя год у супругов родился сын.

— Если лавка закрывалась поздно, мать и сын шли встречать Мартина с работы, — рассказал нам отец Салли, осанистый седовласый старик, пригласивший нас в дом. Мы сидели в темной захлавленной гостиной — я, полицейские, хозяин и его жена, костлявая сухонькая женщина с запавшими и почерневшими от горя глазами. — Она брала мальчика, шла в лавку и помогала Алеку закрываться. Это было почти каждый вечер: он работал допоздна, потому что они хотели купить квартиру где-нибудь подальше от Западной стороны, на окраине, где есть воздух и солнце.

Всё произошло на глазах Алека. Он ждал жену и сына, знал, что они придут. Салли помахала ему рукой. Возможно, поэтому она не заметила машину.

Жена старика закрыла глаза, и ее лицо сделалось похожим на маску смерти.

— Алек едва выжил после этого. Чуть ума не лишился. Не мог есть и спать, просто сидел и таращился на стены, а когда темнело, даже не зажигал свет. Я пытался говорить с ним, да разве словами поможешь? Надо было начинать все сызнова. Неделию назад он продал свою лавчонку. Сказал, что больше не сможет жить на Западной стороне. Обещал написать, дать знать, где он и чем занимается, но пока не написал.

Рейвнел встал и посмотрел на старика.

— Постарайтесь больше не беспокоить вас, — сказал он. — Но если Алек даст о себе знать, сообщите нам.

Старик проводил нас до двери.

— Вы уже выяснили, кто вел ту машину?

— Работаем.

Старик оглядел нас, всех по очереди. Я почувствовал непреодолимое желание отвести глаза. Нетрудно представить, как он посмотрел бы на меня, если бы знал о подозрениях полицейских. Он покачал головой.

— До чего же им сейчас гадко. Той парочке. Особенно женщине. Это ведь она сидела за рулем. Вы это уже выяснили?

— Да, — тихо ответил Рейвнел. — Нам сказали дети, игравшие на улице.

— Только вот номер никто не запомнил, — посетовал старик. — Никому в голову не пришло. А потом было уже поздно: машина укатила.

Мы вышли на шумную грязную улицу.

— Салли Мартин и ее сын похоронены на городском кладбище, — сообщил нам Рейвнел. — Поехали, посмотрим.

Мы сели в одну из патрульных машин и поехали на кладбище, расположенное на склоне пологого холма. На двух могилах лежал свежий дерн, а в изголовье могилы Салли стояла полуогнившая корзина с цветами. Рейвнел на цыпочках обошел вокруг могилы, присел на корточки и внимательно осмотрел корзину. Потом взглянул на меня, и в этот миг я вдруг услышал гнетущую кладбищенскую тишину. Она плотно окутала меня, сделалась почти осязаемой. Подойдя к изголовью могилы, я увидел то, что уже видел Рейвнел, — маленькую наклейку на дне корзины. Надпись была едва различима, но мы смахнули грязь и кое-как сумели прочитать: “Цветочный салон Эльды Дорранс”.

— Вот где она купила эту корзину, — сказал Рейвнел. — Теперь мы можем составить почти полную картину. Мартин заметил номер машины: ведь он стоял на пороге своей лавочки. Но не сказал об этом нам, потому что не хотел, чтобы мы добрались до Морин Гриффин. Он хотел добраться до нее сам.

— Вы не можете доказать, что эти цветы принесла Морин, — напомнил я ему. — Мало ли невиновных людей повесили из-за случайных совпадений?

— Верно, доказать не могу. Но невиновных повесили не так уж много. То, что происходит сейчас, на совпадение не спишешь. В этой картине все на своих местах, она настолько совершенна, что я почти не рискую, если добавлю несколько завершающих мазков. Мартин заметил номер, пошел в бюро регистрации машин и узнал имя владельца. Человек он вообще-то хороший и правильный, но тут здравомыслие изменило ему. Он продал лавку, но город не покинул. Я готов биться об заклад, что Мартин здесь и купил себе оружие — большую зеленую машину. — Рейвнел повернулся спиной к могилам и посмотрел мне в глаза. — Кстати, Гриффин, а где были вы тем вечером, когда погибли Салли и мальчик?

Я опешил. Кажется, прошло немало времени, прежде чем мне удалось ответить:

— Я был в отъезде.

— Доказать можете?

— Наверное.

— Как знать, возможно, придется. Ведь в машине был какой-то мужчина.

Ночь я провел у Бэрков. Безмолвие моего дома угнетало меня, и я пошел к ним. Мы долго разговаривали, и Карла, надо отдать ей должное, ни разу не напустилась на Уилла.

Наконец я понял, что хозяева хотят спать, и мне не хватило наглости просить их посидеть со мной еще. Я улегся в комнате для гостей, но уснуть не мог. Морин была славной, доброй,

нежной женщиной. Она вполне могла впасть в панику после наезда (да и кто тут не запаникует?), но далеко она не уехала бы. Вернувшись бы, предложила помощь... Значит, тот, кто сидел с ней в машине, силой заставил Морин скрыться с места происшествия.

Я тихонько проскользнул в ванную, отыскал снотворные пилюли Уилла и проглотил две штуки.

Общение с Уиллом и Карлой накануне очень помогло мне наутро, когда состоялись похороны. После унылого поминального обеда я отправился домой, поскольку откладывать возвращение к родным пенатам было бессмысленно.

Я позвонил в домик на озере, и Вики сказала, что все в порядке. Пенни ловила с берега мелкую рыбежку; Вики соорудила ей снасть из нитки и согнутой заколки.

Затем я позвонил Рейнолдсу, и он сообщил мне самое главное: служащий регистрационного бюро сказал, что человек, похожий по описанию на Алека Мартина, действительно приходил туда и спрашивался о владельце машины. А один торговец подержанными колымагами ровно неделю назад продал большой зеленый "седан". Покупатель был очень похож на Мартина. Торговец запомнил эту сделку, потому что парень нервничал и требовал машину определенной модели. Он зарегистрировал покупку на свое подлинное имя.

— Итак, нам остается лишь разыскать Мартина, — добавил Рейнолдс в заключение.

Я вернулся в гостиную. Парадная дверь была открыта. Сквозь сетку в комнату норовил заглянуть Рэнди Прайс.

— Привет, Стив, — угрюмо буркнул он.

— О, Рэнди! Здравствуйте. Входите.

Он сел на стул, сложил ладони вместе и хрустнул костяшками пальцев.

— Мне надо было с кем-то поговорить, — сказал Рэнди. — Я был на похоронах.

— Да, я вас видел. Выпьете кофе?

— Конечно.

Мы пошли на кухню.

— Этот Рейнолдс, — продолжал Рэнди, — меня невзлюбил. С тех пор, как вы с ним приезжали ко мне, он еще несколько раз заявлялся. Он думает, что я возил Морин кататься на машине, и все такое. Но ведь вы так не считаете, правда, Стив?

Он нервно подергивал себя за бородку, и в этот миг я, наконец, разглядел то, что Рейнолдс заметил сразу же: кошачью повадку и огоньки в глубине зрачков. Интересно, а не заговаривает ли он мне зубы? — подумал я.

— У меня нет никакого определенного мнения о вас, Рэнди.

— Что ж, спасибо и на этом.

— Не дуйтесь, как кисейная барышня.

Его глаза сердито сверкнули, но тотчас подобрели.

— У вас сейчас трудная пора, Стив. Я это знаю и не стал бы просить...

— Чего просить?

— Немного денег взаймы. Понимаете, Морин иногда мне одалживала, вот я и подумал, что вы... В конце концов, это не выброшенные деньги, Стив. Поверьте, вы поддержите истинного гения.

Я вспомнил чековую книжку Морин. Так вот, значит, куда шли деньги. Впрочем, какая разница? Мне даже полегчало. Я понимал, какие чувства испытывала Морин к этому мальчишке. Его работа, а не он сам, — вот что имело для нее значение.

— Вас послушать, так вы наделены неким законным правом занимать у меня деньги. Относитесь к этому проще.

— Спасибо, Стив, — сказал Рэнди и заулыбался, когда я вручил ему чашку кофе и двадцать долларов.

Только когда он сел в машину и покатил прочь, я спохватился и вспомнил о его рукописях. Но было поздно: когда я подбежал к парадной двери, Рэнди уже сворачивал за угол.

По тротуару шествовал почтальон. Он подошел к дому и протянул мне письмо, присовокупив к нему свои соболезнования.

На простом белом конверте стоял местный штемпель. Мой адрес был выведен чернилами, печатными буквами, а обратного не было вовсе. В конверте лежал листок, а на нем все теми же четкими печатными буквами была начертана всего одна фраза: "С тебя еще ребенок, Гриффин".

Слова заплясали перед глазами. Я в ярости смял листок. Воздух в доме, казалось, наполнился флюидами ужаса, тревогой и безмолвным криком.

Я подошел к телефону. Руки так тряслись, что с первого раза я набрал неправильный номер и был вынужден снова накручивать диск.

— Рейнолдс слушает.

— Это Стив Гриффин. Приезжайте. Ради Бога, быстрее!

— Что случилось?

— Он охотится за Пенни!

— Откуда вы знаете?

— Записка. Он прислал записку. Рейнолдс, вы знаете озеро Апопка?

— Разумеется.

— У Бэрка там домик. На северном берегу. Пошлите туда кого-нибудь. Пенни там с Вики Клейтон.

— Считайте, что сделано. Возьмите себя в руки, Гриффин, я еду к вам.

Я положил трубку и застыл, будто истукан. Мне доводилось испытывать страх. На войне временами бывало жутковато. По настоящему страшно мне было после звонка Морин, когда я

несся к ней по темной дороге сквозь пелену дождя. Но сейчас страх был совсем другой.

Я поднялся в спальню и выдвинул верхний ящик комода, в котором лежал пистолет. Я купил его, когда стало ясно, что мне придется часто уезжать из дома. Морин, помнится, еще смеялась надо мной и говорила: "Уж и не знаю, чего я боюсь больше — этой пушки или грабежа".

Пистолет был заряжен, и я сунул его во внутренний карман пиджака.

Когда приехал Рейнолдс, мне удалось справиться с дрожью, и лейтенант ничего не заметил. Он дотошно изучил записку. И конверт, и бумага были приобретены в дешевой лавчонке и не могли навести на след отправителя. После того, как Алек Мартин купил громадную зеленую машину, он словно канул в пучину города, поглотившего его, как организм поглощает микроб или вирус, чтобы отправить его в путешествие по своим кровеносным сосудам.

По дороге к озеру Рейнолдс сообщил мне, что сразу же после моего звонка отправил туда Рейвнела. Теперь, когда дела Гриффин и Мартина были сведены в одно, сыщики работали вместе.

Увидев нас, Пенни опрометью бросилась мне навстречу. Я обнял ее так крепко, что она поморщилась. Высвободившись из моих объятий и снова твердо став ногами на землю, она тотчас принялась рассказывать, как ей весело, и мы вместе пошли смотреть ее улов. Я насадил наживку на крючок, и мы с Рейнолдсом направились к домику.

Рейвнел восседал на ошкуренной бревенчатой ограде крыльца, курил сигарету и разглядывал Вики Клейтон, которая сжалась в комочек в кожаном шезлонге, как будто ей было холодно.

Мы поднялись на крыльцо. Рейвнел выбросил окурочек и слез с бревна. Я взглянул на Вики. Ее губы дрожали. Она отвернулась. Все это немного озадачило меня. Вики держалась так, словно была в чем-то виновата.

— Что ж, — сказал Рейвнел, — все здесь так, как и должно быть. За исключением вот ее. — Он кивнул на Вики, и она содрогнулась. — Однажды вечером я пошел потолковать с Мартином и увидел, как она выходит из его квартиры. Я спросил ее имя. Оказалось, что она — его сестра.

Вики вскочила и подбежала ко мне.

— Не спешите судить меня, Стив, — сдавленно проговорила она. — Он не врет, Алек действительно мой брат. Наши родители развелись много лет назад. Я жила с матерью, а Алек — с отцом, который вскоре женился опять. Я почти не знала Алека, хотя мы и переписывались от случая к случаю. В последнем письме он сбивчиво рассказал мне, что произошло. Это было

двенадцать дней назад, через несколько дней после похорон. Когда я приехала, Алек был на грани помешательства. Сидел без движения и часами таращился на стену, потом вдруг вскакивал и куда-то убегал, не сообщая мне, когда вернется. — Ее голос сорвался, и Вики несколько минут собиралась с силами. Воспользовавшись этой паузой, я сказал:

— Мне следовало бы догадаться. Говоря о Морин и вашей дружбе, вы все время употребляли только общие слова, и пытались упросить меня простить Мартина, защищали его.

Она покачала головой так медленно, словно это движение требовало огромных усилий.

— Да, Стив, я просила за него. Но не защищала. — Вики робко и умоляюще посмотрела на меня. — Алек продал лавку и сказал, что уедет, чтобы забыть. Я надеялась, что ему это удастся. Помогла упаковать несколько вещей, которые надо было сдать на хранение. У него были какие-то записи... Фамилия и адрес Морин... обрывочные сведения о ней... Номер машины.

— Он за ней следил, — вставил Рейвнел. — Во время отлучек из дома он крался за ней.

У Вики затряслись плечи.

— Потом он перестал записывать, порвал все бумаги, сказал, что они не имеют значения, и уехал, а я решила провести в городе еще несколько дней, побыть с отцом. Он хоть и был мне почти чужим человеком, но перенес тяжелую утрату и нуждался в моей помощи. Я уже собиралась домой, когда увидела ту заметку в газете. Я пыталась убедить себя, что это другая женщина, а вовсе не та, чье имя я видела в записках Алека, что случившееся с ней не имеет отношения к трагедии, которая лишила Алека семьи. Но лукавство не помогло, и я отправилась в ваш район, в Мид-Парк. Разузнать о Морин оказалось нетрудно: в аптеке на углу только о ней и говорили. Я выяснила, что у нее тоже был ребенок, и поняла, чем это чревато. — Она закрыла глаза и закусилла нижнюю губу, потом, набравшись сил, выпалила: — Это было невыносимо!

— Вы должны были обратиться в полицию, — заметил Рейвнел.

Вики помолчала несколько секунд.

— Может быть, я поступила неразумно, но ведь он — мой брат.

Рейнолдс покосился на Рейвнела.

— Мисс Мартин, будь у меня брат, который попал в беду, я, вероятно, тоже поступил бы неразумно.

— У меня не было веских доказательств его вины в гибели Морин, — продолжала Вики. — Я и сейчас не могу в это поверить. Разве что он совсем сошел с ума. Если бы вы его знали, то поняли бы. Он тихий, мирный и добрый парень. Алек мог замышлять убийство, жаждать мести. Но действительно убить?

Нет, на это он не способен. И, если он был невиновен, то, помогая арестовать его, я только подлила бы масла в огонь, и Алек наверняка лишился бы рассудка. А если я ошибалась? Если он виновен? Я понимала, что он может попытаться добраться до ребенка Морин. Тогда часть вины легла бы на меня: ведь я ничего не предприняла.

Рейвнел хотел что-то сказать, но Рейнолдс опередил его:

— И вы решили что-то сделать, мисс Мартин. Взять ребенка под свою защиту и опеку, так?

— Вы меня понимаете?

— Этого я не говорил. Я лишь спрашиваю, с какой целью вы постучались в дверь дома Гриффина и назвали подружкой погибшей?

— Вы и сами это знаете. — Ее бездонные темные глаза неотрывно смотрели на меня.

— У вас было сколько угодно возможностей причинить вред Пенни, — сказал я. — Разумеется, при желании.

— Вот именно, — согласился Рейнолдс.

Вики подавила рыдания и быстро отвернулась.

— Но самого главного мы по-прежнему не знаем, — раздраженно вставил Рейвнел. — Мартин все еще на свободе и представляет опасность для девочки.

Рейнолдс посмотрел на озеро. Пенни продолжала возиться с леской и крючком. Лейтенант оглядел поляну и домик.

— Лучшего убежища нам все равно не найти, — рассудил он. — Машиной тут никого не задавишь, любого чужака видно за четверть мили. Прятать девочку в городе куда опаснее. Мартин может затеряться в толпе, затаиться в коридоре или на пожарной лестнице. Я пришлю сюда хорошо вооруженных людей для круглосуточной охраны. Пусть сидят тут, пока мы его не поймем. Полагаю, что могу поручиться за безопасность девочки, Гриффин.

— А с ней как быть? — Рейвнел кивнул на Вики.

Рейнолдс вопросительно взглянул на меня.

— Если хочет, пусть остается, — решил я.

Мы дождались прибытия двоих здоровенных и толковых полицейских в цивильной одежде и представили их Пенни как приятелей Уилла, приехавших на рыбалку. Потом я поехал с Рейнолдсом в город, чтобы собрать кое-какие пожитки и вечером вернуться на озеро.

Я сложил вещи, запер все окна. День был на исходе, и я гадал, сколько времени мне придется провести на озере, пока Пенни не окажется в безопасности. Я уже выходил, намереваясь где-нибудь поужинать, когда мне позвонил Рейнолдс.

— Все кончено, — сообщил он.

На миг я опешил и застыл на месте с трубкой в руке.

— Что?

— Мы отыскивали Мартина.

У меня подломились колени, и я упал в кресло возле телефона.

— Где?

— Выловили из реки. Он мертв. Сидел на дне в своем громадном зеленом танке.

— Погодите, Рейнолдс. Помедленнее, а то я ничего не понимаю.

Он засмеялся с явным облегчением.

— Ладно, слушайте внимательно. На Тиммонс-стрит, неподалеку от места, где была убита Морин, есть причал, который принадлежит компании "Куколович и сыновья". Пирс старый и низкий, с пандусом для грузовиков. Мартин съехал с конца причала. Должно быть, это место заворожило его. Поди разбери, что за мысли бродят в больном мозгу. Мартин приехал туда, а потом, наверное, у него что-то сдвинулось, он свернул в переулочек и сверзился с пирса. Похоже, это случилось ночью. Во всяком случае, свидетелей нет. Нынче днем какие-то подростки били рыбу острой. Один из них нырнул на глубину и увидел смутные очертания автомобиля. Внутри сидел Мартин.

— Там была баржа?

Несколько секунд я слышал только треск в трубке. Потом Рейнолдс спросил:

— Какая еще баржа?

— Я был там наутро после убийства Морин, — объяснил я. — Моряки швартовали к пирсу баржу. Я запомнил причал, потому что он причудливо выглядел. И в тот миг от него отходил буксир. Он еще гудок дал, когда поплыл вниз по реке. Рейнолдс, баржа была порожняя и сидела высоко. Похоже, ее собирались загрузить товарами со склада, поэтому моряки и оставили баржу там. Если подростки имеют обыкновение удить рыбу или нырять с этого причала, а машину обнаружили только нынче пополудни...

— Не надо ничего объяснять, — прервал меня Рейнолдс. — Оставайтесь дома и сидите на месте. Я вам перезвоню.

Я сидел на месте, сидел так же неподвижно, как, должно быть, сидел Алек Мартин после того, как убили его жену и ребенка. Я таращился на стену и видел то, что, наверное, видел он.

Телефонный звонок вывел меня из оцепенения.

— Вы были правы! — вскричал Рейнолдс. — Баржа стояла там с того утра до нынешнего полудня. Машина Мартина все это время была под днищем баржи.

— Значит, он поехал хлебать воду сразу же после убийства Морин.

— Должно быть, так.

— Он не мог прислать ту записку насчет Пенни, — сказал я. — Ее прислал совсем другой человек, очень хитрый человек. Ду-

маю, он восхищался собственной сообразительностью, когда сочинял ее.

— Психи, они ведь...

— Черта с два это псих. У него была очень серьезная причина настрочить эту записку. Машину не нашли, и человек, сбросивший ее в реку, вздохнул свободно. Он думал, что река глубока, и машину вообще никогда не найдут. Запиской он вбивал последний гвоздь в крышку гроба Мартина. Полиция ходила по замкнутому кругу, разыскивая человека, который был на дне реки, и пока это продолжалось, автор записки пребывал в полной безопасности. Но он не знал о барже. И не понимал, что происходит с женщиной, когда из его жены вышибают дух.

— Слушайте, Гриффин, если вам что-нибудь известно...

— Скоро увидимся, лейтенант.

— Гриффин...

Я бросил трубку, выбежал на улицу, сел в машину и дал полный ход.

Он неподвижно сидел в тихой комнате, последние багряные лучи заходящего солнца падали на его лицо, но он не мигал. Вытаращив глаза, он смотрел на пистолет у меня в руке и настороженно внимал моей речи.

— Этот Мартин, — говорил я, — славный и добрый малый с нежной душой. Он видит гибель жены и сына, запоминает номер машины, узнает имя женщины, которая сидела за рулем. Он замышляет убить ее, жаждет этого убийства больше всего на свете. Проигрывает его в уме тысячу раз, а потом предпринимает два покушения — возле питомника для саженцев и перед гастрономом. Оба покушения проваливаются. Почему? Да потому, что парень по натуре своей не убийца. Он слеплен из другого теста. Именно поэтому в самое последнее мгновение он выворачивал руль. И в первый, и во второй раз.

Что же происходит потом? Он выжидает удобного случая и предпринимает третью попытку? Нет. После неудачи у гастронома парень наверняка уразумел, что не способен на убийство. Во всяком случае, на такое убийство. Вместо того, чтобы красться за Морин, будто охотник, он идет к ней домой. Проникает внутрь, проводит там какое-то время, выкуривает сигарету и оставляет окурки в пепельнице. Морин понимала, что попала, и в живых он ее не оставит. Наверняка она рассказала ему все и назвала имя человека, сидевшего с ней в машине тем вечером, когда погибла семья Мартина.

Он хочет добраться до этого человека и заставляет Морин поехать с ним. Когда Мартин встретился с этим человеком, ему больше не надо было разбираться с Морин. Теперь перед ним мужчина. Безжалостный и бессердечный эгоист мужского пола. И сильный. Мартину он не по зубам. Он вырубает

Мартина, сует в зеленую машину и заявляет Морин, что у нее нет выхода, кроме как подыгрывать ему до конца. Потом едет на Тиммонс-стрит. По одной-единственной причине: ему нужна река, чтобы избавиться от бесчувственного или мертвого Мартина. Но тут Морин срывается. Она не чужда чувства справедливости, хотя ее подонку-спутнику этого не понять. Морин выскакивает из машины, и подонок давит ее. Ему везет: свидетелей нет. И он сталкивает машину с телом Мартина в реку.

Что называется, концы в воду. Подонок в полной безопасности. Никто не узнает, что он причастен к наезду и преступному сговору. Никаких тебе скандалов. Незапятнанное имя, неплохие виды на будущее. И времени он не потеряет, поскольку не проведет ни единой минуты в зале суда и за решеткой. — Я помолчал. — Ну, как, Рэнди? Похоже на пьесу?

Он заерзал. Потом встал и презрительно ухмыльнулся.

— На никудышную пьесу. Но, разумеется, вы не думаете, что я и есть этот таинственный великий преступник.

— Еще как думаю. Вам очень везло. Но вы допустили две ошибки. Нацарапали записку, не зная, что у причала, на том месте, где утонула машина, стоит баржа. Это обстоятельство доказывало невиновность Мартина. Вот ваша первая ошибка. А потом вы солгали мне, и эта ложь изобличила вас, Рэнди.

Он стоял передо мной, расслабленный и почти вялый. Ветер с улицы играл страницами разбросанных по гостинной журналов.

— Я начинаю сердиться, Стив, — заявил Рэнди. — В конце концов, вы знаете меня всего пару дней, а уже навоображали себе столько, что...

— Морин знала вас дольше.

— Две недели.

— Вы повторяетесь. Драматургу это непозволительно. Морин была сдержанным человеком, в некоторых отношениях почти робким. Она сказала, что хочет познакомить вас со мной. Подозреваю, что и нашим друзьям она хотела представить вас в моем присутствии, как нашего с ней общего приятеля.

— Что ж, тут вы правы, не буду спорить.

— Значит, вы общались с Морин только наедине. И вот она мертва. И не может опровергнуть ваши заявления, правильно?

— Ну, вообще-то правильно. Покойники не спорят...

— А вот и нет. Неправильно. Семья Мартина погибла двадцать восемь дней назад. Но вы знали Морин и до этого. Месяц назад она написала театральному агенту и послала ему две ваших пьесы.

Рэнди заметно побледнел.

— Она надеялась, что сможет сделать вам сюрприз и сообщить добрую весть о ваших пьесах, если их примут. Это было бы и впрямь приятно, правда, Рэнди?

— Слушайте, Стив, давайте не будем городить огород. Может быть, мы с Морин познакомились не две недели назад, а раньше. Может, я просто так брякнул про эти две недели...

— Потому что не хотели, чтобы кто-то узнал о том, что вы были знакомы с ней до гибели семьи Мартина. Зачем еще вам лгать? Вы знали о несчастье, стоившем жизни женщине и маленькому ребенку. А значит, были на месте происшествия. Вы эгоист, Рэнди, и поэтому придумали грандиозную ложь. Великую ложь. И все прошло прекрасно. Зато на мелкой лжи вы попались.

Лицо Рэнди сделалось пепельно-серым. Я видел, как он лихорадочно придумывает отговорки и ищет выход.

— Женщина с ребенком на руках была сбита без пяти девять вечера, — продолжал я. — Вскоре после того, как большинство людей заканчивает ужинать. Ведь вы возвращались с ужина, верно, Рэнди? И ехали через Западную сторону домой. Я знаю, какие рестораны предпочитала Морин, и мог бы показать вас их владельцам. Вас и фотографию Морин. Они припомнили бы ваши усики и бородку на детском личике. Но я не хочу терять время.

— Терять время? О чем это вы, Стив?

— Я и так убежден, что Морин убили вы и что все произошло именно так, как я описал. Грязь Тиммонс-стрит пропиталась ее кровью, Рэнди. Вам не следовало делать то, что вы сделали. Это была величайшая глупость.

Рэнди попятился. Его лицо покрылось испариной.

— Я готов дать вам немного времени, если вы хотите во всем признаться, — добавил я.

— Можно мне взять банку пива?

— Валяйте.

Я вошел следом за ним на кухню. Рэнди открыл жестянку с пивом и одним глотком ополовинил ее.

— Они вас арестуют, Стив, — сказал он. — Если вы устроите самосуд в духе Мартина...

— Вам ли меня стращать?! — заорал я.

Рэнди выронил банку, и пена хлынула на пол. Он уперся ладонями в край кухонного стола, ища опоры.

— Вы не посмеете! Вспомните, что вы сами говорили о добре и справедливости, Стив! Ведь вы тоже добрый человек. И не поступите наперекор вашему чувству справедливости.

— Как раз это чувство и требует, чтобы я поступил именно так.

Рэнди разревелся. На сей раз по-настоящему. Теперь он не лицедействовал, как в тот день, когда мы с Рейнолдсом сообщили ему о гибели Морин.

Он плакал от ярости, отчаяния и бессилия. И кричал сквозь слезы:

— Она относилась ко мне как к ребенку! Маленькому братишке! Тем вечером после ужина Морин читала мне назида-

ния. Мол, я еще молод, и не надо торопиться. Устройся куда-нибудь на полставки и работай. Я рассмеялся ей в лицо, и Морин рассердилась. Она свернула на Западную сторону и, глядя на меня, что-то говорила. И тут вдруг откуда ни возьмись, на середине мостовой появилась женщина с ребенком. Морин уже никак не успевала остановиться. Женщина не смотрела по сторонам, она улыбалась и махала рукой мужу, который стоял у бакалейной лавки. А когда все же заметила машину, то потеряла голову от страха и отскочила не в ту сторону. Туда же, куда свернула Морин.

Удар был очень тихий, не громче, чем если бы кто-то швырнул в решетку радиатора перезрелой дыней. Морин убрала ногу с акселератора, и тогда я сам вдавил педаль в пол и заорал, что надо удирать. Морин повиновалась мне совершенно бессознательно.

— Значит, она даже не была навеселе?

— Нет. Она пыталась совладать с машиной. Когда мы отъехали, я сказал, что возвращаться нельзя, да и помочь мы уже ничем не могли. Мои доводы напугали Морин еще больше. Мы подъехали к моему дому, Морин села на крыльцо и расплакалась, а я мыл передок машины. Потом отвез Морин домой, а машину отогнал в одну заштатную мастерскую. Там заменили разбитую фару и выправили крыло. Чтобы избежать неприятностей, я украл номера с другой машины, поставил их на вашу и только потом поехал в мастерскую. После починки я выбросил эти номера.

А вскоре Морин приехала ко мне с Мартином. Я не хотел, чтобы так вышло, Стив! Мне разве много надо? Кусок хлеба и возможность спокойно писать пьесы, вот и все! Я ни в чем не виноват! С той минуты, когда глупая мамаша вылезла на мостовую, я действовал под давлением обстоятельств. — Он вытер глаза рукавом рубахи. — Мне нужно еще пива.

Рэнди открыл ящик со льдом, извлек банку и, обойдя вокруг кухонного стола, стал вполоборота ко мне. Он сказал все, что мог, и, видимо, понял, что время вышло и терять ему нечего. Рэнди резко развернулся на носках и молниеносно метнул в меня жестянку с пивом. Его тонкое долговязое тело было упругим и жилистым, а руки — хлесткими как ветви ивы. Краем банки мне оцарапало левую щеку, и я едва не упал, но это был единственный успех моего противника. Мгновение спустя я нажал на курок и услышал гром выстрела.

Пуля прошла мимо цели. Хлопнула забранная сеткой дверь, и Рэнди выскочил из дома. Смеркалось, небо все еще было испещрено багряными полосами, похожими на кровавые мазки. Рэнди бежал по дорожке и изрядно смахивал на травмированного бейсболиста. Мой седан стоял позади машины Рэнди. Я погнался за ним, потрясая пистолетом. Парень оглянулся, увидел меня, втянул голову в плечи и побежал через

широкий пустырь, за которым начинался лес. Он мчался, выписывая зигзаги, и понимал, что сможет удрать: попасть в такую мишень было весьма и весьма непросто. Рэнди оказался куда проворнее меня.

Но тягаться в быстроте с моей машиной ему было не под силу. С громадной зеленой машиной, точно такой же, какая убила Морин и унесла на дно реки Алека Мартина.

Добежав до середины пустыря, он услышал нарастающий рев мотора и оглянулся. Я видел его искаженное ужасом лицо и разинутый рот. Рэнди хрипло вскрикнул и отскочил в сторону. Машина промчалась мимо. Я вывернул руль. Мой "седан", будто рассвирепевший бык, неуклюже развернулся и опять погнался за беглецом.

Теперь Рэнди улепетывал в противоположном направлении, держа путь к дому. Его длинные сильные ноги мельтешили передо мной, голова была втянута в плечи. По шуму мотора он понял, что машина рядом, и снова успел отскочить. Я промахнулся буквально на несколько дюймов.

Рэнди поскользнулся, упал, снова вскочил и бросился бежать, но у него уже подкашивались ноги. Он опустился на колени, заставил себя встать и поплелся вперед. Машина пошла юзом и развернулась. Рэнди опять оглянулся. Его глаза были выпучены, физиономия окаменела.

Он снова рухнул, и на сей раз ему не хватило сил подняться. Рэнди сдался. Безоговорочно капитулировал. Свернувшись калачиком, он закрыл лицо руками, чтобы не видеть несущейся на него машины.

Я затормозил, вылез, подошел к парню и остановился над ним. Его плечи тряслись, лицо было серым как пепел.

Наконец он набрался храбрости и взглянул на меня.

— Вы не... собираетесь...

— Нет, Рэнди, — устало ответил я. — На какое-то мгновение мне показалось, что я смогу это сделать, но, наверное, вы были правы. Если бы я действительно был способен на такое, то раздавил бы вас с первой попытки.

Солнце еще не зашло, но в его лучах больше не было багрянца. Нас окутывали безмолвные сумерки, и я вдруг подумал, что мне давно пора ехать к дочери. Как же мне хотелось увидеть Пенни...

Опустив глаза, я снова посмотрел на Рэнди. Все-таки хорошо, что я не стал делать из него лепешку. ■

Перевод с английского **Андрея ШАРОВА.**

1500 × 3,24 н. д. = 4900 р.

**Сергей
КАЛЕНИКИН**

Время

— Существует теория знаменитого физика Больцмана о тепловой смерти Вселенной. Ее суть в том, что со временем любой порядок разрушается до основания, а иначе говоря, вещество равномерно растекается по пространству, — замечает известный прогнозист, старший научный сотрудник Гидрометцентра РФ, кандидат технических наук Нина ШАПОВАЛОВА. — Так вот, если Больцман видел во Времени разрушающий фактор, то биологи, и лично Ч. Дарвин, утверждали обратное: время работает на усложнение, эволюцию систем. И физика вступила в некий

конфликт с биологией в понимании сути времени. Я же пришла к выводу, что для каждой системы есть свое время созидания и время разрушения. В системе (а это — любой живой механизм, в том числе и Земля) постоянно идут преобразования, в зависимости от того, сколько в ней энергии, вещества и информации. Каждое живое существо составляет единое целое со средой обитания и имеет свои ритмы. При этом на нашей планете наблюдается синхронизация различных природных и социальных событий. Скажем, выявлена четная взаимосвязь между природными

С Землей явно происходит что-то неладное — природные катаклизмы захлестнули мир. По мнению многих ученых, все дело в парниковых газах — именно они причина глобального потепления и связанных с этим климатических изменений. Но, может быть, есть и другие причины?

убывания бытия?

и техногенными катастрофами, повышенной смертностью людей, режимом вращения Земли и погодными явлениями. Наша биосфера все время дышит — в унисон дыханию Земли как живого космического организма. А мы — его часть. (Когда речь заходит о дыхании Земли, то Шаповалова прежде всего имеет в виду неравномерность ее вращения. — С.К.)

Скорость вращения Земли при движении по орбите вокруг Солнца меняется: когда планета разгоняется, происходит, по мнению Нины Сергеевны, ее вдох, а с ним и поглощение энергии.

Вместе с Землей делает вдох и все живущее на ней. А при торможении наблюдается обратное: выдох — выброс энергии. Соответственно дышит и все живое на Земле. Если наша планета ускоряет бег, то и мы вместе с нею накапливаем энергию. И наоборот. Если вы с дыханием Земли попадаете в резонанс, то на этой волне она передает вам свою энергию. В мире нет ничего замкнутого на себя.

Режим вращения Земли Шаповалову прежде всего интересуют с точки зрения циркуляции атмосферы, которая, как известно, имеет два принципиально

разных вихря: циклон и антициклон. Последний и является индикатором места заправки энергии в Землю. А через циклон происходит выброс энергии, в том числе и в виде воды. Именно там, где льют дожди, сбрасывается космическая энергия.

— Обратимся к эффекту бабочки, который был открыт в 60-е годы прошлого века американским метеорологом Э. Лоренцом, — продолжает моя собеседница. — Занимаясь моделированием погоды, он установил, что погода постоянно находится в хаотическом состоянии. То есть предсказать истинное ее развитие совершенно невозможно. Стоит метеорологической обстановке лишь слегка измениться там или здесь, и эволюция мировой погоды непредсказуемым образом смещается с одного из простертых "крыльев бабочки" на другое. Поясню на примере. Взмах "крыльев бабочки", допустим, в Калифорнии, то есть какие-то атмосферные потоки и вихри в этом районе, эхом отзывается в другой части света, где-нибудь в Монголии: там погода становится непредсказуемой.

Если живая система способна усваивать потоки энергии, она стабильна, а та, что исчерпала внутренний потенциал усвоения энергии, рушится. Земля, как и любой организм, живет за счет разности потенциалов — по принципу плюс-минус. Как и человек, планета дышит и "питается" — получает космическую энергию и сбрасывает ее — в определенном ритме.

— Наша планета всегда освобождается от переизбытка, от ненужного — от всего, что ей ме-

шает дышать, — говорит Шаповалова. — Земля ведет себя так, как любая элементарная частица: она так же подчиняется "указаниям", идущим на уровне информационного управления. И я нисколько не сомневаюсь, что каждый наш вдох, равно и выдох, каждый наш помысел так или иначе имеют отклик во Вселенной.

У атмосферы есть как бы два рабочих режима, которые "привязаны" к вращению Земли. Один режим — суперротация. Это когда атмосфера бежит вокруг земного шара быстрее, чем вращается он сам, при этом она содержит в себе очень мелкие, незначительные вихри. Планета и атмосфера живут как бы сами по себе. Атмосфера скользит по Земле и обгоняет планету, с которой она связана лишь трением у поверхности. Это режим западного переноса атмосферы.

А при втором режиме атмосфера стоит на месте. Она прижата, прикована цепями. И в ней уже вихри иного рода. Они пронизывают всю толщу атмосферы. И тут-то начинаются беды, ибо реализуется та самая восьмерка Лоренца, в одной части которой энергия накапливается, а в другой — выкачивается. Ни одна из существующих численных моделей не в состоянии спрогнозировать появление и локализацию таких восьмерок, ибо переход от одного режима к другому происходит сначала. Сначала, и никак иначе!

— Дело в том, — поясняет ученый, — что я работаю с погодным циклом, чья волна длится 14 дней. Он из тех, которые как бы "организованы", через семь

дней в среднем происходит смена знака ускорения. А принятые в метеорологии прогнозы погоды на 5, 10 дней не имеют физической основы. Их нельзя давать. Они не работают. Как можно метеорологический процесс мерить сутками, если он длится вдвое дольше или, скажем, укладывается в 3,5 суток? Ливень может пройти всего за десять минут, выдав весьма внушительные массы воды. А вам туманно говорят: ожидаются осадки... И нечто подобное может заявляться даже тогда, когда вы уже будете по пояс в воде...

Поведение и Земли, и ее обитателей "привязано" к энергетическим притокам и оттокам, — продолжает Шаповалова. — Скажем, когда люди вдруг закипают, возбуждаются, возводят баррикады, выходят на площади? Именно в дни забора энергии! А через какое-то время — после периода ее накопления — непременно последует спад — период отдачи. А если вы растратили собственный запас прочности, свою энергетiku, то вы сходите со сцены жизни. Отсюда мораль: экономьте свою энергетiku, не растрачивайте себя по пустякам.

— Нина Сергеевна, а почему природные или социальные ЧП происходят в каких-то определенных местах? Почему, скажем, "трясет" Белокаменную?

— Москва является одной из особых точек планеты. На Евразии она дважды попадает в золотое сечение: с запада на восток находится на долготе 37 градусов 37 минут (примерно 1/3 от 120 градусов), а от экватора до полюса на широте 55 градусов

45 минут (что составляет приблизительно 1/3 от полюса до экватора). Поэтому Москва очень часто попадает на перемычку метеорологической восьмерки, очень трудно спрогнозировать — войдет ли она в устойчивую зону зачатки энергии или ее выброса. Бывает, что Москву "бросает" из одной зоны в другую. Вот почему энергообъекты города должны иметь повышенную энергонадежность. К сожалению, это обстоятельство не учитывалось. Примером того послужило ЧП на Останкинской телебашне два года назад. В погоне за прибылью башню перегрузили энергетически. Как механический объект она устояла. Гениальность архитектора Никитина обеспечила ей выживание при непрерывном двухдневном горении. А вот энергетической безопасностью башни никто не занимался. После длительных проливных дождей первый же антициклон, пересекавший Москву с 27 по 31 августа в направлении с северо-запада на юго-восток, породил индукционные наводки и вызвал возгорание сразу в нескольких местах. Именно этим можно объяснить быстрое распространение огня по всей высоте башни.

Когда у Земли прилив энергии, то происходит ее перераспределение, но всегда неравномерно, из-за чего, к примеру, возникают землетрясения. А когда энергия на минимуме, совсем иная ситуация — ее можно сравнить с голодом...

По расчетам Н. Шаповаловой, самую нижнюю точку скорости вращения Земли мы преодолели 5 октября 1999 года. А те-

перь идем по восходящей линии. На предельной верхней точке онажемся в июле 2003 года. Значит, надо ожидать катаклизмы, связанные с перераспределением энергии: в одном месте будет происходить ее активная зачка, а в другом — не менее активный сброс. Кто-то столкнется с потопами, а кто-то — с засухой. Процесс зачки энергии происходит через антициклон, порождающий засуху, а выброс энергии осуществляется через циклон — потоки воды.

Итак, существуют ритмы, когда приходит время питания из окружающего пространства и время переваривания пищи, а затем и выброса каких-то излишков. Поинтересуемся у Н. Шаповаловой, чем, собственно, питается наша планета?

Помимо тепловой энергии Солнца, Земля, как полагает Нина Сергеевна, питается электромагнитным полем, которое идет из глубин Космоса. Причем Земля потребляет только тогда, когда наступает режим питания. Шаповалова связала его с временем ускорения планеты.

— Кто-то склонен думать, что ускорение или замедление — всего лишь механическое движение планеты. И только. Однако как метеоролог я попыталась увязать вращение Земли с атмосферными циклами. И вскоре поняла: природа циклонов и антициклонов абсолютно не решена. Теории современной метеорологии не раскрывают до конца сущность атмосферных вихрей. Речь, разумеется, не идет о том, что летом с антициклоном связано прогревание, а зимой холода. Тут вопросы иные. До сих пор не-

ясно, почему циклон или антициклон зарождаются? Почему живут какое-то определенное время?.. В чем причина их неожиданного разрушения или — непредсказуемого перемещения?..

Земля — заряженное тело. По ее поверхности распределяется определенный заряд, в поле которого мы и живем, — в среднем, 120-130 вольт на метр. Но это средняя величина. В отдельных же точках она прыгает в 100-1000 раз. Время от времени Земля и вовсе разряжается. А получив необходимую порцию энергии, распределяет ее по поверхности, увеличивая конденсаторное поле, в котором мы живем.

— На Землю постоянно обрушиваются космические потоки, однако она их не всегда принимает...

— Все так, — соглашается Шаповалова и поясняет. — Работает заслонка — Луна. Она-то и манипулирует дозарядной Земли. Наш спутник то приближается к нам, то отдаляется. Когда Луна убегает на максимальное расстояние, наступает время подзарядки Земли, что осуществляется через электронные пояса.

— Значит, существуют все-таки определенные места, через которые Земля и производит свою подзарядку?

— Да, и у Земли есть как бы хватательные устройства, которыми она улавливает "пищу" из Космоса. Это — магнитопроводы, электропроводы... А сами точки входа электронных вторжений расположены выше 60 градусов северной широты. Во время подзарядки и возникают северные сияния, озоновые ды-

ры в Северном полушарии... Когда, снажем, где-то начинается закрутка атмосферных потоков, то атмосфера как бы засасывается в Землю, в нее же стекает и озоновый слой.

И каким же образом Шаповалова определяет места энергетической подпитки Земли? По антициклонам. А они, согласно ее теории, первично формируются исключительно на Севере. А потом постепенно смещаются на юг. Ученый утверждает: антициклонический вихрь — больше, чем вихрь. Он наглядно указывает место заначки элентронов, а закручивается электромагнитным полем. Этот период, в среднем, продолжается семь дней. Это и есть период питания — время ускорения движения Земли.

— Нина Сергеевна, а где именно происходит энергетическая подпитка Земли?

— Есть три-четыре места входа, — поясняет Шаповалова, — но, замечу, они — постоянно блуждают. Исходные же их позиции — Нольский полуостров, Якутия и Канада. Снажем, кольский вход может оказаться на Урале или в Западной Европе. Но Москву достает и тот, и другой — потому антициклон частенько висит над столицей. Иногда антициклоны разбиваются, образуя четыре входа, а иногда их всего лишь два... Но одна точка заначки может дать аж три выброса! По своей силе они бывают разные, а проявляются через землетрясения, вулканическую активность, осадки... Почему на Сахалине в один январский день 2002 года выпала трехмесячная норма осадков? Сработал — и очень мощно — якутский антициклон.

Напитавшись энергией, он произвел свой сокрушительный выброс на Сахалине. И не говорите мне, что эти осадки связаны с испарившейся водой. Откуда ей быть в таких объемах в Якутии, да еще зимой! Кто ее анкумулировал? Все дело в подземных процессах.

— А что за природные чудеса приключились на нынешнее Рождество?

— Случилась самая настоящая катастрофа! Над Москвой висел антициклон. И что мы наблюдали? Днем 7 января — еще $+1^{\circ}\text{C}$, а вечером (в 22 часа) — страшное понижение температуры! Восьмого числа мы проснулись при -20°C . На следующий день температура жмет под 30 градусов! А 10 января — опять $+1^{\circ}\text{C}$. И это еще не все. Наш антициклон обрушивается на Ростов, где, не подпитываясь, сбрасывает 32 градуса.

Никто не понял этих рождественских метаморфоз, они ведь никак не вписываются в нормальную логику вихря. Поначалу думалось, что антициклон, находясь на своем максимуме, над Москвой простоит не менее пяти дней. Ан нет, он вдруг неожиданно сорвался в Ростов, где пробыл всего день и "скончался" — там ему нечем было питаться. А формировавший его электромагнитный поток перенинул на Якутию, усилив там действующий антициклон, который и отыгрался на Сахалине. Там такая бомбежка была — суперосадки! Три дня не видно ни зги! Так что же произошло с 7 на 8 января? Не вдаваясь в подробности, отвечу так: московский рождественский антициклон был нейтрал-

зован с помощью... рукотворных усилий.

По мнению Н. Шаповаловой, идет отработка методов искусственного воздействия на погоду, в частности, могут по заказу вызываться циклоны. Человек начинает менять космические порядки. И это опасней, чем поворот северных рек или штопка озоновых дыр. Тогда, когда антициклон лишь начинает формироваться, ему навстречу летит отрицательный, противоположного действия заряд. В итоге, антициклон на нужное ему место не садится.

Если вы спросите, почему в Европе уж который год нет нормальной зимы, то вам ответят дежурной фразой: идет глобальное потепление из-за накопления углекислого газа. Однако Шаповалова иного мнения. Европа страдает оттого, что она давно уже является мощнейшим излучателем энергии, и как раз в том диапазоне электромагнитного поля, в каком осуществляется сток. Потому на Европу и не садятся антициклоны. Результат — потопа, случившиеся нынешним летом.

Когда наша планета тормозится, она "работает" исключительно на излучение. Но есть места, где этот эффект проявляется особенно сильно. В их числе — Европа, которая буквально напичкана энергетическими объектами, электрическими сетями, мобильниками, компьютерами, что физически не дает возможности Земле произвести подпитку через этот регион. Вы обратили внимание, как сильно в последнее время трясет Камчатку? Почему? Одна из причин — Европа. Если бы на нее садился антици-

клон, то в Северном полушарии складывалась бы иная картина. А европейский антициклон вынужден скитаться, он приземляется не там, где надо, что и сказывается на Камчатке.

— Как точку приема космической энергии Западную Европу планета потеряла?

— Увы, отчасти да, потеряла... Если и дальше дело пойдет таким же образом, то ничего хорошего нам не светит. Перенос с Байконура в Плесецк ракетных стартов также вещь не безобидная. Плесецк находится в точке формирования антициклона. И нам все меньше приходят отрицательные заряды, которые нейтрализуют заряды положительные, благодаря которым размножаются вирусы. Мы не погоду должны поправлять, а действия людей! — считает Шаповалова. — Могу со всей определенностью утверждать: когда все точки приема превратятся в излучатели, когда Земля превратится в единый излучатель, мы непременно спровоцируем тепловую смерть планеты. Если Земля — через антициклоны — потеряет способность принимать энергию, то она, конечно же, умрет и мы вместе с нею. Оказавшись в поле разряженного конденсатора, мы штабелями будем лежать в больницах, дожидаясь перехода в мир иной. И никакой МЧС нам не поможет. Правда, вполне возможно и другое. Не дожидаясь своей кончины, Земля сбросит с себя человека. Цивилизация при разумном поведении в силах этого избежать. Что касается искусственного воздействия на погоду, за этим должен быть установлен жесточайший контроль. ■

Татьяна МЧЕДЛИШВИЛИ

ОСЕННЯЯ ПОРА

Осень тихо затронет
Кистью своей леса,
Туч дождевых нагонит
В серые небеса.
Щедро разбрызжет краски
В кронах густых ветвей,
Гроздь рябины красной
Станут еще спелей.
Грустно закружит в вальсе
Листьев и паутин,
В небе крылами машет
Лету прощальный клин.

БЕССОННИЦА

Снова ночь бессонная,
Хоть кричи...
Вновь душа бездомная
У свечи.
То ль в молитве кается,
То ли нет
Над свечой красавица
Много лет.
Ночи наказание
Бросит в дрожь...
Ночь, еще признания
В чем ты ждешь?!
У бессонниц силища,
Хоть кричи.
Ночь... души чистилище
У свечи...

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ СЛОВ

Мне не хватает нужных слов,
Совсем простых и очень сложных,
Чтоб было выразить возможно
Смешную многогранность снов.
Мне часто не хватает слов,
Чтоб описать любви сиянье
И тягостное ожиданье
Таких родных твоих шагов...
О, как мне не хватает слов,
Чтоб передать всю боль разлуки
И взгляд, что так ко мне суров,
И... как к любви зывают руки.
Мне очень не хватает слов,
Чтоб объяснить, как это важно
Проникнуть голубем бумажным
В наш мир и в жизнь иных миров?

ОНА принадлежит истории

Не знаю, для кого тот вечер стал более неожиданным — для меня, знавшей, что, вопреки печатным сведениям, потомки “русского Дюма” и “русской Жорж Санд” существуют, и я имею возможность с ними беседовать, или для хозяев, которые узнали факты из жизни своих предков, не имеющие ничего общего с тем, что опубликовано?

— Господи, но почему же мне все это не известно? — удивилась Евдокия Юрьевна, когда мы сели пить чай.

— Потому что все было не так. Никуда ваш дедушка не уезжал. После волнения московских студентов и знаменитой “дрезденской битвы” царь выдворил из России только вашу прабабку — Евгению Тур. В архиве я нашла более 100 писем вашего дедушки к матери, написанные из Петербурга, где он учился в университете.

— Так почему же во вступительной статье к двухтомнику романов моего деда написано совсем другое?

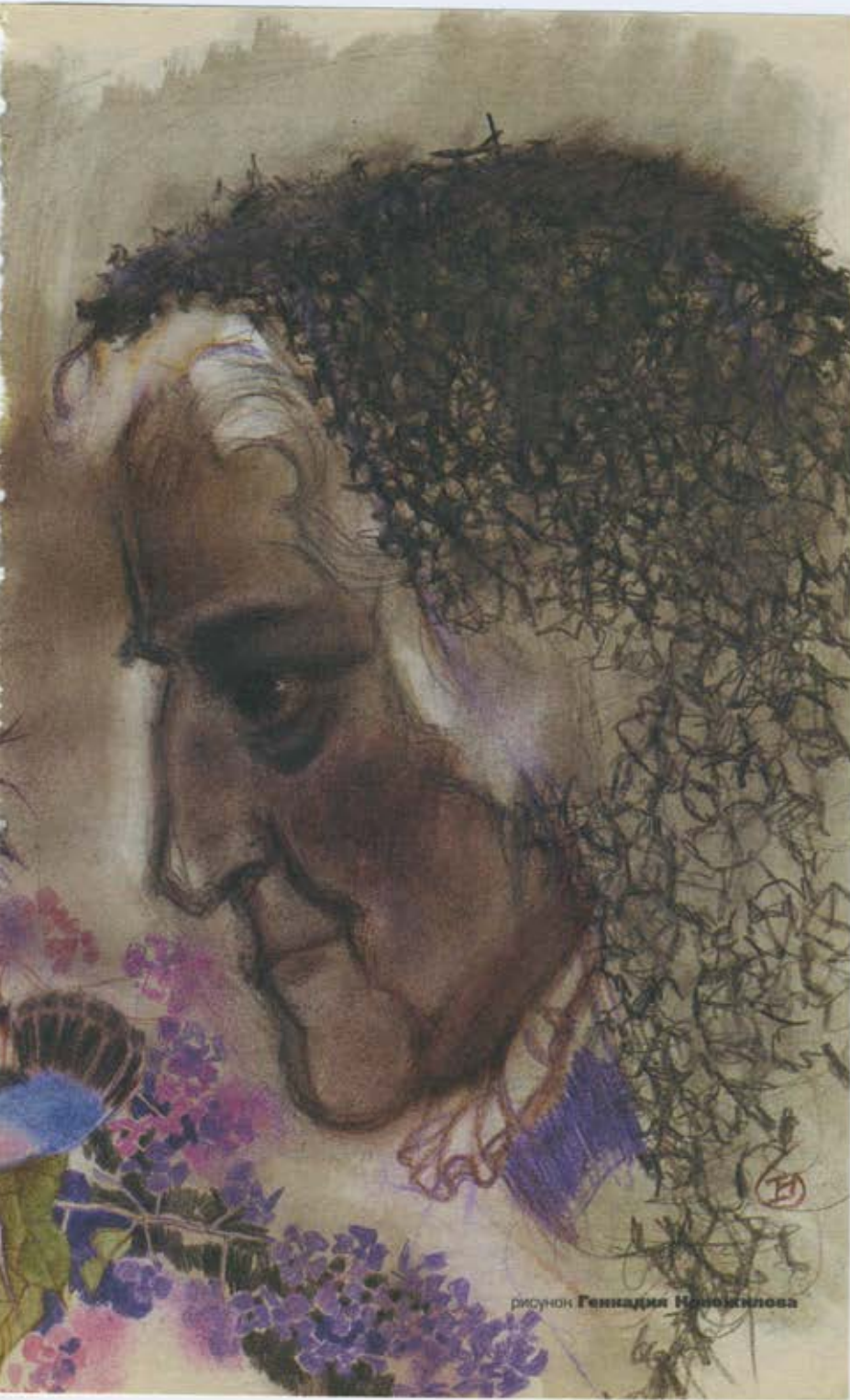

рисунок Геннадия Новикова

— Автор не работал в архивах. Он, вероятно, поверил, что граф умер бездетным и род прервался. Я и сама в этом уверена была.

— Ничего себе бездетный — семь душ детей народил — и бездетный!

Вместо ответа я стала читать письма графа Салиаса к матери. Затем пересказывала неопубликованные мемуары Евгении Тур.

— А где находятся воспоминания моей прабабки?

Мой ответ расстроил Евдокию Юрьевну.

— С моими ногами мне туда не добраться.

— Не волнуйтесь, Евдокия Юрьевна, я постараюсь их переписать, как будет возможность, и подарю вам распечатку. Кстати, там хранятся и три письма графа Салиаса к вашей мамушке, их я завтра же перепишу.

Каждый следующий визит проходил по одному сценарию: беседы, чай и обязательная просьба хозяйки:

— Прочтите мне, пожалуйста, еще раз письма бабушки к маме.

Как часто мы даем обещания — и не выполняем! Вот и меня мучает совесть: посулила переписать неопубликованные воспоминания знаменитой писательницы для ее правнучки, да время не находила, а через год было поздно — Евдокии Юрьевны не стало.

Семья

“Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Дмитрий Федорович! Извините великодушно, что, не имея чести быть знаком с вами, нахожусь в неопределенности писать вам. Считаю моим долгом сообщить вам прискорбное известие. Ваш племянник, а мой приятель и друг, Сергей Григорьевич Шалонский, убит вчера наповал при незначительной стычке между нашим полком и отрядами французского авангарда.

Я сделал всю кампанию с Сергеем Григорьевичем Шалонским, и по истине должен сказать: мало встречал столь добрых, честных и храбрых людей, каким был ваш покойный племянник и, горжусь сказать, мой друг и приятель. Он исполнял строго свой служебный долг и вышел невредимым из всех сражений, сказать по-домашнему, без царапины. Вместе стояли мы при Бородине, Малом Ярославце, Березине; вместе били французов при Лейпциге, Бауцене и Дрездене, и в ту минуту, как почитали себя, так сказать, на пороге родительского дома, в объятиях семейства, он пал от французской пули при незначительной стычке... В тот же день, так как нам приказано было выступать, Сергея Григорьевича похоронили с воинскими почестями близ католической церкви той деревни, где мы стояли. Искренние слезы пролились на могилу Сергея Григорьевича, ибо он был любим и товарищами, и под-

чиненными. Зная, что семейство Сергея Григорьевича еще недавно оплакивало потерю супруга и отца, я не смею быть вестником нового, рокового удара, и беру смелость отнестись к вам, как близкому родственнику. Вам подобает известить их о постигшем их несчастье... С истинным почтением и таковою же преданностью, имею честь быть Вашего Превосходительства Милостивый Государь покорнейшим слугою Петром Семигорским”.

“...Я видела, что офицер спросил что-то у перевозчика, но пошла своей дорогою, не считая приличным глядеть на проезжих. Едва сделала я несколько шагов в гору, взбираясь на крутой берег реки, как сзади меня послышалась быстрые шаги и раздались не знакомый мне голос.

— Извините меня, если я осмелюсь рекомендовать себя сам — я полковник Семигорской. Знаю, что имею честь говорить с Любовью Григорьевною Шалонской.

Я остановилась, пораженная именем его.

— Я догадался тотчас, что это именно вы, по вашему трауру... — он смеялся и прибавил: — Я еду к вашей матушке.

— Ах, — сказала я едва внятно, почти шепотом, — вы... приятель моего брата... вы...

Я недоговорила: слезы душили меня, и я усиливалась сдерживать свое волнение и подавить их...

— Возвращаясь из Франции и повидавшись с семейством, я счел долгом посетить вашу матушку, ибо имею обязанность вручить ей оставшиеся вещи вашего... — он прервал свою фразу, заметив мое волнение, и продолжал. — Я опасался приехать... неожиданный случай помог мне, я имел счастье встретить вас. Не будете вы столь благосклонны, не возьмете ли на себя приготовить вашу матушку к моему посещению? Ей будет прискорбно видеть меня...

Я все стояла и силилась одолеть свое волнение, наконец, мне удалось сдержать слезы, и я сказала нетвердым голосом:

— Нам надо опять переехать реку. Я пойду вперед и приготовлю матушку, а вас проводит эта девушка (я указала на мою горничную Машу) садами до флигеля...

...Семигорской шел с моей горничной, отстав от нас, скоро скрылся в аллеях сада. Я пошла во двор и прямо к бабушке.

— Бабушка, милая, не пугайтесь, ничего такого.

— Да ты вся в слезах.

— Это так, ничего. Приезжий здесь из армии... служил с братом. Его приятель. Желает видеть матушку. Ей будет так тяжело, а сказать ей надо.

— Кто он такой?

Я сказала. Бабушка смутилась, но немедленно встала и отправилась в комнату матушки. Через полчаса во флигель бежал стремглав наш лакей Алексей, и я видела, как Федор Федорович Семигорской прошел через залу и направился в ей

комнату. Он был высокий, стройный, смуглый и красивый молодой человек лет 28. Проходя, он почтительно и низко поклонился мне.

Через час он вышел от матушки, и по его покрасневшим глазам видно было, что и он плакал. Бабушка приняла его не только радушно, но родственно, отрекомендовала ему дочерей, и началось потчевание...”

Так Евгения Тур описывает в семейной хронике знакомство своей матери, Марии Ивановны Шепелевой, и отца, героя Отечественной войны кавалера орденов Св. Георгия и прусского “Pour la Merite”, Василия Александровича Сухово-Кобылина, друга погибшего любимца семьи Николеньки Шепелева.

Доблестный офицер полюбил девушку с первого взгляда. Судя по портретам, она была настоящей красавицей. Спустя два месяца он снова посетил имение и сделал предложение руки и сердца.

Через год, в 1815 году, у молодой счастливой четы родился первенец. Это была наша героиня Елизавета. Спустя два года родился Александр, в 1819 — Евдокия, в 1825 — Софья. И вся эта поросль прославилась. Красавец Александр, философ и математик, станет знаменитым драматургом, пьесы которого и сейчас украшают наши театры. Художница Софья первая из женщин будет удостоена золотых медалей Академии Художеств и получит золотую медаль на международной выставке в Париже. Елизавету назовут “русской Жорж Санд”. Евдокия, считавшаяся первой красавицей не только Москвы, но и России, станет придворной дамой. Выйдя замуж за камергера Императорского Двора, богатейшего помещика Михаила Федоровича Петрово-Соловова, она получит возможность содержать семью Елизаветы Васильевны и живущую в Италии сестру пейзажистку. Именно ей посвятила свои воспоминания Евгения Тур. Ей посвятит цикл стихов “Книгу любви” Огарев, полюбивший Душеньку (так называли Евдокию) еще в ее девичестве.

В том, что дети достигнут таких высот, заслуга родителей. Они дали им блестящее образование. С детства, кроме няни, которая вырастила их, к ним были приставлены француженка гувернантка и немец гувернер. Им преподавали лучшие профессора Московского университета. Детям особенно надоели приказания не говорить по-русски. “Вот это было горе нашего детства”.

Но если гувернеры и воспитатели возмущались нерадивостью детей, то сердце няни кровью обливалось оттого, что ее любимцы гробят себя чрезмерной учебой. Няня в семье пользовалась особым почтением. Она и хозяевами воспринималась не как прислуга, а как член семьи и “имела свой голос”.

Особенно привязалась она к Александру. Няня любила вязать в его комнате, когда мальчик учил уроки. Ее сетования на

чрезмерную загруженность детей веселили их, и Елизавета, сделав свои уроки, тоже приходила в комнату брата, которому учеба давалась несколько труднее, и ему приходилось долго корпеть за учебниками.

— И что это вас, деточек, мучат. Разве вам пить-есть нечего. Слава Богу, всего вдоволь. Жили бы, поживали. И зачем это?

— Как, няня, зачем? — возражал мальчик. — Все знать надо. Ну, вот, скажи-ка, как ты думаешь — велико ли солнце?

— Что мне думать, Бог глаза дал. Оно отсюда, снизу, кажется маленьким, а должно быть велико-таки. Я полагаю больше заднего колеса нашей кареты.

— Ну вот и ошиблась... Оно, солнце-то, очень, очень велико, больше земного шара.

— Какого земного шара?

— Нашей Земли, на которой мы живем.

— Так говори путно, какой такой шар поминаешь. Над старухой не смейся, грешно. Я не дура какая, либо юродивая, чтобы такому вздору поверить. Вишь ты! У тебя молоко на губах не обсохло! Туда же, смеяться над старухой, — не на шутку обиделась няня.

— Вот те крест, я не смеюсь над тобою, нянечка. Солнце больше Земли. Вот тут измерено, — и он показал на свой учебник.

— Измерено! А кто мерял? Кто там был? Подлинно у бар либо денег много, либо ума мало, что за такие-то сказки они деньги платят? Этому-то детей учить, на этой-то пустяковине их мором морить! До полночи просиживает, голубчик, дребедень-то эту заучивать! И!.. и!.. и!.. — возмущенно качала она головой.

— А знаешь ли, во сколько минут летит к нам луч света от Солнца?

— Не знаю и знать не хочу. Да что ты это, сударь, насмеяться надо мною вздумал. Луч света и его мерить! Уж лучше, как в сказке, веревку из песку свить. Умён стал больно.

Брат, видя, что няня не на шутку сердится, бросился ей на шею и душил ее поцелуями, приговаривая:

— Не буду, не буду, не сердись Христа ради!

— То-то же, — отвечала растроганная его ласкою няня, и грозилась на него, а затем крестила его, целовала; он принимался нехотя за книгу, а она за чулок.

Благодаря родителям Елизавета Васильевна стала одной из самых образованных женщин Европы своего времени. Ее брат, Александр Васильевич, именно это считал большим пороком. Он сравнивал сестру с горбатым, которого исправит только могила, и горбом в его глазах была ее эмансипированность и образованность. Брат же с точки зрения Елизаветы Васильевны был отсталым человеком.

Отношения между братом и сестрой зачастую были натянутыми. Одна из причин, вероятно, ревность. Дочь уродилась в отца, а сын в мать. Мария Ивановна души не чаяла в Александре и не любила Елизавету, которую считала чуть ли не уродливой. Мать незаслуженно придиралась к девочке, вместе с француженкой заставляла ее носить жесткий корсет, чтобы “выправить” осанку.

Мария Ивановна отличалась не только красотой и артистичностью, но и образованностью. Она интересовалась наукой, переводила с французского философские сочинения. Незаурядный ум, начитанность и умение привлечь к себе людей мыслящих и разносторонне одаренных, сделали ее гостиную модной. Завсегдатаями одного из лучших салонов своего времени были самые знаменитые люди.

По темпераменту и страсти собирать вокруг себя незаурядных людей Елизавета Васильевна походила на мать.

Любовь страданий всех начало...

Первая любовь посетила нашу героиню в юности. Предметом страсти стал ее педагог Николай Иванович Надеждин, читавший ей курс истории культуры. Профессор Московского университета был блестящим литературным и театральным критиком, журналистом, историком, этнографом и философом; известным редактором и издателем журнала “Телескоп”, в котором появился первый литературный опыт Елизаветы Васильевны — перевод из путевых записок А. Дюма “Чертов мост”. В период преподавания Николай Иванович, а вместе с ним и В.Г. Белинский, жил в доме Сухово-Кобылиных.

Роман учителя и ученицы вызвал бурю. Шутка ли — столбовая дворянка собралась замуж за поповича. Надеждина удалили, и он, бросив любимое дело — преподавание, — решил искать место чиновника, чтобы со временем стать “достойным” любимой, для чего вынужден был перебраться в Петербург. Елизавету никуда не выпускали, переписку их перехватывали. В ход пошла клевета. Брат сообщал, что ее избранник давно забыл о ней (даже не пишет) и по слухам нашел себе другую девушку. Николаю Ивановичу “доносили”, что его бывшая ученица “веселится” в Первопрестольной и нашла ему замену. Недостойное поведение Александра Васильевича рассорило его с братьями Аксаковыми.

Любящие сердца не поверили лжи. Надеждин приезжает в Москву, и Елизавета в переданном письме предлагает увезти ее и тайно обвенчаться. Николай Иванович отговаривает любимую от этого шага, боясь, что впоследствии она раскается. Но девушка настаивала. План ее был раскрыт. Рухнувшие мечты сразили Елизавету. Она тяжело заболела, и по настоянию врачей мать увозит ее на несколько лет в Европу. Правда,

воды и новые впечатления фактически не помогли. Сохранились ее письма к любимому (более 600), в каждой строчке которых сквозит отчаяние и тоска.

Семья желала не только поправить здоровье “взбалмошной” Лизы, но и выдать ее замуж. Подходящая кандидатура нашлась во Франции. Потомок древних родов граф Анри Салиас де Турнемир — не чета поповичу. В семье французских аристократов бережно хранились письма королей Наварры Генриха Альбре (деда будущего Генриха IV), Генриха III (последнего из династии Валуа) и самого Генриха IV.

В Москву Елизавета Васильевна вернулась графиней Салиас де Турнемир. Ее мужа в России называли Андреем Ивановичем. Он был веселого нрава, достаточно красив, изящен и не лишен талантов. Сохранились его акварельные рисунки из жизни французского общества, портреты дочерей. В Москве граф Салиас достаточно быстро нажил себе врагов своим сатирическим складом ума. Его эпиграммы, сыпавшиеся, как из рога изобилия, на московскую знать, восстановили против него общество. Некоторые современники характеризовали его как самое жалкое ничтожество, пустейшего хлыща, кичившегося своим титулом. Поэтому, когда по Белокаменной стало ходить рукописное сатирическое сочинение “Каталог Московского общества”, авторство приписали французскому графу. Возможно, именно эпиграммы послужили поводом к дуэли между ним и Петром Ивановичем Фроловым. Они вцепились друг в друга во время гуляния в Петровском парке. Граф Салиас соскочил с лошади и отхлестал за что-то Фролова. Последний же, будучи хромым, всегда имел при себе палку, которой и принялся дубасить французского графа.

— Дарю вам эти обломки для хранения в вашем Турнемирском замке, — сказал Фролов своему противнику, протягивая то, что осталось от его палки.

Они стрелялись на пистолетах. Граф Салиас был ранен, и вскоре за участие в дуэли его выдворили из России. В 1844 году Андрей Иванович вернулся во Францию без жены и детей, оставив семью без средств к существованию.

Он до конца жизни оставался неисправимым романтиком и мечтателем, витающим в облаках. Получив за женой в наследство огромную сумму, он вознамерился увеличить этот капитал до миллиона. И самым выгодным делом посчитал производство шампанского в России. Его удивляло, что “русские варвары”, имея у себя виноград, не умеют извлекать из него пользу. Граф рьяно взялся за дело: выписал из Франции виноделов, начал производство и... разорился. Качество шампанского несостоявшегося миллионера было чрезвычайно плохим.

Так закончилась семейная жизнь Елизаветы Васильевны. С мужем они оставались в хороших отношениях, переписыва-

лись. Дети и жена часто приезжали в гости к французским родственникам и подолгу у них жили. Об этих приездах русских родичей до сих пор вспоминают потомки графа.

Второй сердечной привязанностью Елизаветы Васильевны стал Николай Платонович Огарев. Видно, она была уверена, что наконец и ей улыбнулась судьба. Графиня переехала к Огареву и даже письма некоторые подписывала “Елизавета Огарева”.

Добрейшей души человек, Николай Платонович искренне полюбил ее детей. Особенно он привязался к Евгению, который и считал его настоящим отцом. Мальчику все сходило с рук: и “покушение” на жизнь Огарева (Евгению показалось, что тот недостаточно учтиво относится к его сестре, и напал со своей маленькой шпагой на мнимого обидчика), и его химические опыты, которые едва не разнесли всю усадьбу.

Но, как говорится, “а счастье было так возможно...”. Сердцу не прикажешь, и увлекающийся Николай Платонович полюбил сестру Елизаветы — Душеньку. После эмиграции Огарев постоянно переписывается с Елизаветой Васильевной и ее детьми.

В 60-е годы Елизавета Васильевна попадает под большое влияние незаурядной личности — профессора Московского университета, умного, талантливого и порядочного человека — Вызинского. Генрих Викентьевич, ученый и публицист, стал видным деятелем польской эмиграции. Поляк по национальности, он мечтал о полной независимости Польши, а в случае невозможности сразу достигнуть этого — о широкой административной для нее автономии. После неудачи Польского восстания Вызинский пал духом. Особенно трагично он воспринял победу русского оружия в Восточной войне. С упрочением русско-германского союза рухнула надежда и на независимость Польши. Вызинский не выдержал этого и покончил жизнь самоубийством, бросившись в Сену.

Елизавета Васильевна тяжело переживала смерть любимого человека и винила в трагедии себя. Графиня считала, что если бы в тот момент она была рядом с ним, то сумела бы остановить Вызинского от рокового шага. Влияние этого человека на нее было огромным. Феоктистов вспоминал, что он успел пробудить в графине безграничную симпатию к революционной партии. “Дом ее сделался мало-помалу сборищем бог знает какого люда, — все это ораторствовало о свободе, равенстве, о необходимости борьбы с правительством и т.п.”.

Елизавета Васильевна горячо сочувствовала студентам, и когда начались волнения молодежи, ее квартира становится одним из центров студенческого движения. Речь, которую произнес ее сын на могиле историка Грановского, москвичи приписали ей, причем исказив содержание. Елизавета Васильевна якобы призывала к свержению самодержавия. Все

это дошло до Петербурга. Дело доложили царю, который предоставил местной власти “принятие мер наблюдения, а начальнику III Отделения — решения вопроса о необходимости удаления из Москвы”.

Местные же власти посоветовали графине удалиться не только из города, но и из России, и тогда же в ноябре она покинула Отечество. Сын и мать находились под надзором полиции двадцать лет.

Русская Жорж Санд

После отъезда мужа во Францию Елизавета Васильевна с детьми переезжает в маленькую квартирку на 3-й Мещанской улице. Оставшись без средств к существованию, она стала зарабатывать литературным трудом, перейдя от переводов к собственным сочинениям. “Теперь друзья уговорили ее попробовать писать по-русски, — вспоминал сын Евгений. — Эта проба была повесть “Ошибка”, имевшая большой успех. Первое произведение, замеченное публикой и расхваленное критикой, конечно, ввело мою мать сразу в тогдашний литературный круг, и в доме нашем стали бывать такие личности, как Грановский, Шевырев, Сушков, Станкевич... Но вместе с ними снова появились и старые друзья, Раич (переводчик “Энеиды”) и М.А. Максимович, прежние наставники матери по русскому языку и литературе. Они ликовали, что их ученица стала писательницей”.

Елизавета Васильевна становится популярной писательницей Евгенией Тур. О том, как и почему выбран был именно этот псевдоним, вспоминал Евгений Андреевич: “Все рассказы о романе моей матери с Тургеневым — совершенный вздор. Ничего подобного. Говорили, что “Евгения Тур” есть вывороченное “Тургенев”. По простой случайности это действительно так, и анаграмма получается почти полная. Однако никакой иной подкладки здесь нет. Мою мать звали Елизаветой, но она безумно любила имя “Евгений” и “Евгения”. Она же была страстная поклонница Пушкина и, в частности, “Онегина”. Отсюда и я зовусь Евгением. А дело с ее псевдонимом обстояло так: имя Евгения взяли без дальних разговоров. Потом стали искать фамилию. “Евгения Саль” — сокращенное от “Салиас”, но “саль” по-французски “грязный”, — некрасиво, “Евгения Льяс” — не звучно, “Евгения Немир” — длинно. И всем понравилось “Евгения Тур”.

Кстати, роман “Семейство Шалонских. Семейная хроника” Елизавета Петровна посвятила своему внуку — графу Георгию Салиасу. Единственную дочь Георгий Евгеньевич назвал любимым именем бабушки. Евгения Георгиевна ныне живет в Москве.

В связи с романом “Племянница” Иван Сергеевич Тургенев определил талант Евгении Тур как “лирический, от нее

нераздельный, столько же способный передать малейшие движения души автора, ее собственный жизненный опыт, сколько неспособный создавать самостоятельные характеры и типы”.

Здесь, на Мещанской, открывает она свой замечательный салон, где собирался весь цвет нации. “Вчера, как и каждый вечер, засиделся и заужинался на вечеринке, — писал А.И. Тургенев П.П. Вяземскому. — Графиня Салиас-Турнемир (Сухово-Кобылина) собрала весь блестящий мир; я любезничал с незнакомыми почти до двух утра”.

Салиас на склоне лет вспоминал: “Моя мать обладала удивительной способностью за всю свою жизнь сочетать в себе женщину трудящуюся без устали, не покладая рук, то есть пера, с женщиной светской в широком смысле слова, не только любившей общество, но даже не способной обойтись без шума и гула гостиных и гостей... И у нас постоянно всюду, и даже в Москве, и за границей, где мы живали иногда подолгу, бывало всегда, как я — в качестве маленького мизантропа — выражался, “не отолченная труба” гостей всех пород и разновидностей”.

Елизавета Васильевна написала многочисленные критические статьи, воспоминания о русских и зарубежных писателях. Романы, повести и рассказы Евгении Тур вызвали восторженные отклики знаменитых русских писателей. Но одним из самых больших вкладов в русскую культуру графини составляют произведения, написанные для детей. Она издавала библию для детей, писала для нее и переводила романы из римской истории и истории раннего христианства. Эти произведения выдержали многократные прижизненные переиздания.

— А знаете, я ведь хорошо помню, как к нам приходил в гости Бонч-Бруевич. Он сидел на кухне, пил чай и все уговаривал мать передать музею все, что сохранилось от деда и прабабки. У нас была их огромная библиотека, да родственникам пришлось ее продать, чтобы выслать мне деньги на дорогу... Меня ведь сослали, как и всех наших. Сестру и мужа расстреляли, а мама умерла в Средней Азии. После амнистии не было денег вернуться... Бруевичу передали богатейшую коллекцию икон и картин Сухово-Кобылиных, все фамильные рукописи... Юра, — обратилась к сыну Евдокия Юрьевна, — принеси-ка письмо Бруевича к маме.

Пожелтевший от времени лист в моей руке от волнения слегка подрагивает. Письмо написано в 1932 году.

“Многоуважаемая Евдокия Евгеньевна!

Сегодня Юрий Дмитриевич¹ передал мне Ваше письмо. Я очень благодарю Вас за Ваш ответ и, конечно, не могу искренне не сожалеть о той величайшей утрате, которая произошла в

¹ Князь Урусов — муж Евдокии Евгеньевны и отец Евдокии Юрьевны.

революционную эпоху: письма Огарева, Герцена и, кажется, в довольно значительном количестве, исчезли. Это очень печально, так как каждое письмо этих авторов имеет огромное значение. Конечно, я не берусь судить также о том, что уже совершилось, когда ваш батюшка уничтожал письма Герцена, носящие личный характер, но я, только пользуясь этим случаем, хотел бы сказать, что для истории нет документов личного характера, а есть только документы, потому что каждое лицо в истории, тем более такие лица, как Е. Тур, Огарев, Герцен и их взаимные отношения, их взаимная переписка, конечно, не принадлежит ни отдельным личностям, ни отдельным семьям, а принадлежит, прежде всего, истории той страны, где они жили, и я могу смело сказать, — принадлежит также истории всего человечества.

... Мне хотелось бы сказать Вам, что надо принять решительно все меры, чтобы дневник Вашей бабушки Е. Тур ни в коем случае не пропал бы. Воспоминания ее детства до 18-летнего возраста несомненно крайне интересны, так как ведь не надо же забывать, что она большая писательница и большая общественная деятельница своей эпохи. Как же можно думать, что хотя что-нибудь, касающееся ее биографии, не будет интересно? Вот почему позвольте мне Вас усиленно просить принять всевозможные меры, чтобы Ваша старая родственница², считающая этот дневник своим семейным, изменила бы свою точку зрения и посмотрела бы на Вашу знаменитую бабушку, как на человека, принадлежащего истории. Кстати, мне очень хотелось бы, если было бы возможно, получить от Вас портреты ее, Вашего отца и других родственников и ее окружения, которые мы охотно приобрели бы для нашего Центрального Литературного Музея. Если Вы найдете в Вашем архиве хотя бы с Вашей точки зрения мало значительные письма, пожалуйста, ничего не уничтожайте, а все давайте нам в архив. Будьте уверены, что все это будет приведено в самый лучший порядок и в общих материалах для исследования соответствующих периодов нашей литературной жизни они будут крайне полезны и нужны. Всего наилучшего Вам Владимир Бонч-Бруевич”.

Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина, графиня Салиас де Турнемир, Евгения Тур, писательница и общественная деятельница, принадлежавшая “истории всего человечества”, последние годы жила со старшей дочерью Марией и зятем — фельдмаршалом Гурко. В 1892 году она умерла в Варшаве и в соответствии с ее желанием была похоронена рядом с любимой бабушкой на калужской земле — в Тихоновой пустыни в родовом склепе Шепелевых. ■

² Мария Михайловна Петрово-Соловова — дочь Душеньки — являлась хранительницей родового архива.

фаберже

Еще при жизни Карла Фаберже называли “русским Бенвенуто Челлини”. И действительно, со времен этого великого итальянца мир не знал другого мастера, обладающего такой высокой техникой и поистине неистощимой фантазией.

Предки основателя фирмы происходили из Франции. В 1685 году они покинули родину и поселились в Германии, а в конце XVIII века дед художника прибыл в лифляндский город Пярну и принял российское подданство. Здесь в 1814 году у него родился сын Густав. Вскоре Густав Фаберже, или, как его называли в адресных книгах, Фаберг, переехал в Петербург и открыл на Большой Морской маленький магазинчик золотых и бриллиантовых изделий, а при нем — ювелирную мастерскую.

В 1846 году у Густава и его жены Шарлотты, дочери датского художника Юнгштедта, родился сын Карл. С детства Карл проявил способности к рисованию, и друг отца Хискас Пендин стал обучать его ювелирному делу. Для завершения образования Густав отправил сына за границу. В Дрездене Карл окончил торговую школу, в Париже — коммерческий колледж, во Франкфурте-на-Майне прошел практику в мастерской известного ювелира Фридмана. А в музеях Дрездена, Лондона, Парижа, Флоренции изучал крупнейшие ювелирные коллекции. Карлу было 24 года, когда он, повидав свет и набравшись знаний, вернулся домой. Сразу же начал работать в мастерской отца, а когда тот в 1881 году скончался, возглавил дело. Вскоре под маркой

Фаберже он объединил нескольких столичных мастеров, а сам стал не только владельцем фирмы, но и талантливым организатором, как бы сегодня сказали — менеджером, главным поставщиком идей и судьей воплощенных замыслов.

Карл Фаберже обладал безупречным художественным вкусом, богатой творческой фантазией, слыл знатоком тонких технических приемов. Он провозгласил: важна не коммерческая стоимость материала, а художественное совершенство каждого изделия. “Меня мало интересует дорогая вещь, — говорил он, — если ее цена только в том, что насажено много бриллиантов и жемчугов”.

Первые работы, принесшие фирме известность, — копии с керченских украшений, выполненные по заказу германского императора Вильгельма II. Копия со знаменитого ожерелья с подвесками в виде амфор, сделанная ювелиром фирмы Эриком Коллином, привлекла внимание на московской Всероссийской выставке в 1882 году и получила Золотую медаль. А через три года на Нюрнбергской выставке изделия фирмы Фаберже удостоились международного признания.

У Карла Фаберже поистине был талант находить яркие дарования, выдающихся ювелиров и создавать им условия для творчества.

Карл Фаберже.

Яйцо "с гризайлью".

В художественной студии фирмы работали многие выпускники Центрального училища технического рисования и черчения, основанного банкиром и меценатом бароном Штиглицем. Фаберже отбирал лучших учеников Училища и платил им немалые деньги — от 6 до 10 тысяч рублей в год, чтобы "иметь всегда рисунки, которых у других нет". Работая над эскизами будущей продукции, художники изучали образцы прикладного искусства разных стран, благодаря чему выработали свой особенный стиль, вобравший достижения русских и европейских мастеров.

Главным ювелиром фирмы многие годы был Август Хольмстрем, а его дочь Хильма Алина считалась лучшим дизайнером. Среди других следует упомянуть Михаила Перхина — золотых дел мастера, се-

ребрянника Юлия Раппопорта, резчиков по камню Кремлева, Свешникова, Дербишева. Искусные композиции создавали Август Коллин, Виктор Аарно, Владимир Афанасьев, Андерс Невалайнен, Андрей Горинов, Эдвард Шрамм... Одним словом, у Фаберже трудились художники разных национальностей, но большая часть золотых дел мастеров были выходцами из Финляндии. Самым, пожалуй, искусным из них считался Хенрик Вигстрём. Это ему принадлежат инициалы HW на изделиях фирмы, в том числе и на 12 знаменитых ювелирных пасхальных яйцах, которые он создал лично. Начиная свою карьеру Хенрик в Петербурге, куда подался на заработки, а у Фаберже вначале работал подмастерьем. Он оказался способным учеником и вскоре стал помощником главного золотых дел мастера Михаила Перхина. А когда в 1903 году тот умер, все главные заказы фирмы исполнялись под руководством Хенрика Вигстрёма. 14 лет он занимал эту должность, вплоть до 1917 года. При его участии изготовлены тысячи ювелирных изделий: золотые часы, лорнеты с украшениями, серебряные вазы, бокалы и игрушки, фигурки зверей, рамки для фотографий с бриллиантовой осыпью. Но, пожалуй, главным из всего этого разнообразия считаются пасхальные яйца, на которых стоят инициалы HW.

Ассортимент продукции фирмы Фаберже во второй половине XIX века значительно расширился. Помимо традиционных женских украшений из золота, серебра и бриллиантов, изготавливались часы, бинокли, вееры, барометры, подсвечники, настольные лампы, ручки для тростей и зонтов, пудреницы, флаконы для духов... При украшении вещей использовались самоцветы: нефрит, лазурит, аметист, гелиотроп, топаз, горный хрусталь, яшма, агат, а также драгоценные камни — алмазы, рубины, сапфиры.

В 1872 году Карл Фаберже женился на Августе Якоб, дочери управляющего мебельной фабрикой в Германии. У них родилось четыре сына. Все они со временем работали на фирме отца. Евгений руководил художниками, Агафон специализировался по камням, Александр стал скульптором, Николай — эмальером.

Все это время фирма располагалась на Большой Морской, на том самом месте, которое когда-то выбрал отец Карла. А в 1898 году Фаберже приобрел по соседству еще один участок. Здесь через два года по проекту архитектора Карла Шмидта, приятеля Агафона и, как и он, известного коллекционера марок (это их и сблизило), возвели комплекс зданий для фирмы. Строительство обошлось в полмиллиона рублей золотом (кстати, главный корпус сохранился до наших дней). На первом этаже находились торговые залы, специальным лифтом они соединялись с квартирой главы фирмы, в ней располагались его кабинет, обширная библиотека по искусству и собранная Карлом коллекция японских подвесок — нэцке. Художественная студия занимала весь верхний этаж.

Вскоре на изделия ювелирной фирмы обратили внимание при царском дворе. Это произошло, когда во время коронации Александра III нижегородское купечество преподнесло императрице Марии

Яйцо "Павлин".

Федоровне изделие Фаберже — миниатюрную золотую корзиночку с букетом ландышей из жемчуга и бриллиантов. Незамедлительно последовал заказ от самого Александра изготовить для подарка германскому канцлеру Бисмарку усыпанную бриллиантами золотую шкатулку с портретом русского императора.

С этого момента Карл Фаберже стал поставщиком русского императорского двора, а великие князья и княгини клиентами ювелира. (Со временем он станет придворным ювелиром "короля шведского и норвежского, короля Великобританского, короля Сиам", будет награжден многими российскими орденами.) Особым спросом при дворе пользовались оригинальные изделия в виде сувенирных пасхальных яиц. Самое первое яйцо Александр заказал в 1885 году. Оно предназначалось для подарка жене — Марии Федоровне. Яйцо содержало в себе сюрприз: скорлупа разъединялась на две части, и внутри, на удивление (вот уж точно — сюрприз), сидела на яйцах крохотная золотая курочка с глазами из рубинов и бриллиантовой короной вместо гребня. Все детали так тщательно выполнены, что без труда позволяли разглядеть и гребешок, и глазки курочки, и даже каждое в отдельности миниатюрное перышко. На этом, однако, чудеса не кончались. В самой курочке спрятаны еще диковинки — маленькое рубиновое яйцо и императорская корона.

В 1895 году по заказу Николая II изготовили сувенирное пасхальное яйцо с золотой копией королевского дворца в Дании. А шесть лет спустя по его же просьбе сделали модель Гатчинского дворца — любимой резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Эта миниатюрная копия со всеми архитектурными деталями и памятником Павлу I перед фасадом создана из золота и помещена в золотой футляр, покрытый шестью слоями эмали. Обошлось чудо ювелирного искусства в 30 тысяч — сумма в целое состояние. (В 1919 году это

пасхальное яйцо в числе других драгоценностей Мария Федоровна вывезла из Крыма, когда навсегда покидала Россию на английском эсминце.)

К двухсотлетию Петербурга и к Пасхе 1903 года изготовили яйцо "Петр Великий". Снаружи его украшали бриллианты и четыре миниатюры на слоновой кости с видами домика Петра I, Зимнего дворца, портретами Петра и Николая II, под крышкой — золотая копия "Медного всадника", помещенного на пьедестале из порфира.

В числе таких же редкостей и пасхальный сувенир с копией Александровского дворца в Царском Селе и миниатюрной императорской яхтой "Штандарт". И то и другое вкладывалось в яйцо из нефрита и изготовленную из золота, серебра и платины модель волжского парохода. Этот сувенир Николай II подарил сыну Алексею (сегодня находится в частном собрании в США).

Стоит сказать, что фирма никогда не повторяла своих произведений. И лишь однажды петербургский миллионер, богатейший золотопромышленник Александр Кельх, владелец приисков в Сибири, (кстати, после революции он торговал в Питере папиросами, а в 30-х сгинул в лагерях) обратился к Фаберже с просьбой сделать для него копии с некоторых царских пасхальных сувениров. Отказать тому, кто снабжал фирму золотом, Фаберже не мог. Так Кельх стал частным

Яйцо
"Нолонольные часы".

заказчиком знаменитого мастера, изготовившего для него копии пасхальных яиц-сюрпризов, которые до этого выполнялись только для членов императорской фамилии. (Вторым таким заказчиком будет Эммануэль Нобель, один из братьев знаменитого изобретателя, живший в России.) Но Фаберже и тут не отступил от своего правила и не стал в точности повторять свои изделия. Новые сувенирные яйца несколько отличались от оригиналов, в частности, на них стояли монограммы Кельха и его супруги Варвары Базановой. Самой известной в ее коллекции из семи яиц была наиболее оригинальная и роскошная "Сосновая шишка", подаренная ей мужем на Пасху 1900 года. Изготовлен сувенир из ярко-синей эмали и, казалось, светился изнутри, а чешуйки шишки по краям оторачивались бриллиантами. Когда отворялась внешняя скорлупа, то на бархатной ее подкладке возникала поразительного изящества миниатюра — серебряный индийский слоник. Бивни у него были из настоящей слоновой кости, а на золотом седле в тюрбане сидел погонщик. Фигурка заводилась золотым ключиком, и слоник забавно как бы двигался, помахивая хвостиком.

Придумал этот сюрприз третий сын Карла Фаберже Агафон, вернувшись из путешествия по Дальнему Востоку и Индии, где проводил свой медовый месяц.

Из 69 пасхальных яиц, изготовленных фирмой, 59 выполнены главным мастером Михаилом Перхиным, ставшим ближайшим компаньоном Карла. Но не все из них сохранились до наших дней. Сегодня известно местонахождение лишь 48. Десять хранятся в Оружейной палате, несколько — в собрании английской королевы Елизаветы II (стоимость ее коллекции — 15 миллионов фунтов стерлингов, одно только розовое пасхальное яйцо оценивается в 2 миллиона фунтов), другие — в частных коллекциях на Западе.

За многие годы фирма Фаберже изготовила около ста тысяч предметов. Бытовые вещи, безделушки, драгоценные украшения, роскошные златоэмалевые сервизы. Все изделия отличались чистотой и тщательностью отделки, виртуозностью техники исполнения и тонкими цветовыми сочетаниями.

С каждым годом фирма богатела, даже открыли филиал в Лондоне, а ее изделия выставлялись на международных выставках. Карла Фаберже удостоили французского ордена Почетного легиона. Пришла мировая слава. Это был Золотой век русского ювелирного искусства, символом которого стала марка "Фаберже". Мастера фирмы, базируясь на самобытных древнерусских традициях и фольклоре, создали блестящую национальную школу ювелирного искусства. Особая заслуга Карла Фаберже еще и в том, что у него на фирме впервые использовались в изделиях уральские и сибирские самоцветы, а также драгоценные камни Кавказа.

К 1914 году изделия фирмы занимали почетное место в собраниях европейских коллекционеров. Кабинет Николая II в Зимнем дворце был заполнен работами Фаберже. Здесь часто бывали именитые зарубежные гости, и хозяин иногда одаривал их какой-нибудь дорогой безделушкой из своего собрания.

Часы из позолоченного серебра —
копия английских часов Джеймса Хаггера.

Галерея русских персонажей.

Особым вниманием пользовались работы Фаберже у заокеанских коллекционеров. Американский миллионер Морган-младший первым приобрел миниатюрный золотой паланкин из золота и перламутра, другой американский богач Генри Уолтерс в 1900 году, посетив Петербург, увез отсюда целую коллекцию изделий знаменитого ювелира. В том же году заказать дубликат пасхального яйца Фаберже пожелала прибывшая в Петербург наследница американского миллионера Консуэла Вандербильт. Но Карл Фаберже отказал ей, заявив, что фирма изготавливает пасхальные яйца-сувениры только для членов императорского дома. Хотя Консуэла и была дочерью короля, но всего лишь железнодорожного.

Когда началась Первая мировая война и связь с Англией затруднилась, пришлось закрыть лондонское отделение. А в изделиях Фаберже появились военные мотивы. В 1916 году в духе времени изготовили пасхальное яйцо-сувенир из стали, и опиралось оно на четыре

артиллерийских снарядов. Однако война заставила часть работников фирмы производить и ручные гранаты.

Октябрьский переворот 1917 года поставил крест на фирме Фаберже, обслуживавшей “класс эксплуататоров”. В доме на Большой Морской расположился “Комитет служащих фирмы Фаберже”. Впрочем, просуществовал он недолго. Карл Фаберже в 1918 году уехал в Женеву, где два года спустя скончался. Старший сын Евгений переехал в Париж. Там в 1924 году вместе с братом Александром открыл небольшую ювелирную мастерскую, вскоре, она, однако, закрылась. Агафон оставался в Петрограде и его как специалиста привлекли к работе в комиссии по оценке сокровищ Романовых, которые национализировали. Императорские реликвии, собрание коронных драгоценностей, включавшие коллекцию изделий Фаберже, перешли в государственные хранилища.

Карлу Густавовичу Фаберже было 72 года, когда большевики захватили власть. За границу он уехал почти ни с чем. Многие оставались в доме на Большой Морской, находившиеся там изделия оценивались в 45 миллионов долларов. В питерской конторе “конфисковали” драгоценностей на 50 миллионов долларов. Еще на 10 миллионов изъяли в московских сейфах. Здесь в бронированных подвалах магазина на Кузнецком мосту также хранились огромные ценности: 2400 предметов из золота и серебра, ювелирные украшения, бриллианты, рубины, изумруды... К этим суммам следует прибавить еще миллионов сто, утраченных, украденных, изъятых.

Поначалу Карл Густавович еще надеялся вернуться — мол, большевики ненадолго. И, естественно, попытался кое-что припрятать. Его сын Евгений составил список вещей, оставленных в России. Все

Когда жена и дети другого сына Фаберже Агафона покидали Россию и переходили финскую границу, им пришлось спрятать под заметным деревом чемодан с драгоценностями. Вернуться за ним не было суждено.

Но вот в 1990 году газеты сообщили, что на Солянке строители обнаружили клад. Он состоял из двух железных коробок из-под чая. В них находились золотые украшения с бриллиантами (броши, серьги, ожерелья) — все с клеймом Фаберже. Коробки нашли в квартире, где проживал присяжный поверенный Аверкиев, когда-то директор московского отделения фирмы Фаберже — один из тех, кто распоряжался имуществом московских мастерских и магазином Фаберже. Кроме него во главе московского отделения стояли Бауэр, бухгалтер представительства фирмы, и некто Маркетти, но он сразу же после революции уехал за границу. Аверкиев работал простым советским служащим, юрисконсультантом и скромно проживал на Солянке. Что касается Бауэра, то он уехал в свою родную Латвию, и, как рассказывала его супруга, убегая вместе с мужем от большевиков, она провезла через границу в каблуках туфель бриллианты и ожерелье из 55 крупных жемчужин. Нет сомнения, что драгоценности эти из серфов Карла Фаберже. Как нет сомнения и в том, что клад на Солянке когда-то принадлежал ему же.

Примечательна история с сокровищами, вывезенными Бауэром. О том, что ему удалось провезти ценности, скоро стало известно в Париже Евгению Фаберже. Он приехал в Ригу и обратился к министру юстиции Латвии помочь возвратит ценности, присвоенные бухгалтером. Бауэра даже посадили на пару недель в тюрьму, но он наотрез от-

семейные ценности упаковали и раздали на хранение тридцати доверенным людям. Что именно, осталось неизвестным. Но можно не сомневаться — ценностей там хватало. Как, впрочем, и вкладах, спрятанных в разных местах. На сей счет ходили упорные слухи, и со временем что-то подтвердилось.

На отцовской даче в Левашове Евгений лично закопал чемодан с изделиями фирмы стоимостью в 2 миллиона долларов. (Дача не сохранилась и поиски клада ничего не дали.)

казывался признать себя похитителем. В 1936-м он умер и перед смертью якобы передал своей сестре Элизабете Трой жестяную коробочку с драгоценностями — остальное, как он сказал, зарыто в усадьбе Мудули, под голубятней. В Ригу поспешил Александр Фаберже. Он дважды вдоль и поперек перекопал усадьбу, но так ничего и не нашел.

Между тем в Риге стали появляться в продаже драгоценности из московского отделения фирмы Фаберже. Что сразу же стало сенсацией — здесь никогда не видели таких дорогих вещей. Может, Александру и удалось бы вывезти часть принадлежавших фирме изделий, но грянула Вторая мировая война, в Латвию вошли советские войска. Александр едва успел унести ноги. Любопытная подробность: помог ему выбраться из страны

Серебряный коллонольчин в форме свиньи.

Портсигар русского щеголя.

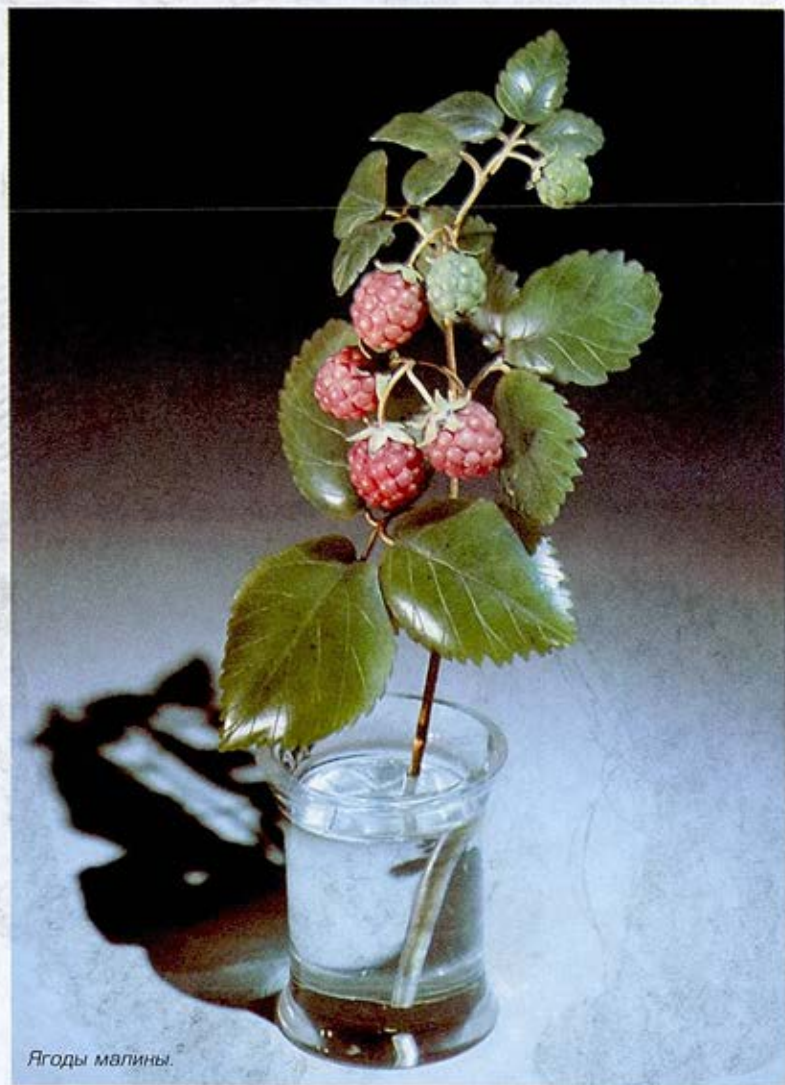

Яйцевидная бонбоньерка.

Альфред Розенберг, министр фашистской Германии. Оказывается, этот прибалтийский немец был когда-то другом семьи Фаберже и однокашником одной из родственниц Александра по Рижскому политехническому институту.

В усадьбе Мудули поиски сокровищ продолжались многие годы, вплоть до наших дней. После 1940 года копали советские солдаты, потом — фашисты, затем НКВД, КГБ... Но так никто ничего и не нашел.

Ягоды малины.

Яйцо "Пандьши".

Пытался сохранить свое имущество Карл Фаберже еще одним путем. В начале 18-го года он сдал свой дом в аренду посольству Швейцарии. Мол, неприкосновенная территория, сюда большевики не сунутся.

В доме Карла Густавовича была “комната-сейф”, она, как лифт, спускалась и поднималась с этажа на этаж, а на ночь ее оставляли на уровне второго этажа и держали под током. В “комнате-сейфе” Фаберже оставил на хранение у дипломатической миссии шесть чемоданов и саквояж. Тайную комнату все же обнаружили, но вскрыть ее сразу не удалось. Лишь год спустя, в мае 1919 года, чекисты взломали сейф. Интересная деталь. Спустя пару дней после налета чекистов на дом Фаберже газеты сообщили, что бежал начальник особого отдела Гатчинского ЧК, укравший 100 тысяч “народных денег”. Доблестный чекист как в воду канул, а с ним навсегда пропали и драгоценности из чемоданчика Фаберже.

Между тем на международном рынке драгоценностей и ювелирных изделий то и дело появлялись художественные ценности фирмы Фаберже. Многие изделия попали в музеи и частные собрания. Так, у жены бывшего американского посла в Петербурге госпожи Пост оказались редчайшие произведения Фаберже. Одну из лучших коллекций собрала правнучка Пушкина Анастасия — дочь Софьи Меренберг и великого князя Михаила Романова. В Америку попала и царская коллекция Фаберже из Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца. Ее поделили между собой на четыре части скульптор Матильда Грей, леди Матчел, госпожа Пост, заполучившая также юсуповскую коллекцию Фаберже, и Лириан Пратт, ее собрание после смерти владелицы поступило в музей города Ричмонда.

В частных собраниях на Западе произведения Фаберже находятся у английской королевы Елизаветы II, у голландской — Беатрис и шведского короля Карла XVI. А также у многих других коллекционеров.

Возникает вопрос: каким образом такое количество изделий Фаберже попало за рубеж?

Ответ прост: к “утечке” шедевров ювелирного искусства, хранившихся в Бриллиантовой комнате Кремля, приложило руку само большевистское правительство, активно распродававшее изделия Фаберже через Наркомвнешторг и конторы “Антиквариата”. В 1924 году в бывшем особняке Фаберже в Петрограде открылся магазин Наркомторга, где продавались вещи императорской фамилии: от трости Екатерины II до портсигара Александра III.

И по сей день магическое слово Фаберже заставляет учащенно биться сердца коллекционеров во всем мире. И когда изделия этой ювелирной фирмы объявляют к продаже на аукционах, это становится настоящей сенсацией. Так было, например, в 1995 году, когда на московском аукционе “Гелос” выставили на продажу раритет от Фаберже — настольную фигурку “Слон”. Газеты шутили тогда по этому поводу: открыт, мол “сезон охоты на “Слона”. И если за год до этого на том же аукционе серебряные настольные часы той же фирмы по-

шли за 70 тысяч долларов, то “Слона” продали за абсолютно рекордную сумму — 145 тысяч долларов при стартовой цене 75. (Для сравнения: — одновременно со “Слоном” продавалась картина И. Шишкина “Поляны в лесу” за 40 тысяч долларов.)

Время от времени приходят вести и о том, что на зарубежных аукционах, и самых крупных из них — Сотби и Кристи, появляются ювелирные изделия от Фаберже. Целятся они чрезвычайно высоко не

Яйцо “Национальное”.

только из-за материала, из которого изготовлены — золото, платина, серебро, драгоценные камни, но и по высочайшему художественному мастерству. Но помимо аукционов, за рубежом постоянно проходят выставки, посвященные искусству Карла Фаберже. И совсем недавно, наконец-то, такая выставка прошла и у нас в России. Следовательно, можно сказать, что искусство великого мастера вернулось на Родину, к своим истокам. ■

Евразийские

драмы

Тамара
ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

О сенсационных итогах XII Конкурса им. Чайковского, проходившего этим летом в Москве, рассказывает наш музыкальный критик.

Пора признать Европе и Америке, что Азия, переживающая ныне своеобразный многосторонний "ренессанс", и в музыкально-исполнительском искусстве дает фору виртуозам западных школ. Речь идет, разумеется, о таких высоких восточных цивилизациях, как Япония, Корея, Китай. Практически на всех международных конкурсах год от года растет количество участников и победителей-лауреатов — выходцев из стран Азии. Огромные аудитории Большого зала Московской консерватории и Колонного зала, где происходили центральные события в соревнованиях инструменталистов и певцов, стали свидетелями убедительных музыкальных побед Востока над Западом.

Вот некоторые красноречивые цифры. В московском конкурсе приняли участие 224 музы-

канта из 34 стран мира. Самая многочисленная команда, естественно, представляла Россию — 83 человека (42 из них по специальности "сольное пение"). А страны Азии (Япония, Корея и Китай вместе взятые) представляли 59 человек, то есть около 25% от общего количества конкурсантов. Что же мы получили в финале? Общее число победителей, лауреатов и дипломантов конкурса по четырем специальностям (фортепиано, скрипка, виолончель, сольное пение) составило цифру ожидаемую — 36 музыкантов из 12 стран. Это — нормально. А вот соотношение цифр для победителей из России и стран Азии (Японии, Кореи и Китая вместе взятых) не могли не удивить: Россия — 14, Азия — 9, то есть те же 25% от общего числа — без потерь для Азии и даже с прибылью! Но вот что поразит-

тельно: пятеро из этих девяти новоиспеченных "азиатских" лауреатов вошли в первую тройку победителей по каждой специальности (исключая только виолончель). Первые премии за Россией остались только в вокале (их получили меццо-сопрано Айтилина Афанасьева и бас Михаил Назанов). Такого не было ни на одном из предыдущих Конкурсов Чайковского.

Однако ларчик просто открывается. Дело в том, что на сей раз московский конкурс, подвергнутый его организаторами некоей реформаторской терапии, оказался в своих решениях ближе к объективной картине мирового исполнительства, чем когда либо ранее, во времена советские и постсоветские. Не случайно Владимир Спиваков, впервые участвовавший в московском турнире как председатель жюри конкурса скрипачей, на одной из пресс-конференций сказал: *"Тот факт, что Китай, Япония и Россия — наиболее представительные команды на нашем конкурсе — это естественно, ибо отражает реальную картину исполнительского искусства в современном мире"*. А если подтвердить слова Владимира Теодоровича в цифрах, то картина предстанет еще более впечатляющая. После жеребьевки, когда выяснилось, что в конкурсе скрипачей принимают участие 47 музыкантов из 18 стран, на первом месте оказалась Япония (11 конкурсантов), затем Россия — 10, Китай — 5, Германия — 4, Республика Корея — 3, Вьетнам — 2 и т.д., а всего, следовательно, "азиатов" — 21(!) против 10-ти россиян. Но вся интрига конкур-

са состояла в том, что определить в точности — "кто против кого" — было невозможно, ибо добрая половина "азиатов" были учениками русских учителей и в каком-то смысле представляли русскую школу, лидировавшую в музыкальном мире XX столетия — "золотом веке" классического исполнительского искусства.

Если читатель простил нам невольную увлеченность статистики, то теперь зададимся главными вопросами. Стал ли нынешний московский турнир ареной открытий выдающихся молодых музыкантов? Безусловно, да. Удались ли задуманные реформы профессионального отбора и судейства? В одном из важнейших пунктов — в борьбе с "музыкальным туризмом" — бесспорно, удались. В музыкальном соревновании приняли участие действительно наиболее подготовленные 224 исполнителя (в отличие от 331-го на XI конкурсе или, скажем, 338-ми на "рекордном" IX). Что же касается результативности новых принципов судейства жюри ("да", "нет", "может быть" вместо 25-бальной системы на первых турах), то однозначный ответ здесь вряд ли возможен. Все дискуссии еще впереди. А сегодня можно лишь констатировать: мнения жюри и бескомпромиссной московской публики (которая, как известно, не ошибается никогда) совпали далеко не во всем. XII Конкурс Чайковского не избежал горестных потерь.

Многие надеялись услышать в финале одного из самых ярких пианистов мощной русской команды (из 14 конкурсантов), 25-летнего воспитанника Москов-

ской консерватории Алексея Володина. Скрипачи же, чей конкурс отличался особенно высоким уровнем и, безусловно, ставил жюри перед очень трудным выбором, потеряли двух блестящих артисток — кореянку Бек Ю Янг и россиянку Надежду Токареву, заменив их куда менее захватывающими личностями исполнителей мужского пола. Болельщики же конкурса виолончелистов были огорчены, не увидев в числе финалистов имен известных российских молодых музыкантов — Александра Бузлова, Сергея Антонова и Дмитрия Коузова (замечательного исполнителя Баха и Бетховена). Кто-то вздыхал и по Александру Неустроеву, дипломанту XI Конкурса Чайковского, нынче не попавшему даже в финал. Впрочем, виолончельное жюри, единственное на конкурсе, ограничилось выдвижением в финал только одного(!) представителя России — студента Московской консерватории (класс Натальи Гутман) Александра Прокофьева, получившего только шестую премию. Предпочтение было отдано трем представителям Германии, студентам Высшей школы музыки имени Г.Эйслера в Берлине — Йоганнесу Мозеру (II премия, при отсутствии первой), Клаудиусу Поппу (III премия) и Даньюло Ишизани (IV премия) — ученикам победителей Конкурсов Чайковского Давида Герингаса и Бориса Пергаменцикова. Наталья Гутман, уже после конкурса, то ли в шутку, то ли всерьез пророчила такую фразу: *"Можно устроить конкурс из непрошедших в третий тур: он будет интереснее"*.

Между тем, все туры соревнований скрипачей, пианистов и вокалистов были украшены именами многих замечательно одаренных конкурсантов из Японии, Китая и Кореи. И с первого же тура среди просвещенных завсегдатаев и знатоков Конкурса Чайковского, наводнивших в жарком июне московские залы в невиданном количестве, укоренилось мнение: Россия соревнуется со "сборной Азии"; Запад заметно охладел к Конкурсу Чайковского.

Бесспорно, провальный наш X и скандальный XI конкурсы породили негативный резонанс в профессиональных кругах музыкально-цивилизованных стран. Но нельзя не учитывать, что охлаждение вообще ко всяким музыкальным конкурсам, которых расплодилось видимо-невидимо, существует в мире как глобальная тенденция. И все же Москва осталась Меккой для музыкальной молодежи мира. Сие подтверждает хотя бы тот факт, что в Оргкомитет XII Конкурса Чайковского поступило 627 заявок из 54 стран (до предварительного отбора). А то, что Азия лавиной двинулась на конкурсную Москву, это — повторюсь — реминисценция ее общего исторического движения к своей новой цивилизации в XXI веке. К тому же нынче, в эпоху максимальных сближений, смешений и взаимопроникновений культурных цивилизаций, понятия об исполнительских школах, их законных или "пришлых" представителях становятся чисто условными. Лучшие в мире "ученики" — японцы, корейцы, китайцы — нынче бросают вызов "учителям".

Тамани Каванубо — (Япония)
II премия.

Это самым убедительным образом подтвердилось и в решении жюри конкурса скрипачей, присудившего две вторые премии (первая не была присуждена) двум блистательным "азиаткам": 22-летней японке Тамани Каванубо (ученице всемирно известного педагога из Новосибирска, профессора Захара Брона) и 17-летнему китайцу Си Чэню, ставшему любимцем московской публики. Их замечательная вро-

жденная пластичность и феерическая техника владения инструментом, помноженные на природный музыкальный талант, составили гармоничный исполнительский комплекс. Впрочем, нельзя не заметить, что и российские скрипачи выступили на конкурсе блистательно. И красавица Татьяна Самуил (III премия), и самый юный 16-летний Гайк Назазян (IV премия), блеснувший в финале полузабытым Скрипичным концертом Арама Хачатуряна, в сущности, ни в чем не уступали своим соперникам.

Делясь своими впечатлениями о конкурсе вокалистов, известная певица, доцент РАТИ Нарина Лисициан говорила: *"Меня очень обрадовал и удивил уровень китайцев и корейцев. В первый день пел совершенно изумительный тенор из Северной Кореи — Ним Ин. Спел, как настоящий европейский певец, труднейшую арию Калафа. Сегодня я услышала прелестнейшую китайянку У Бися (она стала лауреатом II премии — Т.Г.). Это само очарование, свобода, наслаждение искусством вокала, удивительная органичность, никакого нажима... Еще мне понравился китайский баритон (Шанжун Цзян — Т.Г.). Он прекрасно спел арию Няня Игора, меня потряс его русский язык... Я думаю, что у них большое будущее на оперных сценах мира".*

К этим именам нельзя не добавить тех "восточных звезд", рыцарей клавиш, кто вышел в число призеров фортепианного конкурса: корейца Лим Дон Мина (ученика Льва Наумова в Московской консерватории) и японки Аяно Уехары (ученицы Веры Горно-

ставовой в мастер-классах "Ямахи"). Их целеустремленность и огромная профессиональная работа наконец увенчались успехом. Ведь оба они во второй раз на Конкурсе Чайковского и оба были участниками второго тура прошлого XI конкурса, пройдя сквозь искус несостоявшейся победы...

В пору провозгласить: да здравствует школа Нейгауза во всех ее современных проявлениях и ответвлениях! Наконец-то жюри конкурса пианистов возглавил ее выдающийся представитель и золотой призер IV Конкурса Чайковского Владимир Крайнев, а в составе жюри работали такие прославленные профессора-педагоги и любимые ученики Генриха Густавовича, как Лев Наумов, Алексей Наседнин, Элисо Вирсаладзе. И потому в окончательных определениях группы победителей у пианистов взамен критерию "спортивному" неминуемо должен был прийти критерий "художественный". Должен был, ибо в этом, безусловно, были заинтересованы все главные "действующие лица". Но... случилось нечто непредвиденное, из ряда вон выходящее. Об этом мы расскажем чуть позднее. А пока процитируем профессора Московской консерватории Михаила Воскресенского, который выразился кратко и ясно: *"Мне кажется, что этот конкурс гораздо сильнее предыдущего, на котором Денис Мацуев получил первую премию"*.

Последние слова — намерен на тот финал XI конкурса, где за бортом третьего тура остались самые талантливые (прежде всего, незабвенный Алексей Султанов, нынче парализованный ран-

ним инсультом!) и где восторжествовала "спортивная сборная" пианистов-"нативистов", лучшему из которых и была вручена золотая медаль. Как известно, Денис Мацуев, ученик профессора Московской консерватории Сергея Доренского, нынче востребован буквально всюду и везде благодаря своему феерическому пианизму и "космической" технике, безотказной и равно впечатляющей в любом репертуаре, будь то классика или джаз. Тем не ме-

Си Чэнь — [Нитая] II премия.

нее триумф такого ультраспортивного победителя над отвергнутым гениальным Алексеем Султановым многие расценили как торжество губительной для репутации Конкурса Чайковского "мацевщины". Хотя на мой вкус этот термин — из разряда экстраемального новояза — не выражает суть проблемы (скорее — опошляет ее). Так или иначе, московский турнир 2002 года был призван любой ценой смыть пятно бесчестия на "светлом челе" Конкурса Чайковского.

Закончим эту главу еще несколькими красноречивыми цифрами. В конкурсе пианистов приняли участие 55 исполнителей из 21 страны. Главными участниками битвы за лауреатский пьедестал стала, как следовало ожидать, "сборная Азии" (22 конкурсанта) против "сборной братьев-славян" (Россия, Белоруссия, Украина — всего 18 конкурсантов). Исход битвы произвел впечатление шона...

Конкурс в конкурсе

Что же произошло у пианистов? Ведь по традиции они — главная "болезнь" фанатов московского турнира. По пианистам судят об уровне конкурса в целом. Пианисты — это конкурс в Конкурсе... И вдруг на нынешнем XII Конкурсе Чайковского пианистов отодвинули на второй план скрипачи...

Когда после дневного прослушивания скрипачей фанаты и знатоки переночевывали на вечерний тур пианистов, наступали часы досадных разочарований. Да, разумеется, переполненный до отказа зал с энтузиазмом и надеждой встречал каждого но-

вого конкурсанта, уповая в каждом открыть нового К्लीберна или Плетнева. Но ... открытий все не было или почти не было. А разочарования накапливались. И не сказать, что от "серости" контингента, скорее — от однообразия исполнительских стереотипов, даже от блеска прекрасной ученической игры, как это ни странно звучит. Действительно, процентов 80 участников второго тура демонстрировали вполне качественную академическую выучку, хорошую школу современного пианизма, но — увы — не артистизма. Снова вставал старый вопрос "Ученик или артист?", который еще в 1962 году, после II-го Конкурса Чайковского, дискутировался в нашей прессе. И профессор Генрих Нейгауз в своей капитальной статье "Опять Моцарт и Сальери" делился тогда самыми сокровенными мыслями на сей счет. Он был убежден, что "противоречие между яркой индивидуальностью — настоящим артистом — и большинством исполнителей... огромно, неизбывно и непримиримо". Впрочем, Генрих Густавович, стремясь защитить репутацию русской, а точнее — московской — фортепианной педагогики, писал: "В том, что у нас все играют "почти одинаково", играют правильно, отлично, виртуозно... я усматриваю столько же положительного, сколько и отрицательного... Гениев и таланты создавать нельзя, но можно создать культуру, и чем она шире и демократичнее, тем легче произрастают таланты и гении".

Бесспорно, дух высокооснащенной культуры современного пианизма, присущий всем музы-

кально-цивилизованным странам, демонстрировался на московском турнире, но, одновременно, — и дух "высокого сальеризма", если употребить любимый термин Нейгауза, витал над роялями Большого зала, заглушая "моцартианские" голоса. А таковые все же были...

Вот несколько портретных зарисовок со второго тура — тех пианистов, в ком проступал фантом "моцартианства"

Павел Домбровский. 20 лет. Студент Московской консерватории. Стройный юноша аристократической породы, виртуоз новой формации, большая надежда профессора Льва Наумова. И вдруг все у него на клавишах под пальцами начинает рассыпаться на мелкие кусочки. Музыка — будь то многокрасочная романтическая "Крейслериана" Шумана или космогоническая Пятая Соната Скрябина — вдруг теряет эмоциональную энергию, становится скучной и статичной. Возникает призрак "механического фортепиано" (он так пригодится Домбровскому во Втором концерте Прокофьева!). И все же... все же... Как протуберанцы на солнце в момент лунного затмения, проступали в фортепианной игре Павла тонкие образы субъективной фантазии, достойной имени "школы Нейгауза". Домбровский прошел в финал конкурса.

Антон Сальников. 23 года. Студент Московской консерватории (класс профессора Сергея Доренского). Светлоокий блондин с крепкими скулами. Физически мощный и — порой — необузданный, общающийся с роялем в свободно-демократической

Гайн Назвалян — (Россия).
IV премия.

манере, то есть на "ты". Вот уж кто закатил убойную программу второго тура: от "Мефисто-вальса" Листа (сразу была за рога!), через Большую сонату Чайковского и бесконечно длинным и изощренным Вариациям на тему Корелли Рахманинова. Сальникова можно было бы упрекнуть в нечистых октавах, в чрезмерной, порой даже истерической агрессивности, в пристрастии к Grand-стилю, игре на крайнем градусе

экспрессии и т.д. Но фант остается фантом: у Антона гениально звучал рояль, когда он играл лирическую музыку (например, томную любовную тему в "Мефисто-вальсе"); а редко исполняемые Вариации на тему Корелли Рахманинова стали для слушателей ярким открытием современного "авторского" голоса Рахманинова, сотворенного фантазией московского пианиста. Сальников не прошел в финальный тур конкурса. Знаток судачили: это месть "нейгаузовцев" Доренскому за Мацуева (вместо Султанова) на прошлом конкурсе.

Маюми Сакамото (Япония), 19 лет. Студентка Токийского университета искусств и музыки. На сцену выпорхнуло маленькое хрупкое существо в оранжевом платьице, а в зале появились даже русские конкурсанты, ибо пронесся слух, что именно на этого "вундеркинда" уповаet японская делегация на конкурсе... И началась большая, хоть и несколько странная музыка. Девочка оказалась с бицепсами: в тщедушном тельце таилась невиданная мощь. Назалось, рояль извергался звуками точно вулкан, а ты, слушатель, непрерывно варился в этой кипящей лаве... В ее Большой сонате Чайковского, и в Сонате-фантазии "По прочтении Данте" Листа (согласитесь — совсем не девичий репертуар!), и особенно в шести Музыкальных моментах Рахманинова проступили такая эмоциональная зрелость и богатство внутреннего мира, такая виртуозная одаренность, что зал буквально взорвался овациями. Однако маленькой японке не суждено было пройти в финал. Ее

*Аяно Узхара /Япония/ —
I премия.*

"переиграла" другая, более опытная ее соотечественница...

Аяно Узхара (Япония), 22 года. С 1990 года училась на мастер-классах "Ямаха" (в частности, много лет у профессора Веры Горностаевой, выдающейся наследницы школы Нейгауза). Думается, самая сильная черта Узхары — умение создать живой рельефный музыкальный образ, рассчитать и выстроить его динамично во времени. Не случайно ее лучшим достижением на конкурсе стала Первая соната Шостаковича, а еще — Каденция из Первого концерта для фортепиано с оркестром Чайковского, на третьем туре. Она прошла в финал...

Владимир Свердлов, 26 лет, учился в Москве и Ганновере, и **Алексей Набиулин**, 24 года, ассистент-стажер Московской консерватории — "тихие шубертианцы". Именно так хочется назвать

*Алексей Набиулин /Россия/ —
II премия.*

эту пару интересных российских пианистов, решившихся включить в свои программы второго тура бесконечно длинную Сонату Шуберта В-dur, ставшую огромным испытанием для всего конкурсного "треугольника": исполнитель — публика — жюри. Один это испытание выдержал, другой — увы... Хотя оба пианиста были достойны лавров "страстотерпевцев". А дело вот в чем: если в 60-е годы у нас падали в обморок от восторга, услышав Шуберта у американца Миши Дихтера (лауреата III Конкурса Чайковского), то в нашем, раскаленном от напряжения, времени это мерное журчание монотонных шубертовых "божественных длинот" побуждает власть разве лишь в летаргический сон, если не в смертельную тоску (особенно если ты — обалдевший от музыки член жюри). Словом, в фи-

нал конкурса вышел только Алексей Набиулин.

Но все действительно и окончательно "проснулись", когда на сцену Большого зала во втором туре конкурса пианистов вышел 30-летний **Дмитрий Тетерин**, аспирант Московской консерватории (класс профессора Алексея Наседкина). И сразу обрушил на головы слушателей "скифские полчища" дерзкой Шестой сонаты Прокофьева, которой Святослав Рихтер в свое время (в 1940 году) сенсационно дебютировал в Москве, открывая одновременно и новатора-композитора, и новатора-пианиста (себя!). А Дмитрий Тетерин тоже смотрелся и слышался, как пианист-новатор, поражающий своим "лицом необщим выраженьем", каким-то особенным полетным туше и экстраприемами техники звукоизвлечения (например, "глиссандо" левой рукой или игрой ... лонтями). Своим исполнением Сонаты "1990" австралийского композитора Н. Вайна в духе архисовременного "пианизма катастрофизма", не поддающегося никакому иному известному определению, Дмитрий Тетерин привел слушателей Большого зала в состояние шока! А между тем, как это ни парадоксально, его туше (характер контакта пальцев с клавишами) оставалось мягким даже в фортиссимо. Словом, Дмитрий Тетерин, разумеется, стал финалистом, и многие считали его главным открытием конкурса пианистов и претендентом на высшую награду.

Так считали, действительно, многие. Но не все. На конкурсе случилось еще одно открытие. Быть может, не такое "громкое"

(если иметь в виду то, что случилось в финале), но — настоящее. Имя этому открытию — **Дмитрий Онищенко** — 19-летний юноша из Львова (Украина) — музыкант милостью Божьей, исполнитель редной глубины и душевного богатства. Кто-то даже окрестил его украинским Ваном Клиберна, но не за гигантский рост и лицо "большого ребенка", — а за поэтическую суть его музыкальной души, за мощную артистическую харизму. В творческом облике этого "большого ребенка" проступили черты подлинного Поэта фортепиано, мечтателя-романтика, живущего в своем особом, не зависимом от моды, времени, музыкальном мире. О Дмитрии Онищенко, как ни о ком из конкурсантов, можно сказать: он всегда творит в публичном одиночестве. Отсюда его страсть к замедленным темпам, к настроениям созерцания (где чувство меры иногда изменяет ему). Но отсюда и его глубина прочтения музыкальной классики. И — никаких спортивных трюков, никакого "механического фортепиано". При том, что в его профессиональном облике заметно проступают повадки настоящего "фортепианного льва", с "лапами" и темпераментом Антона Рубинштейна... Дмитрий Онищенко, разумеется, стал участником третьего тура.

Итак, второй тур конкурса пианистов как будто обещал неплохую персоналию победителей и триумфальный финал. Ведь главная баталия уже состоялась во втором туре. Группа победителей из восьми человек, куда — кроме уже упомянутых — вошли еще Цзинь Цзюй (Китай), Лим

Дон Мин (Корея), Андрей Поночевный (Белоруссия) — была выявлена. Осталось определить победителя и всех расставить по местам. Но тут-то и произошло самое непредвиденное...

На первых же репетициях с оркестром начались трения, нестыковки и всякого рода столкновения конкурсантов с Марком Горенштейном, дирижером оркестра "Молодая Россия", приступившего к своим обязанностям на симфоническом этапе. И с первых же дней третьего тура художественная планка конкурса существенно снизилась из-за дисгармонии в ансамбле солистов с оркестром. Выходило на поверку, что молодые пианисты должны были сами приспособливаться к дирижеру, а не наоборот. Хотя Марк Горенштейн, выступая в одной из программ телеканала "Культура", высокомерно острил: "Мое дело — обслужить клиента!" И "клиенты"-конкурсанты, получив такое "образцовое" обслуживание, начали валиться, как недоучившиеся школьники на экзаменах. Тем более, что каждому предстоял самый трудный и судьбоносный для музыканта экзамен: исполнение шедевра русской классики — Первого концерта Чайковского для фортепиано с оркестром си-бемоль минор.

Много драм видела конкурсная Москва. Но такой, какая случилась летом 2002 года в Большом зале консерватории, не упомнит никто. Вот как это было.

Павел Домбровский, выступивший первым на третьем туре, начал валиться с первых же тактов, на первых трудных октавных пассажах Концерта Чайковского.

И от растерянности и неуверенности, от бесконтактности с оркестром и дирижером вдруг начал играть примитивно, немusынально, скучно — можно сказать, никак! — особенно во второй части концерта. Его репутацию хорошего музыканта спас лишь второй номер программы — грандиозный Второй концерт Прокофьева соль-минор, сыгранный пианистом мощно и стильно, а местами и с театральным эффектом (словно это музыка балета) и как бы — вопреки амбициям дирижера. В результате Павлу был присужден диплом конкурса.

Еще труднее складывались отношения с оркестром у Алексея Набиулина. С первых же тактов торжественного вступления к Концерту Чайковского началось нечто несусветное: оркестр упрямо играл вдвое медленнее солиста, вставляя палки в колеса его движению в избранном темпе. Полный разницей! И — как следствие — страшная паника солиста и страшная "лажа" (как говорят на музыкальном жаргоне), от которой Алексей так и не избавился до самого финала. Слушатели чувствовали каждую минуту, как деморализовала пианиста эта глобальная неудача. И снова, как и в случае с Домбровским, — Набиулина выручил Прокофьев. Начав играть его знаменитый Третий концерт, Алексей словно очутился в своей тарелке и получил возможность озвучить свое самобытное "слышание" Прокофьева. Каким-то чудом Алексею Набиулину досталась вторая премия конкурса пианистов. Думается, одной из причин такого решения жюри стал... следующий сюжет.

Совсем плачевно сложилась на третьем туре судьба Дмитрия Тетерина. Такого провала потенциального "лидера" не знал Конкурс Чайковского за всю свою почти 45-летнюю историю! Опытный "великовозрастный" музыкант, лауреат нескольких международных конкурсов, Дмитрий Тетерин также начал свое выступление с Концерта Чайковского. Зал замер в ожидании чуда от необыкновенного и загадочного пианиста. И Загадочный поначалу играл вполне пристойно, только несколько небрежно, как бы демонстрируя свою победительную свободу от всяких штампов. И вдруг!.. что-то произошло, какой-то непонятный психологический срыв: пианист сбился, запутался и потерял оркестр на самом невинном месте. И пошло-поехало. Он стал ошибаться и забывать на каждом шагу. Даже умудрился забыть текст и даже остановиться в наденции, когда оркестр молчит, и никто солисту не мешает показаться в лучшем свете. Но нет. Ничего не клеилось у Дмитрия. Небрежная и фальшивая игра продолжалась всю дорогу, вплоть до финала Концерта Чайковского, где Тетерин умудрился окончательно разойтись с оркестром даже на последней кульминации. Такое не могло присниться и в страшном сне!.. Однако впереди был еще Третий фортепианный концерт Рахманинова, а значит — оставалась надежда. Но тщетно. Все повторилось еще раз, по той же загадочной схеме. Пианист путался, забывал элементарный текст, останавливался, нес какую-то отсебятину, а — очнувшись — пытался вернуть себе артистическую форму и почему-то ударялся

в сплошное жесточайшее фор-тиссимо (от отчаяния, что ли?), бессмысленную бомбежку слуха... Словом, не зря говорят: конкурс — это и драма, и триумф, и неожиданная ловушка, коварство судьбы. Действительно, хороший музыкант неожиданно попал в ловушку, в "Бермудский треугольник" психического дискомфорта, и произошло нечто непостижимое (и для самого Тетерина): поразивший всех во втором туре "пианизм катастрофизма" стал в финале — настоящей катастрофой пианиста. Надежды публики и жюри рухнули. Триумфа московской школы не случилось. Дмитрий Тетерин, естественно, был награжден только дипломом...

Эта драма, случившаяся в предпоследний день третьего тура, наложила отпечаток на исход конкурса пианистов в целом. Естественно, что на последний симфонический вечер публики и жюри шли с надеждой услышать музыку, достойную финала такого выдающегося события, как Конкурс Чайковского. И надежды не оказались напрасными. В этот последний вечер играли белорус Андрей Поночевный и японка Аяно Узхара. А, как известно, последние — это баловни конкурсной фортуны (в сравнении, снажем, с теми, кто играет первыми). Так или иначе, их в целом благополучная игра с симфоническим оркестром дала возможность жюри сделать выбор в пользу этих пианистов. Поночевный взял, как говорится, солидностью своей исполнительской манеры (особенно во Втором концерте Рахманинова), Узхара — красочностью пианистической палитры (как-никак, — "школа

Нейгауза" в изложении Веры Горностаевой!).

Решение фортепианного жюри рождалось в жутких муках и психологических баталиях. Это было очевидно и неизбежно, ибо явилось следствием тех трагических событий, о которых было рассказано. Как стало известно позднее, член жюри конкурса пианистов, профессор Московской консерватории и Высшей музыкальной школы в Мюнхене Элиса Вирсаладзе не подписала протокола решения жюри. А само решение, объявленное поздней ночью, прозвучало как гром среди ясного звездного неба: первая премия (20 тысяч долларов плюс 10 тысяч от японской телекорпорации) присуждена японке Аяно Уэхаре! Андрей Поночевный также оказался в первой тройке победителей, ибо разделил третью премию с темпераментной китайкой Цзюй Цзинь. Почему не была присуждена четвертая премия — вообще никто не понял. И почему, в чьих интересах решили поделить и без того скромную пятую премию (5 тысяч долларов) между двумя — Дмитрием Онищенко (Украина) и Лим Дон Мином (Корея) — тоже осталось загадкой.

А когда на торжественном закрытии XII Конкурса Чайковского его победители давали концерт в присутствии президента России Владимира Путина, ошибка главного решения фортепианного жюри стала очевидной для всех. Не сказать, чтобы исполнение Аяно Уэхарой первой части Концерта Чайковского было неудачным. В целом это был достаточно любопытный, хотя и в чем-то претенциозный музыкальный "рассказ",

полный живых и рельефных мелодических образов, ритмических тонкостей и динамических эффектов. Однако пианистну, с ее небольшими руками, не раз подводила ее физическая недостаточность. Она просто физически не справлялась с масштабной фактурой Концерта. Простите, где же здесь первая премия такого крупнейшего международного музыкального состязания, как Конкурс Чайковского?

Читатель волен спросить нас последом: а прозвучал ли хоть один раз на конкурсе Концерт для фортепиано с оркестром Чайковского во всем его художественном величии и поэтической красоте? Отвечу с полной уверенностью: да, прозвучал, в первый день третьего тура. Его исполнил замечательно одаренный музыкант, 19-летний Дмитрий Онищенко, который должен был (и это не только мое личное мнение) войти в первую тройку победителей. Он очутился в самых невыгодных условиях "борьбы" с амбициями дирижера и неопытностью оркестра в самый трудный первый симфонический вечер. Но — Бог свидетель — пианист победил в этой борьбе. Голос Пазты фортепиано, вдохновенного музыканта, одушевляющего каждую фразу, каждый звук своими "говорящими" руками, голос музыкального драматурга с поющей душой господствовал над оркестром... А когда Дмитрий играл Второй концерт Рахманинова, являя полное растворение в этой бессмертной ностальгической музыке Серебряного вена, наверное, не мне одной хотелось сказать магическое: "Остановись, мгновенье! Ты — прекрасно!". ■

фото Эдуарда Левина

Стефания ВОЛОЧКОВА

Так и живем

рисунок Льва Рибнина

От Краснодарского аэропорта таксист Толик за два часа домчал меня до одного из бесчисленных маленьких поселков на берегу Черного моря.

С моей стороны это была откровенная авантюра: я ехала одна в незнакомое место, чувствовала себя совершенно больной и всего боялась.

Когда мы въехали в поселок, выбранный мной наугад, я уже совершенно ничего не соображала. Машина повиляла по узким улочкам и остановилась у глиняной мазанки.

— Здесь? — спросил меня Толик.

— Не знаю, — ответила я, но из машины вышла. Бодрым шагом прошла сквозь ворота во двор. Каким-то образом ухитрилась их с первого раз открыть и крикнула привычно: — Хозяин!

Выскочил приятный белобрысый, с обгоревшим носом мужичок в шортах и заулыбался.

— У вас комнату снять можно на одного человека? — стесняясь, спросила я.

— У нас все занято. Вот у бабушки, может, есть, зайдите.

Я сняла босоножки и вошла в дом, где на кровати лежала маленькая сухонькая старушка. Про себя я подумала, что она похожа на солдата, который прилег отдохнуть.

— Вы комнату сдаете?

— Сдаю, — сказала она. — Пойдем, покажу.

Комната мне понравилась. Я бросила вещи и побежала расплачиваться с таксистом. Когда вернулась, на бабушке был новый халат с листьями, каких в природе не бывает, волосы старательно собраны в пучок, и пронзительно-синие глаза выжидающе посмотрели на меня.

— Сколько? — спросила я.

— Двести в день.

— Хорошо. — Я сразу рассчиталась с ней за двенадцать дней.

— А сколько у тебя осталось? — невинно поинтересовалась она.

— Четыре тысячи плюс купленный на обратную дорогу билет на самолет.

— Давай сохрани, — предложила она. — Боюсь, промотаешь все сразу, как моя Ленка.

Лена, ее дочь, год назад была вынуждена сбежать в Израиль к своей свекрови от мужа, который ей здесь “житья не давал”, по выражению бабушки.

— Нет, не дам. Я сама сохранию, — сказала я и поразилась, как мне с ней легко и весело. — Бабушка, а можно вас обнять?

— Я не бабушка, а Мила Ивановна. Мне семьдесят два года, а я еще работаю до сих пор комендантом в соседнем пансионате, — отчиталась она и вдруг обняла меня сама. Мы тихо постояли, повздыхали, и я пошла обживать свое жилище.

К вечеру я успела познакомиться с обитателями дома, в котором мне предстояло прожить двенадцать дней — все было вполне терпимо. Но как же я обрадовалась, когда поздно ночью пришли ужинать Леша и Настя, не знакомые мне прежде постояльцы.

Художники по образованию, в отличие от меня, они приехали сюда подработать. В этом году на черноморском побережье был какой-то особенный спрос на то, что нынче называется “боди-арт”. С утра до ночи под палящим солнцем они наносили рисунки на тела отдыхающих специальной краской, которая смывалась через две недели.

— Работа адская, — басил Лешка, — но менеджер добрый попался: платит за стол, койку и сто рублей дает на личные расходы.

“Ничего себе, добрый, — подумала я. — От зари, до зари, без выходных, и сто долларов чистых в месяц получается. Или я считать не умею?” Но ребятам ничего не сказала.

Постоянно они жили в Краснодаре: Настя с родителями, а Леша снимал комнату. К осени собирались открыть в городе свою галерею, были очень начитанны, особенно Настя. Лешка демонстрировал знания дзен-буддизма и другие религиозные и метафизические премудрости, но это никак не мешало им быть веселыми и жизнеспособными. Надо добавить, что Насте при этом удавалось писать хорошие стихи... Одним словом, я притянулась к “своим”. Нам было так весело вместе!

В одну из ночей я проснулась оттого, что обнаружила у себя в ногах белое свечение, размером в четыре футбольных мяча. Следом лопнула лампочка. Я натянула на голову одеяло и со страху сразу заснула...

Утром у умывальника Настя схватила меня за руку и рассказала, что вчера поздно вернулась домой с танцулек и во дворе столкнулась с чем-то белым, вибрирующим.

— Настя! — закричала я. — Какое счастье! А я уже подумала, что совсем головой тронулась.

— Может быть, вы обе одновременно тронулись, — заметил Леша, развалившись на драной раскладушке в самом тенистом уголке сада. — Да нет, шучу. Я их тут великое множество наблюдаю, самых разнообразных, как по форме, так и по цвету. Есть маленькие, большие, красные, зеленые, синие, спиралеобразные, колобки и т.д. Да вы на них не обращайте внимания, они симпатичные.

Я посмотрела на Лешку, “лысого” наголо, в косынке с рыбками, в коротких шортах и сбитых сандалиях, будто они оба на левую ногу, и подумала: “Лапочка, какой же ты свой!”

На следующий день солнце пекло нещадно, до моря показалось далеко, но особенно поражали женщины вдоль дорог, которые продавали вязаные шерстяные вещи. Все заборы были завешены этим товаром. Я думала, они будут продавать их до второго пришествия, но ничуть не бывало — кто-то все время покупал их товар. Хотя от вида шерсти становилось еще жарче. Я с трудом дотащилась до платного пляжа, а когда платила за вход пареньку, услышала заботливое: “Почему у вас такое обреченное лицо?”

— Обреченное? Наверное, потому, что обрекла себя на отдых здесь, а не на Канарах, — пошутила я.

— Это конечно, — задумался парнишка. — Не ложитесь у пирса, здесь вода холоднее, идите правее, там лучше.

— Спасибо, — закивала я.

Когда через некоторое время я вернулась домой, бабушка Мила встретила меня словами:

— Ты исхудала, где ты ешь? Иди в “Тополек”, там нормальная еда и недорого. Тебе каша нужна.

— Мне любовь нужна, я питаюсь любовью.

Она посмотрела на меня глазами, похожими на выгоревшие незабудки, и созналась в том же.

— Как посмотрю на дорогу, все Леночка чудится, ее длинные ножки, сарафанчик и как она бежит с девчонками к морю.

Она скучала по дочери жестоко, но держалась отлично, и если бы я ее случайно не “расколола”, то никогда бы об этом не узнала.

— Она вернется, заберет тебя с собой, — пообещала я ей.

— В Израиль не поеду, там жарко.

— А здесь не жарко?

— Но не так же!

— А в Америку поедешь? Она из Израйля через несколько лет может в Америку перебраться. Туда поедешь?

— Не знаю, — не поддавалась моей провокации бабушка Мила. — Кому я там нужна?

— А здесь кому ты нужна? — не унималась я.

— Подружкам, цветочкам своим, курам.

— Тоже верно, но чудится мне, что она тебя пока еще серьезно не позвала, а как позовет, все бросишь.

Бабушка ничего не ответила, только со скрипом терла чашки. Я подкралась сзади и обняла ее крепко-крепко. Я ее очень хорошо чувствовала. Она как солдатик, — стоит до конца. И моя такая же была.

Странно, что ее внук Олег (“говнюк” — как она его называла) совсем ее не любил.

— Почему? — спрашивала я его.

— Она вредная, я тоже вредный, не получается у нас.

— Да вы тут вся семейка вредная, что же теперь!

Он только плечами пожал. Вот его обнять мне никогда не хотелось!

Летом Олег целыми днями использовал свою машину как такси. В остальное время года числился студентом. В поселке во многих домах были машины, а в некоторых и по две. Деревенских домиков оставалось мало, то тут, то там появлялись новые каменные коттеджи. Правда, рост благосостояния наблюдался лишь у тех счастливиц, которые имели возможность сдавать свои жилища отдыхающим. Остальные существовали на ставку, пенсию и огороды.

Недавно церковь Николая Угодника взялись всем миром реставрировать. Настоятель сам ездил в Краснодар, отбирал художников для росписи стен. Симпатичная старушка, торгующая церковной утварью, уговорила меня купить иконку Богоматери (“Одигитрия”) редкого письма.

И сейчас, когда мне становится печально, я беру иконку в руки и вспоминаю чудесное, какое-то “довоенное” лицо этой женщины.

На следующее утро Настя поранила ногу о гвоздь, который торчал у парапета на набережной. Рана стала опухать, и мы побежали с ней в местную больницу, но она находилась далеко. Нам помог рыжий частник в тельняшке, проезжающий мимо. Он довез нас туда и даже денег не взял. После всех манипуляций с ногой врач назначил цену в двадцать рублей. Я дала ему сто.

— Да ты что, роднуля! У всего медперсонала больницы не наберется сдачи с этой суммы.

“По всей вероятности, социальное расслоение приняло здесь гипертрофированные формы”, — подумала я.

Когда мы шли обратно, Настя задумчиво сказала:

— Какие-то здесь мужчины настоящие. Я себя полноценной женщиной ощущаю, очень приятное ощущение.

— Я думаю, это потому, что здесь нет никаких соблазнов, как в больших городах, поэтому для них важнее всего человеческий фактор, проще сказать, человеческие отношения.

— Наверное, — легко согласилась Настя. — А я вообще жить не могу, когда меня не любят, — вдруг, запнувшись, добавила она. — Я без любви не умею приспособиться. Что делать?

— Не знаю, сама такая. А Леша?

— Леша? Он всех любит одинаково. У него это запросто получается. Может быть, потому, что давно живет без родителей, привык семьей считать все окружающее его пространство. Правда, недавно начал мечтать о большом доме, семье, студии. Хотя мне кажется иногда, что это все больше на словах. Семейным я его не представляю.

Пока мы болтали, жара ослабла, и Настя пошла разрисовывать тела отдыхающих, а я пошла вдоль моря. И вы не поверите! На набережной маленького приморского поселка, мало кому известного, я увидела свою двадцатилетнюю племянницу Сашу.

Правда, последний год она мне совсем не звонила и не приезжала. Увидев ее, я ни о чем не успела подумать, мы просто бросились друг к другу в объятия и завизжали! Выяснилось, что она приехала с подружкой в местный дом отдыха несколько дней назад. Именно сюда и именно в это время! Надо сказать, что никогда прежде в разговорах мы не упоминали этого местечка. Одним словом — мистика! Вот только, к сожалению, на следующий день я уезжала в Москву, отпуск мой заканчивался, и нам оставалось лишь одно — посидеть на открытой веранде в кафе, поболтать о том, о сем. Я отдала ей свою маску и ласты, а утром напоследок пошла к морю.

Вспомнила нехоти о пустой квартире в Москве и затосковала. Но на тоску я не имела права. И тут случайно обратила внимание, что у меня спустил матрац. Я попросила идущего рядом мужчину надуть его велосипедным насосом. У него не получилось, и через несколько минут меня уже окружала

толпа людей, которые пытались мне помочь. Картина умиляла, и я подумала, что не так все грустно.

Бабушка Мила напекла пирожков, халат с экзотическими листьями был уже на ней, но самое главное — она дала двести рублей, которых мне не хватало на такси до аэропорта. Спасибо тебе, дорогая, я знаю, какой это подвиг для женщины твоего возраста, имеющей единственный серьезный источник дохода — старенький домик у моря, дающий прибыль всего лишь три месяца в году.

К весне, обычно, деньги отдыхающих заканчивались, поэтому, этичнее было бы не брать твой дар. Но я твердо знала, что такие душевные порывы гасить нельзя — грех! Я торжественно взяла их и пообещала ей, что на следующее лето приеду толстой и румяной.

Однако самым решающим событием было прощание с Лешей и Настей. Они работали, как всегда, на площади у моря, рядом с кафе “Жемчужина”. По времени — у них был сейчас самый разгар работы, особенно не поболтаешь. И я пошла медленно, дальней дорогой через парк, думая о том, что бы им такое сказать на прощанье...

Увидела я их издали и незаметно подкралась к Насте сзади. Она склонилась над ногой какой-то блондинки, старательно разрисовывая крылья бабочки у нее на щиколотке. Леша сидел рядом и тоже ко мне спиной. Я присела на корточки в толпе любопытствующих, почти прижалась к Настиному бедру и громко зашептала:

— Нежнее нежного твоя рука,

От мира целого ты далека,

От неизбежного твоя печаль...

А дальше стихотворение Мандельштама забылось напрочь.

Настя взвизгнула, бросила свой инструмент и кинулась мне на шею.

— Оставайся принцессой, — сказала я ей.

— Я постараюсь, — ответила она, чуть не плача.

Леша встал со стульчика, обнял нас обеих и зашептал мне на ухо:

— Наташ, не уезжай! — А я еще раз подумала, какой же он бездомный. И как мы все трое, каждый по-своему, одиночки.

— Леша, ты хочешь большой дом? — И я показала, какой большой.

— Хочу.

— Он у тебя будет, — подтвердила я с максимальной уверенностью, на какую только была способна. Ах, если бы я могла им всем помочь! Мы говорили какие-то слова друг другу, потом я махнула им рукой и пошла к дому, где меня ждал таксист, чтобы отвезти в Краснодарский аэропорт.

Ехать было часа два, и таксист, когда хотел курить, останавливал машину и выходил, чтобы не надымить в салоне. Пока мы были в пути, часто спрашивал "не дует ли". Я таяла от умиления и боялась превратиться в горстку сладкого сиропа. Может, мне просто везло на хороших людей, или там действительно люди добрее?

На аэродроме самолет задерживали, и первым улететь должен был предыдущий, кажется, 12-ти часовой. Я приуныла. Ну где же ты, мой белый ангел? Забыл про меня? Через несколько минут бодрый голос из репродуктора произнес, что на отлетающий в Москву самолет есть несколько свободных мест. Я пулей вскочила с лавочки, прижала к себе два своих рюкзака и помчалась к кассе менять билет. А вскоре уже летела над Краснодаром. Спасибо, ангел!

В Москве меня встречал мой бывший муж, Петька, как мы и договаривались. Увидев меня, он заплакал от радости, что меня нескананно удивило, а главное, насторожило. Позже выяснилось, что ему опять негде жить, и нельзя ли ко мне "совсем на немного". Видимо, судьба предоставила ему замечательную возможность сравнить жизнь со мной и без меня.

Но это все пустяки. Главное — дома все в порядке: мой хороший приятель в мое отсутствие честно поливал мои любимые цветочки. Так что я — в Москве, все на своих местах, и меня по-прежнему зовут Наташа.

Вот только одно не дает мне покоя. Я постоянно вспоминаю ребят, Настю и Лешу, и с недоумением думаю, почему я не дала им свой телефон? Похоже я совсем одичала в Москве и по привычке не оценила радости человеческого общения, точнее, отвыкла от него, и ухитрилась не оценить родство душ, как будто оно так часто встречается. Простите меня, ребята, я люблю вас!

Послonyaвшись по квартире, я решила найти свои старые телефонные книжки и позвонить школьным подружкам, Ире и Жене, с которыми мы вечно исполняли роли ангелов в детских спектаклях. С тех пор слово "ангел" стало для нас самым расхожим, любимым, и мы каждый раз наполняли его новым смыслом.

Выяснилось, что Женя в Америке, а Ира живет по-прежнему по старому адресу. Она обрадовалась мне и пригласила в гости, "попить чайку". Я на удивление быстро собралась и помчалась к ней. Мы просидели весь вечер, болтая без умолку. Я рассказала ей о своей поездке к морю и подарила мешочек с лавандой, собранный бабушкой Милой.

— Отлично пахнет, — сказала Ирка, — я тоже туда хочу. Вечно с тобой всякие чудеса происходят.

— Они со всеми происходят, главное — воспринимать обыденность как чудо. Я просто внимательная и умею не пропустить интересное.

— Ты и внимательная, и любопытная, даром, что ли, психологический факультет заканчивала, — заметила Ирка.

— Не напоминай! Я давно по профилю не работаю. Все навыки потеряла.

— А талант остался. Может, ты волшебница? Как Мэри Поппинс!

— Спасибо, — и я почему-то заплакала. Ира тут же присодинилась ко мне, и мы обнявшись, поплакали каждый о своем.

Мы обе одновременно вышли замуж и одновременно развелись, но у Иры появилась Катя, а у меня кандидатская, никому не нужная диссертация.

Я вдруг вспомнила, как бабушка Мила говорила мне, что одной жить лучше, но ее понять можно. Муж у нее был алкоголиком, и она мучилась с ним всю жизнь, только после его смерти зажила спокойно. Я провоцировала ее: “Ну, а если бы появился симпатичный мужчина и сказал тебе: “Дорогая, выходи за меня замуж, я сделаю все, чтобы ты была счастливой”? Бабушка заерзала на табуретке и нашла достойный ответ: “Таких мужчин не бывает”. А может, и правда? Я потрясла головой, отогнала наваждение. Да, бедные русские женщины не могут себе такое даже в виде фантазии представить!

В девять часов вечера я засобиралась домой. Иришка обняла меня и сказала на прощание: “Приходи почаще, а то составимся, можем и не узнать друг друга”.

Вышла я из подъезда, на небе звезд полно и на душе тепло. Пошла по пустынному двору и вскоре впереди себя увидела медленно бредущего старика, судя по-всему, бомжа. Идет и разговаривает сам с собой:

— Вот посижу, посижу, потом пойду, и куда? Меня никто не ждет. Пойду в лес, лягу под дерево и стану умирать. Тихо, птички поют. Нет, сначала земляники наемся. А потом стану умирать. Никто мешать не будет, о своем вспомню. Хорошо!

Дед говорил это благостно, чувствовалось, что такой конец не пугал его. А я пошла дальше, не рискнув нарушить размышления старика. В свете последних событий в стране, его “сценарий” не казался самым худшим вариантом.

У моего подъезда маячила одинокая фигура. Кажется, Петька?

— Наталья, уже поздно, я беспокоился и вышел тебя встречать. — Он вынул из-за спины букет ромашек.

Интересно, чей газон пострадал? Подумать только!

— Спасибо, — сказала я, а про газон умолчала.

Что лучше: быть любимой или правой? Думаю, и той, и другой.

Вечер был чудесный, и я решила, что к этому моменту значительно повзрослела.

А на следующий день ни свет ни заря в мою квартиру позвонили. Проклиная всех гостей на свете, в разных тапочках, держась за стену и открыв только один глаз, я добралась до двери. Я сова, ложусь поздно, а за дверью стоял жаворонок, старый мой друг, сосед Жорка.

— Вот, в командировку уезжаю, решил тебе картину подарить, может, понравится. — Он периодически дарил картины собственного производства своим друзьям “на счастье”. Безо всякого приветствия, деловито, Жорка прошел прямо ко мне в спальню. Я захлопала глазами.

— Ты чего? Свою квартиру с моей перепутал?

— Смотри сюда, — сказал он, не удостоив меня ответом, и повесил картину, которую держал в руках, на старый гвоздь над моей кроватью. Солнце осветило ее, на картине оно было абрикосовым. Тихий ветер и плещущиеся тени. Дым вдали, а за рекою — поле, а по полю, весь в ромашках, он идет ко мне. Тот самый принц, которого, как считают мои друзья, я жду. Впечатление от картины было сильное. Я не удержалась и сказала: “Ой!”.

— Спасибо тебе большое. А нельзя на картине “мерседес” пририсовать?

— Он здесь не нужен. Я ведь не головой рисую, а “нутром”. А нутро говорит, что “мерседеса” здесь быть не должно.

— А жаль. Но раз не нужно, значит не нужно. Тем более, что я пошутила. Там и без “мерседеса” все прекрасно.

— Я рад, что тебе понравилось. Ну и ладненько, а ты звони, приходи. Адрес не забыла? — пошутил он.

— Нет. Обязательно найду.

Жорка ушел. Я еще раз взглянула на картину, и ромашки показались мне совсем живыми. Ну надо же, какой молодец! Это он меня так утешает.

Утешать меня действительно следовало. Я оказалась на перепутье, прошлая жизнь закончилась, а новая еще не началась. Какая она будет?

А лето кончалось и кончалось, и наплывала тоскливая осень... В НИИ, где я работала, наконец перестали платить зарплату, и слава Богу, теперь мне самой придется заняться собственной судьбой.

Итак, что мы имеем: диплом о высшем образовании, кандидатскую диссертацию и бывшего мужа. Негусто!

— Давай я поговорю с нашим главным редактором. Поработай в журнале внештатником для начала, потом в штат перейдешь, — предложила мне подруга. И я прислушалась к ее совету. Тем более, выбирать было не из чего.

Все бы ничего, да характер мой начал стремительно портиться, и куда-то пропало то удивительное состояние влюбленности, присущее мне с тех пор, как у меня прорезался пер-

вый зуб. И тоска медленно-медленно начала прокрадываться в мою жизнь. Только сейчас я стала понимать абсолютную ценность хорошей семьи. Но такого тыла у меня пока еще не было. Бывший муж Петька просился назад домой, а когда приходил в гости пить чай, рисовал моей помадой на всех зеркалах красное сердечко, пронзенное стрелой. Балбес!

— Чего тебе привезти из командировки? Еду в Прагу на неделю.

— Кольцо с брильянтом, платье от Гальяно, духи и .... — Я задумалась.

— Издеваешься! — Петька посмотрел на меня сумрачно.

— Ну тогда привези, что хочешь.

Я хотела сказать “петушок”, но он бы обиделся. Петька еще не знал, какой стержневой оттенок появился в моем характере, пока я овладевала новой профессией.

Итак, уже несколько месяцев я числилась журналистом, которого, в основном, ноги кормят. Работа хоть и интересная, но очень изматывающая, и я успела забыть о том, что в начале лета отдыхала у моря.

На следующий день появилось солнышко, осень была теплая, и я шла вдоль Ленинградского шоссе “на задание” по поручению своей газеты и тихонько напевала песенку на английском языке: “Попрощайтесь с ангелочком, я теперь не ангелок, а я милый непоседа, и живу себе я впрок”. Да, “обломали сивку горки”, боюсь, теперь меня никто не узнает, но выход всегда есть: сошлюсь на легкое помешательство.

В одном из домов, мимо которых я проходила, был салон по продаже автомобилей. Громадный дядька, видимо, только что купивший в салоне устрашающего вида черный джип “линкольн навигатор”, размером с яхту, пытался аккуратно выехать на проезжую часть. Я пожалела, что у меня нет с собой фотоаппарата. А может, это и хорошо, вдруг он из тех, кому свидетели не нужны? Дядька был азиатского вида, и я сразу представила, как он носится на нем по барханам, разгоняя зазевавшихся верблюдов. Себя я тоже представила рядом, за пазухой у меня были гранаты, и я небрежным жестом доставала их по одной и кидала в окошко.

Когда я осознала, о чем думаю, мне стало неуютно. Выходит, я стала агрессивной? Надо срочно расслабиться и куда-нибудь съездить, хоть ненадолго. Я достала мобильник и набрала номер старого приятеля Влада. Он был оператором на ТВ и просто хорошим парнем, с ним можно было где-нибудь посидеть, поболтать, отдохнуть душой.

— Влад, не хочешь ли ты...

— Хочу, куда угодно... Устал как собака.

— Пошли в “Пушкин”.

— Дорого.

— Тогда в Le Club, — подсказала я.

— Тоже дорого, лучше в “Трам”, забегаловку Ленкома.

И мы договорились встретиться у входа.

Пока шла, решила во что бы то ни стало попробовать “Шато Доман де Шевалье”. Мне приходилось несколько раз встречать это название в некоторых литературных опусах, но пробовать не доводилось. Надо заполнить пробел, хотя я совсем не пила, не любила. В голове мелькнуло, не будет ли мне это стоить месячной зарплаты?

Когда подошел Влад, я спросила у него об этом. Он замахал руками.

— Дорого. Я возьму себе коньяк “Хеннеси” и какое-нибудь мясо.

— А я — блины с икрой и кофе для начала, а там посмотрим. Тем более, что деньги кончаются, чего их беречь!

Мы вошли в ресторанчик, народу было мало, выбрали столик в самом дальнем углу, у стены, и перевели дух.

— Я озверел от работы, только и мечтаю куда-нибудь слянуть. Ты не обращай внимания на мой жаргон, мы там все так выражаемся.

— Я тоже мечтаю уехать, да пока не знаю с кем.

Влад дожевал мясо, задумался о чем-то, потом хлопнул себя по лбу.

— Слушай, есть один отличный парень, он — детектив. Очень надежный, спокойный человек. С ним “в разведку можно”. Алексей Серебряков, кажется, так его зовут. Сейчас уже плохо помню, когда-то делал о нем передачу, он был в спецназе, да кто их сейчас разберет! Одним словом, это брат одной нашей сотрудницы, и она недавно говорила, что он собирается в отпуск, ищет попутчика. Кстати, холост.

— Мне сейчас не до этого.

— Он не озабоченный, не волнуйся.

— И на том спасибо! Ты-то как?

— По-разному. Утомили эти разборки на ТВ. Все между собой перегрызлись. Деньги задерживают. В общем, не война, так холера, не холера, так революция. Одно утешает, девушка у меня симпатичная, да денег мало.

— Тебе не хватает? Или ей?

— Я бы перебился. Она красивая, ей много нужно: экстерьер поддерживать. Да, кстати, запиши Алеши Серебрякова телефон, вдруг пригодится.

Я записала телефон. Мы поболтали о том о сем, он мне рассказал массу смешных историй, случившихся во время последнего Московского кинофестиваля, и я от души посмеялась. Мы вышли на улицу, пешком дошли до метро “Пушкинская”. Владик побежал в метро, а я нашла свою тачку, села в нее и заплакала. В ответ на мои стенания пошел дождь — природа мне явно сочувствовала. И я поняла, что тоска одиночества способна меня окончательно придушить. Да и дождь ра-

зошелся не на шутку, меня начало знобить, и я твердо решила не откладывать больше отпуск.

Выбора не было, пришлось позвонить Алексею. У него был очень приятный баритональный бас, но он не сразу сообразил, с кем имеет дело. Пришлось напоминать ему об отпуске и о Владе.

— Да, да, конечно. Искренне рад. Я уж, было, подумал, одному придется лететь. Вы билет еще не брали?

— Нет, — сказала я.

— Предлагаю встретиться и все обсудить на месте. Кстати, меня время поджимает.

— Я готова. А где встретимся?

— Давайте я подъеду к вам, и все обсудим.

— Согласна.

И мы распрощались до завтра. Но вечером я почувствовала себя очень плохо, причем как-то сразу, вдруг ни с того, ни с сего. Я тихонько добралась до постели.

А на следующий день не смогла встать, заболела. Было очень холодно и хотелось, чтобы кто-нибудь подержал меня за руки, погрел! Мне стало казаться, что я ухожу туда, где уже не живут. Я лежала и улыбалась. Какой-то странный синий свет заливал меня. Я подумала о том, что скоро увижу бабушку, отца, какое счастье! А любовь земная — как луч солнца перед заходом, мелькнет, и нет ее. И я перестала цепляться за жизнь. Шла и шла вперед, в туман, торопилась, по пути рвала одуванчики, у них были длинные стебли, они путались в ногах и мешали идти. “А разбитое сердце я передам вам!”, — крикнула я и обернулась туда, где оставались живые. Я увидела, что кто-то кричит мне оттуда, зовет назад, но я не хотела возвращаться. Почему же мне так холодно?

Сквозь забытье я услышала телефонный звонок, но не было сил поднять трубку. Я натянула на себя одеяло и снова провалилась в забытье. Увидела лодки и папу в одной из них. Он улыбался и махал мне. А проклятый звонок звонил и звонил. Я заплакала от бессилия, протянула руку и взяла трубку.

— Алло, мне Наташу, пожалуйста. — Это был Алексей, я вспомнила, что мы договаривались созвониться.

— Алеша, — прошептала я, — я заболела, кажется, мне очень холодно.

— В квартире кто-нибудь есть? — быстро спросил он.

— Я одна.

— Сейчас приеду.

— Не надо, сейчас папа придет.

— Ваш адрес? А впрочем, я выясню, телефон-то я ваш знаю. Ждите, скоро подъеду.

Через какое-то время я увидела рядом со своей кроватью симпатичного молодого человека, который растирал мои руки водкой, потом он завернул меня в одеяло, положил себе на колени, прижал к телу и спросил:

— Вы чувствуете, идет тепло, живое тепло чувствуете?

— А что, бывает неживое? — пробормотала я.

— Всякое бывает, то, что я сейчас делаю, называется “оказание первой помощи в экстремальных условиях”. Я подпитываю вас своей энергией, разве вы не чувствуете? Впервые эту методику стали применять в американской армии.

— Так вы военный?

— У вас голос окреп, я рад. Судя по всему, у вас сильный грипп, хорошо если нет воспаления легких или больших почек. Я вызвал врача из ведомственной больницы. Сейчас все станет ясно.

— Как вы вошли? — тихо спросила я.

— У меня есть инструменты, которые открывают любую дверь.

— А оружие у вас есть?

— И оружие есть. Но я не бандит, как вы подумали. Мне полагается подобное оснащение. Чтобы вам зря голову не забивать, сознаюсь: я очень хороший человек и со мной не пропадешь. Когда вы выздоровеете, предоставлю вам побольше доказательств.

— А гранаты у вас есть?

— Я ими не пользуюсь, но могу при желании. Для чего вам?

— Хочу проехаться на джипе и в открытое окошко покидать гранаты, посмотреть, как они взрываются.

— Вообще, не слабо! У меня тоже были такие мечты, но только в двенадцать лет.

— Ну кто как созревает!

— Это точно.

Содержательную нашу беседу прервал приход врача. У меня оказался сильный грипп плюс нервное истощение. Мне выписали кучу всякой медицинской дряни и велели лежать. Алексей вызвался съездить за всем этим.

— Не волнуйтесь, я вас быстро на ноги поставлю. У меня меркантильный интерес. Про отпуск не забыли?

Я покивала и сразу заснула.

Новый знакомый Алеша оказался на редкость внимательным. Приходил ко мне каждый день и первое время даже с ложечки кормил. А главное, унывать не давал. А через неделю из экспедиции вернулся старый друг, сосед Жорка. Усталый, толстый, умный, родной. Он принес мне “байкальские” подарки и охал, ахал, сочувствовал, как я исхудала.

— Приходи ко мне, я тебя пельменями накормлю, наловчился, сам удивляюсь.

— Это не помешает, а то заехала недавно со знакомым в ресторан поговорить о делах, мне подали на огромной тарелке крошечный квадратик заливного омара, сверху соус, взбитый в пену с шафраном, а на другой такой же тарелке: ломтик

семги и яблочко, нарезанное соломкой. Мне так это нарисовать захотелось!

Жорка захохотал.

— Ну не дрейфь, я тебя откормлю.

— У тебя новые очки?

— Да, местные власти подарили. В серебряной оправе, "от Рево". Правда, не знаю, что это такое. И тебе подарок привез. Тамошние умельцы делают их под старину. Одним словом, шаль в стиле 19 века. Он вытащил газету, развернул ее, внутри был целлофановый пакет, а в нем ...кружево, какое-то золотое. Жорка растянул его на руках, и я увидела, что это шаль. И какая!

— Жорка, спасибо тебе большое. Невероятно красиво! Буду целый день носить.

— Зачем целый день? Еще испанкой станешь. — И захохотал. Любит дурачка изобразить, но навыка нет.

Я обняла его и закружила по комнате. Потом села на стул. Колени задрожали от усталости, все равно что шкаф двигала. Нет, он явно предназначен не для танцев.

— Ну, мне пора, — сказал вдруг Жорка.

— Ты чего, уже уходишь?

— Да. Надо разобраться.

— Но ты еще придешь?

— Куда ж я денусь.

Я проводила его до двери и почувствовала, что от него пахнет как-то не по-московски. Каким-то сильным природным запахом.

— Жор, чем от тебя пахнет?

— Тут всего намешано: деревья, травы, земля другая, вода, еда, звери всякие, камни и прочее. Если лекция нужна, могу прочитать.

Но я уже открыла свою дверь и послала ему воздушный поцелуй.

Откровенно говоря, меня очень волновал вопрос денег. Их хронически не хватало. Что делать дальше, не знаю, но в отпуск поеду. Это у меня пунктик, или попытка спасения, как тот последний лист, нарисованный художником в рассказе О'Генри. Я не просто поеду, а поеду срочно, пока московское болото не засосало. И я принялась собирать вещи.

На следующее утро, не дав мне выспаться, позвонил Алексей и предложил поехать с ним на дачу. Он маме обещал крышу в бане подправить, а я бы воздухом подышала.

— С удовольствием поеду. Буду готова через час. Кстати, я уже вещи начала собирать для путешествия.

— Я тоже. Фотоаппарат берете?

— А как же! И диктофон.

— Особенно не увлекайтесь. Все-таки отдыхать едем.

— Я помню. Через час буду готова. — И я кинулась одеваться.

Когда я вышла из подъезда, Алексей уже ждал меня. Я поздоровалась, мы сели в машину и помчались. Вид суетливой Москвы вызвал у меня тоску. Каменная ловушка! Как я хотела на траву, к цветам и морю. Короткой поездки в Краснодар в начале лета мне явно не хватило, а впереди маячила десяти-месячная зима.

— Какой фотоаппарат с собой берете? — спросил меня Алексей.

— У меня “Хассельблад”, отец когда-то подарил.

— Солидно, — с уважением проговорил Леша.

— А кстати, на чем мы едем? Неужто “Волга”? — спросила я.

— Именно. Старая, отцовская. На дачу только на ней езжу, не жалко.

— А с какой же скоростью мы несемся?

— Заметили, — засмеялся Алексей. — Она усилена мерсовским мотором. Вполне приличный “зверь”.

— А вы хорошо фотографируете? — спросила я Алексея.

— Все говорят, что отлично. Сулили карьеру профессионального фоторепортера, но опасная профессия.

— Можно подумать, у вас сейчас безопасная!

Алексей затормозил у обочины дороги, и тут только я увидела, что мы выехали за кольцевую.

— Наташенька, во-первых, давайте на “ты”, во-вторых, профессия у меня просто мужская, ничего особенного. Мужчины вообще чаще рискуют. Кстати, сейчас приедем на дачу, и я сделаю для тебя форель в сметанном соусе и вине или лососину под соусом из укропа. Любишь?

— Попробовать надо. Похоже, мне “заговаривают зубы”? Ты где служишь? Zenit, Гром, Каскад, Альфа...

— Спаси Господь! Я сам по себе. Что-то вроде частного детектива.

— Да, да. Свежо предание. А машину водишь, как Шумахер.

— Да мне и тренироваться негде, чтобы водить, как он. Знаешь, какие у него картодромы под Кельном?

— А у нас нет таких?

— Есть. Одна трасса в Сочи, другая под Курском, но не совсем такие.

— А чего мы остановились?

— Я хотел тебя получше рассмотреть, — сказал Алексей и поправил мне прядку над ухом. — Чуть дальше по дороге яблоневый сад. Нарву тебе яблок.

— А купить не проще?

— Мне хочется для тебя сделать что-нибудь этакое...

— У меня есть яблоко. — Я вытащила из кармана плаща огромное яблоко, понюхала его и с хрустом надкусила.

— Ты мне очень нравишься. Вся. Похоже, что я в тебя влюбился. Выходи за меня!

Я застыла над яблоком, боясь пошевелиться, боясь проглотить кусок.

— Наташ, ты чего испугалась? Я за девушками последний раз в четвертом классе ухаживал, я однолюб. У нас это семейное. С тех пор, как тебя увидел, все остальные женщины на одно лицо. Клянусь. Можешь у мамы моей спросить. Она вообще не верит, что я способен кому-нибудь сделать предложение.

Я по-прежнему не шевелилась.

— Наташ? Ты как себя чувствуешь?

Я, наконец, проглотила кусок и, не сдерживаясь, истерически захохотала.

— Я тебя совсем не знаю, ничего еще не успела сообразить.

Леша молча потянул меня из машины, а когда я выпрямилась, бережно обнял.

— Ты еще меня узнать успеешь, думаю, не разочаруешься. Ты просто дольше меня соображаешь. Я привык принимать молниеносные решения и отвечать за других. Соглашайся!

— Может, сначала в отпуск слетаем?

— Это не ответ. — Леша закурил, и у него сделалось печальное лицо. Я вдруг увидела, какой он симпатичный и чистый человек.

— Леш, — я дернула его за рукав. — А как мы жить будем? У меня ведь уже был муж, да и характер окончательно испортился.

— Ты меня не запугаешь, — сказал Алексей и, подхватив на руки, закружил по полю. Рой каких-то мушек летал у меня над головой, я отмахивалась от них, Алеша смеялся, а я подумала: должен же у меня быть здоровый авантюризм, где наша не пропадала.

— Я согласна.

— Я рад, и честно сознаться, не сомневался, что получу положительный ответ. У меня куча достоинств, ты не могла не заметить!

Я понимала, что он шутит. Он нравился мне все больше и больше, и я хотела сказать ему что-нибудь очень хорошее, но слова не шли. Вместо этого спросила:

— Ты меня маме специально везешь показывать?

— Маме тебя придется показать, но это ничего не значит, не бойся. Я самостоятельный взрослый мужчина. Жену выбираю себе сам. — И прежде, чем я успела ответить, крепко обнял меня и прошептал: — Я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

Где-то я это уже слышала? Ах да, бабушка Мила, у которой я отдыхала этим летом, не верила, что в России водятся мужчины, способные на такие признания. Вот нашелся один. Одним словом, поживем, увидим. Мы загрузились в машину и понеслись по почти пустому шоссе. Леша рассказывал мне

про море. Разноцветные рыбки плавали у меня перед глазами. И вдруг я встрепенулась:

— Леш, ты меня любишь?

— Ну наконец-то, а то уж я думал, не дождусь. — Он заразительно засмеялся. — Больше жизни. С четвертого класса. Ты ведь училась в 33 школе?

— Да! — изумилась я. — Но тебя не помню!

— Это не имеет значения. Зато я тебя не забыл. Косу твою, портфель с зайцем.

— Даже это помнишь! Ну ты разведчик!

Леша поперхнулся. Я подозрительно уставилась на него. Он был невозмутим. За окном сияло солнце, мелькали деревья, я махнула на все рукой — авось, не пропаду, — я и положила голову на Лешино плечо. Мне было очень хорошо! Я снова вспомнила о поездке в отпуск, представила себе коралловые рифы, чистый океан, белый-белый песок, пальмы, бунгало у воды, экзотические цветы, бабочек...

— Просыпайся, приехали.

Я выглянула из окна машины и увидела дачу, очень похожую на ту, в которой жила в детстве. И вдруг как-то сразу успокоилась. Мне почудилось, что я приехала домой. Ну что ж, не будем загадывать.

— Иди ко мне, — крикнул Леша, стоя на полянке перед домом.

И я пошла к нему, медленно, медленно, растягивая свою радость. Сумка била меня по боку, но я не чувствовала этого, я шла к человеку, которого мне нестерпимо хотелось обнять! ■

Роман Поланский:

КОНТАКТЫ С САТАНОЙ

Елена ПРОКОФЬЕВА

Его фильмы удостоены пяти премий "Оскар", а на нынешнем Каннском фестивале ему вручена "Золотая пальмовая ветвь" — награда, о которой большинство кинорежиссеров мира могут лишь мечтать...

У фильмов Романа Поланского (Полански) не бывает благополучных финалов. В этом — одна из отличительных черт его творчества. Режиссер знает, что жизнь непредсказуема и ужасна, она готовит все более жестокое испытание, все более коварные ловушки... Расслабься на миг — и все, ты попался! В финале каждого своего фильма Поланский дает зрителю — и герою — кратковременную надежду на благополучный исход. Но надежда эта всегда рушится. Даже в комедиях его неизменно присутствует трагическая нота. Потому что сам себя Поланский считает реалистом. Его зритель выходит из кинотеатра со смешанными чувствами — ужаса перед жизнью, отвращения к себе и к человечеству, тоски и отчаяния... И, несмотря на это, Поланского по-прежнему смотрят. И будут смотреть.

Первые уроки

Роман Поланский (настоящее имя — Раймунд Лейблинг) родился в 1933 году в Париже. Поздний ребенок состоятельных родителей, любящих друг друга и боготворящих долгожданного малыша... Жизнь сулила ему сплошные радости. Или, по крайней мере, счастливое детство. Но когда ему исполнилось два года, родители вернулись в Польшу. А когда ему исполнилось семь лет, началась война.

В семь лет Раймунд — Ромек, как называли его родители, — оказался за колючей проволокой Краковского гетто...

Много позже Стивен Спилберг снимет фильм о том, как там все было, и Роман Поланский будет его консультантом. Но сам он очень долго не сможет снимать фильмов о войне. Пока, спустя больше полувека после войны, мир не забудет столь многое, что сам он почувствует: пришло время напомнить!

Его мать была на четвертом месяце беременности, когда ее вместе со свекровью, бабушкой Ромек, отправили в Маутхаузен, где они погибли — в первый же день, беременных и стариков отправляли в газовые камеры прямо с перрона. Старшая сестра и отец чудом выжили в Освенциме. Самого Ромек отец спас, перебросив через проволоку на улицу уже в те часы, когда всех — без различия в возрасте — мужчин готовили к отправке в концентрационный лагерь. Всю войну Ромек скрывала семья польских крестьян. И всю войну он надеялся на возвращение родных, на то, что когда-нибудь они снова будут жить так же хорошо, как до вой-

ны. Когда советские войска освободили Польшу, он сбежал из приютившей его семьи в Краков. Он верил, что родители вернуться именно туда, скитался по подъездам и наверняка умер бы от голода, если бы не щедрость советских солдат, подкармливавших уличных мальчишек.

Осенью 1945 года Ромек узнал, что мама к нему уже не вернется. Узнал от отца, который приехал домой не один: он привез с собой мачеху. Молодая полька Ванда Поланская выходила Рышарда Лейблинга после лагеря и он женился на ней, взяв ее фамилию для себя и сына, — полагал, что с польской фамилией проще будет жить, чем с еврейской. Она была доброй женщиной и очень жалела Ромек. Но ему понадобилось много времени, чтобы простить ей, что она — не его мать.

После войны Ромек пошел в школу, но в учебе не преуспел, и вообще был одним из тех, кого нынче называют "трудными подростками", что вполне объяснимо: Ромеку исполнилось всего двенадцать лет, когда он понял, — нельзя надеяться, надежды причиняют лишнюю боль... Позже этот урок жизнь повторяла ему не раз. За каждой задачей следовала суровая расплата. После окончания общеобразовательной школы ему опять повезло: он поступил в киношколу в Лодзи. И был исключен на пятом курсе, так и не получив диплом. Правда, отсутствие диплома не мешало ему войти в десятку лучших кинорежиссеров мира. И, наверное, Роман Поланский — самый известный голливудский режиссер, иммигрировавший в Америку из Восточной Европы. Он сни-

мает кино во Франции, в Англии, Италии, США: четырнадцать полнометражных фильмов, получивших не только престижные европейские награды, но и пять премий "Оскар". Только вот сам Поланский не получил ни одного "Оскара" в номинации "лучший режиссер"... Многие киноиздания мира задавались вопросом: "почему?", — но члены Американской киноакадемии до ответа не снизошли. Сам же Поланский к наградам равнодушен. Его интересует только сам фильм. И только в то время, когда идет съемка. Едва смонтирован последний кадр — интерес к творению теряется... Возможно, потому его фильмы так хороши?

Гораздо менее удачлив Поланский в личной жизни. Правда, несмотря на невзрачную внешность, в него влюблялись самые красивые женщины, но ни один из многочисленных романов не принес ему долгожданного счастья, зато заканчивались эти романы когда скандалом, а когда и трагедией.

Его первой женой была польская актриса Барбара Квятковская. Вряд ли Басенька когда-либо любила Поланского, но зато благодаря его активности и предприимчивости она смогла вырваться в Европу и начать там свою карьеру... Басенька оказалась в высшей степени расчетливой особой: официально она еще состояла в браке с ничего не подозревающим Романом, что не мешало ее далеко не невинным отношениям с более преуспевающим итальянским кинорежиссером Джилло Понтенорво. Правда, и его она покинула ради еще более преуспевающего — вскоре

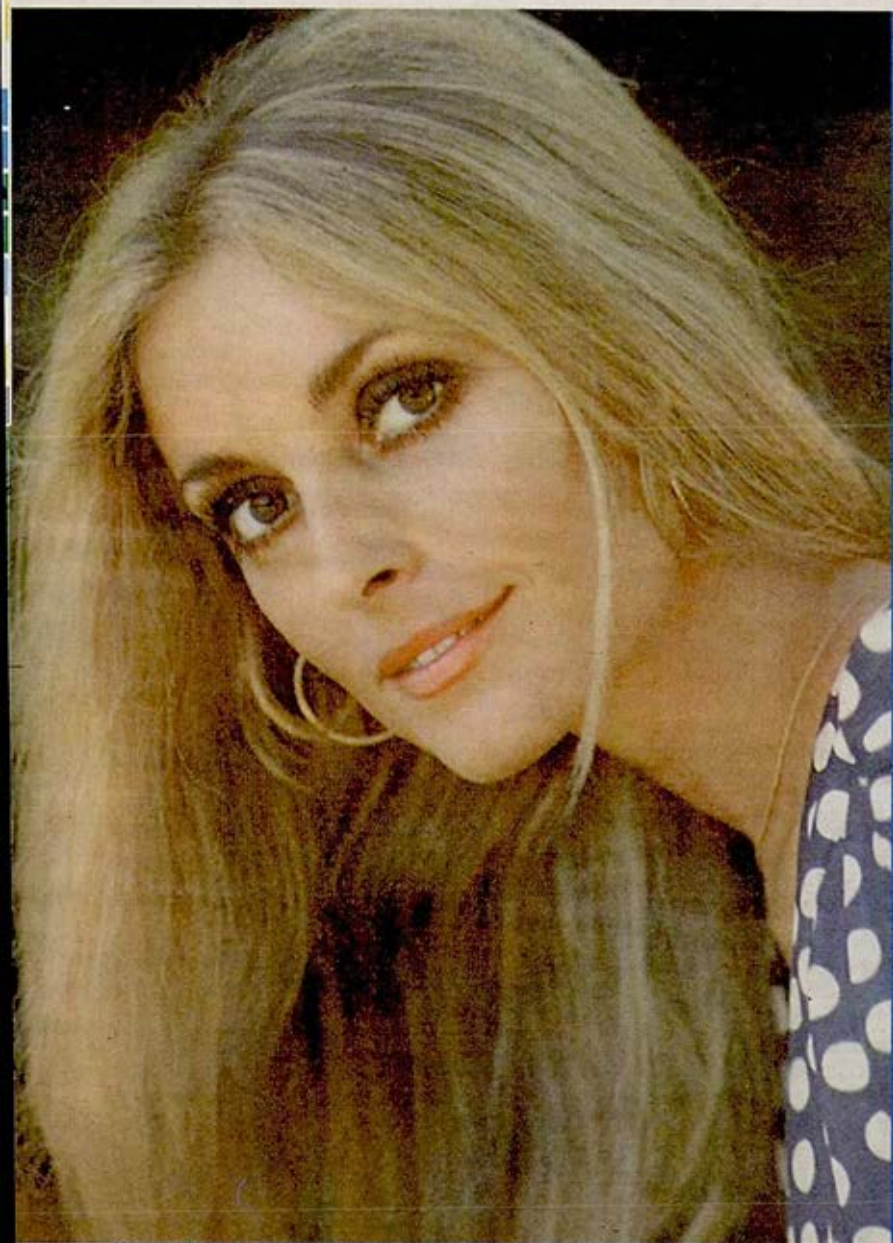
после того, как Роман развелся с ней.

Фильм "Нож в воде" — единственный полнометражный фильм, снятый Поланским в Польше — был подвергнут жесточайшей критике на родине, но имел успех на Западе. Так у молодого польского режиссера появилась возможность изменить свою жизнь. Он рискнул этой возможностью воспользоваться и уехал во Францию — без поддержки, без друзей, без денег, надеясь только на свой талант.

Как и большинство некрасивых мужчин, Поланский в юности благоговел перед "прекрасным полом", но после малоприятного опыта семейной жизни проникся к женщинам недоверием. Первые же фильмы, снятые им в Европе — "Отвращение" с Катрин Денев в главной роли и "Тупик" с Франсуазой Дорлеан, — повествовали о коварстве и непредсказуемости женской природы. Дане когда Роман встретил величайшую любовь своей жизни — Шэрон Тейт, восходящую звезду американского кино и одну из самых красивых женщин своего времени — он долго боялся довериться чувствам...

Успех и трагедия

Позже Роман сожалел, что поздно оценил Шэрон, считая отношения с ней очередным приключением, и потерял так много времени от короткого срока, отведенного им судьбой на совместное счастье. А для нее все сразу стало очень серьезно. Ведь Шэрон воспитывалась в католической семье, была известна своим целомудрием в голливудской тусовке, так что внебрачная связь

Роман Поланский и сегодня считает Шэрон Тейт величайшей любовью своей жизни.

тыготила ее. К тому же ради Романа она расторгла помолвку с известным голливудским стилистом, безусловно, куда более преуспевающим и надежным, чем скандальный польский кинорежиссер. Правда, Шэрон преклонялась перед Романом и, уверенная в его гениальности, готова была претерпеть от него очень многое... И терпела — на протяжении всей их недолгой совместной жизни.

Поланский снял Шэрон Тейт в своей эксцентрической комедии "Бал вампиров", потом — женился на ней и переехал в Америку. Именно в США, в Голливуде Поланский обрел настоящую славу — после выхода на экран фильма "Ребенок Розмари", снятого по скандально знаменитой книге Айры Левина. Фильм повествовал о пришествии в мир Антихриста. Поланский первый осмелился затронуть эту тему в кино... И именно этот фильм, поставивший польского иммигранта в один ряд с самыми известными американскими режиссерами, сыграл в его жизни печальную, поистине мистическую роль.

Несмотря на всю свою любовь к жене, Роман не трудился сохранять ей верность, поскольку принципиально считал: мужчина — существо полигамное. Шэрон очень страдала из-за его измен, он знал об этом, но надеялся, что со временем она все поймет... Рок настиг его именно в тот момент, когда, по воспоминаниям самого Поланского, он впервые в жизни почувствовал себя абсолютно счастливым. Он был еще молод. Наконец-то знаменит и богат. Женат на женщине, которую обожала почти вся

Америка: после фильма "Долина кукол" Шэрон стала звездой национального масштаба. Возможно, что Шэрон Тейт — единственная кинозвезда, о которой после ее смерти не смогли вспомнить ничего плохого, ни одной грязной сплетни! Те, кто ее знал, до сих пор называют ее не иначе, как "ангел, спустившийся на голливудские холмы". Он был действительно счастлив в семейной жизни, у него были обширные творческие планы, а главное — они с Шэрон ожидали рождения ребенка. Поланский хотел девочку, но Шэрон была уверена, что родится сын... Она оказалась права. Это был мальчик. Только он не родился... И Шэрон его так и не увидела. И Роман Поланский тоже не увидел своего сына, потому что Шэрон-Мэри и Поля-Ричарда Поланских хоронили в закрытом гробу.

Предвестием несчастья оказалась внезапная и загадочная смерть друга Поланского, композитора Кшиштофа Комады. Он написал музыку к "Балу вампиров" и к "Ребенку Розмари", в том числе — знаменитую "Кольбельную для Антихриста". Но смерть Комады, при всей трагичности, хотя бы выглядела естественной. Тогда как Шэрон Тейт и трех гостей ее дома буквально растерзала банда молодых сатанистов, вдохновляемых Чарлзом Мэнсоном.

Случалось, что для совершения преступления объединялись два маньяка. Но чтобы двенадцать?.. Шэрон Тейт и ее гости были не первыми и не последними их жертвами. Но жестокое убийство именно этих людей стало самым знаменитым преступлением

"семьи" Мэнсона. Из-за молодости, красоты и популярности жертв, а кроме того — из-за невысказанных истязаний, которым убийцы подвергли всех четверых, включая Шэрон, кричавшую: "Умоляю вас, позвольте мне родить моего ребенка!"

Произошло это в доме Поланского, в первом в его жизни собственном доме, за две недели до предполагаемых родов Шэрон и за два дня до намеченного возвращения Романа из Лондона, где он готовился к съемкам фильма "День дельфина".

Узнав о смерти Шэрон, Роман в кровь разбил о стену голову и руки. Кричал по-польски: "Знала ли она, как я любил ее?" Долго не мог поверить в случившееся — пока не увидел Шэрон в гробу... На похоронах плакал и повторял: "Почему? За что? Она была такая хорошая!" Как сам Поланский утверждает в своей ставшей бестселлером автобиографической книге "Роман", написанной спустя двадцать лет после смерти Шэрон, он любит ее до сих пор и "в душе останется ей верен навсегда". В память о ней он создал такие шедевры, как "Макбет" и "Тэсс".

В многочисленных интервью и мемуарах Поланский не раз выражал уверенность, что убийство Шэрон и ее гостей не имеет никакого отношения к феноменальному успеху "Ребенка Розмари", что убийцы совершенно случайно выбрали именно их. Возможно, он действительно в это верит... Что выглядит странным, если принять во внимание один факт: за несколько месяцев до трагедии Поланский показывал "Ребенка Розмари" в Нью-Йорке нескольким

группам сатанистов. Ему была интересна их реакция...

Шекспир и бутылка с кровью

Роман так и не смог понастолько оправиться от пережитой трагедии. В своей книге он пишет: "...после смерти Шэрон (хотя внешне может показаться, что это и не так) я не могу от души наслаждаться жизнью".

Кеннет Тайнен, английский киноcritик, работавший с Поланским над сценарием "Макбета", заметил: "...жизнь научила его бороться в одиночку и обходиться скудным "энзэ". Его целью было оставаться неуязвимым, как физически, так и психологически, — не самая легкая задача, особенно если вы коротышка и вас не раздражает тщеславие и мысль, что вы в состоянии покорить весь мир".

К Шекспиру Поланский обратился сразу после смерти Шэрон. И здесь он совершил невиданный прежде дерзость: Поланский дописал свой финал к шекспировской трагедии. Как известно, она кончается смертью Макбета от руки Макдуфа, отомстившего тем самым за гибель жены и детей, на освободившийся трон восходит сын ранее убитого короля Дункана — принц Малколм, и далее следует всеобщее ликование по случаю его коронации и венчания. Кровавое пролитие закончилось, дальше героев ожидают мир и процветание. Благополучный финал... У Поланского не бывает благополучных финалов!

Правда, на дивный язык Шекспира он не посягнул. "Макбет" Поланского оканчивается немой сценой. Зритель должен понять

настоящее кровопролитие впереди. Мира и процветания не будет. Потому что на троне — Малколм, сын Дуннана. А Флиенс, сын Банко, вернулся, чтобы заявить права на этот трон, захватить его, следуя предсказанию ведьм. Как когда-то поступил Макбет. Мир и процветание — краткосрочны. Только зло — вечно...

"Макбет" считается самым кровавым фильмом Поланского. Журнал "Тайм" напечатал обличительную рецензию, где были такие слова: "Поланский лучше всего чувствует себя, когда имеет дело с черной магией. Его "Макбет" — произведение искусства в том же смысле, что и Бухенвальд, Лидице или убийства, совершенные "семьей" Мэнсона".

Критики писали, что через фильм Поланский попытался выплеснуть свое горе. Сам режиссер это отрицал, утверждая, что ему просто-напросто хотелось снять что-нибудь шекспировское... То, что "Макбет" — одна из самых кровавых шекспировских драм, и именно этот фильм стал первым фильмом Поланского после пережитой им трагедии, — по видимому, чистая случайность. Одно из тех странных совпадений, которые преследовали бедняжку Розмари...

Кеннет Тайнен записал в дневнике съемки:

"Бутылка с кровью всегда была у Романа под рукой. И я помню, как он разливал ее по сцене, приговаривая: "Эта кровь хороша, только когда она свежая"... Был трудный момент, мы даже поспорили с Романом, — речь шла о том, сколько крови должно быть пролито в сцене убийства маленького мальчика. Ты же не был у

меня дома в Калифорнии прошлым летом, — добавил он мрачно. — Я знаю, сколько должно быть крови". Сегодня утром он снял сцену убийства детей Мандуфа. С удивительным тактом и доступностью он объяснял робкой маленькой девочке, которой было всего четыре года от роду, что она должна упасть навзничь и притвориться мертвой, а он покрасит ей личико красной краской. "Как тебя зовут?" — "Шэрон...", — протянула она. Совпадение?

Сумочка с книжкой

После "Макбета" Поланский уехал в Рим и снял "Что?": безумный фильм о сообществе безумцев, куда попадает нормальная девушка — и, естественно, тоже быстро сходит с ума. Этакая сенсуальная версия кэролловской "Алисы" — не то в Стране Чудес, не то в Зазеркалье... Затем был знаменитый "Китайский квартал", во время съемок которого Поланский смертельно поссорился со своим другом Бобом Тауни. Как сам он вспоминал: "...мы с Тауни не могли прийти к согласию относительно концовки. Тауни хотел, чтобы злой магнат умер, а его дочь Эвлин осталась жива. Он хотел, чтобы конец был счастливым; после непродолжительного тюремного заключения у нее все должно было быть хорошо. А по-моему, чтобы "Китайский квартал" выделился из ряда триллеров, где хорошие ребята в последнем ролик победят плохих, Эвлин должна умереть. Весь драматический эффект пропадет, если зрители не уйдут из кинотеатра, возмущаясь

несправедливостью жизни. Во время работы в этих вопросах мы к согласию так и не пришли, и обе эти сцены я написал в ночь перед съемкой. Тауни и по сей день считает, что я выбрал неверную концовку, но я убежден, что был прав". Увидев отснятый, смонтированный и озвученный фильм, Тауни оскорбился настолько, что больше никогда не разговаривал с Поланским. А ведь сценарий "Китайского квартала" также получил "Оскара"...

Тема безумия настолько привлекала Поланского, что в следующем своем фильме он сам снялся в главной роли — сумасшедшего, склонного к раздвоению личности. Но "Жилец" не имел успеха ни у критиков, ни у зрителей. Разочарованный этой неудачей, Поланский на некоторое время отвлёкся от кино. Поставил "Риголетто" на мюнхенской сцене, написал сценарий "Пиратов", увлекся художественной фотографией — и это, как и все, за что он брался, получилось у него настолько хорошо, что редакция модного журнала "Вог" предложила ему создать рождественский номер 1976 года.

Рекламные фотографии для "Вог" Поланский снимал на Сейшельских островах. Фотомоделью была тогда еще никому не известная, бесконечно прелестная любовница Романа Поланского — Настасья Кински.

Именно он сделал ее той звездой, которая известна сейчас. Правда, он изменял Настасье — так же, как покойной Шэрон. И она страдала от этих измен, но терпела... Так же, как Шэрон. Только благодаря ее безграничной любви отношения их продли-

лись относительно долго. Потому что Роман не хотел ничего постоянного. Он боялся, что стоит ему расслабиться — и судьба нанесет ему ответный удар.

...Когда Поланский отвозил Шэрон в лондонский порт, чтобы посадить на корабль, она впопыхах забыла в его машине сумочку. В сумочке лежала книга: Томас Харди, "Тэсс из рода Д'Эрбервиллей". Шэрон только что закончила ее перечитывать. Книга ей очень нравилась, она уговаривала Романа прочесть ее, говорила, что по этой книге можно поставить чудесный фильм, что она, Шэрон, хотела бы сыграть роль Тэсс... Когда малыш появится на свет и ее фигура обретет былое изящество.

"Тэсс из рода Д'Эрбервиллей" Томаса Харди была последней книгой, о которой Шэрон говорила с Романом. Роль Тэсс была последней ролью, которую Шэрон мечтала сыграть, но так и не сыграла. И эту книгу она забыла в машине Романа в тот день, когда они виделись в последний раз... Достаточно, чтобы "Тэсс из рода Д'Эрбервиллей" стала для Романа Поланского своеобразной святыней. За годы, прошедшие со смерти Шэрон, он много раз перечитывал роман Харди, но долго не находил в себе сил взяться за экранизацию.

Главным вопросом при мысли об этой экранизации был — кого взять на роль главной героини? Настасью Кински Поланский считал достойной. Но воплотить этот проект удалось только спустя несколько лет, в 1980 году.

Между замыслом и воплощением "Тэсс" клином встряла скандальная история с Самантой Гей-

мер — тринадцатилетней фотомоделью, которую Роман так же, как и Настасью, снимал для журнала "Вог"... Девочка мечтала стать возлюбленной известного кинорежиссера, надеясь, что он снимет ее в своем новом фильме. Ее мать поощряла честолюбивые устремления дочери... И подала на Поланского в суд за "изнасилование", когда режиссер отказался помочь им, вовсе не обнаружив у Саманты актерского таланта. Это обвинение привело режиссера на съёмку подсудимых и в тюрьму. В начале 1977 года он еще планировал экранизировать книгу Лоренса Сандера "Первый смертный грех" — разумеется, триллер! — но последовал процесс "об изнасиловании" и о фильме пришлось забыть. Смешно звучат нынешние заявления честолюбивой "Лолиты", что "Поланский не причинил ей никакого вреда" и "никаных претензий к нему она не имеет".

Выпущенный под залог, Поланский поспешил покинуть США. Это случилось в 1978 году и до недавнего времени режиссер оставался голливудским "невозвращенцем", хотя продолжал сотрудничать с американскими кинокомпаниями. А еще он работал на телевидении, ставил оперные спектакли в самых знаменитых театрах мира, ставил мюзиклы и сам играл на сцене...

Настасья Кински поддерживала Поланского во время процесса, навещала его в тюрьме. Она становилась все красивее. Тонкое нежное лицо с лучистыми глазами и полным, полудетским-получувственным ртом. Точь-в-точь как Тэсс Д'Эрбервилль из романа!

В период съемок "Тэсс" они снова стали любовниками, Роману хотелось снимать влюбленную Настасью, а не несчастную и большую от горя... Впрочем, Настасья уже понимала, что им суждена разлука, и ни на что не надеялась. Возможно, именно поэтому ей удалось так живо воплотить на экране страдания покинутой Тэсс.

Дорога к "Девятым вратам"

Поланский долго мечтал экранизировать свою любимую книгу — "Мастера и Маргариту" Булгакова. Написал сценарий. Но не смог никого им заинтересовать. Слишком дорогая постановка. Слишком сложная.

Поланский хотел экранизировать роман Эндрю Нейдермана "Адвокат Дьявола": историю, которая, по сути, является своеобразным продолжением "Ребенка Розмари" — историю сына, рожденного от Сатаны смертной женщиной. Эта книга была просто создана для того, чтобы фильм по ней снимал именно Поланский... Переплетение реальности и мистики, слияние тайны и безумия, и загадочный дом с соседями-сатанистами, и проблема нравственного выбора, стоящая перед главным героем, считавшим себя всего лишь удачливым адвокатом и выяснившим, кем он является на самом деле! Но снимать "Адвоката Дьявола" можно было только в США, поскольку действие перемещается из сромного чистенького городка на западном побережье — в холодный деловой Нью-Йорк и в великолепный Лос-Анджелес. А в США Поланский вернуться не мог, поскольку на тот

момент — 1995 год — с него не было снято обвинение в изнасиловании малолетней. Спасибо Саманте Геймер — еще один фильм не состоялся таким, каким он должен был бы быть... В результате "Адвоката Дьявола" снял режиссер Тейлор Хэнфорд. Влияние Поланского на творчество Хэнфорда очевидно: некоторые сцены в фильме практически до мелочей повторяют сцены из "Ребенка Розмари". Фильм "Адвокат Дьявола" удался. И сам Поланский признал это.

В 1997 году Айра Левин выпустил книгу "Сын Розмари" — продолжение "Ребенка Розмари" Поланскому немедленно предложили экранизацию. Он прочел — и с возмущением отказался. Действительно, "Сын Розмари" ни в какое сравнение не идет с "Ребенком Розмари". Насколько оригинальна была первая книга, реалистичная и мистическая одновременно, настолько слабым оказалось продолжение.

Утешился Поланский, получив права на экранизацию книги Артура Перес-Риверте "Клуб Дома".

Мир увидел "Девятые врата". Кстати, выпуск картины Поланский собирался приурочить к тридцатилетию со времени создания "Ребенка Розмари": как и во всех его фильмах, речь вновь шла о взаимоотношениях человека с Сатаной...

Любовь и муза

Сейчас Роман Поланский живет в Париже — в городе, в котором когда-то родился, — с третьей женой. Французская актриса и фотомодель Эммануэль Сенье моложе мужа на тридцать шесть лет. Сейчас она известна не только как жена знаменитого режиссера, но именно Поланский сделал ее звездой, снимая в своих фильмах — "Неистовый", "Горькая луна", "Девятые врата".

Романтические отношения режиссера и его юной протекже развивались по уже отработанному сценарию: семнадцатилетняя Мишель отчаянно влюбилась в пятидесятилетнего Поланского, буквально преследовала его, стала его любовницей, готова была терпеть от него все, что угодно, отхо-

Актриса и фотомодель Эммануэль Сенье — третья жена режиссера.

дила "на задний план", когда Роман увлекался новой женщиной, а потом возвращалась... И длились эти отношения десять лет, прежде чем Поланский решился нарушить клятву верности, данную им Шэрон Тейт. Он женился на Эммануэль только в 1993 году, когда она стала матерью его ребенка: это была девочка, а он когда-то мечтал, чтобы Шэрон родила ему именно девочку. Через пять лет появился на свет его сын... Жена Поланского годится ему в дочери, а дочь Морган и сын Элвис могли бы быть его внуками.

Эммануэль до сих пор боготворит Романа. В интервью говорит, что прекрасно сознает, какая это великая ответственность — быть спутницей гения: "Я всегда стараюсь окружить мужа вниманием и заботой, отгородить его от внешнего мира мягким коконом нежности, ну и, конечно же, вкусно накормить".

Поланский, похоже, остепенился, во всяком случае, ничего не известно о его изменах... В интервью он твердит, что обожает жену и особенно — детей. Как-то на вопрос журналиста "какое у вас любимое занятие?" ответил: "Наблюдать, как растут мои дети". Впрочем, он признается, что наивысшим счастьем почитает работу, а если бы мог что-то изменить в себе, то предпочел бы "быть помоложе лет на 10, нет, на 15" — чтобы успеть больше сделать в жизни. Самое страшное для него — это "невозможность более снимать кино".

"Девятые врата" еще пребывали в списке новинок видеомгазинов, когда Поланский начал

работу над новой картиной. Он говорил, что это, скорее всего, его последний фильм. Фильм о человеке, выжившем в Освенциме благодаря своему музыкальному таланту, экранизация автобиографической книги польского композитора Владислава Шпильмана. И хотя в книге присутствует бесспорный хэппи-энд (герой спасается!), в экранной версии Поланского хэппи-энд попросту невозможен. Конечно, режиссер не пошел против исторических фактов, и герой фильма "Пианист" не погиб, но... Как верно заметил Анджей Шпильман, сын композитора: "Но ведь это Поланский! Он не привык щадить..." И Поланский действительно не стал щадить зрителей. "Пианист" — один из самых страшных художественных фильмов о холокосте. Поланский говорит, что он просто вынес на экран свои детские воспоминания, что он действительно видел все это. В мае 2002 года за постановку "Пианиста" Поланский получил "Золотую пальмовую ветвь" — высшую награду 55-го Каннского фестиваля. Ему аплодировали стоя. Правда, некоторые критики отмечали, что это — не лучший фильм режиссера, что награду ему дали за совокупность заслуг перед кино или даже — что его наградил лично Дэвид Линч, председательствовавший на фестивале в этом году и всегда боготворивший творчество Поланского...

В недавнем интервью режиссер сказал, что сейчас ему некогда радоваться своей победе: все его мысли и время заняты новым проектом. Что это будет, он не уточнил... ■

рисунок **Алексей Островенцкий**

1.500р.

Александр ЭКШТЕЙН

ОЖО

Часть первая. Хакер

ВСЕ ПЛЕННОЙ

Алексей Васильевич Чебрак, осознав, что его жизнь неожиданно вышла на финишную прямую, удивился. Он не ожидал от нее такой подлянки. В конце концов, это слишком пошло — умереть от болезни. Умея по цвету лица, глаз и прочим внешним признакам ставить точный диагноз почти половине известных медицине болезней, он никогда не вслушивался в самого себя, считая это излишним и веря в свое совершенство.

— Черт побери, — возмутился Алексей Васильевич, ознакомившись с результатами обследований. — Вирус Креза — фактически приговор, мини-опухоли на всех нервных окончаниях. Безобразие! — Он с упреком посмотрел на Лутоненко и на одного из лучших онкологов мира Агди Рапоса, которого друзья и враги почему-то считали евреем, хотя на самом деле он был аргентинцем и не скрывал этого.

— Вирус Креза, усугубленный саркомой, — подтвердил Рапос, один из учеников Алексея Васильевича, — и все, надо заметить, в самой скверной стадии.

— Ну понятно, — передразнил его Алексей Васильевич, — неизлечим, неоперабелен.

— Да, — кивнул головой Агди, — абсолютно никакого шанса.

— Вот черт, — озадачился Алексей Васильевич. — Столько дел еще надо закончить, а тут копыта приходится отбрасывать.

Агди Рапос и Лутоненко с восхищением переглянулись, в душе гордясь своим учителем. Алексей Васильевич не хабрился, не рисовался, а действительное воспринял известие о приближившейся к его изголовью смерти так, как воспринимает его парашютист, узнавший, что у него не раскрылся парашют, только после приземления, то есть никак.

— Месяц, два, не больше, — стал подсчитывать Алексей Васильевич оставшиеся до конца жизни дни и огорченно констатировал: — Мало.

— Наркотики, то-се, — стал успокаивать его Лутоненко, — можно и все пять, а то и шесть месяцев протянуть.

Чебрак смерил его возмущенным взглядом.

— Я же не дремать под кайфом собираюсь до гробовой доски, а работать. И вообще, чему я вас учил? Меня ведь запросто можно спасти, если бы я смог сам себя прооперировать и протрансплантировать, но, как говорится, се ля ви или се ля вас...

Глава первая

— Одним из самых главных, если не самый главный, инструментов знания является любопытство, иногда кокетливо обзываемое любознательностью. Символом любопытства, и одновременно конечной точкой его действия, можно назвать раскороченную детскую игрушку. Далее, по мере роста, все усложняется, видоизменяется, приобретает многоформенность, многовари-

* Третья книга трилогии "Люди Полной Луны"

антность, неоднозначность, но итог все равно будет один — раскуроченная, с выпотрошенными внутренностями, Земля. — Профессор Мушка оглядел аудиторию и, снисходительно поморщившись, уточнил: — Впрочем, если бы мы не были любознательными, то нас бы и не было, ибо по сути именно люди и являются инструментом какого-то высшего и не понимаемого нами любопытства...

Профессор Мушка не был похож на свою фамилию и уж тем более на имя — Ладан, не говоря об отчестве — Семенович. Тяжелый, почти квадратный подбородок, голубые, с пренебрежительным прищуром, глаза, греко-римский прямой нос, рост 185 сантиметров, великолепная осанка и руки, на которых заметны подозрительные ссадины, характерные для часто сжимающихся в кулаки, со всеми вытекающими из этого последствиями. Он преподавал, точнее, давал уроки актерского мастерства в закрытой школе внешней разведки, там же читал лекции по истории театрального искусства, преподавал риторику и психологию жестов в обаянии, учил коммуникативности. Иногда, в минуты хандры и печали, свойственных людям талантливым, он приходил в московский центр профессиональных боксеров, вызывал на поединок кого-нибудь из очередных чемпионов Москвы в тяжелом весе и, отправив его в нокаут в середине или в конце первого раунда, успокаивался и возвращался в свое обычное, умеренно-сангвиническое, состояние.

— Но вернемся, молодые люди, к нашим баранам, то есть актерскому мастерству, — Ладан Семенович повернул голову в сторону аудитории, — без которого разведчику-респектабелу, особенно такой классификации, как ваша, нельзя сделать ни шагу. Артист, я, конечно, имею в виду настоящего артиста, по большому счету не человек, а ходячее желе, готовое принять любую форму и на время затвердеть в ней...

Мушка Ладан Семенович двадцать часов в неделю вел занятия на курсе "Альфонсы" Степаниды Исаковны Груниной. В школе СВР лишь руководители курсов решали, какую дисциплину нужно преподавать своим курсантам. Они отсылали заявки с пожеланиями начальнику школы, а тот уже вместе с кадрами подбирал нужных преподавателей высшей квалификации, проверенных временем и ФСБ, и знакомил их с руководителями курсов. Последнее слово было за ними. Если кандидатура по каким-то причинам не подходила, начальник школы лишь пожимал плечами и подбирал новую. Руководители курсов имели на это право, за каждого своего курсанта они отвечали головой в буквальном смысле слова. Если после обучения, во время квалификационной аттестации, они рекомендовали своего подопечного для работы "в поле", то их рекомендацию принимали безоговорочно, но если случался провал по вине слабой подготовки разведчика, то рекомендатель, по негласному, поэтому работающему без сбоев, закону, обязан был застрелиться.

— Если артист — это ходячее желе, то женщина — это всегда форма, готовая наполниться мужским содержанием, которое она ненавидит всей своей трепетно-истерической сутью. Артист же нейтрализует эту ненависть тем, что, будучи мужчиной, он легко становится женщиной, и наоборот. Но это все, — Ладан Семенович покрутил кистью правой руки перед аудиторией, — общеизвестные истины, ибо есть женщины, есть очень красивые женщины, есть праздничные, блистательно-сексуальные женщины, а есть ведьмы. И тут, молодые люди, вам нужно забыть все, что я до этого говорил... Ведьмы — это нечто другое, это воины, и воины высокопрофессиональные, опытные, хладнокровные, чаще всего беспощадные. Это очень опасно. Из сорока пяти выпускников нашей школы за последние тридцать лет, работающих в этом направлении, в живых осталось только четверо, и одного из них вы видите перед собой. Поэтому я заинтересован в том, чтобы вы все остались в живых, побеждая при этом. — Ладан Семенович Мушка обвел взглядом аудиторию, состоящую из семерых слушателей курса “Альфонсы”. — Главная опасность ведьм, то есть эмпирически-вдохновенных женщин, в том, — грустно проговорил преподаватель, — что их невозможно ненавидеть и воспринимать как врага. Поэтому вам необходимо будет их нейтрализовать и использовать в своих целях с любовью и нежностью, а если понадобится, то с этими же чувствами убить, ибо без любви и нежности ведьму убить невозможно. Но! — Ладан Семенович поднял руку, словно произнося клятву, и стал похож на римского сенатора. — Есть эмпирически-вдохновенные женщины-ведьмы, есть актонидии, не сумевшие умереть ведьмы, а есть високосные женщины — квант-ведьмы. О последних двух категориях я не хочу упоминать всуе. — Ладан Семенович даже прикрыл глаза, выражая таким образом полуироническое и вместе с тем уважительное благоговение. — А к изучению первой категории подойдем со всей мерой ответственности...

Курсанты группы “Альфонсы” высшей спецшколы СВР России стоят того, чтобы их знали поименно:

Вацлавский Ян Витальевич, двадцать лет. Вычислен кадровиками ФСБ в городе Сыктывкаре, Коми-Пермяцкого округа. По результатам психологического тестирования попал в категорию “Обаятельная сволочь”. Кадровики заметили его в тот момент, когда он, предварительно не знакомясь, прошел в Сыктывкарском аэропорту все системы досмотра, от контрольно-пропускного пункта до пассажирского кресла в Як-42, следующего в Москву, без билета и документов, потому что на всем пути ему попадались только женщины. Мотивировал он это действие тем, что “в Москву за “Гжелкой” надо, а то у нас вся водка паленая”. Кадровики дали ему улететь в Москву, там задержали, поговорили, и Ян Вацлавский стал курсантом специального назначения, продолжив свое десантное образование в школе СВР.

После недельного карантина на подмосковной тренировочной базе в Щелково ему присвоили псевдоним "Наглец", и он стал подопечным Степаниды Груниной. Внешность у Вацлавского непримечательно-парадоксальная, он похож скорее на вышибалу в ресторане для профессиональных каратистов, умеющего виртуозно исполнять на скрипке все концерты Паганини...

— Вацлавский, — иногда говорила ему Степанида Грунина, — если бы ты не был моим курсантом, ты бы закончил свои дни в каком-нибудь подвале подвешенным за одно место...

— Курсант Вацлавский, — несколько в иной манере вторил шефу Ладан Семенович, — вы болван и будете им до того времени, пока не пройдете аттестацию. Но, черт побери, я впервые вижу десантника с аристократическими манерами и павианьим сексуализмом одновременно.

— Да я так, — смущался Ян Вацлавский и уточнял: — У моего деда на могиле до сих пор какие-то старухи жизнь самоубийством заканчивают.

Курсант Авдеев Петр Алексеевич, двадцать лет. После службы в погранвойсках вернулся к себе домой в станицу Тихорецкая Краснодарского края и прославился тем, что никак не мог оформить свои отношения в ЗАГСе ни с одной из тех, с которой пошел на это. Все его походы в ЗАГС заканчивались вполне серьезными, с кровью и травмами, баталиями. Его доармейские и послеармейские подруги организовывали пикеты у дверей официального учреждения, мотивируя это тем, что у них есть все основания считать Петра Авдеева отцом своих детей. Однажды в пикете были замечены даже две дамы из Новороссийска с теми же претензиями, но, как позже выяснили их более молодые соперницы, дети у них были такого возраста, что Петр Авдеев должен был выдать им путевку в жизнь непосредственно из космической безмятежности материнского чрева. Однажды ему все-таки удалось вступить с рыжеволосой семнадцатилетней бестией в контору по выдаче "Свидетельства о браке" в станице Куцевской, но дама-чиновница захлопнула журнал регистраций и заявила Петру Авдееву:

— Куда ты лезешь, сволочь? Я тебе не позволю делать эту девочку несчастной. Если ты этого еще не понимаешь, то вот тебе мой адрес, зайти завтра утром, даже сегодня вечером, и я тебе все объясню, гад такой!

И хотя рыжеволосая бестия изодрала даме-чиновнице все лицо своими коготками, регистрация не состоялась. Вскоре после этого случая Петра Авдеева заметили кадровики спецслужб...

— Мы, можно сказать, тебя из бездны быта и семьи вытащили, — постоянно напоминала курсанту Степанида Грунина и уточняла: — Сопляк придурковатый...

— Ты что, и впрямь хотел жениться? — удивлялся Ладан Семенович, ошарашенно разглядывая Авдеева, и, как бы успокаивая

вая себя, бросал фразу с демонстративным подтекстом: — Надеюсь, у нас в медкомиссии опытные психиатры.

Шаблин Анатолий Леонидович любил лишь женщин СМИТковского класса. Он “брал” их чистотой, свежестью и магическим обаянием полыхающей в душе и теле страсти. Ему было восемнадцать лет. В разведшколе ему присвоили псевдоним “Поэт”. Кадровики ФСБ вычислили его по средствам массовой информации: газетам, журналам, телевидению и радио. Почти все журналистки центральных СМИ вдруг, к слову и не к слову, стали упоминать и цитировать молодого “открывшего новый люк гениальности поэта и мыслителя” Анатолия Шаблина, “внесшего в двадцать первый век литературу на своих плечах”. Это было похоже на эпидемию. Главные редакторы в бессилии опускали руки, они не могли выгнать с работы всех представительниц прекрасного пола. А те неутомимо зудели с экранов и страниц газет: “О, великий Шаблин, о, великий Шаблин!”, и скептические мужские комментарии и заявления терялись в этом массово-женском “О, Царь будущей литературы и поэзии, Шаблин!” Мужское недоумение общественное мнение воспринимало как банальную зависть, и было недалеко от истины. В конце концов о “новом Пушкине Шаблине” стали так много говорить, что на это обратили внимание в “секторе общественного мнения” ФСБ России и достали-таки произведение “великого и прекрасного Шаблина”: Это была маленькая синяя книжечка в мягкой обложке, репринтное издание в 1000 экземпляров. Там был один прозаический рассказ, который начинался словами: “Рыдая от злости и экстаза, она воткнула вилку ему в мошонку”, и несколько стихотворных произведений оригинального, если не сказать больше, жанра. Например, в стихах “Ручей” искусствовед из ФСБ прочитал такие строки: “Я положу тебе на грудь /рассвета ласковую суть/ и ты подохнешь/”. Славу Анатолия Шаблина проверили и обнаружили у ее истоков литературно-эротическую секту “неоновые ангелы”, членами которой были одни журналистки. Когда с Шаблиным, ангельским пастухом, поговорил кадровик ФСБ и упрекнул за цинизм, он лишь слегка пожал плечами и произнес:

— Талант в современной литературе, и вообще в искусстве, не причина для известности. Главный критерий славы — это умение вовремя и правильно кого-нибудь трахнуть или в нужный час и нужном месте дать трахнуть себя. Как я понимаю, именно это вы и собираетесь со мной сделать?

— Дурак ты, Шаблин, — грустно покачал головой чекист из спецсекции отдела кадров ФСБ, — слава Богу, что молодой. Если бы мы захотели с тобой сделать то, о чем ты говоришь, ты бы об этом никогда не догадался даже после самого процесса. Учиться пойдешь?

— Пойду, — кивнул головой Шаблин, — настоящий поэт должен быть разведчиком.

— Ну, — пожал плечами кадровик, — это тебе полковник Грунина объяснит.

Четверо в группе “Альфонсы” были восемнадцатилетними девственниками, не ведающими о своей коварной казановости. Кадровики вычислили их на призывных пунктах в разных регионах России: Ивана Коркина в Тольятти, Игоря Гривина в райцентре Талое; Абрама Сибирикава в Эссентуках, Павла Вяземского в Москве.

— Как хороши, как свежи были розы, — иногда иронизировал Мушка, накладывая взыскание на кого-нибудь из “девственников”...

— Такими вы и останетесь все пять лет до аттестации, — обещала непорочным курсантам полковник Грунина и объясняла: — Вы будете что-то наподобие ядерной бомбы в костюме от Арона Шварца, особенно после того, как вас научат “серому жесту”.

На слэнге СВР “серым жестом” называли умение разведчиков класса “Альфонсы” входить в общество так, чтобы ни один мужчина, даже в случае обнаружения своей супруги или подруги у разведчика между ног, не заподозрил в нем соблазнителя, способного наставить ему рога. Прикладная психология достигала в спецслужбах таких высот, что штучки, подобные “серому жесту”, в арсенале разведки и контрразведки проходили как рядовые.

Глава вторая

Как-то вдруг и сразу человечество на поверхности Земли осознало мысль великих, что наша планета очень маленькая, хрупкая и незащищенная капля жизни в окружении глыбисто-ледяного и равнодушно-раскаленного хаоса, оторвавшегося от своего божественного родителя, Вселенского Саркофага, ласкательному имени которого — Смерть, оно, человечество, придало неоправданно-мрачный и неоправданно-безысходный смысл.

— Океан — это как бы примитивный тренажер Юпитера, — сказал Борнео Наум Васильевич, научный руководитель космической программы России, — так что можете представить, что это за планетка, при таком-то тренажере...

Научно-исследовательское судно “Град Китеж”, оснащенное самыми последними достижениями науки и техники, в том числе двадцатиместной подводной лодкой для больших глубин батискафного типа “Мурена” и четырьмя игольчатыми глубинными торпедами “Рекс”, вошло в район квадрата 666 акватории Мирового океана и встало на турбинные якоря. Кроме “Мурены” и “Рексов” на борту “Града Китежа” расположились: система глобального слежения “Небо-вода”, аналитический биоэлектронный центр “ПГ”, в шутку называемый “профессиональный гений”, семь модифицированных межконтинентальных баллистических ракет нейтрализаторского класса и экипаж из ста де-

сяти человек высококвалифицированных офицеров ВМФ России специализированного подразделения “Касатки”, подчиняющихся официально Главкому ВМФ, а неофициально Михаилу Григорьевичу Волхву и... Тарасу Веточкину, ибо “Касатки” были прикреплены на время эксперимента в квадрате “Улья Шершней” к “ОМ” — отделу модификаций ФСБ.

— Глубина четыре тысячи метров по сложности исследований почти то же самое, что и высадка человека на Луну, лишь обозначение его присутствия. Представляете, Лев Аксенович, — Наум Васильевич как-то вскользь посмотрел на Стронгина, — если вдруг выяснится, что дно океана, да и сам океан — это лишь крыша с куполом другого мира?

— На Земле не может быть другого мира, есть только неизвестная часть земного.

— Стронгин, — Борнео сердито посмотрел на океанолога, — ради Бога, не разговаривайте со мной как учитель с учеником. Я не полковник Хромов, заглядывающий вам в рот. За результаты исследовательского эксперимента отвечаю я, научный руководитель этой экспедиции, а не вы. “Град Китеж” слишком дорого удовольствие для государства. Судно класса “автоном” с “ПП” на борту — это все-таки не ваша жестянка с благородным именем “Келдыш”, поэтому давайте обойдемся без популярных формулировок. Вы уверены, что мы обнаружим в этом районе океана нечто потрясающее?

— Запросто, — огрызнулся уязвленный Стронгин, — а почему бы и нет? — Ему не нравилось, что в океан послали руководителем не его, а Борнео. — Здесь полным-полно плавающих мин еще со времен Второй мировой войны, при встрече потрясают до глубины души.

Экспедиция, объединившей потенциал ВМС, ФСБ и РАН, предшествовало несколько событий. В ночь с воскресенья 17 ноября на понедельник на Землю обрушился “ливень” метеоритного потока, хорошо известный науке под определением “леониды”. Ничего необычного в этом регулярно повторяющемся событии не было, разве что “ливень” был более сильным, чем обычно, что не замедлили отметить все обсерватории мира. В это же время в научные секторы ЦРУ, Пентагона, российских ГРУ и ФСБ поступили сообщения о полном и бесследном исчезновении радиационного излучения в квадрате “Улья Шершней” в северной части акватории Атлантического океана, которому ради классификационных удобств присвоили титул “Северный Ледовитый океан”, и возвращении туда всего живого. Этому тоже не придали особого значения, квадрат 666 преподносил и не такие сюрпризы, хотя...

Ученые спецслужб напряглись, когда появились данные о том, что среди обычных “леонидов” обнаружилось более крупные объекты. Три таких шипяще-пылающих шарика, с интерва-

лом в несколько секунд, “булькнули” в центре района “Улья Шершней”. Умная электроника военно-морских флотов России, Великобритании, США и других стран НАТО, контролирующая этот район, бесстрастно просчитала, что космические тела вошли в океанскую толщу со скоростью двести километров в секунду и должны были вызвать:

а) колоссальное цунами, от которого не смогут спастись даже дикие караимы в центре Сахары;

б) выброс пара на высоту более пятидесяти километров;

в) гибель всего надводного и подводного мира, включая военно-морские силы, вокруг квадрата 666 более чем на тысячу миль.

Но! Ничего подобного не произошло. Случилось более значительное событие. Радиационное излучение, словно выключенная электрическая лампочка, перестало “светить”. Это не могло не вызвать вдохновенный интерес спецслужб. Все-таки обладать веществом, из которого состояли космические пришельцы, вошедшие в толщу океана, способным “гасить” взрыв ядерного оружия во время “грибообразования”, стоит любых, даже самых разорительных усилий.

Веточкин и Хромов спустились в рубку информационного оповещения, именно там был установлен аналитический биоэлектронный центр “П”. Рубка почти в десять раз превышала площадь кают-компании для научного и командного состава, и по сути являлась как бы вмонтированной в корпус корабля капсулой, оснащенной автономной системой спасения. Если, не дай Бог, корабль стал бы тонуть, то рубка с центром “П” оторвалась бы от него и превратилась бы в неходкую, но вполне самостоятельную подводную лодку с системой жизнеобеспечения, рассчитанной на пять тысяч миль хода со скоростью двадцать узлов в час.

Подойдя к большому экрану, Тарас Веточкин стал с интересом наблюдать изображение, передаваемое со дна океана глубинным зондом “Я-5”. Дно океана в районе канадского Арктического архипелага по насыщенности и разнообразию цветов совсем немного уступало тропическому многоцветию южных широт в районе коралловых рифов. “Я-5” то поднимался на “высоту” две тысячи метров, то вновь устремлялся ко дну, и у Тараса Веточкина создавалось ощущение, что это он, Тарас Веточкин, словно птица, легко и свободно резвится в толще океанского неба.

— Что с тобой? — оторвал его от завораживающего созерцания встревоженный голос полковника Хромова. — У тебя лицо акулы, возмнившей себя чайкой.

— Интересно, — Веточкин пропустил реплику друга мимо ушей, — почему Стефан отказался войти в состав этой экспедиции и буквально выпросил у меня командировку в Афганистан?

— Ну, — Хромов неуверенно пожал плечами, — его где-то там контузили в афганскую войну, возможно, хочет найти того

душмана и морду набить. А если серьезно, то Стефан знает, что делает, понять его невозможно, он после Чувашии какой-то не такой стал...

— Он и до Чувашии был с приворотом, — досадливо прервал друга Тарас Веточкин и укоризненно посмотрел на него. — А то, что он сейчас стал каким-то навороченным колдуном, уже все начальство наше знает, я же тебя не о Чувашии спрашиваю, а об Афганистане.

— Угу, — Хромов бросил скептический взгляд на Веточкина, — ты сначала Чувашию с трех раз на карте найди, а потом уже Афганистаном интересуйся. Смотри!

Хромов и Веточкин, раскрыв рты от изумления, уставились на экран. “Я-5” передавал изображение скалисто-ущелистого дна с “высоты” три тысячи метров и тоже застыл на месте. Существо белого цвета, похожее на вырезанный из гигантского листа ватмана контур человека, на большой скорости мчалось параллельно дну и, сделав плавный пируэт, без труда оторвавшись от быстрогоходного “Я-5”, исчезло в ущельях моря Бофорта, где двухтысячиметровая глубина плавно перетекала в четырехтысячную.

— Афганистан, — автоматически прошептал Веточкин, завороженный увиденным, — не стоит океанской мессы.

— Что это было? — решил приступить к научному дознанию полковник Хромов. — Галлюцинация или человекообразная альбиносная акула?

Веточкин переключил экран на каюту капитана и, увидев, что там находятся Стронгин и Борнео, спросил взволнованным голосом:

— Видели?

— О, Господи, — вздохнул Борнео, — успокойтесь, генерал. Это видят уже на протяжении десяти лет. Вы еще не то увидите, если с наукой свяжетесь. Другое дело, что все это трудно понять и все говорит о том, что нам необходимо на “Мурене” уйти под лед Северного полюса и приступить к исследованиям в районе между хребтом Ломоносова и котловиной Амундсена.

— Так этот белый монстр — человек или животное? — вмешался в разговор Хромов, непонятно зачем нацепивший на шею стократный цейсовский морской бинокль.

— Трудно судить. — Борнео обменялся взглядом с академиком Стронгиным. — Похоже, ни то, ни другое.

Глава третья

— Я устала от Непала, — сказала Клэр Гастинг, сидя в удобном кресле с балдахинном на спине белого королевского слона. — Что за безумная затея провести свадебное путешествие на границе Индии с Китаем. Северные тропики — это почти то же самое, что заполярная Африка, абсурд под кленовым сиропом.

— Клэр, — усталым, но влюбленным голосом произнес Джон Карри, — ты ведь сама хотела перед полетом на Юпитер обойти

храмы Катманду. В конце концов можно изменить маршрут, что за проблема?

— Ни в коем случае, — отказалась от предложения мужа Клэр и поманила рукой погонщика белого слона, худого непальца в причудливо сплетенной чалме бело-розового цвета. — Европа не подходит мне по темпераменту, а на Россию не стоит тратить отпускное время, так или иначе, мы скоро там будем в деловой поездке. Судя по публикациям в российской прессе, у восьмидесяти процентов русских мужчин хронический простатит с аденомными проявлениями, так что в Москве можно только работать. Я хочу спуститься, — сказала она погонщику непальцу и, не дожидаясь его действий, соскользнула по накрытому дорожкой попоной боку слона на землю.

Джон Карри наконец-то понял, кто такая Клэр Гастинг, и поэтому находился в острой фазе клинической влюбленности в свою теперь уже супругу. Допущенный к изощренно-красивому и гениально-сексуальному телу возлюбленной лишь после подписания брачного контракта и венчания в протестантской церкви на Риджид-роу в Вашингтоне, он чувствовал себя самым счастливым и везучим человеком на Земле, хотя со стороны его счастье выглядело как идиотический инфантилизм с элементами парадоксального обожествления стервозной и достаточно равнодушной к объекту феминистки. В первый час брачной ночи Клэр Гастинг так обожгла Джона Карри своим эротическим обаянием, что следующие несколько часов после близости он буквально скулил от наслаждения, а затем позволил надеть на себя ошейник, и остаток ночи обнаженная Клэр Гастинг, опоясанная прозрачными шарфом, водила охотно передвигающегося на четвереньках талантливого космо-конструктора по территории шикарной калифорнийской виллы, ставшей после заключения брачного контракта ее собственностью, и, выбирая самые живописные уголки, вступала с ним в сексуальную близость. Территория виллы и десятикилометровая зона вокруг нее были буквально утыканы суперсовременными охранными системами наблюдения, блокировки и оповещения, плюс к этому четыре взвода морских пехотинцев охраняли все подступы к месту брачно-живописных игрищ двух особо ценных граждан США. Нет, это не было развратом и уж тем более не было сексуально-психическими отклонениями. Это была чистейшей воды багровая суть грозной вселенской магии Клэр Гастинг.

— Черт, — еле слышно шептал наблюдатель от СНБ, вынужденный следить за своеобразием ночных развлечений двух ведущих ученых Америки. — Я бы и сам с удовольствием принял ошейник из рук Клэр Гастинг и стал на четвереньки у ее ног.

Желание Клэр Гастинг "прокатиться" к святыням Катманду, назвав это свадебным путешествием, не только дорого обошлось налогоплательщикам США, но и напрягло все силовые структуры государства. Клэр Гастинг не могла предположить,

что, пока они любовались храмами Непала, вблизи красного и рвущегося в космос Китая, непредсказуемой Индии и офигевшего от войны Афганистана, их сопровождала целая дивизия элитного спецназа гурхов, состоящих на службе в армии Великобритании, триста агентов СНБ, несколько групп командос были готовы в любую секунду прийти к ним на помощь, ударные, готовые развязать любую войну в любой точке земного шара, подразделения спецназа США, Англии, России и, чего греха таить, других стран НАТО, были приведены в полную боевую готовность. Юпитер стоил мессы, а Клэр Гастинг и Джон Карри были неразрывно связаны с ним.

Глава четвертая

— Священники из продвинутых, — Ефим Яковлевич Чигиринский взболтнул в рюмке коньяк и, подняв ее на уровень глаз, посмотрел сквозь темно-янтарную жидкость на далай-ламу, — утверждают, что вечное блаженство — это обязательный атрибут вечных мук.

— Кого вы называете продвинутым священником? — Далай-лама, дзог Дза-Ти, в данную минуту был похож на человека, уставшего от своей человечности. — Вы не могли бы показать гнездо и яйца, из которых они вылупляются? И вообще, Фима... — Далай-лама налил себе в рюмку коньяк семидесятилетней выдержки и медленно вылил его тонкой струйкой в аквариум с рыбками, стоящий рядом. — И вообще, — повторил он, — есть только предположение о наличии вечных мук. Мне непонятно лишь, кто их испытывает.

— Пока никто. — Ефим Николаевич с любопытством смотрел, как рыбки переворачивались животом кверху и всплывали к поверхности аквариума. — Для начала нужно найти дороги к этой вечности, а для этого, да вы и сами отлично знаете, необходимо преодолеть суррогатную бесконечность.

Аквариум очистился. Все рыбки плотным слоем, кверху брюхом, заняли поверхность.

— Вот один из путей преодоления суррогатной бесконечности.

Далай-лама взял со столика костяную спицу, которой чесал спину в минуты задумчивости, и помешал мертвых рыбок, отчего те на короткое время заполнили аквариум и снова, кроме одной, карликового марлона, стали подниматься кверху. Марлон же как ни в чем не бывало поднялся к поверхности и стал выдирать из фиолетового фолкуса куски мяса на завтрак, затем набросился на арабского гурами и, дернув за плавник, вернул его к жизни. Гурами резко ушел вглубь, Ефиму Яковлевичу даже показалось, что он встряхнул головой, и уже оттуда вернулся в центр аквариума к своей декоративной жизни.

— Меня иногда тошнит от Востока и в особенности от Тибета. — Ефим Яковлевич подгрел под себя подушки, включая ри-

туальные, и, поудобнее подоткнув их под себя, улегся. — Ты лучше вот что, Дза-Ти, оставь эти свои игрушки для своих ламапришибленных и буддаударенных, давай вернемся к проблеме. Мы сможем преодолеть суррогатную бесконечность без помощи аолиэтных лаозеров?

— Нет, конечно, — покачал головой далай-лама, рассматривая, как из массы всплывших брюхом кверху рыбок еще три пятнистых гурами вернулись к жизни, — без лаозеров вообще ничего невозможно сделать в этом направлении.

— Но наш мир сильнее, — на лице Чигиринского не было и тени беспокойства, — они должны нам помочь. Мы тоже в капкане параллельностей.

Уже все рыбки ушли от поверхности и кружили, забыв о “коньячной смерти”, в пространстве аквариума. Лишь фиолетовый фолкус, приткнувшись к стеклу, остался навсегда мертвым и склизко-белым. Далай-лама потыкал его спицей и поднял глаза на Чигиринского. Тот мгновенно отреагировал:

— Дза-Ти, я тебя сейчас самого в аквариум с русской водкой посажу, надоел ты мне со своей тибетской мудростью. В конце концов в мир вошел крошечный Будда и...

На этом Ефим Яковлевич замолчал и побледнел. Ничего не сказал и далай-лама. Они оба знали, что Черный Будда, Антихрист, был нейтрален и волен. Он был НИ ЗА КОГО и решал только свои, непонятные никому, кроме бледных демиургов, задачи.

Афганистан для Стефана Искры был местом, не имевшим к Земле никакого отношения. Это треугольник энергии, который оплодотворял, то есть провоцировал машинальное оплодотворение великой катастрофы. Горно-пещерная страна Торо-Боро лишь на четверть была искусственно оборудована и считалась малоизвестной даже для пуштунов. Никто ни сном ни духом не ведал, что именно здесь есть тропинка, ведущая к ниспадающим дорогам в срединную страну. Американские ВВС с непоколебимой верой в свои супер-вакуумные бомбы долбали несчастное Торо-Боро с энергией высокомерного идиотизма, свойственного всем высокотехнотронным державам. Горы, впрочем, как и сам Афганистан, не замечали наличия на Земле технотронной цивилизации, самой хлипкой и нежизнеспособной из всех существующих в данное время. Стефан Искра усмехнулся: оголтелая ненависть неведения всегда сопровождает поступки так называемых развитых стран. Впереди послышались возгласы, мусульмане молились, и Стефан вышел на эти звуки из-за выступа глинобитной стены. Он был весь в белом. Перед ним простиралась большая каменная площадка, на которой более двух тысяч хорошо вооруженных людей совершали намаз. Стефан Искра понимал, что через секунду в него начнут палить из всего наличествующего оружия, ибо он не преклонил колени и стоял над молящимися, облокотившись на посох. Но вооруженные люди при

виде его лишь вздрогнули и стали молиться более вдохновенно. Аолиэтный лаоэр придал лицу Стефана Искры сиятельное и грозное обаяние пророка.

— Правовверные! — на прекрасном арабском языке произнес Стефан Искра. — Бросьте на землю оружие, отдайте Афганистан другим, пусть потешатся своим ложным всемогуществом. Идите домой!

Молящиеся встали и молча, оставив на земле русские АКМ, разошлись в разные стороны, время от времени оборачиваясь в сторону оставшегося на площади пророка в белом одеянии. Никто из них не сомневался, что перед ними предстал именно тот, который тысяча триста восемьдесят лет назад, обнаружив на своем плаще уснувшую кошку, отрезал кусок плаща, дабы не разбудить ее.

Впрочем, пилоты бомбардировщика-невидимки “Стелс” ВВС США не могли видеть “пророка” в образе Стефана Искры. Они видели лишь скопление противника в этом квадрате, сведения о котором поступили с военного спутника “Мемфис”. Огромной разрушительной силы вакуумно-детонирующая бомба, предназначенная для конструирования смерти в высокогорных районах и на больших глубинах, с нежным всхлипом вышла из капсулы бомболюка системы “Точка” и устремилась к земле, прямо в то место, где стоял Стефан Искра, “благословляющий” брошенное оружие и уходящих в горы наемников.

Само собой, трудно найти очевидца, наблюдавшего вблизи себя взрыв вакуумной бомбы. Стефан Искра, как бывший десантник, даже слегка восхитился, оценив силу взрыва и рассмотрев причудливую форму смерти, настигшую только что увидевших пророка Мухаммеда арабов. Но затем он презрительно поморщился и даже слегка смутился, когда прямо на него вышли американские спецназовцы. Взрыв вакуумной бомбы снес со Стефана все одежды. Спецназовцы видели перед собою огромное количество трупов и одного голого белого человека, похожего на ожившую скульптуру эллина Аполлона, с непонятной татуировкой на плече. Стефан Искра, дабы сгладить свое смущение, решил поприветствовать союзников и, подняв левую руку вверх, а правую прижав к левой груди, произнес:

— Хаю ду ю ду, янки.

Майор Дуглас, командир зеленых беретов, “захвативших” обнаженного Стефана Искру в эпицентре взрыва супербомбы, с недоумением смотрел на него и задавал вопросы. Стефана Искру приодели и переправили в штаб-квартиру миротворческих сил в Баграме. Ждали спецвертолет ВВС США, чтобы отправить странного пленника на базу США в Пакистане и уже оттуда в Америку.

— Странно. — Майор Дуглас пристально посмотрел на Стефана Искру и спросил у него по-английски: — Мы знакомы?

— МОГАУ нам обоим знакомо, майор, — усмехнулся Стефан Искра. — Судя по всему, американская “Оса” не кусала своих солдат до смерти, как это сделал российский “УЖАС” со своими “солнечными убийцами”.

— Черт, — разволновался майор Дуглас и от волнения заговорил по-немецки с вкраплениями русского, — майн готт, едрена вошь. Так ты выполняешь планетарное задание, я понял, ты...

— Тихо, тихо, — успокоил его Стефан Искра, — успокойся, Дуглас, тебя что, контузило той же бомбой, что и меня? Забыл, что МОГАУ самоликвидировалось, Поль Нгуганба и Клосс Воргман застрелились, а вашу “Осу” трепало Лэнгли не хуже, чем наш “УЖАС” ФСБ?

— Я сейчас именно на Лэнгли и работаю. — Майор слегка успокоился и тут же заорал на заглянувшего в палатку полковника-пуштуна: — Пошел вон отсюда!

Полковник испуганно выскочил из палатки и задернул полог.

— Майкл, Джеки! — Майор обратился к двум мгновенно заскочившим в палатку десанникам: — Пропускайте сюда только американских офицеров и только после предварительного сообщения мне.

— О’кей, сэр, — осклабились спецназовцы и, покосившись на Стефана Искру, вышли из палатки.

Глава пятая

Огромная толпа по имени “цивилизованное человечество” активно защищала свои ценности. Как-то так получилось, что лишь прилагательное “западные” придавало существительному “ценности” статус неприкосновенности и даже бесценности. Никто ничего не понимал, но все во все подряд верили. Двадцать первый век, насмешливая эпоха статистического предчувствия, начинал осуществлять сокровенную задумку антибесконечного бессмертия. Все во что-то верят, все ждут прорыва в чудо, все давно готовы к чему угодно, но никто не в состоянии понять, что 21-й век — это век, когда нас, статик-рабов, впервые соединят через генетические изыскания с нашими параллельными двойниками и тем самым опустошат пространство, занимаемое ими, лишат нас резерва. Мы будем сильнее и долговечнее, но у нас больше не будет возможности исправлять свои ошибки, нам придется поверить в то, что мы их не совершаем, то есть стать антибогами, глобализированными сатанистами...

— Нет, — хмыкнула Клэр Гастинг, оглядывая седьмой жилой модуль МХС, — я все-таки испытываю сексуальное влечение к нашему “Хазару”, на меня действует его фактура и качество прилагаемых эпитетов. Он огромный, стремительный, многофункциональный. Я бы назвала его “Фаллосом Зевса”.

— Не знаю, не знаю, — засомневался Джон Карри, не слушая жену и обращаясь к Харио Группу, американскому физическому не-

мецкого происхождения из исследовательской группы Национальной академии наук США. — Меня настораживает наша уверенность в правильности полета на Юпитер. Почему бы для начала не послать менее масштабную станцию, пусть она год-два возвращается на орбите Юпитера, пощупает, проанализирует, почувствует масштаб объекта в конце концов.

— Орбита Юпитера? — удивилась Клэр Гастинг. — Это сейчас тебе в голову пришло, или ты и до этого был не в себе, дорогой?

— Не надо, Клэр, — досадливо поморщился Джон Карри. — Ты же знаешь, как я тебя люблю, но если мы можем войти, как ты образно выразились, в Юпитер, то почему нам не совладать с его ближней орбитой? В конце концов хроногиперболизированный ускоритель на “Хазаре” слишком мощное и дорогое удовольствие, как и сам “Хазар”, впрочем. На вторую станцию, в случае неудачи, у человечества может не хватить терпения, сил и времени, я уже не говорю о деньгах.

Чем ближе был день выведения и сборки МХС на орбите Земли, тем сильнее и сильнее Джона Карри охватывали сомнения.

— Джони, не забывай о том, что как только ты перестанешь быть руководителем экспедиции, а все идет именно к этому из-за твоей неуверенности, ты сразу же, я бы даже сказала, автоматически, перестанешь быть моим мужем.

— Эээ, — мгновенно побледнел Джон Карри, протягивая к супруге руку и пытаясь что-то сказать в свое оправдание, но Харри Групп неожиданно тихо воскликнул:

— Bravo, Клэр! — А затем громко зааплодировал и заорал во всю глотку: — Bravo!

— Ага, — произнес Арчибальд Соукс, входя в ангар, где шла сборка седьмого модуля МХС, — я так и знал, что вы возьмете за основу российский проект. Правильно сделали. — Соукс повернул голову к двум сопровождающим его спутникам и объяснил: — Россия загадочная страна. Они из рук вон плохо делают автомобили и сантехнику, но когда дело касается космических технологий и воровства из государственного кармана, то на них можно положиться. Как вы думаете, Кони, я прав?

— Спросите у Клэр, — буркнул директор ЦРУ. — Она, как и вы, считает Россию загадочной страной, правда, с несколько иной мотивацией. Здравствуйте, Клэр, — поздоровался Конти с Клэр Гастинг, вышедшей из движущейся по поверхности модуля лабораторной капсулы, где проверяла стыковочную однородность структуры корпуса.

— Кто это с вами? — Клэр Гастинг кивнула в сторону третьего спутника. — Я где-то его уже видела. Он похож на еврея.

Человек, пришедший с главой ЦРУ и сенатором Арчибальдом Соуксом, не слышал этого разговора. Он ходил по гигантскому ангару, время от времени останавливаясь возле магнитизиро-

ванного корпуса модуля, тыкая в него пальцем и с сомнением качая головой.

— Ради Бога, Клэр, — Арчибальд Соукс взял Клэр Гастинг под руку и повел в сторону лифта, — давайте спустимся в холл и выпьем холодных сливок, растворенных в радужной текиле из кактуса гурами. Какое вам дело до еврея, интересующегося космосом! Вот увидите, он сейчас осмотрит модуль, затем спустится в холл и заведет разговор о том, как можно лететь на Юпитер, не разобравшись с еврейским вопросом на Земле?

— Соукс, — Клэр Гастинг в последнее время чувствовала себя немного скованной в присутствии сенатора и поэтому тщательно пыталась понять этот феномен, — в таком случае, откуда у него допуск в “Янки”?

— Не знаю, — пожал плечами Арчибальд Соукс, — вопрос не ко мне, спроси у Конти.

— Ваши сливки. — Бармен поставил перед Клэр и Соуксом узкие, наполненные почти доверху золотистой жидкостью, высокие бокалы, в которых плавали маленькие кубики замороженных сливок с лимонным соком.

— Дитя мое, — выплыл из глубины холла академик Джон Пул, — сегодня я могу со стопроцентной уверенностью сообщить всем, что наконец-то получены доказательства наличия в Солнечной системе еще одной планеты. Она находится на той же орбите, что и Земля, в прямо противоположном от Солнца направлении. Так что маршрутный картографический пульсар “Хазара” придется перепрограммировать.

— Тоже мне, сенсация, — фыркнул Олег Антонов. — Мы в России считаем, что эта планета, так называемая Антиземля...

— Мы ее называем Глорией, — вклинился в речь Антонова уязвленный Джон Пул. — Эта планета, на наш взгляд, очень неустойчива по отношению к Земле и Солнцу, и явно обитаема.

— Да, — спокойно согласился ничуть не уязвленный Олег Антонов, — она искусственная. Хотя вполне возможно, что Глория, как и наша Луна, может оказаться осколком Фазтона, бывшего марсианского спутника, исчезнувшего по неизвестной причине с его орбиты тринадцать тысяч лет назад. Господин Турбенрогман, — прервал сам себя Олег Антонов, обращаясь к молчаливо сидящему в кресле президенту астрономического общества при розенкрейцеровской обсерватории, — а что вы думаете о новой планете, обнаруженной господином Пулом? Он, правда, не обратил внимания на то, что до него об этой планете сообщал миру из Ватиканской обсерватории Джандоменико Кассини еще в 1666 году.

— Не передергивайте, господин Антонов, — поморщился Масалик Турбенрогман. — Кассини никто не поверил, включая его самого. В 1666 году, несмотря на то, что науку уже озарили своим гением Коперник, Тихо Браге и Галилей, можно было от-

крыть все что угодно, особенно в обсерваториях. Тот же профессор Кассини сообщал, что наблюдал в небе звезду, имеющую форму папской тиары, и получил за это пожизненную должность главного инспектора всех католических школ Римской церкви. А Джон сообщает об Антисемле с расчетом и снимками в руках. Хотя меня больше интересует парадоксальный взбрык марсианского Фаэтона, я вижу в этом какие-то труднопонимаемые аналогии с нашим временем. Мы-то ведь знаем, что Марс был обитаем и развит на много порядков выше нас, и тут Фаэтон. Нужно не забывать об этом.

Клэр Гастинг медленно выпила текилу с замороженными кубиками сливок и поставила бокал на стойку. Она выполнила это действие столь психологически-выверенными жестами, что когда бокал стукнул донышком о дерево стойки, в холле наступила тишина. Ученые смотрели в ее сторону и ждали, что она скажет.

— Мы учли момент с Фаэтоном, — голос Клэр был наполнен интонациями повелевающей королевы, — и поэтому “Хазар” будет стартовать в три рывка, с околоземной орбиты, а не с Луны, как предполагалось с самого начала.

— Учли момент с Фаэтоном? — неуверенно и слегка испуганно переспросил у Клэр Гастинг Джон Пул. — Вы хотите сказать, что МХС...

— О, Боже мой, — не дал ему закончить фразу чей-то громкий и возмущенный голос со стороны лифта. — Все куда-то спешат, никто не видит никакого покоя, всем нужен Юпитер, на худой конец, Марс, или хотя бы миллион долларов на безбедную старость. А я вот хочу у всех спросить, — к стойке подошел человек маленького роста, в шляпе и лапсердаке из дорогого шевиота, похожий на Луи де Фюнеса в минуты благодушия, — если все хотят на Юпитер или хотя бы немного денег на жизнь, и если из всей этой затеи ничего не получится, то при чем тут евреи? Если все летят в космос, то почему арабы до сих пор нападают на маленький, никому не мешающий Израиль? Мне еще покойный дядя говорил, а он был лучшим дирижером в Одессе, что если ты не можешь из ругани торговки на Привозе извлечь ноты для красивой музыки, тогда сиди в Одессе и не вздумай никуда уплыть на белом теплоходе. Я-таки уплыл из Одессы. Что вы на это скажете, господа?

— Кто это? — Клэр Гастинг взглянула на сенатора, а затем с недоумением на человека в лапсердаке от Квентина Бернарда Вильда за сто двадцать тысяч долларов.

— Здравствуйте, равви, — поздоровался с Чигиринским Арчибальд Соукс и представил его Клэр Гастинг: — Это Ефим Яковлевич Чигиринский.

Глава шестая

Двадцать первый век по галактическому, ариастову календарю племени дагонов-качи, обитающих внутри земного континен-

та Тахлис-хамовес, расположенного на глубине 220 километров от поверхности Земли на берегу оранжевого трясинного моря Аплика, был не двадцать первым веком, а третьей манипуляционной декадой, в которой качественное человечество окологоружитного государства уже видело в статик-рабах земной поверхности видимые результаты своих опытов и построений. Люди поверхности качественно осуррогатировались и постепенно придавали этой суррогатности форму естественности. Это был праздник для окологоружитного народа, ибо с них снималась нравственная ответственность, исчезал гнет совести. Если целый мир, страны, народы и мировоззрения, много тысячелетий терзающие себя поиском пищи, смысла, цели и Бога, не поняли своей истинной первородности, а восприняли насилие научного эксперимента над своей душой и сутью как само собой разумеющуюся естественность, значит, и не было никакого насилия, значит, правы были демиурги и элохимы, что поверхностные люди — это инструменты для манипуляций. Их надо настраивать, доводить до совершенства, качественно использовать и по мере износа утилизировать, предварительно изъяв у них нескончаемый источник энергии — Душу. Одним словом, начало двадцать первого века на поверхности Земли было триумфальным для окологоружитного государства глубинных гениев, пока... Пока в этот долгожданный триумф не вплелись ноты аспектарной тревоги, если не сказать больше. Тревога исходила от самого хоружлита. Семияичный огненный мир демиургов и элохимы сосредоточились, и качественное человечество, отбросив в сторону триумфальные настроения, приготовилось к долгой и кропотливой работе, ибо понятия "битва" и "война" отсутствовали в лексиконе окологоружитного мира...

Слава Савоев знал, что территория Тибетского плоскогорья — это не то место, где нужно использовать для сокращения пути переходы во времени, словно это проходные дворы Санкт-Петербурга. Среди гималайских морщин было слишком много пространственных прорех в ненужность и почти на каждом шагу встречалась магическая вторичность, использованный дзогами в пятом веке до нашей эры египетский аспект. Да и вообще, Тибет был огромной свалкой манипуляционного и морально устаревшего времени, в совершенстве исполняющего охранно-защитные функции системной нейтрализации на подходах к белым обелискам лабиринта перед входом в Шамбалу, которую дзоги называют страной неузнанных снов — Агнозией. Более Тибет ни на что не был годен, кроме экскурсионно-смысловых погружений статик-рабов в иллюзию смысла жизни и смерти. Впрочем, чтобы ни делали статик-рабы, в какие глубины и откровения ни бросались бы, они везде натываются на иллюзию и, пока не обнаружат новый вариант, благоговеют перед нею. Такое положение вещей устраивало аолиэтных лаоэров. Пока растерзанные параллельностями боги находятся под анестези-

ей неведения, легче проводить диагностическую разведку, перед тем как приступить к масштабным спасательным работам. В данное время в задачу Славы Савоева входило вхождение в Шамбалу. Это было не так просто даже для аолиэтного лаоэра, ибо агнозийный мир Шамбалы был оттеночным и неземным, там запросто можно наткнуться на самого себя в лаоэртном исполнении.

Неожиданно он увидел на тропе, по которой шел к перевалу Орджум, сидящего ламу в багровом одеянии высшего посвящения.

— Ну, — не стал вдаваться в подробности Слава Савоев, оставленный на время куда-то исчезнувшим лаоэром, — говори скорее какую-нибудь мудрость или фокус показывай, и пропусти, мне в Шамбалу по делу надо.

— Ты откуда? — неожиданно спросил у него лама по-русски и сам же ответил: — Из России, откуда же еще. Только оттуда в Шамбалу по делу ходят, насчет счастья, здоровья и денег займы договориться.

— Я старший оперуполномоченный, капитан Савоев. — Слава взглянул на русскоговорящего ламу и уточнил, услышав прохладную энергию вернувшегося лаоэра, — я на связи с бесконечностью.

— Хорошо, — легко согласился лама, — пусть будет так. Я согласен, что ты, как и я, осведомитель бесконечности, но объясни мне, какой бесконечности — той, которая стала кругом, или той, которая вобрала круг в себя?

Лаоэр внимательно и почти мгновенно рассмотрел судьбу и суть сидящего на горной тропе ламы и, преобразив эти знания в манипуляционную информацию для Славы Савоева, вновь покинул его, погрузившись в девятый век нашей эры.

— Стефан Искра, — стал плести сеть интриг Слава Савоев, — и генерал Веточкин сказали мне, что в Агнозию я запросто попаду, если встречу великого палача Тибета, Талгата Петровича Волина, принявшего посвящение в ранг ламы багровых оттенков и получившего монастырское имя Кабнг Омпа.

— Значит, ты из ФСБ, — печально кивнул головой Волин, — из той бесконечности, что стала кругом. Звучит красиво, но на самом деле — это древнеегипетский символ порядка, змея ухватившая себя за хвост посередине хаоса. Вокруг огонь, а в центре круга растет дерево Таит, которое выращивает день последнего соединения с Землей. Ты обманываешь меня, оперуполномоченный. ФСБ, как и любая другая спецслужба мира, еще не чувствует себя достаточно подготовленной для агентурной разработки Шамбалы, то бишь Агнозии. Ты знаешь, как выглядит пространство Агнозии?

— Знаю. — Слава сел на горную тропу напротив Волина. — Примерно так выглядит наделенный разумом и гуманными представлениями о мире взрыв водородной бомбы.

— Пять с плюсом, — кивнул головой лама, — и вон из класса, завтра приведешь родителей. Кто они у тебя?

— Я сын участкового и бизнесменши, — скромно проговорил Слава Савоев, — поэтому плевал я на ваш ламаизм со всеми оттенками ввиду своего неискоренимого православия. И вообще, я в МВД, а не в ФСБ служу, вы мне надоели, иду в Агнозию сам.

— Да ладно тебе, парень, — широко и дружелюбно улыбнулся Волин, — конечно, я тебя проведу. Ты, как и все молодые, шуток генеральских не понимаешь. Пойдем сначала к далай-ламе. Агнозия, все-таки, нечто большее, чем мы с тобой, даже если один из нас и аолизтный лаоэр, разведчик, состоящий на связи с бесконечностью.

— Я не был в Агнозии, — открестился от такого предположения далай-лама и, выключив телевизор, по которому смотрел новости СНН, уточнил: — Мы обходим ее десятой дорогой. Концентрированное безумие Шамбалы совсем не то место, которое хочется посетить в поисках истины и окончательного наслаждения. Это все выдумки европейцев. Они утратили чувство реальности и слишком увлеклись эротизацией христианства.

— И в этом им помогли дзоги, — усмехнулся аолизтный лаоэр Слава Савоев, отхлебнув из пиалы каилиновый чай посвященных, куда вместо сахара была добавлена капля яда бородатой снежной гадюки сирик. — Дзоги и покровители дзогов.

— Нет, — покачал головой далай-лама, — дзоги не помогают статикам, а лишь контролируют их. Мы поговорим о Шамбале по-настоящему, ведь туда еще никто из когда-либо живущих на Земле и посетивших ее извне не входил, кроме Него.

— Кого? — удивленно спросил Слава Савоев и тут же сам и ответил, услышав эхо вселенной: — Ну да, я вспомнил. Христос вошел в Агнозию и уже оттуда обозначил свое присутствие на Земле.

Глава седьмая

Конь, встряхнув гривой, ударил копытом о землю.

— Стой спокойно, — упрекнул коня всадник, слегка похлопав его по шее, — еще успеешь устать от дороги.

Постояв немного на взгорке, внимательно глядя вдаль, всадник наконец-то увидел то, что хотел увидеть. От балки к балке, группками по пять-шесть человек, перебежали на низкорослых конях степной породы печенегские передовые дозоры.

— Давай, стелись, Джип.

Всадник направил коня на дно пологой широкой балки и послал в намет к ближним холмам, покрытым густым терном. За холмами раскинулось окруженное мощным частоколом и двумя рвами село, позади которого виднелось коварно дышащее у берега песчаной топью море. Всадник, не придерживая коня, помчался к воротам. Те незамедлительно раскрылись и тотчас же за-

крылись за ним. Лишь возле княжеского двора всадник осадил коня и, спрыгнув на землю, преклонил колено перед быстро спускающимся к нему по деревянному резному крыльцу князем.

— Ну, Саркел, — на лице князя не было никаких следов тревоги, — что так встревожен ты по-варварски? Увидел вражеские танки или нашему Нахапетову грозит нашествие игроков в нарперстки?

— Печенеги, князь. — Саркел не мог привыкнуть к странному князю и странному селу, хотя и прожил здесь уже полгода и вполне сносно освоил странный язык этих неопрятных и каких-то нездоровых людей. — Большая орда, судя по дозору.

— Забавно, — князь, прищурившись, посмотрел на небо, — я еще никогда не бился с печенегами!

— Они хорошие воины. — Саркел преданно глядел на князя. — Я думаю, они сожгут село и всех убьют. Твои нахапетовцы, князь, плохие воины. Ты и княгиня с сыном должны бежать, я буду вести вас до Шарукани, там сейчас Святослав, князь Полянский.

— Дорогая, — князь повернул голову к княгине, вышедшей на крыльцо, и Саркел опустился на оба колена, — Саркел уверяет нас, что мы без пяти минут пленники печенегов, а наши добрые нахапетовцы, — он обвел рукой подошедших к крыльцу мужчин села, — ни на что не годные воины.

— Дорогой, — улыбнулась княгиня, — наш Саркел хотя и славянин, но тоже печенег.

...Глубоко в душе Саркел считал князя колдуном, пришедшим из белого края чуди заволоческой. Только там, за Белоозером, водились люди-мороки, колдуны-мухоморники, заволакивающие глаза чужими снами и заводящие в круговые дороги и топи непролазные дружины киевские. Сам Саркел был из племени северян, служил в дружине Святослава сначала стрельником, затем и уходящим в степь путником, ибо умел понимать дыхание коня и зверя дикого, мог слушать шепот трав и сливаться с ними, становясь невидимым. Его не кусали змеи, самые непроходимые топи он проходил, не замочив ног. Но шесть месяцев назад травы не укрыли его, и Саркелу пришлось познать аркан пленника всего лишь в одном дне ходьбы от киевского форпоста в Белой Веже. Тяжела доля пленного воина-разведчика. Печенеги не глумились над ним и ни о чем не спрашивали, и так было ясно, что он лазутчик. Ему скрутили руки, набросили аркан на шею, и отряд легкой иноходью поскакал в степь. Именно в этот момент Саркел понял, что это хазары, по какой-то причине маскирующиеся под печенегов. Лишь хазарские кони могли так плавно идти грациозной иноходью, не сбиваясь с шага сутками. Саркел, конечно, бежал за ними, не падал, но понимал, что, если они не остановятся для привала в ближайшие несколько часов, он упадет и погибнет. Судя по направлению, они

двигались в сторону Меотийского болота, гораздо левее Корчевских застав. А на закате, когда огромное, напоминающее золотой дискообразный всполох солнце уходило за горизонт и Саркел уже два раза запнулся, хотя и устоял на ногах, ему пришлось увидеть бегущую по степи женщину с распущенными волосами и поднятыми вверх руками. Женщина смеялась и время от времени высоко подпрыгивала, переворачиваясь в воздухе. “Травяника”, — заглодел от ужаса Саркел. — Вот, значит, какой печальный конец уготовлен мне. За что, Сварог?”. Нет ничего ужаснее для воина в степи, чем встреча с высасывающей кровь степной ведьмой “травяником”. Старые дружинники говорили Саркелу, что этой кровью ведьма поддерживает каменную жизнь степных идолов, и обескровленный степняк тоже становится идолом...

Саркел не удивился легкости, с которой “травяника” догнала всадников и оборвала кожаный аркан почти у самой его шеи. Его удивило лишь то, что хазары, невесть зачем прикинувшиеся печенегами, даже не замешкались, не выказали растерянности и страха, увидев кошмар каждого кочевника, дикую степную ведьму, а как продолжали кони свой бег изящной иноходью, так и бежали все далее и далее, унося странных порабощенных в сторону уходящего за горизонт солнца. Лишь последний всадник, на ходу сматывая оборванный аркан, неожиданно для Саркела громко и равнодушно расхохотался. Но скачущий впереди него всадник оглянулся и ожег смеющегося плетью так, что у того через все лицо образовался багрово-кровоочащий рубец.

— Ты кто? — участливо спросила “ведьма”. — Я тебя спасла, и ты теперь под моей защитой.

— Да, — кивнул головой Саркел, — теперь я твой брат.

Воинский закон Руси обязывал Саркела назвать спасшего его кровным братом или сестрой и посланцем Сварога. Но не ведьму же! Ведьма, к великому смущению Саркела, была необычайно красива. Такую тонкую и хмельную красоту он видел лишь изда- лека, когда царские хазары привозили своих дочерей в Киев и выдавали замуж за князей, знать и титулованных дружинников. Сам Святослав был женат на хазарской принцессе и не чаял в ней души, Ярополк и Олег были хазарской крови и впитали вместе с молоком матери иудаизма тайное моление. Лишь младший сын Святослава, Владимир, будущий гонитель ведической веры, был от ключницы, Ольгиной рабыни Малуши, сестры дружинника Добрыни... Немного успокоившись, Саркел увидел на шее ведьмы точно такой же золотой крестик, как у купцов из Византии, которых приводили в Киев через Шерукань и Переяславль тму- тараканские дружины. Точно такие же золотые амулеты носили в знатных домах Киева и даже в княжеских палатах, с благосло- вения старой княгини. Саркел окончательно успокоился и при- знал странную спасительницу своей сестрой и повелительни- цей...

Таким образом Саркел попал в Нахапетово и стал начальником стражи княжеского дома. Князя он уважал и боялся, княгинею любил и тоже боялся, княжеского сына боготворил и не боялся, он ему поклонялся и не задумываясь отдал бы жизнь за него. Одним словом, Саркел был слугой, дядькой, учителем, братом и сторожевым "волкодавом" для княжеского сына. Самых нахапетовцев он не любил, ничего тупее и ленивее не видел в своей жизни. Если бы не долг чести, он бы покинул Нахапетово из одного презрения к раболепию подданных князя.

Иногда Саркелу казалось, что "печенеги-хазары" слишком странно его полонили, как будто бы специально сделав так, чтобы его спасла княгиня, и он стал ее должником. Но такие мысли Саркел отгонял от себя, ибо душой и сердцем стал предан странным и завораживающим князьям Нахапетово, о которых ни сном ни духом не ведала Киевская властная верхушка...

Саркел вывел из недавно построенной конюшни коня для князя. У него был точно такой же, половецкий, при скачке стелющийся, истинно степной.

— Князь, — он подвел коня прямо к ступеням крыльца, — почему тревожный голос молчит, ратников не сзывает?

— Мой добрый слуга, — "Улыбчивый" легко вскопчил на коня и, крепко сжав его бока коленями, тронул с места. — Какие они, да прости меня Бог, ратники? Пусть лучше княгиня с нами едет. Вполне возможно, что и этого не понадобится, я допускаю, что орда просто мигрирует куда-то и совсем не воинственна. — Князь пустил коня в галоп к воротам, ведущим из Нахапетово в степь.

— Береги Саркела, князь. — Княгиня как бы осенила их поднятой ладонью с верхней ступени крыльца. — Не увлекайтесь, будьте осторожными.

— Слушаюсь, моя повелительница! — крикнул Саркел и галопом поскакал вслед за князем...

Ощетинившееся невообразимым для начала десятого века частоколом Нахапетово выглядело устрашающим настолько, что уже не одна орда почла за благо обойти стороной это жуткое место. Нанятые для обучения селян степняки все как один убежали из Нахапетова от страха перед неизвестным племенем разнужданно-легкомысленных и порочных колдунов. Частокол выглядел воистину ужасно: по углам, выполняющая роль сторожевых башен, со стороны степи были вмонтированы два трактора "Кировец", а со стороны моря обыкновенные "Беларусь". Снятые с бывших ремонтных мастерских железные ворота, модифицированные местными умельцами механиком Котовым и автослесарем Савкиным, то есть нынешними ратниками Бурым и Саввой, вполне справлялись с ролью ворот, легко и быстро открываясь и закрываясь под звуки сирены воздушного оповещения из быв-

шего кабинета бывшего инструктора по гражданской обороне Солеплетова, который в данный момент сидел в холодной за то, что два дня назад в нетрезвом виде, упившись самогонкой, вышел в ночной дозор... Далее от ворот и начиналась наводящая на степь ужас ограда из бетонных столбов и плит, разобранных с молочной фермы, двух цехов по переработке и консервированию рыбы, дворца культуры и школы. В ограду через каждые пятьдесят метров были вмонтированы трактора "Ка-500" и "Ка-700", грузовики и прочая техника на дизельной основе. Три врытых в землю резервуара с солярккой удачно попали в зону выдернутого из прошлого в прошлое пространства. Так что можно представить, что чувствовали степные орды, подступающие в боевом порядке к Нахапетову, когда вдруг раздавался невиданный рев и вой, оформленный светом из глаз демонов. Легкокрылая весть уже облетела всю степь, сообщая о черном гнезде жутких и мерзких магов, задумавших отравить море, степь и сны великих вождей, дремлющих в степных курганах. Уже был брошен клич, чтобы собирались мудрые волхвы, ушедшие из начавшего исподволь охристианиваться Киева, мудрые шаманы кочевий, хазарские жрецы тайноглазой молитвенности, и думали, как оградить мир от черного зла, "восставшего из недр земных". Но не все было так просто и у нахапетовцев. Они вдруг стали замечать, что бетонные столбы и плиты ограды как-то уж слишком быстро начали разрушаться и подвергаться непонятной быстродействующей коррозии. Солярка в цистернах еще как-то держалась, хотя было заметно, что ее свойства стали слабеть. А вот пятна мазута на земле неожиданно покрылись густой растительностью, что напроць противоречило антиэкологическому мировоззрению селян, привыкших к более робкому поведению природы. Нападкам степи подвергалось все, что они принесли с собою из 21-го века, включая само мировоззрение. Глаза нахапетовцев с отвращением натыкались взглядом на безобразные предметы в своих домах, и вскоре на задах дворов образовались свалки из выброшенных телевизоров, видеомагнитофонов, электроприборов и прочего хлама. Да и вообще, жители села стали очень серьезно относиться к началу десятого века. Он оказался веком индивидуальностей, личностей, в нем многое, почти все, зависело от тебя самого, тогда как в их прошлой жизни в будущем все было непонятнее, необъяснимее, тревожнее и безнадежнее от порочной изощренности. Селяне не понимали, что в начале десятого века можно было быть проданным в рабство, всю жизнь быть в этом рабстве с цепью на шее, но не быть рабом. Это был мир рабовладельческих построений, в котором еще не было рабской генетики. Она осталась там, в светлом будущем начала двадцать первого века.

... "Улыбчивый" и Саркел, слегка прижимаясь к гривам коней, приблизились к взгорку, с которого Саркел наблюдал пече-

негских разведчиков, и огляделись. Шепот, шорохи и потрескивание степной тишины, оброченной с мелодичным молчанием порывистой вездесущности ветра, окружили их. Через несколько минут ожидания рядом с ними пробежала стайка испуганных крупных дроф. Князь наклонился к уху коня и произнес нечто, лишенное гласных, конь послушно опустился на передние ноги и завалился на землю рядом с покинувшим седло князем. Саркел повторил маневр князя и, увидев поданный им сигнал, словно змея бесшумно скрылся в траве, по-пластунски огибая взгорок с левой стороны. Раздвинув плотный занавес трав, он нос к носу столкнулся с передвигающимся, как и он, по-пластунски, "печенегом". Это был младший брат Саркела, разведчик князя Кудлата русоволосый Варсег, не пожелавший принять христианство. Более половины орд в степи образовались из нежелающих предавать древнюю веру славян, позднее их назовут варварами-кочевниками на территории Киевской Руси.

— Ты что тут делаешь? — От удивления Саркел даже привстал. — Неужели Кудлат решил пограбить князя "Улыбчивого"?

— Не знаю. — От столь неожиданной встречи с братом Варсег тоже сменил пластунское положение на лежачее, перевернулся на бок и уперся локтем в землю. — Если ты у князя этого служишь, то беги. На него вся степь идет, и даже Киев заключил с нею перемирие, дал дружины. Здесь скоро не пройти, не проползти нельзя будет. А правда, — лицо Варсега загорелось детской любознательностью, — что князь и княгиня нахапетовские — колдуны, у которых родился великий шайтан, и они сейчас его растят, чтобы с его помощью людской род известить?

Не надо было Варсегу вспоминать о княжеском сыне.

— Ага, — буркнул Саркел и со всей силы звезданул брата в ухо так, что тот от возмущения и боли снова принял пластунское положение. — Лучше бы ты думал, чем говорил. Князя и княгиню, тем более их сына, я не брошу. Так что выбирай, ты со мной остаешься против степи и Киева или возвращаешься в дружину Кудлата?

— Конечно, с тобой остаюсь, — удивился такой постановке вопроса Варсег, — ты же мой брат, а Кудлат...

— А Кудлат уже счастлив, — словно выплыл из травы князь, ставя между братьями голову русича-печенега князя Кудлата, — и дружина его умчалась в степь, неся благое предупреждение славянским ордам, с крестом и без него, о любви к ним князя Нахапетовского и всея Киевской Руси. Ну, а я рад, что в моем княжестве появился еще один хороший воин. Брат Саркела — значит, любимый слуга княгини и верный друг князя.

Глава восьмая

Разговоры находящихся в холле были прерваны сигналом тревоги, резким и неприятным. Холл мгновенно опустел. Пос-

ледней в дверях лифта скрылась Клэр Гастинг, которая даже своей поспешности придала пластическую экспрессию бразильской самбы, исполняемой польскими стриптизершами. Остались лишь невозмутимый Ефим Яковлевич Чигиринский и невозмутимо протирающий гигиенической губкой стойку бара бармен, голубоглазо-брюнетистый саксоподобный итальянец.

— Дайте мне воды, — попросил Ефим Яковлевич, присаживаясь за столик, и уточнил: — Двести пятьдесят граммов. Добавьте туда несколько капель лимонного сока.

— Тревога, сэр, — вежливо отозвался бармен, — я не имею права никого обслуживать.

— Боже мой, — вздохнул Чигиринский, — сразу видно, молодой человек, что вы от пяток до фуражки на голове американец и никогда не имели в женах одесситку, расстроенную в своих самых лучших ожиданиях, иначе вам было бы неведомо чувство тревоги при звуке сирены.

— Фуражка? — слотнул слюну ничего не понявший об Одессе итальянский парень из Миннесоты и, стараясь казаться и дальше невозмутимым, уточнил: — Я тоже недолюбиваю умных баб, если вникнуть поглубже, то они все дуры. Хотите виски, сэр?

— Нет, — покачал головой Чигиринский, — у меня тоска по забытым в наше время мотивам...

— Есть водка, сэр, — прервал его бармен, почему-то вытянувшись по стойке смирно, — и есть вода и лимон. Что прикажете, сэр?

— Дай мне рюмочку вселенной, молодой человек, — хмыкнул Ефим Яковлевич вставая из-за стола, — и добавь туда одну капельку прерывателя бессмертия. Все это лишь детали, — объяснил он уже совсем ничего не понимающему парню. — Пойду взгляну на причину тревоги в "Янки". Опять, видимо, какая-нибудь глобальная чепуха.

Агенты службы безопасности ЦРУ, СНБ, военное и гражданское руководство подземного комплекса "Янки", специалисты экранно-лучевой защиты информационного поля суперсекретного объекта из космоса были в бессильно-гневно-шоке. Ученые и агенты спецслужб США в подземном комплексе отчетливо понимали, что так же, как теракт 11 сентября 2001 года изменил представление о безопасности в мире, так и сегодняшний день навсегда отбил всякую веру в компьютеры и вообще в электронное развитие цивилизации, а слово "ХАКЕР" приобретает новый, глобально-зловещий и в какой-то мере ошеломляюще-мистический смысл...

Информационно-аналитический блок комплекса "Янки" был оснащен новейшей компьютерной системой автономно-плазменного класса "Отшельник", аналогов которой в мире не

существовало и которая обошлась Америке в 989 миллиардов долларов и семи сошедших с ума ученых мирового уровня. И вдруг эта уникальная система подверглась беспрецедентному нападению циничного и, как решили агенты информационной безопасности, всемогуще-безумного хакера. Просчитать, откуда исходит нападение, оказалось невозможным. Интернетовские заморочки и приемы обычных хакеров в "Отшельнике" не могли сработать. Фактически под видом автономно-плазменной компьютерной системы действовал электронный разум, определяющий свое развитие, воспитание и цели самостоятельно, а совсем недавно "Отшельник" стал на порядок совершеннее, глубже и таинственнее человеческого интеллекта. И вот его грабили. Информация то исчезала из его памяти, то вновь возвращалась, но уже кусками, частями, разупорядоченная. Многие ученые "Янки", особенно мирового уровня, где-то в глубине души почувствовали солидарность с таинственным хакером, да и вообще весь элитарный коллектив "Янки" испытывал нечто сродни священному ужасу. Одно дело — украсть, стереть информацию вирус-монстром, а совсем другое — вернуть ее в "разобранном" виде, разве что представить в роли хакера Дьявола или... И последним аккордом этой метафизически-хулиганской вакханалии было отторжение "Отшельника" от им же смодулированного источника питания. Все экраны системы омазовились серым безмолвием, а затем вновь замерцали, и везде была одна картинка: изящная, аристократически выразительная кисть руки, словно выплывающая из глубины монитора, с кроваво-вишневыми драгоценными ногтями на длинных трех женских и трех мужских пальцах парадоксально-зеркального соединения...

— Это рука Власти! — возбужденно воскликнула в полной тишине Клэр Гастинг, указывая на мониторы "Отшельника".

— Это рука мальчишки, — небрежно бросил Арчибальд Соукс и вставил в рот контрабандную гаванскую сигару.

— Гашим (проклятие)! — обратил на себя внимание вошедший в информационный блок Чигиринский, — вы правы, Соукс, это рука разгильдяя.

— В чем дело? — незамедлительно вмешался начальник службы информбезопасности "Янки" генерал Аламсон, обращаясь одновременно к Чигиринскому, Соуксу и Клэр Гастинг. — О чем вы говорите?

— О том, что "Отшельник" не так прост, — успокоил его Арчибальд Соукс и прикурил длинной норвежской спичкой сигару, — и сам разберется в ситуации.

Присутствующие в блоке невольно обратили внимание на сосредоточенный и даже слегка ворчливый шорох плазменного разума. "Отшельник" восстанавливал информацию в прежнем порядке и, несмотря на абсурдность такого предположения, выглядел несколько озадаченным.

— Ну ты даешь, Лаперуза! — Ксюша Мармик, уцепившись руками за перекладину шведской стенки в комнате Толика Лаперузы, тренировала пресс, поднимая и опуская прямые ноги параллельно полу. — Твой комп даже покраснел от стыда за свою некомпетентность, да и принтер не справился. Это ж в какую систему ты влез, Толечка Лаперузочка? Тебе не кажется, что после такого взлома к нам в окно, — она опустила ноги и кивнула на открытую форточку, — может влететь крылатая ракета?

Ксюша была в белых кроссовках “Пекин”, изготовленных китайской промышленностью для спортсменов своей олимпийской сборной, подаренных ей каким-то чиновным китайцем из посольства в награду за знание китайско-уйгурского диалекта, в сербристых эластик-шортах, более напоминающих плавки с кармашком для десяти копеек на ягодице, и в сиреновой, плотно прилегающей к телу майке-топик модели “Блюз при расставании”, которую подарил отец, чиновник МИДа России, почему-то назвав свой подарок “гостинцем от бабушки”, хотя, насколько Ксюше известно, того застрелили где-то то ли в Непале, то ли в Тибете, за пять месяцев до рождения отца. Еще на ногах Ксюши, от кроссовок до бедер, красовались радужные гетры “Джулия”, и вообще, вся Мармик, выпендривающаяся перед Толиком Лаперузой на шведской стенке, походила на Пеппи Длинныйчулок, которую уговорили сняться для обложки глянцевого журнала. Ее прическа с левой стороны напоминала взъерошенно-синеволосяную Мальвину, с правой — небрежно причесанную блондинку для круиза на яхте с озверевшим от денег арабом, а между “Мальвиной” и “блондинкой для секса в море”, ровно посередине, от лба до затылка, шел стилизованный под ирокеза-панка аспидно-черный хохолок трех сантиметров ширины. Все вместе, если добавить нарисованную на лбу золотистую змейку, “уползающую” вниз, на живот, в сторону другой золотистой змейки, ускользающей с живота под эластик-шорты, и была Ксюша Мармик, тележурналистка и ведущая молодежной программы “Стильная морковка” на дециметровом канале московского телевидения. Она спрыгнула на пол, села на полный прямой шпагат, положила подбородок на ногу и поинтересовалась у не обращающего на нее внимания Толика Лаперузы, пытающегося натянуть на свою нежно-уродливую драгоценную кисть руки лайковую перчатку телесного цвета:

— Как ты думаешь, Саша Углокамушкин мог бы в меня влюбиться так, чтобы не задумываясь выпрыгнуть из окна шестнадцатого этажа, удариться об асфальт и подняться на ноги как ни в чем не бывало с возгласом “Оп, ля!”?

Толик рассеянно взглянул на Ксюшу, затем на окно и буркнул:

— При чем тут крылатая ракета? У нас провайдеров нет, аппаратура СОРМ (Система оперативно-розыскных мероприятий) против нас бессильна. — Он посмотрел на часы: — Уже пять, Бу-

лыжник обещал к шести достать какой-то супермощный комп-центр. Где он, интересно, его возьмет? Даже я не знаю, что это такое, а он знает.

— Да, — Ксюша подставила ладонь под подбородок, не выходя из шпагата. — У меня прямо зуд какой-то в теле от волнения. Вдруг он уже перехвачен какой-нибудь московской любовью и летит с шестнадцатого этажа вниз головой к асфальту, с криком “Ксю-юшаа! Я был не пра-аав!”.

Глава девятая

Полковник ФСБ, создатель курса “Альфонсы” высшей школы СВР и ФСБ, Грунина Степанида Исакована и начальник этой школы, доктор наук психологической педагогики и доктор наук математически сформулированных уфологизмов психотипного акцентирования, генерал-лейтенант ФСБ, Сибиряков Антон Ферапонтович прибыли на прием к главе службы внешней разведки, академику РАН и генерал-полковнику ФСБ Тропареву Василию Петровичу с расstroенными лицами. Наиболее заметно это отразилось на лице Степаниды Груниной, ибо на лице Сибирякова вообще никогда ничего не отражалось: он как надел при вступлении в должность начальника ВШ маску благодушной строгости, так более никогда и ни при каких обстоятельствах ее не снимал.

— Что случилось? Стеша, что я вижу! — Тропарев в изумлении всплеснул руками. — неужели ты вот-вот расплачешься? Если это случится, я сразу же подам в отставку и засяду за мемуары, ибо после плачущей Груниной я ничего уже более значительного не увижу.

— Ну, допустим, Василий Петрович, — возразил ему Сибиряков, — существует еще одна ядерная война с очагово-мирным акцентом, это будет покруче слез Степаниды, тем более что она еще не плачет.

— Я злюсь, — наконец-то обрела дар речи полковник Грунина, — я просто в бешенстве, дайте мне холодной воды, чтобы я успокоилась, а то вы же первый, Антон Ферапонтович, и упадете в обморок.

Степанида Исаковна, поддерживаемая за локоть Тропаревым, села в предложенное кресло и, откинувшись на спинку, замолчала, обмахиваясь белым кружевным платочком.

— Вода? — Сибиряков открыл встроенный в стену стилизованный под дерево холодильник. — Откуда у Тропарева в холодильнике вода? Может, выпьете водки, полковник, здесь есть бутылочка “Весна в Заполярье”, чудная водка, шестьдесят градусов, а пьется, как все сто двадцать. Вас это должно успокоить.

Глава СВР лишь посмеивался, глядя на Сибирякова. Тот хотя и был младше по званию и ниже по должности, все же являлся для Тропарева пожизненным старшим, ибо с подачи Сибирякова, ведущего когда-то курс “Колумбы” под шутливым названием

“Ай вонт Америка”, молодой кандидат наук и лейтенант Тропарев был отправлен “в поле” и сделал благодаря этому удачную во всех отношениях карьеру.

— Давайте водку, — согласилась полковник Грунина. — Только тогда ко мне никаких претензий, Антон Ферапонтович, я стану искренней в эмоциях и словах.

— А вот и вода, — обрадовался Сибиряков и продемонстрировал Груниной бутылку “Новотерской”, — холодная. — Он налил воды в стакан и отнес его Степаниде Исаковне. — У нас катастрофа, — Сибиряков повернулся к Тропареву, — все может полететь к черту с операцией “Клэр Гастинг”. Уникума Углокамушкина мы можем не дотянуть до уровня психологического подавления квант-ведьмы.

— Почему? — искренне огорчился глава СВР. — Ведь такой случай раз в сто лет появляется. Заагентурить квант-ведьму, да еще такую как Клэр, это же, ели-пали, то же самое, что получить стратегическое и экономическое превосходство над США.

— Не преувеличивайте возможности Клэр Гастинг, — встрепенулась полковник Грунина. — Но такую возможность действительно нельзя упускать, а мы упускаем. Наш самый засекреченный и самый гениальный консультант, доктор Чебрак, при смерти. А только он должен был вживить в тело Углокамушкина несколько нервных композиций морских, земноводных и сухопутно-хищных животных. Без этого шансы Углокамушкина влюбить в себя Клэр Гастинг до подавления ее индивидуальности равны двум к ста.

— Но ведь это тоже много. — Тропарев тяжело вздохнул. — Для охоты на квант-ведьму за всю историю школы ни у кого даже одной сотой шанса не было. Неужели такой уникал пропадет? — окончательно помрачнел лицом глава СВР и обратился к Степаниде Исаковне: — А после вмешательства Чебрака как бы выглядел расклад?

— Семьдесят пять процентов из ста, — четко выговорила полковник Грунина.

— Уфф! — выдохнул глава СВР и откинулся на спинку кресла.

Странное, если не сказать больше, ощущение. Внешние и внутренние признаки смерти были налицо. Она уже стояла у изголовья. Ее заволаживающее, нежно-ледянистое присутствие, с элементами парадоксального намека на воющий ужас во время погружения в необъяснимое счастье, Алексей Васильевич Чебрак замечал везде. Более того, смерти не могло не быть. Она уже сформулирована им, его коллегами, его учениками. Смерть пронизывала над его жизнью из результатов обследований. Она жила в пробирках с его кровью, плескалась в пробирках с многочисленными анализами, блаженствовала в исследованиях пункции, взятой из позвоночника, одобрительно похлопывала по контуру боли, обволакивающей его особенно сильно в предутрен-

ние часы, официально скучала и сторожилась в "Истории болезни", лежащей на столе у Лутоненко под диагностическим названием: "Композиционная саркомальная экспансия необратимого действия, с полным отсутствием показаний для хирургического, медикаментозного, радиационного и трансплантационного вмешательства". Смерть!

— Как мне надоели ваши бездарные морды, — ворчал Алексей Васильевич на собравшийся у его постели международный консилиум. — Вам только в морге парикмахерами работать, а вы умудрились стать мировыми светилами медицины.

— Но что мы можем сделать, Чебрэк? — капризным и тонким голосом возмутился Симон Кольдье, французский онколог нейрохирургического акцента. — Все равно мы, рано или поздно, подохнем, в смысле покинем эту скорбную земную юдоль. Я не вижу здесь повода для особых расстройств. Впрочем, — успокоился экспансивный француз, — вы, я думаю, расстраиваетесь не по поводу смерти, а по каким-то другим, не понятным нам причинам.

— Говорите о себе, коллега, — вмешался Агди Рапос, — всё всем понятно. Если бы вы были больны, как Алексей Васильевич, то он вас смог бы отстранить от смерти лет на сорок, если не больше. А вот мы, присланные главами государств для спасения великого генетика, своими открытиями уже приблизившего к тайне смерти, и следовательно, и к созданию эликсира долголетия, а там, чем черт не шутит, и бессмертия, ни фи́га не можем сделать, да простит меня Господь, если у него есть желание.

— Ну не можем, не можем мы, — стал постукивать себя в грудь английский трансплантационный нейрохирург, сумевший первым в мире осуществить пересадку головы от аварийного трупа к больному "растению" в лондонском госпитале Георга Кентского, — полностью заменить ваш скелет на другой, здоровый. Никто в мире, кроме вас, не возьмется за такую безумную пересадку.

— Интересно было бы посмотреть, — развеселился израильский онколог Нахум Опельбаум, — как Алексей Васильевич сам себе скелет менять будет. Это же песня!

— Вам бы только зубоскалить. — Алексей Васильевич почувствовал себя плохо и, прикрыв глаза, откинулся на подушки, сообщив присутствующим тихим голосом: — Я, конечно, понимаю, что уже без минуты покойник, но вот только никак не могу вспомнить — кто же говорил год назад, что у меня еще двадцать лет жизни в запасе? Кто же это говорил?

Присутствующие в апартамент-палате врачи переглянулись и стали тихо покидать ее. Когда все вышли, дверь вновь открылась, и в нее на цыпочках вошел Опельбаум. Он тихо подошел к постели забывшегося Алексея Васильевича и, приставив указательный палец к центру его лба, наклонился к уху... Алексею Васильевичу снился странный сон, в котором слишком выпукло и явно чувствовалось отсутствие сновидения. Маленький, не более десяти сантиметров, человечек, с бликующей улыбкой, напо-

минающей скибку перевернутого месяца, говорил ему, то расширяя, то прищуривая свои огромные, влажно-агатовые глаза:

— Ну что, уродец, умираешь? Ха-ха-ха. Не надейся, бледные демиурги не хотят тебя видеть, ты еще должен схлестнуться с лаоэрами, негодяй. Из-за тебя, братец, я вынужден подниматься на поверхность и прилагать усилия, дабы ты не вырвался из ямы жизни преждевременно. Ты придурок, уродец. У тебя вирусологическое, а не саркомное поражение соединительных тканей, крови и костного мозга. Ты этот вирус при захвате души получил, ублюдок в оболочке, хи-хи, — поиграл улыбкой “фавенок” айрини. — Завтра ты додумаешься, чем тебя можно спасти, и не умрешь, тем самым подтвердив свою репутацию гения гениев, идиот, хи-хи-хи...

В этом сне Алексей Васильевич четко знал, что это не сон и что он разговаривает со своим родным, одноклеточным, братом, который по какой-то причине считает его изгоем, но что это за причина, Алексей Васильевич так и не узнал, ибо сновидение его покинуло.

Интересно, во что это я опять вляпался? Похоже на то, что я как бы талант с неясными предпосылками для экстраординарного секс-творчества с патриотическим уклоном. Удостоверение, во всяком случае, мне выдали не просто железное, а лязгающе-железное. Карманно-картонный проблесковый маячок для метро...

Саша Углокамушкин со вздохом перекинул с одного плеча на другое огромную тяжелую сумку хозяйственно-дорожного типа и встал на эскалатор. В сумке лежали шесть уникальных суперусилительных плей-блоков для компьютера, маде ин Россия, из Новосибирска с любовью для ФСБ...

— Ты хотя бы толком понимаешь, о чем просишь? — спросила у него Степанида Грунина за утренним чаем. — И самое главное — для чего, а еще главное — для кого?

— Не знаю, — честно признался Саша, — но надо. И не спрашивайте, зачем и кому.

— Хорошо, — легко, даже слишком легко, на взгляд Саши, согласилась Степанида Исаковна, — я дам тебе разрешение на выдачу плей-блоков “Орланд” из техотдела и не буду спрашивать, зачем тебе это нужно, но и ты будешь столь же готовно выплатить мои просьбы, помни об этом.

— Ладно, — кивнул головой Саша, — не забуду.

— Александр, — заглянул на кухню Юрий Бориславович, муж полковника Груниной, голубоглазый гигант двухметрового роста. — Хочешь, я тебе джинсы особым образом выглажу?

— Дорогой, — умилилась Степанида Исаковна, — в молодежной среде за глажку джинсов подсыпают крысиный яд даже в чай родителям, я уже не говорю о простых родственниках.

— Я же особым способом, Стеша, — не сдался Юрий Бориславович. — “Па-дэ-дэ Арнольда Краснинского” называется.

Саша Углокамушкин был оставлен полковником Груниной жить у нее, на Тверской восемнадцать. Степанида Исаковна объяснила это просто:

— Мы с мужем полюбили тебя как родного, это во-первых, во-вторых, я обязана, как преподаватель и твой самый главный руководитель, контролировать каждый твой шаг, знать все твои запахи и привычки. Я не должна упустить этот шанс — с твоей помощью взять Клэр Гастинг.

В глазах полковника Груниной после этих слов запылало холодное, зеленое пламя беспощадной страсти, заставившее Сашу Углокамушкина вздрогнуть от ознобного восторга.

— Возьмем, — решил не перечить ей Саша Углокамушкин, хотя абсолютно не понимал, о чем идет речь, что ему предстоит в будущем и кто такая Клэр Гастинг, которую нужно “взять”. — Всех возьмем.

...Саша вышел из метро на станции “Сухаревская” и направился к дому Толика Лаперуза, вновь перекинув сумку с плеча на плечо.

Никогда, блин, не поверю, что вот эти три мента, выходящие из торговой палатки, как они только поместились там, не проверят у меня документы. А я им раз — удостоверение под нос, представляю, какие у них лица будут. Ну вот, блин, мимо прошли. Вот ведь фигня какая, документов не было — проверяли словно на мне папаха, бурка, кинжал и борода, с головой налысо обритой, а когда получил такой мощный ксивняк, перестали в упор видеть. А может, у меня в сумке калаши с рожками и гранаты по самое не хочу? Как начну сейчас гранатами кидаться, что тогда? Ели-пали, Углокамушкин, о чем ты думаешь, бандерлог неустоявшийся. Фу, черт, даже пот от стыда за себя прошиб. Хотя нет, не от стыда. Чувствую, ох, как чувствую, что у меня уже нет моих долларов в Таганроге, но это фигня, у меня есть теперь нечто более весомое, деньги меня не беспокоят. А что? Не знаю, но сегодня что-то произойдет у Лаперузы, что-то такое, чего не могу понять, но знаю точно...

— Эй! — Оборвав свои мысли, Саша ухватил за рукав проходившего мимо парня лет восемнадцати. — Постой рядом со мной секунду.

— Дорогой, — моментально прильнул к нему парень, — я могу на всю жизнь с тобой остаться.

— Стоять! — перепугался Саша, отстраняя от себя парня на расстояние вытянутой руки, но не отпуская его рукав. — Смотри!

Он указал на угол здания, в сторону которого шел “неоновый мальчик”. Мгновение ничего не происходило, а затем под самой крышей от стены отделился фрагмент здания более ста килограммов веса и рухнул на пешеходную дорожку. По времени, если бы Саша не задержал, так и выходило, что дитя порока был бы уже мертвым.

— Я твой должник, — вспыхнул молодой человек, — вот мой телефон, — он сунул в руку Саши свой очень дорогой мобильник, — я тебе позвоню. — Кусая губы, чтобы не заплакать, парень махнул рукой и чуть не побежал, огибая кусок стены на асфальте, в сторону офиса фирмы “Орлэфрей”.

Что такое телевидение для современного мира? Все! Это собеседник, это проникновенный домашний сплетник, доктор, учитель, семейный развратитель, лживый духовник, интеллектуальный пошляк, светоч мелкотравчатости, гуру для лениводушных, великий усреднитель, муж и жена для отупевших от одиночества и скрытая причина этого одиночества.

Что такое телевидение для современного мира? Все! Это дирижерская палочка в руках Власти, организующая плебс хлеб, зрелище и женщин. Это оно, Телевидение, заставляет крутиться и работать толпу потребителей, которые должны купить, овладеть, употребить и поверить в то, что они на острие прогресса и современности. Это оно, Телевидение, изгибает, демонстрирует женщину так, что мужчины начинают видеть в ней, в первую очередь, престижный товар, во вторую — идеальную машину для секса. Телевидение хладнокровный зомбинатор, изоцренный парализатор воли, капкан для всех, кто имеет с ним дело. Между заполнителями экрана и потребителями нет разницы, втемную используются и те, и другие. Трагедия демонстративно выпяченных политиков и вытолкнутых в мир богатства людей заключается в том, что именно они и являются самой порабощенной и зависимой частью человечества...

— Ну, кажется, все, — Ксюша Мармик вытерла ладони о свитер Саши Углокамушкина в районе живота, — система к внедрению готова, если, конечно, Лаперуза ничего не напутал.

— Лаперуза не напутал, — буркнул Толик. — Если кусок кирпича действительно принес то, что я думаю, то есть спутниково-лазерные усилители и дополнительный катализатор мощности, то нам впору бункером для работы обзаводиться. Кстати, Углокамушкин, где ты взял эту технику, в магазине такую не купишь, ты не шпион, случайно?

— Нет, — лаконично ответил Саша, — я куда серьезнее шпиона, лучше не спрашивай, а то мне врать придется.

— Да ты уже врешь. — Ксюша стояла перед зеркалом и пририсовывала косметической гуашью “Золотая пыль” новую змейку. — “Серьезней шпиона”, — передразнила она Сашу. — Ты на себя в зеркало посмотри, баран-бараном, знакомишься с кем попало. СПИДа мне еще в семье не хватало.

— С чего ты взяла? — Саша с интересом прислушался к аналитическим репликам Ксюши Мармик.

— От тебя одеколоном “69” за версту несет, — объяснила Ксюша, подходя к Саше, — а им только гомики прыскаются.

Саха хотел рассказать о спасенном им молодом человеке, но вздрогнул и еле слышно прошептал, глядя на сидящего в кресле Лаперузу:

— Ё-моё, блин, Толик!

— Толя-яаа!!! Толечка-а, родной, что случилось? — в ужасе воскликнула Ксюша.

В кресле перед новосконструированной компьютерной системой доморощено-лазерно-спутниковой мощности, положив аристократическую драгоценно-аномальную руку на колено, сидел длинноволосый безбородый старик с хорошо угадываемыми чертами лица Толика Лаперузы, но уже огрубевшими от многолетней жизни. Старик медленно приподнял вторую руку и, положив ее, как благословение, на голову рыдающей взхлеб Ксюши, стоящей перед ним на коленях, улыбнулся:

— Я — не Толик Лаперуза, я его Ка, вынужденный стать зримым незримый двойник, проживающий за один год вашего времени три своих. Я призван охранять его после смерти и поэтому должен умереть гораздо раньше. Я должен быть ликом на его саркофаге, в нем душа фараона, он уже умирал много раз.

“Точно, — едва уловимый шепот непонятого пророческого предположения прозвучал в мыслях Саши Углокамушкина, — древнеегипетский аспект Москвы, Эванхамон, Египет, Киев, Рим, хазаро-иудейский ритм России”.

— А где Толя? — всхлипывая, спросила Ксюша Мармик. — Он живой?

— Как видишь, — успокоил ее старик, хотя было непонятно, что он имел в виду. — Я передал ему опыт руки. — Он оторвал от колена руку с ногтями стоимостью в несколько миллионов долларов и показал Ксюше. — Ибо с этим, — он указал на компьютер, — шутить нельзя. Рука власти досталась ему по недосмотру, а это — титул, и поэтому я обязан опекать его в настоящем, находясь в прошлом.

— А мы и не шутим, — начала было оправдываться Ксюша и тут же завизжала: — Дедушка! Что с вами?

Старик стал молочно-бледным, черты лица начали мгновенно меняться, потом оно порозовело и снова стало лицом Толика Лаперузы.

— Мармик, — Толик взъерошил Ксюшины волосы, — я понимаю, что ты меня боготворишь, но зачем так пафосно, на коленях? Встань!

— Я не феминистка, — Ксюша Мармик переменила позу и просто села на пол. — У нас же семья. — И уточнила: — Шведско-московская, матриархальная.

Глава десятая

В московском марте есть лишь одна симпатичная деталь — близость лета. Все остальное, включая расположенный рядом авитаминозный апрель и психически неуравновешенный май,

лишь предисловие к нему. Подполковник Абрамкин вышел из здания министерства внутренних дел полковником и, уже в который раз за последнее время, удивился непредсказуемости, так сказать, возрастания своей служебной карьеры...

После того, как Радецкий, "Гастролер", настоял на этапе в Москву вместе с ним Абрамкина, в жизни второго произошло много событий. Во-первых, этапирование из таганрогской тюрьмы в Москву производилось более чем странно: его чин-чином оформили, выдали сухой паек, отдали прошедшую через тюремную стирку и прожарку от вшей камуфляжную одежду, в которой задержали в плавнях, сдали под расписку, вручив сопроводительные документы Абрамкина прибывшим из Москвы следователям странной юридической ориентации, и доставили на автозаке к трапу ТУ-154М, вылетевшему в Москву из местного ВИП-аэропорта на территории авиационного завода имени Бериева. "Гастролер" уже был в салоне и без наручников, его привезли на служебной машине начальника тюрьмы следователи. Перед трапом Абрамкина встречал "конвой" в количестве одного человека в черном костюме с галстуком и разозленным лицом. С подполковника сняли наручники и, передав его в руки раздосадованного москвича, Таганрог, в лице тюремной администрации, отстранился от Абрамкина. Автозак фыркнул и уехал.

— Что стоишь, как сооружение для отпугивания птиц? — упрекнул Абрамкина московский "конвойный" и пошел по трапу вверх, махнув рукой подполковнику: — Иди за мной, летаем над родиной.

Во-вторых, сразу же после взлета Абрамкину сунули в руки все сопроводительные документы, выданные таганрогским СИЗО, и перестали обращать на него внимание, оставив на попечение стюардессы, красивой дамы лет тридцати пяти. Первые пять минут, проходя мимо Абрамкина, она бросала в его сторону испуганные взгляды, затем в этих взглядах появилось сочувствие, слишком жалко выглядел подполковник, робко поджавший ноги и ссутулившийся на краешке кресла возле иллюминатора. Затем она принесла ему не предусмотренный в рейсе обильный завтрак: холодную запеченную курицу, четыре тоста с маслом и джемом, два круто сваренных яйца и горячий кофе. В итоге, она села рядом в кресло и внимательно выслушала его рассказ о том, как он, Абрамкин, трое суток шел к цели среди болот и змей в камышовых плавнях дикого Азовского взморья, как питался ужами и кореньями, как был оклеветан завистниками и брошен в казематы пенитенциарной системы. И вот теперь, — на этом месте Абрамкин вскинул голову и пристально, словно предвидя скорый бой, посмотрел в глубь салона, — его переправляют на Лубянку, ибо он сумел узнать слишком многое, то, чего не должен был знать. В конце повествования и рейса глаза стюардессы подозрительно покраснели и влажно поблескивали, а подполковник Абрамкин был укутан в клетчатый шерстяной плед и дер-

жал, с грустным интересом глядя на стюардессу, в руке рюмку с коньяком.

В аэропорту Внуково дело приняло совсем уже неожиданный поворот. Сразу после посадки Абрамкин, покинутый занявшейся профессиональными обязанностями стюардессой, поспешил на выход вслед за "Гастролером" и своими странными "конвойнными", которые, проговорив между собой всю дорогу, не обращали на него внимания.

— Удачи вам и счастья, — пожелала ему на выходе стюардесса.

— Ага, — кивнул головой подполковник, боясь отстать от своих тюремщиков, — спасибо, дорогая.

Далее события приняли катастрофический характер. "Гастролер" и московский "конвой" подождали его у входа в аэропорт со стороны летного поля, вывели на площадь перед ним, сунули в руку какую-то бумажку, сели в черную "ауди" и уехали, оставив Абрамкина возле указателя "Москва—26 км..."

Дул мартовский ветер. Мокрое шоссе, грязные сугробы и виднеющийся неподалеку поселок были похожи на кем-то начатую и недописанную картину самоубийства. Абрамкин шел по обочине в сторону Москвы. На нем были ботинки рейнджер без шнурков, их заменяла алюминиевая проволока посередине шнуровки, камуфляжные штаны доходили всего лишь до середины щиколоток, такая же куртка без пуговиц с рукавами, напоминающими удлиненную безрукавку, а на голове топорщилось, пропущенное через зной тюремной прожарки и раствор хлорки, полевое офицерское кепи. Вид у подполковника был частично военный, частично военнопленный. В бумажке, которую ему сунули в руку бросившие его москвичи, говорилось, что уголовное дело против него прекращено "в связи с отсутствием улик и состава преступления". Судя по форме, эксклюзивную справку об освобождении написали прямо в самолете, и, видимо, сам "Гастролер". Печать на справке еще та, круглая и гербовая: по окружности надпись "ГШ ГРУ", а в центре изображение летучей мыши. Абрамкин порвал эту справку и выбросил, развеяв по ветру, но сопроводительные документы из Таганрогского СИЗО сохранил, крепко прижимая папку к груди. Так и шел по обочине шоссе к Москве, слегка пригибая голову под ветром. Автомобили шарахались от него, когда он пытался остановить попутку, а встречные машины испуганно, словно возле знакомой прищосейной могилы, сигналили. Темнело, впереди уже виднелось электрическое зарево Москвы. Неожиданно рядом с ним поравнялся "БМВ-525" и, мигнув подфарниками, остановился. Подполковник на всякий случай отскочил в сторону, проваливаясь по колено в рыхлый заобочинный снег. Дверца со стороны водительского места распахнулась, и на шоссе выпорхнула стюардесса. Она обежала "БМВ" спереди и, протянув руку подполковнику, торопливо произнесла:

— Держись. Сбежал все-таки? Я так и знала.

— Да вот, — неопределенно согласился подполковник, вставляемый стюардессой в багажник, — так получилось.

— Лежи тихо, — приказала ему женщина и, прежде чем хлопнуть багажник, наклонилась и поцеловала его в макушку, нежно прошептав: — Дурачок отчаянный.

Багажник был сухой и теплый, с выстланным чем-то мягким и теплым дном. Колеса уютно шуршали, автомобиль, благодаря настроенной на любовь к человеку амортизации, нежно подрагивал на выбоинах качественного придорожного шоссе. Подполковник нащупал какую-то мягкую ветошь в уголке багажника и положил ее себе под голову, затем, как древний кочевник у костра, поджал колени, сунул между ними руки и, засыпая, подумал: “Как там моя семья, супруга, мама супруги, дети мои дорогие”...

Жанет Генриховна Комарова-Багаевская, трижды вдова и все трижды слегка соломенная, мужья где-то были, но их как бы и не было, работала, точнее, дорабатывала последний год, перед сорока пятью, стюардессой на заказных и второсортных ВИП-рейсах внутренних линий. Двадцать пять лет из сорока пяти она была секретным сотрудником, сексотом, сначала КГБ, а затем и ФСБ. Это состояние сексотности придавало ей дополнительные силы в жизни, любви и желании познавать мир во всех чувственных аспектах, что в каком-то смысле повлияло на ее двусмысленное вдовство. Дело в том, что Жанет Генриховна была страстной и фанатичной поклонницей садомазохизма в быту и воинской дисциплины в сексе, поэтому два ее бывших мужа скрывались где-то в Москве на съемных квартирах, вздрагивая от звонков в двери и начисто отказываясь от каких-либо притязаний на свое бывшее и, надо заметить, не малое имущество. Куратор Жанет Генриховны из ФСБ после третьего брака предупредил ее:

— Последний раз. Квартиру от первого мужа ты получила по брачному контракту, не ты, а он тебя бросил. Дачу и вторую квартиру в Звездном городке получила от второго мужа, и тоже благодаря грамотно оформленному нашими юристами брачному контракту. Не знаю точно, что ты получишь от третьего, но предупреждаю — это последний муж, на брак с которым мы тебя благословляем, в дальнейшем это будет твоя личная проблема.

Третий муж оставил Жанет Генриховне двести пятьдесят тысяч долларов, две иномарки и двухэтажный коттедж в дачном поселке Валентиновка под Москвой, а сам принял постриг и ушел в отшельническое экстремальное монашество в пещерах Абхазии. Материальный достаток не отбил у Жанет Генриховны охоту к работе стюардессой и уж тем более к сотрудничеству с ФСБ. И в том и в другом случае были свои, очень даже специфически-чувственные нюансы садомазохического изыска.

В мире, контролируемом спецслужбами, ничего не происходит случайно, все профессионально продуманно. Жанет Генриховна ласково улыбнулась огням и равнодушно-нежной вампир-

ности, приближающейся к ней со скоростью восемьдесят километров в час Москвы — она выполняла задание...

— Что этот тип делал в плавнях возле объекта Нахапетово? — проинструктировал ее куратор. — Вытащи из него все, играй на нем как на флейте и аккордеоне одновременно. Судя по его поступкам, он тоже интуитивный последователь украинско-австрийского философа.

...Так что встреча Абрамкина и агента Комаровой-Багаевской не была случайной. Исчезновение приморского Нахапетова стало предметом пристального, качественного и, в полном смысле этого слова, международно-разведывательского внимания, мимо которого ничего, а уж тем более задержанный в плавнях Абрамкин, не могло проскочить. Но так уж устроено завораживающе-иллюзорное действие жизни: как только в нем пытаешься исключить случайность, она тут же возникает во всем своем гениально-простом исполнении.

Жанет Генриховна, изведавшая три материально-выгодных брака в прошлом, где-то в глубине души всегда знала, что ее ждет настоящее, напрочь отстраненное от какой-либо меркантильности, замужество в будущем. В основе четвертого и последнего брака сексотная стюардесса всегда видела ЛЮБОВЬ. Она уже почувствовала эту Любовь и даже положила ее в багажник своего стремительного "БМВ-525", надвигающегося на Москву с вальжной скоростью.

Перед тем как впитаться в полнокровное русло первой линии МКАД, Жанет Генриховна решила отовариться в придорожном супермаркете, дабы не заниматься этим в тесной для автомобилей Москве. Въехав на стоянку, она вышла из машины, ласково и успокаивающе похлопала по багажнику и направилась к магазину. Как только она скрылась за дверью, к автомобилю подошли двое, парень и девушка. Парень немного повозился у двери и, открыв ее, сел на водительское место. В это время Жанет Генриховна бросила корзину для продуктов и тотчас же устремилась к выходу из супермаркета с мгновенно сформировавшимся чувством утраты. Выскочив на улицу, она увидела лишь стремительно удаляющийся в сторону МКАД "БМВ-525". "Ах так! — разозлилась стюардесса, бросаясь к джипу, хозяин которого, сидя на водительском месте, пытался что-то рассмотреть на заднем сиденье. — Как бы не так!"

— Ты! — заорал утративший способность ориентироваться на местности хозяин джипа, которого Жанет Генриховна обеими руками вытащила за воротник пальто из салона и сильно отпихнула в сторону. — Я же сказал Цапе, что бабки через три дня отдам! — орал запутавшийся в пальто мужчина, но Жанет Генриховна уже не слышала его.

Она нажала на педаль газа, стремительно развернулась и устремилась в погоню за украденной Любовью...

Подполковник Абрамкин проснулся и меланхолично подумал: “Куда это я опять влез? А-а, — вспомнил он, — я в багажнике. Неужели она забыла, что меня в багажник положила?”

— Эй! — крикнул Абрамкин на всякий случай. — Я тут, сзади! — И для убедительности пнул ногой в крышку багажника, которая, тихо щелкнув, открылась. Абрамкин осторожно, перевалившись на бок, высунул голову. Вокруг было темно, тихо и тесно. “Понятно, я в “ракушке”. Вот баба дефективная. Кто же так прячет и спасает человека?” Он вылез из машины, стал ощущать стены стационарного гаража и вскоре натолкнулся на какую-то клавишу. Немного поразмышляв, нажал на нее, и вокруг него вспыхнул электрический свет... Да, это было ЧТО-ТО! Это был не просто гараж — спальня для автомобиля. Подполковника охватила ярость. Прямо напротив него на верстаке стоял новенький, полностью оснащенный пулемет Дегтярева, рядом с ним — тоже новенький и тоже оснащенный для боя ручной пулемет Ганса Штихеля, модель 1998 года. А по стенам гаража были развешаны разнообразные модификации самоутверждения конструктора Калашникова, а также автоматы “Узи” и “Томпсон”. На полу стоял ящик с гранатами РГД-5, другой был наполнен боеприпасами для АКМ, третий ящик, высокий и длинный, оказался доверху набитым пистолетами “Браунинг”, “ТТ”, “Макаров”. Все в хорошем и даже в отличном состоянии. Подполковник разглядел в куче пистолетов “Кольт” двадцать четвертого калибра, взял его в руки и проверил. Затем подошел к ящику с гранатами, выбрал одну и, словно взвешивая, побаюкал ее в ладони. После этого исподлобья бросил острый взгляд в сторону закрытых дверей гаража и хищно улыбнулся...

— Все это порожняк. — Константин Ревазович Церикадзе прикурил сигарету и со всей силы бросил тяжелую позолоченную зажигалку в лицо Рената Аслановича Мдех, по кличке “Ожог”. — Как был ты диким фраером, так с тормозами и подохнешь.

Зажигалка рассекла бровь Ожога над левым глазом. Струйка крови потекла по лицу и закапала на черную хлопчатобумажную рубашку с дорогим лейблом. Ожог даже не вздрогнул, преданно глядя на Константина Ревазовича, более известного теньевой Москве под кличкой “Тамада”. В большой, дорогом и по-блатному броско оформленной комнате на втором этаже загородного коттеджа, принадлежащего Тамаде, кроме него и окровавленного Ожога находились еще четыре человека, трое мужчин и девушка с тонкими и красивыми чертами лица.

— А что, Тамада, — покачивая бедрами, девушка отошла от окна и подойдя к Церикадзе, погладила его по руке, — тачка нормальная, мне нравится.

— Сядь! — взорвался Константин Ревазович и двумя руками толкнул девушку так, что она отлетела от него и рухнула на бе-

лтый кожаный диван. — Тачка, говоришь, нравится? Давай я тебя с Ожогом на ней в свадебное путешествие отправлю. Точно! Как ты на это смотришь, Бадри? — обратился Константин Ревазович к грузину, сидящему в кресле. — Долго они будут наслаждаться свадебным путешествием?

— Сколько скажешь, столько и будут, — меланхолично произнес грузин и уточнил: — Мне все равно.

— При чем тут Ожог, Костик? — захныкала девушка. — Что за причуды меня с этим быком сравнивать? Черт с ней, этой тачкой, надо спулить ее на скоряк и все дела. А ты, Бадри, — она приподнялась на диване и зло посмотрела в сторону грузина, — козел.

— Ээ, — меланхолично вскинул руки грузин, — не кричи, Саломея. Скажут любить тебя — буду любить, скажут утопить — утоплю. Почему козел? Не понимаю тебя, женщина...

— Тамада, — вмешался молодой мужчина. — Уже девятый час, нам сегодня нужно заниматься клиентом или нет?

Рядом с молодым человеком, угрюмо уставившись на носки вытянутых ног, обутых в желтые с черным штиблеты, сидел еще один молодой человек, как две капли воды похожий на первого.

— Как это нет? — Константин Ревазович сразу стал спокойным и по-деловому сосредоточенным. — Очень даже нужно заниматься. Сейчас, — он успокаивающе кивнул братьям-близнецам и коротко приказал: — Саломея, хватит лежать, будешь главной над Ожогом, а Бадри телохранителем. Тачку увезти подальше, километров на сто, и бросить. Потом езжайте в Москву, кроме Бадри, он пусть возвращается, и ждите меня там. Все, — махнул он рукой, — валите.

— Вот, — Церикадзе положил перед братьями несколько фотографий, — старший оперуполномоченный МУРа Стариков Александр Иванович. Живет в центре, на Новослободской, вы знаете. Нужно, сегодня и обязательно, без облома. Вот ваши загранпаспорта. — Он положил на столик документы и авиабилеты. — После всего сразу же улетайте в Афины, я вас найду.

— Мент, — произнес один из братьев, рассматривая фотографию, и, повернувшись к другому, удивленно спросил: — Это мент?

— Это двести тысяч долларов, — бросил Константин Ревазович, прикуривая сигарету и садясь в кресло. — Двести тысяч долларов за точный выстрел в голову рядового оперуполномоченного МУРа, а не генерала.

— Генерала легче, — произнес до этого молчавший близнец, беря паспорта и авиабилеты. — За смерть рядового опера из убойного отдела будут рыть землю не за страх, а за совесть рядовые опера, а это не шутка. — Он протянул один паспорт и авиабилет брату. — Но мы "сделаем" его, правда, с дополнительным условием.

— Каким еще условием? — насторожился Константин Ревазович. — Все уже оговорено.

— Я же сказал, — близнец даже немного загрустил, — дополнительным. Этих, — он кивнул в сторону лестницы на кухню, где находились Саломея и Бадри, — тоже надо убрать.

— Аа, — сразу же успокоился Тамада, пренебрежительно махнув рукой. — Этих уже через два-три часа не будет.

В деревне Ряски, в дачном холодном домике сидели трое оперативников МУРа и “прослушивали” дом Константина Ревазовича по спецаппаратуре.

— За что они меня? — обиделся Саша Стариков, доставая из сумки термос с горячим чаем. — Страшно жить на белом свете.

Дом Церикадзе, в полукилометре от деревни Ряски, так хорошо прослушивался благодаря покинувшему МУР полковнику Хромову. Это он, перед тем как взять в оперативную разработку мировой океан, используя свое новое служебное положение и старые связи, презентовал убойному отделу помповую винтовку “Шорох” и десять новеньких пулевых микрофонов к ней. С расстояния сто километров оперативники “всадили” три пулевых “уха” в дом Константина Ревазовича, и вот теперь они пили чай из Сашиного термоса и, одновременно записывая на цифровой диктофон, слушали.

— Кстати, — младший оперуполномоченный Фадеев снял наушники, — придорожные менты ищут джип, полтора часа назад угнанный какой-то свирепой бабой у Маугли, подмосковного авторитета.

Никто не обратил внимания на не относящееся к делу сообщение. Фадеев “сидел” на милицейской волне, время от времени обмениваясь с оператором линии репликами: “Как слышимость? Прием”, “Век бы тебя не слышать, но слышу. Отбой”.

— Ну все, господин капитан, — пригорюнился Ласточкин, которого не без помощи ушедшего в ФСБ Саша Стариков перетащил к себе в убойный отдел, — осталось лишь сообщить, каким способом и в каком месте вас надо похоронить, предать земле, так сказать, успокоить в мире.

— Развеять, — Саша впал в меланхолическую философию, — над священными водами Ганга. Что там такое?

Оперативники переглянулись. Без всяких микрофонов было слышно, как в доме Тамады происходило нечто невообразимое, напоминающее войсковую операцию с элементами террористической истерики.

— Нас кто-то дублирует, или как? — опешил Ласточкин, слыша в наушниках выстрелы, взрывы и крики перепуганных мафиози.

— Фадеев, давай сигнал на захват! — приказал Саша оперативнику и, повернувшись к Ласточкину, объяснил: — Какая разница, хватай ружье, пошли в атаку, а там разберемся по ходу пьесы.

Двери гаража, расположенного в двадцати метрах от дома, раздвинулись, вспыхнул свет, и перед Бадри Сочалави, пришедшим взглянуть на угнанный автомобиль и вывести его из гаража, предстала картина смерти с элементами неоспоримой анекдотичности. Маленького роста, в одежде странного покроя и стили, в огромных ботинках и кеши "Чё надо?" стоял человек, через плечо которого была перекинута вынутая из пенала лента от штихелевского пулемета, а в руках сам пулемет. Во рту человека дымилась "пахитоса", на голом животе под незастегивающейся курткой была видна рукоятка кольца, засунутого за пояс штанов. Карманы куртки оттягивали гранаты "РДГ-5", и в глазах этой карикатуры на человека Бадри Сочалави увидел явное и готовое к бою мужество. Он быстро выхватил из кармана брюк свою "Беретту" и тут же был буквально выброшен из жизни короткой "речитативностью" пулемета Ганса Штихеля. А подполковник Абрамкин, с трудом передвигая ноги под тяжестью оружия, пошел к особняку, время от времени отсылая пулеметные реплики в его сторону. Если взять во внимание, что ручной пулемет Ганса Штихеля — это что-то наподобие портативной скорострельной гаубицы, то можно представить, что думали обитатели особняка и жители деревни Ряски, особенно после того, как Абрамкин, выдернув чеку, метнул гранату в стоящий у крыльца вседорожник "Крис-Норман-Гепард", который после хлопка гранаты, закатившейся под его днище, неожиданно сдетонировал и взлетел в воздух ослепительным огненным шаром, отбрасывая взрывной волной подполковника Абрамкина обратно в гараж. Перед тем как потерять сознание, подполковник Абрамкин увидел, что через забор прыгают вооруженные люди в серо-белом камуфляже и черных масках. "Наши, — подумал он, чувствуя, как тошнотворная воронка контузии стала втягивать в себя его мысли и сознание. Он положил руку на грудь и, уходя в беспамятство, твердо пообещал самому себе: — Останусь жив, уеду в Сочи и заживу жизнью главы семейства и владельца маленького, всего на пятьдесят человек, кафе"...

Глава одиннадцатая

Начальник разведывательного управления Минобороны США адмирал Томас Иллсон разговаривал с председателем комитета начальников штабов Вооруженных сил США генералом Майерсоном о метеоусловиях в районе Канадского Арктического архипелага, то есть о ситуации, складывающейся в квадрате 666.

— Русские готовят к спуску под воду свою батискафную "Мурену" без предварительной зондажной подготовки, — сказал адмирал Иллсон. — По-моему, чертовски непродуманное и рискованное действие с их стороны.

— Это данные нашей разведки? — поинтересовался Майерсон.

— Да, — кивнул адмирал. — В смысле не совсем, — уточнил он. — Русские сами поставили нас в известность. Предлагают включить в экипаж “Мурены” наших ученых.

— И что же, — оживился генерал Майерсон, — у вас есть кандидатуры? Надеюсь, вы не отказались от предложения?

— Не отказались. Я рекомендовал им майора Барта и сержанта МакГрегори с его группой.

— Понятно — шесть ученых-спецназовцев. Вы считаете русских идиотами?

— Они нас считают идиотами. Предлагают включить в экипаж “Мурены” американских ученых, а конкретно — Олега Антонова и Свинтицкого, не имеющих к океану никакого отношения русских, которые недавно стали американцами.

— Ясно, но в одном вы не правы, адмирал. Настоящий ученый, чем бы он ни занимался, всегда имеет прямое отношение к океану и звездам. Если он отстранен от этих величин, то это не ученый, а преступник, внедрившийся в науку, негодяй по сути.

— Да, — согласился с генералом адмирал, — наука — это сборище негодяев, последнее прибежище, как говорится. Я приму предложение российской стороны и, если Антонов и Свинтицкий согласятся, приглашу их к нам на “Александрию Египетскую”, а затем передам на “Град Китеж”. В конце концов, наши страны союзники.

Начальник отдела модификаций, генерал ФСБ Тарас Веточкин разговаривал с главным оперативным аналитиком отдела, своим подчиненным, полковником Хромовым о погоде за бортом и о “шастающих туда-сюда по всему миру” американцах.

— Погода никуда не годится, — сообщил Веточкину Хромов, одетый в арктический комбинезон, рассчитанный на 80 градусов низкой температуры. — Хуже чем в мартовской Москве.

— Ничего, — успокоил его Веточкин, — скоро потеплеет. На дне всегда не так, как на поверхности. Здесь, у нас, — он указал на огромную свинцовооую полынь, в которой находился “Град Китеж”, — на дне тепло, а вот на экваторе дно прохладное. — Он повернулся к проходившему мимо офицеру из подразделения “Касатки”: — Вам нравится Арктика?

— Так точно, — доложил ему офицер, — превосходная система подводно-надводного прослушивания. Думаю, что у друзей, — офицер кивнул в сторону американской эскадры, — таковой нет.

— Все у них есть, — огорчил моряка Веточкин, — даже то, чего нет у нас, тоже есть.

Научный руководитель космических программ России академик Борнео Наум Васильевич, назначенный правительством и Президентом России научным руководителем экспедиции в квадрат “Улья Шершней”, разговаривал с зампреда

ЮНЕСКО, виднейшим океанологом, прикрепленным к ОМ ФСБ России, Стронгиным Львом Аксеновичем о звездах и океане. Они сидели рядом напротив экрана системы глобального слежения "Небо-вода" в рубке с аналитическим биоэлектронным центром "ПГ".

— Скажите, Наум Васильевич, вы доверяете науке? — ошарашил академика вопросом океанолог Стронгин и бросил настороженный взгляд в сторону "ПГ".

— Частично, — тоже покосился в сторону "ПГ" академик Борнео. — Наука — честное действие, хотя и приблизительное, то есть абсолютно лживое. Вы, конечно же, замечали, что основные аргументы в науке начинаются со слов "принято считать", "считается", все как в мафии, круговая порука. — Он снова бросил взгляд на "ПГ" и огорченно пробормотал: — Молчит.

Шел эксперимент: сможет ли биоэлектронный разум самостоятельно смоделировать алгоритм возникновения в слове таких эмоций как юмор, скептицизм, гнев, зависть, скрытое коварство, обида, отчаяние и тому подобное, это во-первых, а во-вторых, была предпринята попытка вовлечения "ПГ" не в примитивный диалог "вопрос-ответ", "задание-исполнение", "иди ко мне-пошел вон", а в более сложный, орнаментально-репликативный, с элементами непредсказуемости. Если упростить объяснения, то персонал, обслуживающий "ПГ", пытался сделать его "эксклюзивным индивидуалом с признаками творческого вдохновения и депрессивно-подпитывающих моментов".

— Вполне возможно, — пожал плечами Стронгин, — что это и есть проявление его индивидуальности. Почему он должен непременно говорить? Получается, что мы отучаем его от заданности заданностью, ожидаем ожидаемого.

— Ну да, — смутился Борнео, — это все Арктика. Северные широты склоняют к авторитаризму. Впрочем, — подавил в себе смущение Наум Васильевич, — южные тоже. Давайте вернемся к нашему разговору о доверии и недоверии науке. Внешнее доверие науке жизненно необходимо, это в первую очередь вопрос финансирования и условий для спокойной работы под защитой власти, в конце концов она без нас никуда негодная, но сама себе наука никогда не доверяла и доверять не будет. Я, конечно, говорю не о поденщиках и уж тем более не о ее поклонниках потребительского класса. Элиту влечет и вдохновляет эксперимент. Чтобы проверить свою гипотезу о катастрофе, мы готовы ее спровоцировать и умереть удовлетворенными при ее подтверждении. Видимо, кто-то там, — Борнео ткнул пальцем в потолок рубки, — заинтересован в результате этих опытов.

— Быстрее всего там. — Стронгин постучал ногой по полу и, кивнув в сторону потолка, объяснил: — Там слишком увлечены бесконечностью... О! Кажется, нам что-то хочет сказать индивидуал-самоучка.

— Болваны, — сообщил репродуцированным синтезисиликоновым голосом “ПГ” и подчеркнул сказанное бегущей по экрану строкой: — Я так и знал, что все люди болваны, давно исчерпавшие свой мизерный КПД, и паразиты на теле планеты.

— Придурок, — умилился Наум Васильевич, с отеческой заботой глядя на субстанционный блок развития биоэлектрического разума, — салажонок в период полового созревания.

— Максималист сопливый, — поддержал представителя своего вида Лев Аксенович Стронгин.

— Глубина здесь небольшая. Там, где хребты, всего-навсего четыреста метров, ну а в ямах поглубже будет, все четыре тысячи метров, — объяснил командир подводной лодки “Мурена”, капитан первого ранга и ученый биолог Филиппов Алексей Алексеевич полковнику Хромову. — А самый глубокий омут, что к северо-западу от Гринвича в районе Гренландского моря, почти шесть тысяч метров. Но дно здесь, конечно, с характером, да и поверхность с причудами. Бойтесь погружаться, полковник?

— Натура у меня такая, — развел руками Хромов, — боюсь слишком глубоко нырять и слишком высоко летать, особенно после обеда и не по работе. Но, вообще-то, я любопытный, интересно все-таки, что там, — Хромов восторженно посмотрел в просторы Северного Ледовитого океана, — под этими льдами.

— В принципе, — попытался удовлетворить любопытство полковника каперанг, — там творится черт знает что, но об этом как-то не принято говорить во всеуслышание. Во-первых, в этом месте на дне сплошные горы, и они по строению мало чем отличаются от гор суши. Во-вторых, ближе к центру, в районе хребта Гаккеля, зона землетрясений и действующих вулканов, но на самом дне сейсмоопасная притаенность присуща всей Арктике. “ПГ” просчитал, что в самом центре Северного полюса зреет вулканическое образование колоссальной мощности. По сути, этими расчетами “ПГ” сообщает о кардинальном и принципиально новом распределении климатических зон на Земном шаре в самое, что ни на есть, ближайшее время.

— Это как? — растерялся полковник Хромов. — У меня на даче под Мытищами будут пальмы расти?

— Почти, — одобрительно кивнул командир “Мурены” Хромову, и по его лицу было ясно, что он уже ясно видел Москву и свой родной Санкт-Петербург субтропиками. — Если верить “ПГ”, а ему надо верить, для этого он создан, вулканическое образование, которое вот-вот проклюнется в центре Северного полюса, вздыбится почти на две тысячи метров выше гималайской Джомолунгмы, а невероятное по силе извержение будет длиться шесть лет. — Филиппов восторженно посмотрел на Хромова. — И все здесь изменится.

— Шесть лет модного подогрева, ух ты! Но это ведь не отразится на здоровье людей?

— Какое здоровье, что вы, полковник? Это будет катастрофа для нынешнего человечества. Уцелеют только самые нецивилизованные и самые богатые и властные из цивилизованных, человек пятьсот, не больше.

Экипаж подводной лодки “Мурена” был составлен из двадцати человек: двенадцать членов команды, включая полковника Хромова, и восемь ученых. Это разделение было условным, все, кроме Хромова, имели прямое отношение к науке. Офицеры ВМФ подразделения “Касатки”, из которых состояла команда, все как один имели два высших образования, военное и гражданское, и научные специальности, связанные с изучением морей и океанов. Дефицит мест требовал от каждого члена экипажа многообразия здоровых и полезных навыков, умения отделять зерна истины от плевел эмоции. Лишь особая двусмысленность научной заинтересованности в квадрате 666 вынудила военно-научное командование “Града Китежа” включить в экипаж восьмерых ученых чистого вида, то есть не имеющих никакого отношения к ВМФ. Три американца, один англичанин и четверо российских представителей науки стали головной болью и предметом пристального внимания военизированного научного экипажа.

Стронгин Лев Аксенович был назначен на должность замкомандира “Мурены” по научной части и одновременно выполнял обязанности помощника штурмана по акустике и рельефности. Именно Стронгин настоял, чтобы в команду включили полковника Хромова в качестве “свободного эксперта”, у которого “оригинальный, свободный от науки и флота, взгляд на ситуации”...

— Протекционизмом занимаешься, Лев Аксенович, — упрекнул Стронгина Наум Васильевич, — но я не возражаю. Оригинальный дилетант в научной среде на ограниченном пространстве — это почти то же самое, что кусочек сахара в чашке кофе, сигарета после обеда и реплика Жванецкого для впавших в отчаяние.

— Ну, — слегка засомневался Стронгин, — допустим, от реплик Жванецкого иногда даже оптимисту хочется застрелиться, но в общем я согласен с вами, Хромов хороший человек и на дне Северного Ледовитого океана будет полезен.

Так полковник Хромов стал полярным и даже глубоководным исследователем. Тарас Веточкин тоже, конечно, рвался на дно океана, но с ним было проще. Его экстренно отозвали в Москву.

— Я тебя уверяю, — говорил другу полковник Хромов, — тебя не для вручения ордена вызывают.

— Ты там, на дне, будь осторожен, — пропустил Тарас замечание Хромова мимо ушей, — не открывай иллюминатор для проветривания, а то просквозит.

Глава двенадцатая

Сергей Иванович Байбаков, совсем недавно носивший кличку "Карандусик", уже не носил ее. В столичной финансово-банковской среде коллеги и друзья дали ему другую — "Байбак". Никто в его новом окружении не знал, кроме покровителей, что в недалеком прошлом он был обыкновенным пресс-секретарем Азово-Черноморского банка с непогашенной судимостью, а уж о том, что он сидел за изнасилование и убийство в зоне, никто даже и помыслить не мог. Сергей Иванович всей своей пухлой, улыбающейся, добродушно-обаятельной сутью не мог даже приблизительно ассоциироваться с образом уголовного. Тем более, что теперь у него все было погашено, вычищено и оформлено, а сам он был далеко не последним человеком в финансовом мире столицы. Да и не смог бы он уже повторить и помыслить преступление, совершенное в юности, он стал другим, испытывающим искреннее отвращение к примитивной уголовщине. Совесть тревожила его лишь в одном случае, да и то не очень. В конце концов он отвернулся от своего бывшего кореша и шефа Аскольда Иванова не из корысти или карьеры, а под мощным давлением. У него не было выбора, слишком неоспоримой оказалась сила, заставившая его предать Аскольда. Сила имела короткое имя — Власть, а Сергей Иванович благоговел перед нею. Такое отношение к власти не прошло даром для Сергея Ивановича, она заплатила ему своей благосклонностью, в данное время он был ни какой-нибудь бывший зек в должности пресс-секретаря двусмысленного банка с виртуальными активами, а одним из влиятельных, официально-затененных чиновников Банка России, чиновником-реорганизатором особого назначения. Он специализировался по выводу активов и банкротствам коммерческих банков, являлся своего рода секретным инспектором Департамента ЦБ по лицензированию кредитных организаций и аудиторских фирм, одновременно выполняя некоторые просьбы своих могущественных покровителей из мира Власть. После того как "московская группа" вышвырнула из своих рядов Аскольда Борисовича Иванова, прошло не так уж и много времени, но его вполне хватило для головокружительного карьерного роста "обайбаченного" бывшего Карандусика. Схема действий проста до гениальности: создавался солидный банк, с запланированной и тщательно замаскированной от непосвященных проблемностью в будущем, в активе которого присутствовали госбюджетные деньги, не менее двадцати пяти процентов от общей суммы активов банка. Затем туда внедрялся, по настоянию ЦБ, Сергей Иванович Байбаков в роли вице-президента банка. Спустя некоторое время, по надуманной причине, ЦБ лишал банк лицензии и тем самым развязывал своему "казачку" руки на выведение активов. Когда они выводились, лицензия, как торжество справедливости, возвращалась, и все — дело сделано. Антязаконные сделки по выводу активов, которые совершались в банке после отзыва

лицензии, становились законными при ее возвращении как бы задним числом. Никто ни к чему не придерется. Банк получал статус банкрота, бюджетные деньги компенсировались деньгами коммерческих структур, а все остальное как бы "сгорало", то есть оседало на счетах заинтересованных лиц. И то, что впоследствии в председателя правления банка и некоторых членов правления стреляют киллеры, уже никого не интересовало. Мавры сделали свое дело и пусть уходят. В Сергея Ивановича, как в пианиста, который играет чужую музыку, никто никогда не стрелял.

Вот и сейчас Байбак ехал на деловую встречу в элитный пансионат "Кедры-8", что в тридцати пяти километрах от Москвы. У него уже выработалась привычка к персональному автомобилю с водителем и с синим проблесковым маячком. В России все, что нельзя, на самом деле можно, нужно только взойти на ту ступень власти и денег, когда на закон можно не обращать внимания. Сергей Иванович слегка подремывал на заднем сиденье и мимоходом думал: "Все хорошо, а все равно плохо. Надо к морю съездить, да только и там будет все так хорошо, что снова будет хреново". Он слегка удивился своей мысленной философичности, но автомобиль уже мягко зашуршал по гравию подъездной аллеи к воротам пансионата "Кедры-8"...

— В Южном регионе организовывается сильный банк, — сообщил Сергею Ивановичу начальник Департамента ЦБ России по лицензированию, — с мощным уставным фондом и филиалами почти во всех крупных промышленных городах, имеющих дело с нефтью и теневыми деньгами. Это связано с открытием и началом разработки месторождения "бафометина" в Азовском море, неподалеку от Таганрога. Учредители — крупные нефтяные компании, а таганрогский металлургический завод выступает как юридический инициатор образования этого банка. Нефтяников это вполне устраивает, в отличие от монополий, к "Тагмету" нет никаких нареканий со стороны финансовых служб, его теневые обороты столь незначительны, что ничего кроме усмешки у налоговиков не вызывают. В общем, мы решили, что банк надежный и вполне достоин лицензии и работы с бюджетными деньгами. Думаю, они будут составлять не менее двадцати пяти процентов от уставного капитала. Двадцать процентов придутся на "Лукойл", двадцать на "Юкос", пятнадцать "Сибнефть", десять "Тагмет" и десять, плюс право на назначение президента банка, — у города. Думаю, что на должность вице-президента банка ЦБ будет активно рекомендовать вас, Сергей Иванович.

— Я с удовольствием, вы же знаете. А кто будет президентом банка?

Начальник Департамента пожал плечами и, отвернувшись от Сергея Ивановича, равнодушно сказал:

— Какой-то Иванов Аскольд Борисович.

Полковник Самсонов стоял спиной к Степе Басенку и Баркалову Игорю и смотрел в окно своего кабинета во двор управления, где Николай Стромов о чем-то разговаривал с участковым капитаном, отцом пропавшего без вести Славы Савоева. Затем он отошел от окна, сел в свое кресло и неохотно спросил у сидевших за столом оперативников:

— Ну и что здесь делают эмиссары московского “Альфа-Эко”, хотят наш металлургический завод к рукам прибрать?

— В общем, да, — согласился с полковником Игорь Баркалов. — Думаю, у них это получится, раз они московские, тем более, что они пытаются это сделать уже года два, выкупают акции где надо и где не надо.

— С чего это они, — удивился Самсонов, — так озаботились трубным бизнесом России, воду, что ли, на свои дачи в Подмосковье хотят провести или просто деньги срубить по-легкому на перепродаже завода? Могли бы и в Москве что-нибудь придумать, деньги бюджетные какие-нибудь прикарманить или еще что-нибудь украсть, да мало ли в столице возможностей?

— Видимо, не могут, — пожал плечами Игорь Баркалов, — или боятся. Там ведь застрелят и фамилии не спросят, власть-то рядом, через каждый шаг на министра внутренних дел натыкаешься, а здесь они имеют двадцать процентов акций “Тагмета” и даже союзников из числа бывшего руководства.

— Да, — тоскливо вздохнул Самсонов и снова подошел к окну посмотреть на шеренгу новеньких патрульных машин “Нива-Ниссан” во дворе управления, подарок нынешнего высшего менеджмента завода. — Ну, а мы с какого боку в этом деле? Они там свою свадьбу пляшут, и, как ни крути, мы лишние. Криминала нет, и все, адьо. — Полковник Самсонов показал руками, как выглядит в его представлении “адьо”. — И Видаш, между прочим, не ягненок, он сожрет любого волка вместе с клыками, и вообще, почему Видаш, когда его настоящая фамилия Бидаш?

— При получении паспорта, — объяснил Игорь, — паспортистка на одну букву ошиблась, да так на всю жизнь и осталось.

— Кстати, — подал голос до этого молчавший Степа Басенок, — криминал в этом деле есть, так что можно и без “адьо” обойтись...

Капитолина Витальевна Шацкая внимательно посмотрела на дочь белокожего мужчины и темнокожей женщины Любочку Кракол и спросила:

— Милая, ты мне можешь отнести одному нашему знакомому мужчине семьсот тысяч долларов в подарок?

— А он не подавится таким подарком? — живо заинтересовалась Любочка и, помолчав, уточнила: — Иванову, что ли?

Капитолина Витальевна молча закрыла и открыла глаза.

— А как же тот, за кого мы в ответе, — на всякий случай подстраховалась Любочка, — ленивый ясновидец Углокамушкин? Это ведь его деньги? — Немного помолчав, глядя на присевшую у зеркала Капу, она сама себе же и ответила: — Нет, не его деньги. Мы отнесем их в полночь.

— Ага, — оторвалась Капа от зеркала, — ночью. Ты еще предложи помело и ступу, Любочка. Мы отнесем их сегодня, — она взглянула на стену, где висели освещенные законным солнцем часы, — в полдень.

Аскольд Борисович Иванов стоял на самом краю волнореза, чуть ли не на двести метров ушедшего от берега в море, и пытался понять ситуацию, которая начала складываться вокруг него. Азовское море в этот утренний час было похоже на лишенную каких-либо амбиций женщину и на прозу Александра Грина. Оно навевало какие-то неясные опасения и легкую тоску по неосуществленным путешествиям. Аскольд Борисович понимал, что стремление к богатству, к обладанию большими деньгами — это один из элементов страха перед жизнью, людьми и будущим, в котором видимые плюсы рано или поздно обретают контуры окончательного минуса. Для того чтобы большими деньгами оградиться от собственного страха, нужна точно выверенная и глубоко осмысленная отвага, а это дано не каждому. Могилы бизнесменов на российских кладбищах тому доказательство. Лежащие в земле делали ставку на рывок риска, приняв свое самомнение за печать удачи, тогда как деньги предназначены не для риска, а для смягчения последствий от него. Тот, кто это понимает, тому они и подчиняются. В них не стреляют киллеры. Самолеты не падают вместе с ними на землю, автомобили не попадают в аварию, им не грозят банкротства. Эти люди четко понимают: чтобы спастись от страха перед жизнью большими деньгами, необходимо лелеять и качественно увеличивать этот страх.

Аскольд Иванов почувствовал, что он слишком долго и демонстративно стоит на краю волнореза в полном одиночестве и, повернувшись спиной к морю, покинул его, понимая, что вся прелесть неосуществленных путешествий в их неосуществимости. Сойдя с волнореза на песчаный безлюдный пляж, Аскольд Иванов отбросил в сторону сентиментальность и взглянул на мир с точки зрения человека, желающего овладеть его — мира — активами. Он принял предложение высшего менеджмента "Тагмета" возглавить ассоциированный банк развития "Шлейф-Баф", учрежденный в Таганроге при содействии местной и областной администраций с привлечением капитала крупных нефтяных компаний и денег из госбюджета. Аскольд Борисович знал эту схему, когда ЦБ относительно честно и относительно законно отнимает деньги у частного капитала и на-

правляет их на счета антикризисного секретного фонда Правительства России, попутно немного присваивая на личные нужды для своих чиновников. Миллион, два миллиона долларов в месяц не такие уж и большие деньги. Аскольд Борисович понимал, что в этой схеме наиболее сильно пострадает "Тагмет", как наименее искушенный и сделавший ставку на его, Аскольда Иванова, опыт банкира. Нефтяные компании куда как осторожнее и опытнее, потери такого рода они воспринимают как завуалированную дачу взятки и поэтому шума не поднимают. О том, какая роль уготована лично ему, Аскольд Борисович догадывался: лет двадцать тюрьмы или пуля киллера в голове, но все дело было в том, что на этот раз им двигало не желание вернуть свои утраченные позиции в мире бизнеса, а чувствомести, самое сладостное, хотя и абсолютно лакейское по содержанию.

Капитолина Витальевна Шацкая и Любовь Александровна Кракол вышли из такси возле дома двадцать четыре по Ружейному переулку в 11.45 утра и одновременно посмотрели на небо. Оно было без единого облачка, синее и, как всегда, загадочное. Дом находился в глубине двора и был со всех сторон окружен яблоневыми, вишневыми, абрикосовыми и сливовыми деревьями, у штакетного забора росли кустарники крыжовника, красной смородины, а возле калитки разросся шиповник. Капитолина Витальевна подергала за ручку калитки и с усмешкой посмотрела на Любочку:

— Я решила оседлать Аскольда Иванова. По-моему, он соскучился по семейной жизни без моего участия.

— Я тоже так думаю, — согласно кивнула головой Любочка, — и Танюша так считает. Пора ему, бедняжке, узнать, что такое истинное счастье. Надеюсь, ты в него не влюблена?

— Что ты, — удивилась Капа и еще раз дернула за ручку, — он мне просто нравится. К тому же, у него все запутано в жизни, я хочу его вывести в люди, проверить свою квалификацию...

— О-го-го! — появился на тропинке, ведущей от дома к калитке, городской придурок могильщик Ноткин. — Чтоб меня подняло, козлину, да гэпнуло, какие тетки к нам приплыли из Одессы, я весь в экстазе. Люба, Капа! — Ноткин всплескивал руками от восторга. — За что мне столько чести в час нежданный? — Он распахнул калитку и отвесил поклон, приглашая женщин войти.

— Валера, — небрежно похлопала его по щеке Любочка, — как дела на подведомственной тебе территории?

— Все хорошо, — заулыбался польщенный вниманием Ноткин. — На этой неделе хоронят в основном тридцатилетних мужчин.

— Потом, потом, — махнула рукой Любочка, — не сейчас. Я о твоём доме спрашиваю.

— Могила, — профессионально пошутил Ноткин, — всегда для человека дом родной.

— Валерчик, а мы в гости к твоему соседу.

— Конечно, Капа, — готовно закивал головой Ноткин, — но его сейчас нет.

— Неважно, — оборвала его Любочка, — откроешь двери в его половину,пустишь Капу, а затем закроешь.

— Слушаюсь и повинуюсь, моя повелительница.

Аскольд Иванов не мог понять авантюризма крупных акционеров “Тагмета”, которые решили продвигать на место председателя правления банка именно его, окруженного двусмысленностями и плохой, хотя и ложной, репутацией. На одно лишь землячество вряд ли кто сделает ставку, и уж тем более никто не даст под это денег. Аскольд понимал, что ему не плохо было бы иметь для начала полмиллиона долларов, которых вполне хватило бы для того, чтобы начать осуществлять свою задумку. Такую сумму не так уж и сложно достать, дал бы тот же самый Видаш, но Аскольду нужны были деньги, о которых никто не знает. В данной, банковской, ситуации его явно подставляли и тоже были заинтересованы в том, чтобы у него не было денег в том количестве, которое предусматривает некоторую свободу действий. Аскольд это понимал, но не понимал, за что и кто его хочет вывести за скобки активной, да и вообще какой-либо жизни. Ему осталось лишь сожалеть о нелепой смерти Самвела Тер-Огонесяна, с которым его связывали хорошие и многолетние деловые отношения и которому он оставил так называемую “реанимационную записку” на самый, что ни на есть, черный день. Теперь пришлось забыть о тех семисот шестидесяти тысячах зеленого наваждения. Самвел его обманул смертью, живой он этого не сделал бы.

Аскольд подошел к своему дому и почувствовал, что там кто-то есть. Секунду подумав, он все-таки решил обойти все комнаты и подняться на чердак, переоборудованный в летнюю мансарду. Там в жестком кресле с высокой спинкой восседала, словно королева, какая-то женщина. У ног ее стояла хозяйственная сумка.

Взглянув на женщину, Аскольд мгновенно понял, что пропал — влюбился с первого взгляда и навсегда. Он восторженно замер, затаив дыхание, а затем тихо спросил:

— Вы ангел или просто сон о прекрасном?

— Я Шацкая, — грациозно поднялась с кресла Капитолина Витальевна. — Я принесла вам ваши деньги, Иванов.

Глава тринадцатая

Блин, я думал ясновидение — это прикольно, а это, оказывается, жутковато и холодно. Да и то, какой приколом можно обнаружить в знании, что на земле начинается эпоха смены магнитных полюсов Земли?..

Саша Углокамушкин остановился возле МГУ и спросил у проходившего мимо парня:

— Где здесь физико-математический факультет?

— Это я, — студент ткнул себя в грудь пальцем, — я физико-математический факультет. Что надо?

— Я серьезно, — улыбнулся Саша Углокамушкин и, проведя ребром ладони по горлу, уточнил: — Во как надо...

И в этот момент вокруг Саши все стало безмолвным и холодным.

— Поль Нгуганба, — обратился он к студенту. — Ты — Поль Нгуганба?

— Да нет, — студент задумчиво взглянула на него. — Я Геннадий Скориков. А что тебе надо?

— Мне бы профессора Кривицкого Юрия Аркадьевича увидеть, — постепенно пришел в себя Углокамушкин.

— Пошли, покажу, — кивнул студент.

Профессор Кривицкий, один из крупнейших ученых мира, специалист в области процессов, происходящих внутри земного шара, сейсмолог и доктор геолого-минералогических наук, автор теории о воздействии литосферы на качество физического тела, помещенного в центр петли времени с отрицательной тахионной энергетикой, стоял перед аудиторией в семьдесят человек, студентов факультета журналистики, и вбивал в их головы общее представление об анатомии Земли, посвящая этому занятию восемь часов в семестр и понимая, что будущие журналисты совсем не та публика, которой нужны фундаментальные знания о внутриземном мире. Поэтому Юрий Аркадьевич упростил свои факультативные лекции до уровня "Отовсюду обо всем занимательно".

— Видите ли, господа будущие журналисты, — говорил он, ни капли не смущаясь, — между журналистикой и вулканологией нет никакой разницы. И то, и другое — видимый результат глубинных процессов. Земля, в принципе, это гироскоп, вращающийся внутри сферы. По современным понятиям внутри Земли имеется твердое ядро, и оно вертится как волчок. Ось вращения ядра лежит в плоскости земного экватора и медленно перемещается по ней с востока на запад. Конечно, перемещение масс материи в различных слоях земли вызывает трения, которые нельзя назвать слабыми, но вас это не должно заботить, тем более, что это вообще никого не заботит до той поры, пока все не закончится переворотом ядра на 180 градусов.

— И что же произойдет, господин профессор, упадет курс доллара? — выкрикнул с места долговязый рыжий студент.

— Можно сказать и так, — улыбнулся Кривицкий. — Возникнет петля времени, а что это такое, в оставшиеся пять минут лекции я объяснить не смогу, для этого потребуется лет пять вашего заинтересованного внимания. Но вкратце это очень хоро-

шо объясняется известной английской эпиграммой в маршаковском переводе: /Сегодня в полдень пущена ракета./ Она летит куда скорее света./ И долетит до цели в семь утра /Вчера.../.

— То есть, — попытался выяснить все тот же рыжеволосый студент, — внутри земного шара как бы действует машина времени?

— Ну, если вы так хотите, — неожиданно громко и весело расхохотался профессор, — то как бы да.

По окончании лекции Юрий Аркадьевич решил зайти в ректорат и в конце концов выяснить, кто он — доктор наук или так просто, геолог недобитый. Если доктор наук, то пусть увеличат оклад до семи тысяч в месяц, а если геолог недобитый, то пусть добыют. Взятку ему, по крайней мере, никто не дает.

— Простите, вы профессор Кривицкий? — вкрадчиво поинтересовался у него молодой человек, по виду старшекурсник, и представился: — Моя фамилия Углокамушкин, зовите меня Саша, я пророк с ментальными проявлениями ясновидения. — Саша почему-то решил, что таким представлением он будет выглядеть более солидно в глазах ученого.

— Ну что вы, молодой человек, — благодушно заулыбался Кривицкий, — разве я похож на знаменитого профессора Кривицкого, что вы, я как говорится, рылом не вышел. Юрий Аркадьевич находится вон там, — Кривицкий показал рукой в дальний конец коридора, — повернете и до конца...

— Юрий Аркадьевич, профессор Кривицкий! — Помахивая поднятой вверх рукой, к ним подходила завкафедрой журналистка Леонила Бриз. — Мне просто необходимо с вами переговорить по одному делу.

Юрий Аркадьевич и Леонила Альбертовна Бриз чувствовали друг к другу "негромкое" сексуальное влечение, начавшее трансформироваться в большую любовь. Кривицкий еще раз пристально посмотрел на начавшего недоумевать "пророка".

— Я не Кривицкий, — с оскорбленно-вызывающим видом заявил он Леониле Альбертовне. — Что это сегодня меня все путают с профессором? Я на него ни капли не похож. У него туфли черные, а у меня — вот, — он даже приподнял штанину, — коричневые с зелеными шнурками.

Леонила Бриз сразу все поняла, а после демонстрации Юрием Аркадьевичем зеленого на коричневом, даже поняла, что профессора надо спасать.

— Извините, Валерий Игнатьевич, — смущенно закрыла она лицо руками, сквозь пальцы бросая взгляд на Углокамушкина. — Я вас приняла за Кривицкого, надо же. А вы этого идиота Кривицкого случайно нигде не встречали?

— Кого? — возмутился Юрий Аркадьевич и окинул Леонилу Альбертовну пренебрежительным взглядом. — Сами вы идиотка и конъюнктурщица.

— А что вам, собственно, надо от него? — поинтересовалась Леонила Бриз.

— Да мне, — Саша уже всерьез подумывал о том, чтобы “сделать ноги” из храма науки, но, вспомнив, что его ждут с результатами Мармик и Лаперуза, вытащил из-под свитера компьютерные распечатки фотоснимка литосферно-амплитудных схем, фиксирующих новообразования в районе Северного и Южного полюсов, — мне консультация по поводу нездоровых процессов внутри земного шара необходима...

— Никаких там процессов нет, — выдернул Кривицкий листы из рук Саши Углокамушкина, — кроме тех, что есть. Откуда у вас эти данные, молодой человек? Я так сразу ничего не могу сказать, мне нужно с этим, — он потряс пачкой распечаток в руке, — поработать в спокойной обстановке дома. Если вас интересует мое мнение, оставьте это мне и давайте встретимся, скажем, в понедельник. Здесь же, в университете.

— А вы кто? — Саша с недоумением посмотрел на профессора. — Вы вулканологи?

— Я журналистка, — отчеканила Леонила Альбертовна, — а это Кривицкий, сволочь эгоистичная, но один из лучших специалистов мира в том, что касается недр Земли. А то, что он отказывается признать себя таковым, а я подыграла, так это естественно, трудно найти человека, который хотя бы раз в месяц не отказывался сам от себя при массовой поддержке окружающих, но обычно это происходит по нескольку раз в день. Так принимаете предложение профессора Кривицкого, или я вас познакомлю с другим специалистом?

— Да, конечно, — поспешно согласился Саша, ибо ему нужно было передать эти материалы только Кривицкому и никому другому. — Я готов ждать Юрия Аркадьевича сколько угодно, а не то что до понедельника.

Первыми забили тревогу в МВД России, обнаружив, что аппаратура СОРМ (Система оперативно-розыскных мероприятий), установленная во всех фирмах, предоставляющих доступ в Интернет, бессильна вычислить местонахождение хакера под ником (псевдоним в Сети) “Око вселенной”. Провайдеры лишь разводили руками: “Нет у нас такого клиента”. Вторым, после того как произошло вторжение в компьютерные системы ряда министерств России и в банки данных РАН с полным забором и последующим возвращением информации обеспокоилось Управление компьютерной и информационной безопасности ФСБ России. После уточнения некоторых деталей вторжения и получения дополнительной информации беспокойство сменилось задумчивой тревогой. Хакер был непросчитываемым и, на взгляд оперативников, сумасшедшим. Как бы в подтверждение их мыслей, пресса, сначала вскользь, основываясь на смутных сведениях невнятных источников, затем более полно “взорвалась” заголовка-

ми передовиц: “Хакер под ником “Око Вселенной” — Бог!”; “Господи, спаси Интернет!”; “Возвращение мозгов в голову!”; “Остановите Землю, я сойду!”.

В течение короткого времени всемогущий хакер “обезличил” правительственные сайты США, Китая, Германии, России, Франции и Англии. В одночасье дала сбой и зависла компьютерная система управления Японии, Канады и Австралии. Не играло никакой роли, подключена ли система к открытой сети или действовала в автономно-ведомственном режиме, хакер приходил везде и везде чувствовал себя хозяином положения. Ни секунды не сомневаясь, “Око Вселенной” проник в банки данных ВВС США и стран НАТО, разрушив всю систему управления ВВС и носителей ядерного оружия. Он “вошел” в Центр космических исследований имени Кеннеди, в базу данных командования ВМС США, ВМС России, морской национальной лаборатории имени Лоуренса и центр морских исследований России. Хакер “вошел” в любой дом и, если требовалось, “забирал” информацию с индивидуальных компьютеров. Фирменным знаком “Ока Вселенной” было появление на экранах, подвергшихся вторжению компьютеров, кисти руки с шестью пальцами, отталкивающей-загораживающей и безобразно-красивой формы.

Службы внутренней безопасности всех силовых ведомств развитых стран в полную силу разрабатывали версию о предателях внутри подразделений по борьбе с кибер-электронной преступностью и даже внутри себя самих, но кроме рядовых “оборотней” пескарино калибра ничего не обнаружилось. Хакерство же такого масштаба должно было прикрываться, как минимум, всею государственной и — черт побери! — сатанинской мощью.

Люди не замечают чудес лишь по той причине, что не верят в них, это во-первых, а во-вторых, люди, сталкиваясь с необъяснимыми чудесами ежедневно, не обращают на них внимания...

Родители Толика Лаперуза, артисты Ленкома, редко бывали в своей “базовой”, четырехкомнатной квартире в центре Москвы. У них имелись две “двушки” в разных концах столицы, джип — у папы, “соната” — у мамы, загородный дом на двоих и масса поклонников обоего пола, что говорило о явном присутствии таланта в их артистических телах. Но все-таки они иногда заходили навесить своего сына, играя при этом роль “возвращающихся домой с тяжелой работы в условиях Крайнего Севера” или “старых друзей, заглянувших на огонек к своему непутевому, но любимому другу детства”. И в том и в другом случае имели место нравоучения и советы, и в том и в другом случае Толик не обращал на это внимания. В это утро родители решили навесить сына без предварительной договоренности с ним и между собой.

— Здравствуйте, — буркнул отец, появляясь в проеме кухонной двери и демонстрируя находящимся там Толику, Саше Углокамушкину и Ксюше Мармик свое триумфально-старееющее ли-

цо. — Устал как собака, налей мне чашку чая, сын, и познакомь с друзьями, впрочем, — артист несколько ошарашенно посмотрел на Ксюшу Мармик, — я, кажется, и в этом облике готов узнать хронически неузнаваемую Ксению.

— Ну вот, — огорчилась Ксюша и с печалью посмотрела на Лаперузу и Углокамушкина, — узнали.

На голове Ксюши Мармик было сооружено нечто спиралевидное, раскрашенное в кричащие кислотные цвета. В мажорствующей среде это называлось экстремальной прической. Лицо Ксюши было в боевом раскрасе спецназовца, плюс утрированные “кошачьи глаза” на верхних веках, юбка “вуаля” камуфляжного цвета, колготки-милитари, куртка-дудун без рукавов песочного цвета, милые ботинки малинового цвета на толстой подошве радужных оттенков.

— Ну и узнал, ну и что здесь такого, — взял артист из рук сына чашку с чаем и сел за стол напротив Ксюши. — У меня профессиональное видение, я человека в любом гриме и после любой пластической операции узнаю. Как я понял, вам нужно, чтобы Ксюша была неузнаваемой.

— Это мой друг, Саша Углокамушкин, телерепортер, а это мой отец, Николай Петрович. Да, — объяснил Толик, — мы хотели сделать Ксюшу неузнаваемой даже для родителей, если бы они увидели ее на экране телевизора.

В это время щелкнула входная дверь, и через мгновение в кухню вступила женщина в английско-ирландского стиля пончо, желтых вельветовых брюках, белых с золотом босоножках на тонких высоких каблуках и с психоделической акцентацией тонов в макияже. В левом ухе женщины болталась сережка-череп из туманного цвета драгоценного опала.

— Чем могу быть полезен? — галантно встрепенулся Николай Петрович, вскакивая с места и предлагая женщине стул. — Я польщен, что у вас есть ключ от нашей квартиры.

— Мама! — Толик подошел к женщине и, поцеловав ее в подставленную щеку, указал на отца: — Это мой папа и твой муж, Николай Петрович.

— Марина, — ничуть не смутился артист, целуя супругу, — я так устал от лицедейства и событий в мире, что даже не смог узнать тебя в первые секунды света, исходящего от твоего лица.

— Ну да, — улыбнулась Марина Яковлевна, с интересом оглядывая участников кухонной сцены, — ты прав — мир переполнен событиями. Ливадеев, подлец, снова сошелся с Ингой и снял “Венецианского купца” с репертуара.

— Дорогая, — Николай Петрович залпом выпил остывший чай и поморщился как от водки, — “Венецианского купца” нельзя снять с репертуара, но я с тобой согласен, Инга стерва и как артистка мало привлекательна, я уже не говорю об этой законченной сволочи Ливадееве. Кстати, Ксюша, — отвлекся от мировых

событий артист, — тебе нужен к твоему раскрасу отвлекающий штрих, вот как у Марины, череп в ухе. — Он указал пальцем на супругу, приступившую к изучению холодильника и выбрасыванию оттуда негодных, на ее взгляд, продуктов. — Он выполняет роль блестящей палочки в руках гипнотизера.

— Точно, — согласилась с ним Ксюша, — нужен череп.

Саша Углокамушкин молчаливо восхищался родителями Толика Лаперузы. Они были естественны, как звезды. На них можно было не обращать внимания.

— Зачем тебе череп? — сразу же въехала в проблему Марина Яковлевна. — Если хочешь, чтобы тебя не узнавали на экране в соло-исполнении, наложи на лицо театральные символы.

“Половина лица — черный грим, половина — белый, — мысленно представил Саша Углокамушкин, — черта ассиметричного проявления настроения в уголках увеличенного алым рта”.

— И на голове фиолетовая шапочка, — мельком взглянул на Ксюшу Николай Петрович, заодно поинтересовавшись у сына: — Чем это вы занимаетесь, почему не на занятиях?

— Коля, — раздался голос Марины Яковлевны из глубин холодильника, — ты поглупел. Сыну уже двадцать два года, и он зарабатывает в два раза больше нас с тобой. Кстати, — она прищурившись посмотрела на Сашу, — у вас идеальное лицо для роли тоталитарного соблазителя.

— Не может быть! — Николай Петрович быстро подошел к Саше, охватил его голову двумя руками и большими пальцами оттянул ему нижние веки, внимательно разглядывая зрачки. — Что-то есть, но не для театра.

— Сколько кошмара, — вздохнула Марина Яковлевна, выбрасывая в пластиковый мешок для мусора пакеты с чипсами и упаковку быстрорастворимого супа, до этого она уже отправила туда полуфабрикатные шницеля. — В Москве не осталось ни одной престижной творческой профессии, кроме гангстеризма, стриптиза и депутата государственной думы. Пойду посмотрю, что у тебя творится в комнате.

— Мама, — испуганно попросил ее Толик, — только ни к чему там не прикасайся руками.

— Хорошо. А почему у тебя рука в перчатке, что-то случилось?

— Да, — кивнул головой Толик, — вырос шестой палец, а вместо ногтей — драгоценности.

— Прекрати, — оборвал сына Николай Петрович, — как ты разговариваешь с матерью?

— Нормально он разговаривает, — проговорила Марина Яковлевна, покидая кухню, — правдиво и уважительно...

— Ну нет, — доложил полковник Грюнвальд главе ГРУ, входя в кабинет, — это наглость.

— Конечно, наглость, — поддержал полковника Николай Олегович Дождь, идя ему навстречу. — Америка вообще не имеет права на существование после уничтожения индейцев на своей территории и пристрастия к хэпши-эндам.

— Я не об этом, — удивил генерал-полковника Грюнвальд. — Нас обокрали, вычистили все из блока “Монаха”, а он у нас не был выведен на открытую систему, даже на “Миус” не выводился, работал в режиме прямой связи, на луче.

— Но это же невозможно, — растерялся генерал-полковник и потребовал: — прошу вас поподробнее, пожалуйста, и... — Он нажал клавишу экстренного соединения с начальником Генштаба Минобороны. — Это же почти начало третьей мировой войны. Если тебе с бодуна, конечно, не примерещилось.

— Что это, сынок? — вернулась на кухню Марина Яковлевна, держа в руке компьютерные распечатки. — Я хотя и далека от всех ваших компьютерных заморочек, но совсем не дура. Откуда вы скачали эту страшную инфу? Посмотри. — Она сунула в руки мужу пачку распечаток. — Наш сын вторгся на серверы Пентагона, НАСА, ЦРУ, ФСБ, ГРУ и какого-то тайного компьютера “Монах”, который классифицируется как “пульт управления миром”. Надо выглянуть в окно, вполне возможно, что уже началась война, и в Москве идут уличные бои.

— Мама, — укоризненно посмотрел на мать Толик, — я же просил тебя ничего не трогать.

— Это игра такая интернетовская. — Ксюша повертелась перед Мариной Яковлевной, демонстрируя свое милитаристское одеяние. — Очень популярная в Москве среди нетчиков, перцы просто балдеют от нее.

— Да, — поддержал Ксюшу Саша Углокамушкин, — она почти во всех ларьках продается.

— Ну вот, — облегченно вздохнул Николай Петрович, возвращая супруге распечатки, — а ты говорила, что не дура.

Профессор Кривицкий немного походил по комнате, а затем снял трубку и позвонил своему давнему приятелю и почти что коллеге по педагогической деятельности Сибирякову.

— Это тебе в оперативный отдел ФСБ надо позвонить, — посоветовал, внимательно выслушав Кривицкого, генерал-лейтенант. — Я сейчас несколько в другом направлении работаю, впрочем, — отринул от себя заботы Антон Ферапонтович, — я тебе как педагогу помогу. Значит, говоришь, молодой человек принес тебе снимки с изображением новообразований в мантии на уровне границы Гутенберга под Северным и Южным полюсами... Стой-ка... Это же почти три тысячи километров в глубь земли, какие, к черту, снимки? Гони-ка ты, Кривицкий, этого молодого человека прямым ходом к психиатру, а еще лучше обходи его десятой дорогой.

— Я бы с удовольствием, — вздохнул Юрий Аркадьевич, — но на снимках спутниковая лучевая отбивка, и сняты они с диапазона активного лучевого компьютера непрограммированно-расчетного действия. Это компьютер разведки, я его знаю, он крадет информацию со спутников “Розат” и “Сакс” НАСА. Наша кафедра не раз получала информацию из ГРУ, но такой информацией разведка обычно не разбрасывается. Речь идет о формировании гигантских вулканов, более пятисот километров диаметра в основании, и не где-нибудь, а на полюсах. По сути — это катастрофа для человечества. Магнитное поле Земли при таком раскладе поменяется в течение нескольких лет, а если помнить, что внешняя литосфера в районе полюсов держит на себе всего десять километров земной коры, то извержение таких вулканических монстров может привести не только к изменению магнитного поля Земли, но и спровоцировать попытки расплавленного металлического ядра внутри обрести самостоятельность вне ее...

Юрий Аркадьевич не мог видеть, что сразу же после упоминания им о спутниковой природе переданных ему снимков Антон Ферапонтович Сибиряков, начальник высшей школы СВР, генерал-лейтенант ФСБ, вскрыл экстренный код пароля на своем КПК (карманный персональный компьютер), так называемом “наладочечнике”, и через РДА-телефон вывел разговор на спецсвязь “Миус”. Поэтому Юрий Аркадьевич не догадывался, что его очень внимательно, глубоко задумавшись, слушают директор ФСБ, глава СВР и, страдальчески морщась, как от зубной боли, Дождь Николай Олегович, начальник ГРУ.

— Ну хорошо, Юрий Аркадьевич, — печально вздохнул Антон Ферапонтович, — я сейчас обо всем доложу высшему начальству и тебе перезвоню. Перепугал ты меня до колик своими сообщениями. Ты сам-то, старина, как, здоровье не подводит? А то у меня последнее время, — решил сгладить бестактность вопроса Сибиряков, — ногти что-то плохо стали расти. То раза четыре за месяц подстригаю, а теперь и раз в полгода руки не доходят.

— Да здоров я, здоров, — проворчал Юрий Аркадьевич, — ногти у него, видишь, плохо растут, дипломат хренов.

— Здесь даже скрывать уже нечего, — сообщил в “Миус” генерал-полковник Дождь. — Именно эту информацию и сперли у “Монаха”, самое интересное, что она как раз для Кривицкого и предназначалась. Как специалист, он должен был прокомментировать полученные из космоса снимки, и вот, — печально возмутился Николай Олегович, — объяснил, зараза.

— Я думаю, — появился в “Миусе” голос директора ФСБ, — что кроме Кривицкого есть и другие специалисты. Я почти уверен, что они тоже должны высказаться по этому поводу, прежде чем говорить о гибели мира.

— Что вы, — мягко вплыл в разговор глава СВР, — мир ни в коем случае не погибнет, но зато основная часть человечества слямзится.

— Да ни черта никто не слямзится, тем более от вулканов и какого-то там магнитного поля в неустановленном месте, — решил поддержать разговор о трансцендентальном глава ГРУ. — Быстрее от трермобарической бомбы БЛВ-300-А потолок на голову упадет. Америкосы недавно шарахнули такой в Афгане, так всю Южную и центральную Азию трясло на шесть баллов.

— В принципе — да, — согласился с Николаем Олеговичем Михаил Григорьевич Волхв. — До вулканов еще дожить надо, а вот хакер, наглец, очень беспокоит, да еще с ником таким претенциозным. Я уже дал команду, чтобы этого молодого человека, что принес снимки профессору, поводили по столице, ознакомились, так сказать, с его светской жизнью.

— Его фамилия Углокамушкин, — неожиданно вмешался в разговор Сибириakov. — Я уже проверял, фамилия вымышленная.

— Вы думаете, — усмехнулся в “Миус” Тропарев, — он придет в понедельник за результатами? А вы, Антон Ферапонтович, зайдите ко мне вечером. Уточнить кое-что нужно.

— Нет, не придет, — зевнул в “Миус” Волхв, — но команду проследить я все-таки дал...

— Вам бы только следить! — Звонкий девичий голос свежим ветром пронесся по “Миусу”. — Вы бы лучше коррупцию в стране извели, силовики несчастные...

— Простите, — не потерял присутствия духа в шоковой ситуации Волхв, — вы сначала представьтесь, как положено в приличном обществе, а затем уж обвиняйте.

— Ксюша, — сообщила девушка спецэфиру, — Ксюша Мармик, телеведущая... Ой!

У спецсилового бомонда России создалось впечатление, что девичий голос кто-то буквально выдернул из пространства канала внутренней связи, минуту назад самого надежного в мире.

— Вот так-то, — подвел итог в эфире глава СВР, — мы и живем в условиях современных реалий.

Глава четырнадцатая

Гордость научной мысли США, первый межпланетный корабль с хроногиперболизированным двигателем — “Хазар”, нуждался еще в одной, то есть основной, детали: в маленьких, не более спичечного коробка, брикетиках замороженного вакуума. До открытия “бафометина” процесс замораживания вакуума был невероятно трудоемким, опасным и долговременным. Теперь же эта задача значительно упростилась. Как бы фантастически это ни звучало, но одного микробареля суперэнергетики неясного происхождения хватало на заморозку вакуума объемом более миллиарда кубических километров. Лабораторная энергосистем-

ная камера "Эль-800", созданная Клэр Гастинг, в режиме сфокусированного нейтринного потока, извлекаемого из специальных ловушек, вещество которых способно взаимодействовать со сталкивающимися с ними на своем пути нейтрино (масса нейтрино очень маленькая: меньше 1/25000 массы электрона), создавала внутри себя такую гравитационную энергию "бафометинного" излучения, что из-за повышения кинетического движения молекул оно раскалялось, достигая температуры порядка 3-х миллионов градусов и постепенно трансформировалось в анти-массу обратного втягивающегося рентген-излучения, создающего предпосылки для вакуумного образования принципиально новой формации и такой тяжелой пустотности, что даже малейшее соприкосновение с нейтрализующим раздражителем делало вакуумспейс-формации зафиксированным в массе и форме. Если упростить объяснения, то в одном брикете замороженного, благодаря Клэр Гастинг, вакуума содержалась энергия, свойственная "черным дырам" нашей галактики, но, конечно же, куда как в меньших масштабах и абсолютно, в отличие от "оригинала", управляемая человеком. Одно "брикет", на создание которого уходило 72 микробарреля модифицированного "бафометина" (это более чем пятьсот тысяч гектолитров "бафометина" сырца), хватало на преодоление 620 миллионов километров космического расстояния или на достижение параболической скорости для преодоления гравитации Юпитера. Для полного энергообеспечения "Хазара" требовалось более сотни стандартных "брикетов" замороженного вакуума. Само собой, для этого нужен был "бафометин", то есть еще один немаловажный довод в пользу союза с Россией...

— Джон, — Олег Антонов выглядел усталым, — ты не боишься применять хроногиперболизированный двигатель на покрытие такого малого расстояния? Юпитер — все-таки планета Солнечной системы. Даже лабораторные испытания показали большую вероятность непредсказуемого развития ситуации.

— Во-первых, Юпитер — это не "все-таки". — Джон Карри внимательно рассматривал на мониторе "Отшельника" данные с ОАО-2, спутника, наблюдающего за космосом в ультрафиолетовом диапазоне. — А во-вторых, если в моей жизни исчезнет непредсказуемость, то я повешусь, в надежде, что после смерти она появится. — Джон Карри после угрозы Клэр Гастинг покинуть супружеское ложе навсегда, если он будет осторожничать и перестраховываться, стал дерзким и отважным. — Черт! — восхитился он. — Забавно. Вот вам, коллега, и непредсказуемость.

— Что там? — Олег Антонов подошел к астрофизическим экранам "Отшельника", передающим данные и прямое изображение с космического телескопа "Хаббл" и спутников неоптической астрономии. — Удивите и меня непредсказуемостью в ультрафиолетовом диапазоне.

— Пожалуйста, коллега, смотрите. На что похоже вот это холодное газовое гало в спектре сверхновой SN1987A? Оно измени-

лось в течение часа, а до этого двадцать лет считалось чуть ли не стационарным... Боже! Ну вот! В данную минуту в гигантской эллиптической галактике М87 вспыхнули 77 сверхновых звезд, одновременно! Представляете, какая там сейчас свистопляска непредсказуемости началась, а вы мне тут башку пинаете лабораторными модулями ситуаций, связанных с Юпитером!

— Успокойтесь, коллега, — произнес Олег Антонов. — Все там предсказуемо, во-первых, во-вторых, нас это пока не касается, и в-третьих, действительно странная форма образовалась у гало в СН1987А, прямо-таки похоже на какой-то образ знакомый. Не могу вспомнить.

— А ведь вы правы, коллега, так изображают своего Бога Шиву индусы, чертовски похоже...

— Похоже-то похоже, — раздался позади них насмешливый голос Клэр Гастинг, — да только это не Шива и, тем более, не холодное розовое гало. Это — Черный Будда. — Лицо Клэр Гастинг выражало крайнюю озабоченность. — Антихрист, одним словом. — Взглянув на обескураженных мужчин, она уточнила: — А вы — идиоты.

Где-то вдали громыхнуло. Летняя гроза предупреждала о своем приближении. Чайка тоскливо вскрикнула и, подставив крылья восходящим потокам, мгновенно исчезла. Ухмылка любви и нежности исказила лицо человека, стоящего на холме у подножия приазовской степи. За его спиной испуганно вжималось в планету Азовское море и прикоснулся к горизонту золото-оранжевый диск вечернего солнца. Человек стоял и смотрел в ту сторону, где когда-то было Нахапетово, а теперь разбили лагерь Институт физики Земли и Времени и организация, известная под аббревиатурой ЮНЕСКО. Само собой, этой аббревиатурой воспользовалось Лэнгли, представленное в лагере лучшими кадрами своего научного отдела, и, конечно же, здесь действовали специалисты ФСБ, кинувшие на изучение "нахапетовской аномалии" авангард своей научно-исследовательской группы, то есть феноменом занимались ученые мирового уровня.

Также в районе Нахапетово работали археологи, и в данный момент они пребывали в состоянии глубочайшей депрессии. Во-первых, сделав разведывательный шурф, они не обнаружили ни современного, ни какого-нибудь другого культурного слоя, сразу же пошел материк.

— Так не бывает, — громко произнес доктор исторических наук Василий Флеров и уточнил: — Или я дурак.

— Успокойтесь, успокойтесь, Василий Сергеевич. — Светлана Тартанова, археолог, член-корр РАН сощурившись посмотрела на одинокую фигуру человека, стоящего на холме вне зоны нахапетовской аномалии. — И то и другое отнюдь не взаимоисключающие друг друга предположения, но вы правы, что-то не так.

— Смотрите, как эффектно выглядит человек на холме. — Флеров показал Тартановой на черный силуэт, словно отпечатавшийся в диске закатного солнца. — Кстати, так тоже не бывает, чертова аномалия. Холм в пяти километрах от нас, я там на вершине азимутный маяк поставил, когда масштабку вычерчивал. Холм весь покрыт терном. Чтобы вот так выделяться на фоне закатного солнца, да еще с такого расстояния...

— Он должен быть гигантом около двадцати метров роста, — взволнованно перебила его Тартанова и, сняв с пояса аппарат локальной связи “климку”, соединилась с академиком Шаховым, главой Института физики Земли и Времени.

— Слушаю, — откликнулся академик и сразу же спросил: — Ты, Света?

— Посмотри на закат, Андрей, — предложила ему Тартанова. — Ты ничего в пейзаже не замечаешь?

— А ты... — начал было говорить Шахов, но резко оборвал фразу.

Светлана бросила взгляд в сторону холма и выронила “климку” из рук.

В степи и в море закатное солнце часто бывает похоже на огромный, в полнеба, диск бета-каратинового цвета. Именно таким оно было сейчас. Тартановой захотелось кричать от ужаса, и вместе с тем она почувствовала, как в ней, словно предтеча эпилептического припадка, проклюнулся восторг. “Впечатанный” в диск солнца силуэт человека развел руки в стороны с вывернутыми в кистях ладонями кверху и, согнув в локтях, приподнял их чуть выше головы, затем, словно за ним притаился другой человек, поднял вторую пару рук с вывернутыми на запад и восток ладонями, и сразу же появилась третья пара рук, слегка приподнятая над землей с повернутыми к ней ладонями.

— Шива, — прохрипела голосом академика Шахова лежащая на земле “климка” Тартановой, и уже издалека, из палаточного лагеря ЮНЕСКО, раздался его громкий восторженный голос: — Шива-аа!!!

— Я теперь мутант наоборот, — сообщил Алексей Васильевич Чебрак потрясенным его выздоровлением членам тайного международного ордена генетиков “ЛПЛ”, — ибо принял свой антимутационный препарат “Полнолуние”. Во мне теперь меняется генетический код и структура клеток, и лучше бы я остался в предсмертной агонии, мне все стало неинтересным. И вообще, почему это мы обозвали себя Людьми Полной Луны, словно мы психически неуравновешенные люди, убивающие собак и людей во время полнолуния?

— Алексей Васильевич прав, — сказал председательствующий Генри Олькоттом, полковник из сектора “Экстрем” ЦРУ, а на самом деле — Лама Багровых Оттенков, Великий хранитель

Сиреневого Оттиска и далай-ламы. — Лучше бы он умер и вернулся к нам уже в хорошем настроении. Мы создаем нового человека, уважаемый, — обратился он к Алексею Васильевичу, — по сути, новый мир. Следовательно, мы демиурги, Люди Полной Луны, как их называли в шелковых, то бишь в зоряных свитках. При чем тут убитые собаки и люди?

— Нового человека, — хмыкнул Алексей Васильевич и окинул своих коллег укоризненным взглядом, — монстра мы создаем, заготовку для всеобщей киборгизации. Впрочем, это чепуха. Я теперь знаю, как выглядит начало дороги в смерть. Настоящее Начало, а не реинкарнационный круг банальных умираний, — уточнил он. — Если хотите, могу рассказать.

— Не надо, коллега, не надо. — Генри Олькоттом обвел взглядом Сумеречную исповедальню, расположенную в тайной точке Иерусалима и оставшуюся в целостности и сохранности со времен Первого Храма, построенного царем Шломом. — Мы сами это когда-нибудь поймем и увидим.

Международный орден генетиков состоял из двенадцати идидоритмиков кеновитского имиджа и одной сиреневой сущности с правом голоса, которых контролировало срединное государство, в общем, и племя айрины, в частности. Цель ордена была ясна как заговор: "Не дать хоружлитно-лунитной нежити и нелюди изъять у бракованного человечества поверхности Душу". Но самое интересное было в том, что ученые-генетики не знали о контроле над собой срединного государства. Айрины были опытными заговорщиками.

— Давайте закрывать совет. — Генри Олькоттом поднял правую руку и властно произнес: — Бог существует!

— Бог один! — поднял руку караим. Генетик и Мусульманин.

— Бог не телесен! — поднял руку индеец. Генетик и Скульптор.

— Бог вечен! — поднял руку Чебрак. Генетик и Доктор.

— Мы должны поклоняться только Ему! — поднял руку француз. Генетик и Винодел.

— Бог творит только через пророков! — поднял руку китаец. Генетик и Писатель.

— Моисей — величайший из пророков! — поднял руку еврей. Генетик и Математик.

— Книга имеет божественное происхождение! — поднял руку итальянец. Генетик и Музыкант.

— Книга никогда не утратит своего значения! — поднял руку англичанин. Генетик и Хакер.

— Бог знает обо всех поступках людей! — поднял руку японец. Генетик и Миллиардер.

— Бог пошлет Своего Мессию! — поднял руку немец. Генетик и Крематор.

— Бог воскресит мертвых! — возник, словно распустился цветок, шепот ниоткуда посередине Сумеречной Исповедальни. ■

Три роковые ошибки

Андрея Огнева обвинили в тройном убийстве, но не успели расстрелять, и он впервые увидел свою дочь через два года после ее рождения.

Игорь ГАМАЮНОВ

Один из участников этой драмы Николай Колмаков, передвигавшийся последнее время из-за парализованных ног на автомобиле с ручным управлением, однажды, затормозив у своего дома, выстрелил себе из пистолета в рот. Но умереть сразу не смог. Агония продолжалась в реанимации, и, как утверждают врачи, он был, судя по реакции глаз, в полном сознании. О чем он думал, всматриваясь в собственную смерть?.. В чем раскаявался?..

А в этот момент приговоренный по его показаниям к смертной казни 27-летний предприниматель Андрей Огнев просил у тюремного начальства разрешения повидаться с двухлетней дочкой, родившейся уже после его ареста. Ему разрешили. И дане, в соответствии с международными соглашениями, заменили ему смертную казнь 25-летним сроком лишения свободы.

Но Огнев продолжал упорно писать во все инстанции. В том числе и в самую высшую — президенту России В. В. Путину.

Нет, он не просил о помиловании. Он утверждал:

— Я не убивал! Тройное убийство, в котором меня обвинили, совершил Николай Колмаков.

В камере смертников

В камере смертников, вначале — в Мариинске, потом — в Немерово, он ждал окончательного решения своей судьбы, когда умер отец — от сердечного приступа, не выдержав нервного напряжения. А незадолго до этого родилась дочь.

Андрею мучительно хотелось увидеть ее, взять на руки, ощутить родное тепло — хотя бы на минуту, потом будь что будет!.. Но тюремный режим строг, особенно с таними, как он, приговоренными к "вышне".

Ему вдалбливали, сердясь на его упрямство: имеешь право просить президента о помиловании, так проси! Может, "вышну" заменят понижением. Не соглашался:

— Это значит, я признаю вину. А я не убивал!..

В конце концов он написал президенту, но все о том же, о чем писал в судебные инстанции — о необходимости нового расследования.

Когда, гремя замками и решетчатыми дверьми, охрана провела меня к Огневу, и мы разговорились, я спросил: винит ли он себя в чем-либо?

Андрей задумался. Вежливая улыбка, с которой он выслушал во-

прос, медленно ушла с его лица, обнажив впалые щеки, нездоровый цвет кожи, лихорадочный блеск глаз.

— Главная моя ошибка, — произнес он с расстановкой, — видимо, в том, что я сошел с родительской колеи...

Прошу Алексея рассказать подробнее..

Из диктофонной записи в тюрьме:

— Мой отец был директором совхоза в селе Суслово в 80-х годах, давал государству один миллион рублей прибыли. Я в начале 90-х взял землю в аренду, но быстро понял: без коммерческой поддержки ничего не выйдет. Нужны деньги, причем — неучтенные, ведь основные расчеты уже тогда велись через "черный нал". И я открыл с женой Леной магазин в Суслово, а в Мариинске — фирму "Елена". Думал — ненадолго, я вообще себя не прогнозировал по коммерческой линии — в детстве моим увлечением были лошади, пас их; в школе — заядлый общественник; потом — в юридическом техникуме в Красноярске учился... И вот — бизнес в 20 с небольшим лет... Тут я столкнулся со стихийной силой, именуемой рэкетом. Платить вымогателям я не собирался. Нашел выход: взял посредника между собой и рэкетом — Колманова, бывшего спецназовца, воевавшего в Карабахе. И это была моя вторая ошибка.

— Почему именно его?

— Я знал, что он в контакте с "братвой", хотя сам вроде ни в чем не замешан. Значит, сумеет с ними договориться. Физически крепкий, тренированный, хорошо водит машину. Одновременно я задумал создать для предпринимателей Ма-

риинска мощную охранную структуру по типу нынешних ЧОПов — частных охранных предприятий, обслуживающих сразу несколько фирм. Я знал, кто мог бы составить костяк такого предприятия — ребята, занимавшиеся в известной у нас в районе спортшколе, ею руководил отличный тренер Равиль Сабиров. Некоторых из его воспитанников я даже успел устроить, благодаря своим знакомым, в охрану местного коммерческого банка. Моя фантазия зашла так далеко, что я планировал сделать Колманова руководителем той будущей структуры. Мы вместе с ним ездили к мариинским предпринимателям — я договаривался с ними о спонсорской помощи школе Сабирова. Колманов в переговорах не участвовал, но присутствовал. Обычно молчал. Он умел как бы затаиваться, о нем иногда в разговорах забывали. И тут я заметил: Колманов оказывается рядом, будто тень, даже тогда, когда мои переговоры его не касаются. Но значения не придавал. И это была моя третья ошибка.

Личные счета Николая Колмакова

Кто знает о себе все, особенно в 20 с небольшим лет? Да и может ли это знание помочь избежать ошибок?... Понять, какие из них действительные, а какие мнимые... Не в том же все-таки главная ошибка Андрея (да и ошибка ли это?), что он сошел с родительской колеи. Предпринимательство у него пошло, споткнулся же он на так называемых сопутствующих обстоятельствах — на неумении ощутить зреющую рядом опасность... Вот что сейчас говорят в Мариинске об Огневе.

— Он человек увлекательный, — рассказывает бывшая его учительница Валентина Владимировна Максимова. — Его школьное прозвище — Огонек. Лидерские его наклонности были ярко выражены — вечно вокруг него табунились мальчишки. Его не раз выбирали председателем ученического совета. Шли 80-е, время надежд, мы все о голтелые романтики... Сейчас у меня — чувство вины: мы, учителя, не готовили ребят к реальной жизни... Когда он стал предпринимателем, я его как-то встретила. Поговорили. Он мало переменился: такой же энергичный и, как мне показалось, недостаточно осмотрительный...

— Он всегда был очень ответственным: пообещает — сделает, — вспоминает бывший директор Суловского леспромхоза Владимир Васильевич Нононенко. — Занялся Андрей бизнесом в 90-х, когда от ракеты спасу не было, и у него возникли, как я понимаю, сложные отношения с криминальной средой. Через Колманова, его водителя. Кстати, я даже лица Колманова не запомнил — такой коренастый молчун, стоит рядом, а будто нет его. Что-то неодушевленное, вроде камня. Я советовал — держись от таних подальше, запугают — не развяжешься.

...Но уверен в себе был Андрей. И — упрям. Считал: еще год — два, и все изменится. Особенно надеялся на ребят из спортшколы Сабирова, занимавшихся восточными единоборствами. Спонсировал их поездку в Пермь на соревнования. По признанию Сабирова поездка вдохновила их — они после Перми смогли поучаствовать в чемпионате России в Хабаровске.

Но слухи о затее Огнева — создать общую охранную структуру —

стали расползаться по Мариинску. Особенно — после визита в торговое предприятие "Поиск", где Андрей в разговоре с директором Ниной Петровной Буряк подробно обрисовал свой замысел, когда просил помочь школе Сабирова. Именно она проговорила своим "опекунам" из криминальной среды. И эти "опекунуны" — Савельев (по прозвищу Шеф), Еременко и Нестеренко — немедленно назначили Огневу встречу.

О них было известно: ездят только на новых автомобилях. Обедают в ресторанах. Словом, шинкуют, хотя ни у кого из них нет своего дела. Шеф — Савельев, по свидетельству официантки, постоянно их обслуживавшей, всегда был чем-то недоволен. Злая раздражительность свозила в каждой его фразе. В каждом жесте — готовность к драке.

Встретились они с Огневым на улице, возле магазина "Поиск". Пытались выяснить, кто еще из предпринимателей, кроме Огнева, намеревается спонсировать охранную структуру. Заявили: ничего у тебя с Сабировым не получится, а твоя фирма "Елена" теперь будет отстегивать нам 10 процентов от прибыли. Если, конечно, не собирается закрыться. И — назначили вторую встречу, уже в офисе фирмы.

Колманов, разумеется, был рядом и, как всегда, молчал. Огнев потом спросил его: "Неужели ты с ними не можешь все это уладить?" Тот кивнул, буркнув: "Подумаю." Андрей попросил "думать" быстрее, напомнив: он, Колманов, отвечает за безопасность фирмы.

Из диктофонной записи в тюрьме:

— Уже здесь, анализируя все, я кое-что вспомнил. Колманов

только назался невозмутимым. На самом деле он страстный, дане — одержимый. До меня доходила информация: играет в карты на деньги, причем — в криминальных кругах, где бывали и те трое. Ну, думаю, это он делает для налаживания контактов. А он все чаще разговор со мной заводил о деньгах. Я ему три раза повышал зарплату, он опять — о том же. Тогда предлагаю: появятся свободные деньги, отдай фирме, вернутся тебе с процентами. Нашел он для этого небольшую сумму. Но я заметил, коммерция как таковая его мало интересовала. Ему нравилось получать сразу и — много, как после карточного выигрыша.

— О своем спецназовском прошлом рассказывал?

— Очень мало. Спрашиваю: приходилось в Карабахе убивать? Он на меня посмотрел, как на мальчишку, помолчал и говорит: "Это ж война. Не я их, так они меня". Сейчас понимаю: эту систему отношений Колманов перенес и сюда. Он и таким затаенным был, потому что словно бы всегда ждал выстрела. От каждого своего собеседника! И — готовился опередить.

— Он как-то планировал свое будущее?

— Прямо не говорил. Но теперь ясно: в той криминальной среде, к которой он тяготел, можно было себя утвердить только большими деньгами и особой жестокостью. Второго, как обнаружилось, у него было в избытке. А деньги планировал отобрать у меня. Как? План простой: столкнуть меня с этой средой и, доведя конфликт до крови, посадить за решетку, прибрав к рукам мое дело. Под предлогом, будто фирма "крутит" его деньги. Заодно ему хоте-

лось расправиться и с теми тремя — у него с ними были какие-то свои, личные счета...

Стрельба в гостиной

Эти счета Колманов свел на встрече в офисе фирмы, после чего стало ясно: да, он именно из тех, кто, тихо выждав, идет ва-банк, кому легче взять нахрапом, чем кропотливо идти к цели. Это Огнев, начитавшись ниненк, блюдет правила игры, у него же, Колманова, одно правило: выстрелить первым.

Три эпизода предшествовали этой встрече. Вдруг сгорел припаркованный у офиса "Елены" автомобиль Колманова, купленный специально для него на деньги фирмы. Поджигателей найти не удалось. А еще через несколько дней Андрей Огнев обнаружил возле своего дома, в Суислово, следы на снегу — под окнами спальни. И вспомнил, как лаял ночью их дворовый пес Дон.

И в тот же день, возвращаясь домой из Мариинска, Андрей заметил в зеркале заднего обзора "Волгу" — она долго тащилась следом, потом вдруг обогнала, скрывшись за поворотом. Здесь, на крутом вираже, автомобили обычно сбавляют ход, и Андрея осенило: именно здесь удобно обстрелять проезжающую машину.

Андрея мучило тяжелое предчувствие, но отменить встречу не мог — те трое на весь Мариинск ославили бы его трусом. К тому же надеялся: Колманов в конце концов все уладит. На Пролетарскую те трое приехали к часу дня. Огнев, отпустив сотрудников обедать, провел пришедших в гостиную. Заметил: Шеф-Савельев раздражен более обычного, подозре-

тельно щурится на насупленного Колманова и широколицего Анатолия Шевченко, работница охраны, словно принидавая, легко ли с ними справиться, если дойдет до рукопашной. Таной опыт, как потом выяснилось, у них был. И немалый. Их даже занесли в милиции в особые списки, где они значились организованной преступной группой, промышляющей вымогательством. До сих пор им все сходило с рук: пострадавшие не рисковали открыто затевать против них дело. Знали: не доживут до суда.

Сидели они на диване, развляясь. Говорили громко. Речь шла о тех же 10 процентах от прибыли, и чем громче говорили, тем яснее становилось: Колманов никаких предварительных переговоров не вел. "Мне нужно позвонить," — сказал им Андрей, выходя к телефону в соседнюю комнату. Пока набирал номер, голоса за стеной крепки: "Что твой Огонек выкобенивается?! — кричал Шеф Колманову. — Ему его баба ничего не сказала? Ну так скани ты: мы ее вчера в машину затащили и трахнули, а его вообще закопаем!.."

До Андрея не сразу дошел смысл: его жену?.. Вчера?..

Действительно, вчера она была странно подавленной, о чем-то не решаясь ему сказать... Да нет, это шантаж, к тому же она беременна, идет 8-й месяц... Потом Огнев услышал резкие хлопки и нинулся в гостиную. Увидел в сизоватом дыму посреди комнаты Колманова — с автоматом в руках. Гости лежали на полу — их тела сотрясали последние судороги. Колманов, подходя к лежащим, делал контрольные выстрелы. Затем, повернувшись к Андрею, сказал с улыбкой:

— Ну, вот и все.

Из диктофонной записи в тюрьме:

— Я догадывался, что у Колманова есть какое-то оружие. Но что у него "Калаш", и предположить не мог. Видел: таскает сумку, а что в ней — не знал. И тем более даже в страшном сне не могло мне привидеться, что он применит оружие.

— Что было потом?

— Шок. Сознание сопротивлялось увиденному. Назалось — нет, Колманов не расчетливый убийца, он наш защитник, эти трое ведь нам угрожали!.. И вот мы с охранником Толей Шевченко двигаемся, как в бреду, накрываем чем-то трупы по совету Колманова, то есть становимся его сообщниками. Затем заперли дверь гостиной. Колманов велел мне сесть за руль, сказал, мол, у него сейчас реакция плохая. Сам сел справа, "Калаш", во что-то завернутый, нинул на заднее сиденье, где сидел Толя. Как-то само собой получилось, что всем распорядился Колманов. Выехали за город, к реке, Колманов зарыл в сугроб автомат. Стали обсуждать: куда деть трупы? Сжечь? Я к тому времени начал приходить в себя. Предлагаю Колманову: заяви в милицию, что эти трое на тебя напали и ты стрелял обороняясь. Мы с Толей подтвердим, тебе дадут условный срок. Он внимательно посмотрел и нивнул: "Я подумаю, может, в самом деле так лучше". А на завтра приехал за мной, как договорились, чтобы ехать в милицию...

— То есть он согласился?

— Так казалось. Но в дороге опять завел разговор, стоит ли, и я понял: не хочет. Стал настаивать. Отъехали километра три, он был за рулем, вдруг тормозит, просит: посмотри, кажется, заднее колесо

спустило. Я справа от него. Открываю дверцу, смотрю — все в порядке. И — получаю удар ножом в шею. Хладнокровие, видно, изменило ему, чиркнул поверху. Я успел схватить нож и сломать лезвие. Но он откинул сиденье и, повалив меня, стал обломком ножа хромать мне лицо, норовя выколоть глаза. В этот момент я ногой нажал сигнал. Шли встречные машины, это его отвлекло. И спасло меня. Открыв заднюю дверцу, я выпал, и он тут же уехал.

— Зачем ему это?

— Он бы меня зарыл в сугроб, как автомат, заявил бы в милиции, что три трупа — моих рук дело, что я скрылся от возмездия. Весной меня бы нашли, но по городу уже ходил бы слух, что Огоньна "положили" друзья тех троих. Этот план ему не удался, и он внес коррективы: примчавшись в Мариинск, тут же первому встречному сообщил: "Огонек в офисе троих ребят расстрелял". И поехал дальше, оглушая на улицах всех знакомых своим сообщением... Через час весь город знал, что Огнев убийца. Я в это время был в больнице, в реанимации.

— Но оставался еще Шевченко...

— К нему Колманов приехал со словами: "Я Огоньну глаза выткнул, вали все на него". А когда тот заупрямился, вывез его за город. Избив, предупредил: "Угроблю, если продашь". И Толя сломался, оговорив меня...

По приговору "братвы"

С Анатолием Шевченко я виделся. На мой вопрос, как он мог сказать следователям неправду, Анатолий выговорил свое объяснение с таким трудом, будто каждое

слово вызывало в нем физическую боль:

— Ну, испугался я!.. Ведь Колманов на моих глазах превратил тех троих в трупы. И со мной он это сделал бы запросто. К тому же я понимал: он не один действует, за ним еще кто-то, у кого и деньги, и люди...

Но сломался не только Шевченко. Еще не отошедшего от наркоза Огнева, с наложенными швами, в бинтах, стали допрашивать на второй же день. По характеру вопросов он понял: убийцей считают его. Попытку же прикончить его в машине Колманов объяснил с наглой простотой:

— Хотел за ребят отомстить, жаль, что не до конца...

Следователи поверили. Нак поверил почти весь Мариинск: убили в офисе Огнева, значит он убийца.

Андрею еще мерещились конвульсирующие на полу фигуры, обломки ножа, нацеленный ему в глаза, нависающее злобное лицо пыхтящего Колманова, а следователи наводяще уточняли:

— Где ты стоял, когда выстрелил в Савельева?

Они были в неравном положении: Огнев — в больничной палате, под охраной, чтоб не сбежал. Колманов же мечется по городу, наводя его жуткими подробностями "зверства Огоньна". Андрей, поняв наконец, кого собрался сделать руководителем охранной структуры, теперь не сомневался: за каждое изобличающее слово Колманов отомстит жутко. Искалечит жену, мать, сожжет родительский дом, распутив слух, будто это мстит за троих погибших мариинская "братва". И ему снова поверят.

Адвоката к Огневу пригласили, когда решили "закрепить" видео

записью его показания. Галина Викторовна Смакотина, дежурившая в тот день в Мариинской юрконсультации, ахнула, увидев забинтованного Андрея: — Это же невозможно!.. Он в таком состоянии...

Следователи возразили: — Сам хочет...

Смакотина настояла на предварительной беседе, наедине, и Андрей признался:

— У меня нет выбора. Если не возьму на себя, Колманов угробит жену и мать. А на суде снажу, как было...

В Мариинске я спросил Смакотину, почему она не отговорила Андрея.

— Но я же не могла гарантировать безопасность его близким, — резонно ответила Галина Викторовна. — Да и никто не мог...

В самом деле, это проклятие нашего правосудия — вечная проблема защиты свидетелей, точнее — их незащитности. Сколько рассыпается уголовных дел, сколько злодейств оказывается безнаказанными. И — сколько выносятся ошибочных приговоров из-за ложных показаний напуганных до смерти свидетелей!.. Хотя написано множество статей, изучен зарубежный опыт, подготовлен законопроект в Госдуме, пролежавший несколько лет и сейчас заново реанимированный... А мы с простодушным бесстыдством динарей продолжаем делать вид, что правосудие у нас в общем-то есть. И будто бы свидетельство тому — переполненные места заключения.

Но кем именно они переполнены? И если переполнены действительными, а не мнимыми преступниками, то кто же тогда продолжает так безбоязненно отстреливать российских предпринимателей на

просторах нашей, все еще необъятной страны?

Да не загнали ли мы себя в жуткий тупик, где сошлись две ровные проблемы — незащитность перед уголовным миром не только конкретных свидетелей преступлений, но и всего российского предпринимательства?!

Версия, предложенная Огневым следствию из-за боязни за своих близких, конечно, была наивной: он, будто бы увидев в руках вымогателя Савельева автомат, выхватил его и, обороняясь, застрелил одиночными выстрелами всех троих. Но баллистическая экспертиза показала: стрельба шла не в упор, как должно было быть в такой ситуации. И потом: если защищался, то зачем контрольные выстрелы в голову? На этот вопрос Андрей ответить не мог, и следствие определило мотив убийства: "...Неприяженные отношения на почве занятия торгово-коммерческой деятельностью".

Затем в поле зрения следствия оказалась директор торгового предприятия "Поиск" Н.П.Буряк. Заинтересовались ее отношениями с теми тремя. К тому моменту истерия сочувствия к погибшим в Мариинске достигла апогея — их жалели все: "Ну да, шалопаи, но молодые же! Понили бы еще, глядишь, и образумились бы". Не обошло это сочувствие и Н.Буряк. В ее показаниях отпетые рэкетеры выглядели вольными коммерсантами, время от времени сдававшими ей товар на реализацию. А настырный Огнев приехал со своим вымогательским предложением спонсировать спортшколу, и вот чем все закончилось.

И Огнев предстал в материалах уголовного дела не только убийцей,

но и вымогателем. И затем уже суд, уточняя в приговоре мотивы убийства, пришел к выводу, нелепость которого нужно особо отметить: "...Из желания устранить... препятствие в продолжении вымогательства денег с Буряк, Огнев стал производить одиночные выстрелы из автомата в Савельева, Еременно и Нестеренко, произведя не менее 7 выстрелов, и убил их..."

Да на какое еще вымогательство можно было рассчитывать после такой бойни, среди бела дня, в офисе, где ни уничтожить, ни спрятать трупы невозможно! Надо сойти с ума, чтобы пойти на такое, а Огнев, согласно судебно-медицинской экспертизе, психически здоров.

Из диктофонной записи в тюрьме:

— Мариинская "братва" в этот момент, как я понял, вела свое следствие. Вначале, поддавшись ажиотажу, они чуть было не приговорили меня. Я был в Мариинской тюрьме, когда там надзиратели перехватили в одной из камер такую маляву: "Братва, на централ заехал Огонек с Суслово. По жизни коммерсант. Убил трех хороших пацанов-бродяг, когда они приехали получить с него деньги на общак. Вбейте его в бетон по-хозяйски, а если сможете, и совсем..."

— А потом?

— Потом "на воле" произошли такие события: люди Колманова, не дожидаясь суда надо мной, по его команде сорвали замки со складских дверей моей фирмы и стали таскать на подогнанный грузовик ящики с товаром. Под предлогом, что Колмаков вложил в фирму деньги. Вложил он 6 тысяч рублей, а товар попытался вывезти на 20 тысяч долларов.

— Не удалось?

— Этих людей остановили, но по Мариинску новость разошлась, и, я думаю, отрезвила многих из тех, кто считал меня убийцей. Ну, в самом деле, на такую дальнейшую коммерческую деятельность мог рассчитывать владелец фирмы, расстрелявший в своем офисе троих посетителей?.. Значит, это сделал тот, кто мог на что-то рассчитывать... Затем вдруг обнаружилась скрываемая раньше дружба Колманова с неким Никитиным по прозвищу Очнарь. Именно к нему во двор Колмаков пригнал в тот зимний день испятнанную моей кровью мою же машину, фактически присвоив ее. И с Никитиным же Колмаков ездил откапывать из сугроба автомат, чтобы потом его зачем-то перепрятать. И по его же совету Колманов все-таки сдал автомат следствию... Никитин-Очнарь в криминальном мире Мариинска, как выяснилось, был не последним человеком, вел, видимо, свою игру, с кем-то враждуя, а с кем-то делась доходными "зонами влияния". Он тихой сапой собирал вокруг себя команду, в числе которой оказался и Колманов. Никитин даже давал на моем суде показания в пользу Колманова... Мариинская "братва" в конце концов, как я понимаю, своими специфическими способами определила, кто прямо виновен в гибели тех трех и кто в ней причастен... И покарала обоих.

— Как?

— Однажды ночью, как мне рассказали, во дворе Колмановых загорелся сарай. Николай выбежал на крыльцо, раздался выстрел. Пуля прошла сквозь легкое, повредив ему позвоночник. У него навсегда отнялись ноги, из-за чего он вынужден был ездить в автомобиле с руч-

ным управлением. Никитина же расстреляли автоматной очередью, когда он подъехал к дому...

Теневое судопроизводство

Кто именно "приговорил" Никитина с Колмаковым и кто привел приговор в исполнение, сыщикам Мариинска установить не удалось. А вот как проходил и чем увенчался суд над Огневом, известно хорошо. Рассматривал его дело отнюдь не суд присяжных (хотя по закону именно присяжные должны выносить вердикт по "растрельным" делам), а самая обычная "тройка". Будто речь шла о дорожном происшествии или заурядной драке возле коммерческого ларька.

На суде Огнев пытался рассказать о том, что случилось на самом деле, но судьи сочли это попыткой уйти от ответственности. Опомнившийся Анатолий Шевченко покаялся, признавшись, что на следствии под давлением Колмакова оговорил Огнева. Но эти его признания не были приняты во внимание.

Обошел суд своим вниманием и личности пострадавших, хотя защита Огнева представила документальное подтверждение того, что эта тройка была организованной группой вымогателей.

Не стал суд изучать и косвенные свидетельства того, что надругательство над беременной женой Огнева все-таки было совершено, что она, боясь за будущего ребенка, не смогла оказать насильникам сопротивления и не решилась сразу сообщить о происшедшем мужу, рассказав обо всем лишь свекрови уже после кровавой драмы.

Но самое поразительное — эпизод бандитского нападения

Колманова на Огнева в автомобиле бесследно растворился среди других, никак не повлияв на умонастроение судей. Как, впрочем, и другие существенные подробности этого дела. Впечатление такое, будто судьи нарочно отмахивались от них, чтобы не дать себя втянуть в рассмотрение действительно сложной житейской и правовой коллизии.

Им удобнее было следовать сложившейся схеме, и они лишь проштамповали обвинительное заключение, построенное главным образом на показаниях спасавшего себя Колманова и на самоговоре Огнева, поднятого с больничной койки, оглушенного страхом за своих близких и не вполне отошедшего от наркоза. Не потому ли, что произведенная следователями видеозапись этого допроса слишком убедительно продемонстрировала состояние Огнева, кассета с этой видеозаписью вдруг ИСЧЕЗЛА из уголовного дела?! Но и на это суд не обратил должного внимания.

— Вмененные в вину Огневу обвинения не нашли своего подтверждения ни в ходе следствия, ни в судебном заседании, — убеждена кемеровская адвокатесса Ирина Кривопалова. — Кроме того суд совершенно не дал оценки поведению Колманова после трагедии. Зачем он перепрыгивал автомат, если намеревался обо всем сообщить милиции? Почему торопился присвоить имущество, принадлежащее Огневу? Не исследованы его связи с криминальным миром. Так и не выяснено, откуда взялся автомат, кому именно он принадлежал.

О том, что произошло после суда, стоит рассказать особо.

И адвокаты, и сам Огнев не раз обращались в вышестоящие судебные инстанции. Просьба была одна: вникните в доводы защиты, проведите расследование по вновь открывшимся обстоятельствам, о которых пишут в своих жалобах адвокаты. В ответ — отписки. Будто речь идет о краже мешка с луком, а не о человеке, приговоренном к исключительной мере наказания.

А тем временем в Мариинске (как, впрочем, и в Москве, и во множестве других городов России) гибнут люди, множатся тупиковые дела, называемые на милицейском сленге "висяками". Только за три года в Мариинске погибло около десятка человек. Последний выстрел прозвучал буквально за неделю до моего приезда — на улице, возле своего офиса, был застрелен генеральный директор леспромпхоза "Ниялес" Александр Павлов.

Поневоле, знакомясь с делами, подобными делу Огнева, начинаешь думать: пона наше официальное судопроизводство отмахивается от действительных противоречий жизни, параллельно ему идет другое, теневое, где руководствуются иными критериями.

О его справедливости говорить не приходится. А к чему оно приведет (или уже привело?) наше общество, очевидно.

"Здравствуй, доченька!.."

Однажды Огневу все-таки разрешили свидание с дочерью.

В этот день его, особо опасно преступника, привели в комнату, разделенную барьером со стеклянной перегородкой. Там, за стеклом, он увидел мать, жену и ози-

равшуюся по сторонам маленькую девочку.

Андрей смотрел на нее молча, потому что вдруг пропал голос и нечем стало дышать.

Дочери было уже два года. До этого момента она видела отца только на снимках, где он заразительно улыбался, а здесь, за стеклом, на нее смотрел какой-то, совсем не похожий на него, человек с впалыми щеками и лихорадочным блеском в глазах.

Тюремная охрана, много чего повидавшая, не выдержала напряжения. Офицер внутренних войск принял волевое решение: в нарушение строгих правил взял на руки маленькую Евгению Андреевну, перенес за барьер и поставил на пол, возле отца, со словами: "Вот он, твой папа."

Андрей подхватил ее, легкую и теплую, осторожно поднял, глядя в ее глаза — больше всего он боялся, что она сейчас испугается и заплачет. Но она не заплакала.

И это было самым большим его счастьем, какое он когда-либо испытывал в своей жизни.

P.S. Среди вновь открывшихся обстоятельств по делу Огнева (защита нашла свидетелей, знающих историю автомата, принадлежавшего Колманову, выяснила подоплеку его отношений с криминальным миром) есть и такое: парализованный Колмаков, однажды остановив свой автомобиль, выстрелил себе из пистолета в рот. Но неудачно — лишь смертельно ранил себя. Агония продолжалась в реанимации.

Видимо, жить с сознанием того, что он совершил, Колмаков больше не мог. И поэтому выбрал смерть. ■

Кладискатели

настоящий бум кладискательства. Сотни людей нинулись отыскиватьклады графа-вампира, не имея ни малейшего представления о том, где и как их следуетискать. Известно было только, чтопоиски надлежит производить ночью (ну, разумеется!), в отвратительную погоду, лучше всего в грозу с проливным дождем.

Самое невероятное состоит в том, что кладискатели-добровольцы, немедленно окрещенные журналистами "сингоманами", действительно находили какие-токлады. Как правило, это были ларцы или юрбни с черепами крыс или змей, бутылками с загадочной чернойжидкостью, сломанными нательными крестами и т.д. и т.п. Бесполезность таких "сонровищ" была очевидна, но сообщение о каждойновой находке вызывало очередной всплеск энтузиазма. Было похоже, что добрая старая Англия окончательно спятила: грозовыми ночамидесятни людей с остервенениемкопали землю в самых неожиданных местах — на кладбищах, в глухом лесу, среди чистого поля.

Положение выделось настолько серьезным, что в недрах английских спецслужб было создано специальное подразделение, которое провело кропотливую работу по сбору информации о так называемых "дракуловскихкладах". Представленный правительству докладоднозначно гласил: "утка"! Кто-то крепко пошутил над доверчивыми обывате-

Существует малоизвестная, но очень энзотическая науна, которая называется "сингология" (от английского названия слова "вещь"). Начало ей положил в 1940 году эксцентричный профессор-англичанин Джеральд Хопкинс, который заявил, что обнаружил завещание графа Дранулы — знаменитого вампира. Граф счел нужным сообщить потомкам о том, что он собственнолично закопал по всей Велииобритании 666 кладов, причем все они со сверхъестественными свойствами. Ему якобы стало известно о дате своей смерти ровно за 666 дней до ее наступления, и с этого момента он каждую ночь закапывал по одному кладу с какой-то одной своей личной вещью. Ищите, значит, и обращайтесь.

От всей этой истории за милоу несло мистификацией, но люди склонны верить в самые невероятные вещи, и чем ниже интеллект, тем, как правило, выше доверчивость. Англичане в этом плане ничем не отличаются от остальных наций, посему страну охватил самый

лями. Газеты, разумеется, опубликовали эту информацию, но год спустя вопрос о таинственных кладях снова был поднят. И вот почему.

В 1949 году некая мисс Дженсина Бирчиноу, роясь в понедельник ночью возле кладбищенской ограды, откопала чуть ли не с метровой глубины дорогой серебряный ларец. Разумеется, сверкали молнии, гремел гром, лил дождь, и в эту погоду пожилая дама с энтузиазмом занималась земляными работами. Правда, ее энтузиазм имел свои пределы: открыть ларец она не решилась — первоначально. Вызвала к себе сестру, но та оказалась не смелее и предложила пригласить священника. Тот категорически отназался принимать участие в подробных "бесовских затеях" и приказал сестрицам немедленно зарыть ларец на прежнее место. Или хотя бы сделать это с утра пораньше. Но его совет пропал втуне: столь же любопытная, сколь и глупая дама все-таки открыла ларец и обнаружила там пожелтевший и слегка окровавленный зуб, явно человеческий, но раза в полтора-два крупнее нормального. Ее сестра плюнула, перекрестилась и отправилась к себе домой. А дама-кладоискательница осталась наедине со своим сокровищем.

Утром мисс Бирчиноу была обнаружена мертвой без малейших признаков насильственной смерти. Вскрытие, однако, показало любопытную деталь: в желудке покойной был обнаружен... зуб из ларца. Зачем несчастная сингоманка проглотила эту мерзость, неизвестно. Умереть от такой закуски, пусть и крайне неаппетитной, она тоже не могла. И тем не менее...

Ладно, туманный Альбион далеко и для нас примером являться не

может. Тем более что вышеописанные действия там происходили в то время, когда между ним и нами существовал непроницаемый "железный занавес". И тем не менее в России в конце тех же 40-х годов произошла практически аналогичная история, только газеты о ней, разумеется, не писали.

В деревне Горловка Красноярского края много лет ходили слухи о некоем кладе, зарытом местной колдуньей — Анной Степановой. Все знали о том, в каком месте этот клад закопан, но, в отличие от англичан, никто не отваживался взять лопату в руки и завладеть сокровищем. Потому что зарыто оно было возле разрушенной часовенки на краю деревни, а у этой часовенки была дурная репутация "нечистого места". И тут к одному из местных жителей приехал погостить внук-москвич и клад откопал. Добытую таким образом шкатулку, на которой была прибита табличка: "Никогда не открывай", он увез с собой в Москву и там через месяц все-таки открыл дрожащими от страха руками. В шкатулке была старинная табакерка и записка, написанная кровью: "Подумай в последний раз, никогда не открывай эту табакерку".

Думал молодой человек несколько месяцев, ежедневно любясь своим сокровищем. Все попытки домашних образумить его были тщетны. Мать как-то даже выбросила ларец на помойку, но хозяин не поленился отыскать его там и водворить на место. И, наконец, открыл табакерку.

В ней не было ничего, кроме бумажки с одним-единственным словом: "Смерть". Написанным, разумеется, кровью. Утром любопытный кладоискатель бесследно ис-

чез. Родные потом рассказывали следователю, что до того, как открыть табанерку, юноша в течение месяца совершал странные поступки. Например, простоял на спор пять минут на самом краю крыши 17-этажного дома. Или опять же на спор перебежал оживленный и широкий проспект за одну минуту на красный свет. То есть просто иснушал судьбу и старательно создавал рискованные ситуации. Почему?

Ответ — хоть и приблизительно — на этот вопрос удалось получить совсем недавно, когда и в России проблемами мистических кладов занялись специалисты. Они установили, что цель таких кладов — владеть душами живых людей через страх даже с того света. Того же происхождения и миф о 666 кладах графа Дракулы. Мистификатор отлично знал, что на свете есть множество людей, твердо верящих в потусторонние силы и мечтающих как-то к ним приобщиться, чтобы обезопасить себя. И получают прямо противоположный результат: становятся жертвами то ли этих самых потусторонних сил, то ли собственной не слишком устойчивой психики.

Но вообще-то доподлинно известно, что люди со сверхъестественными способностями — колдуны, гадалки, ясновидящие — обязательно перед смертью зарывают клад. С недорогим онерельем, старыми серьгами, пузырьком с кровью, натальной рубахой. И непременно оставляют "ярлычок" с наводной, чтобы клад был обнаружен. Процедура эта была известна достаточно давно. Во всяком случае еще в 1807 году тираном всего в сто экземпляров была издана брошюра некоей графини Несвитских

"для собственного удовольствия". В ней, например, рассказывается, что клад должен представлять собой ларец, вложенный в ларец побольше или ящичек. Этот большой ларец должен был быть как можно менее притязательным — хоть обычным деревянным ящиком, зато внутренний ларец обязан был быть если не драгоценным, то хотя бы дорогим. "В оном кладе, — делилась своими познаниями графиня, — не столько вложение вещи смысл имеет, сколько к нему грамотна умная, страхом завораживающая". Впрочем, она добросовестно перечислила и вещи, уместные в качестве клада: крысиные черепа, кожа змеи, ножи, окропленные кровью белого голубя... Кому и зачем могло понадобиться разыскивать подобные "сокровища", можно только гадать. Тем не менее охотники всегда находились.

Романтичная девица княжна Варвара Мещерская долгое время мечтала найти какой-нибудь страшный мистический клад. И вот в одной старинной книге она обнаружила "ярлык клада": записку о том, что в саду закопан клад с онерельем знаменитой в те времена злобной странницы — колдуньи Черной Пелагеи, снамчавшейся за полвека до этого. Варвара Мещерская действительно обнаружила шнатулку, в которой находилось черное онерелье. Любопытная барышня тут же примерила находку перед зеркалом и... мгновенно поседела, после чего лишилась рассудка. И в этом случае остается только гадать: то ли потусторонние силы постарались, то ли нервы у барышни оставляли желать лучшего.

Но вообще-то, по мнению специалистов, кладоискатели-сингомаи — это такие же психически боль-

ные люди, как футбольные фаны, компьютерные маньяки, спириты. Мания она и есть мания. И в число жертв сингомании, как правило, попадают люди, наделенные слишком живым воображением и преувеличенным романтизмом. Один такой молодой романтик пострадал при поиске "магического клада" вовсе не от потусторонних, а от вполне земных сил. Вот что произошло.

Молодой человек безмерно увлечен творчеством писателя Михаила Булгакова и даже присоединился к "булгаковцам" (существует и такое объединение фанатов). Однажды в его руки попала записка, написанная якобы самим Булгаковым и гласившая, что во дворе известного "булгаковского" дома лично писателем зарыта шкатулка из гжельского фарфора, в которой находится... половина черепа Михаила Берлиоза, одного из персонажей романа "Мастер и Маргарита". Определить местонахождение клада проще простого: то самое, где ровно в шесть часов вечера, в четные дни недели, четных месяцев високосного года будет сидеть черный кот. Вопрос о том, зачем может понадобиться половина черепа никогда в реальности не существовавшего человека, даже не поднимался. Важно было то, что после долгих поисков будет найдена вещь с явно мистическими свойствами.

Поскольку никакого черного кота в назначенное время так и не обнаружилось, парень начал рыть наугад, причем не только вечером, но и по ночам. Беда заключалась в том, что во дворе стояло много дорогих машин, хозяева которых заподозрили ретивого кладоискателя в недобрых намерениях по отношению к их "стальным коням". Тот, понятно, спорил и защищался, толкую

о величии духа и изменности мещанских собственнических интересов. Взаимопонимания, однако, не произошло, и поиски черепа Берлиоза завершились тем, что сингоману неизвестные доброжелатели проломали его собственный череп, да так лихо, что несчастный полгода провел в больнице и выписался оттуда полным инвалидом. Правда, живой, чему можно порадоваться!

Стоит крепко подумать, прежде чем рисковать судьбой и жизнью из-за пустого любопытства или неоправданной мании. Потому что любой изощренный мистификатор знает: чем чудовищнее ложь, тем очевиднее она нажжется правдой. И чем больше мистических и сверхъестественных черт имеет явление, тем дальше от него следует держаться. Поиски золота, драгоценных камней, пузырьков с кровью и всевозможных "колдовских сувениров" ни к чему хорошему никогда не приводили и вряд ли приведут. Мы почти ничего не знаем о тех силах, которые управляют судьбой человека, поэтому лучше не рисковать и не заниматься кладоискательством, а поискать себе какое-нибудь более безобидное занятие. Например, коллекционировать марни. Или выжигать по дереву.

В этих занятиях, по крайней мере, нет ничего мистического и уж тем более дьявольского, от чего всех нас, как говорится, спаси и сохрани.

Впрочем, кладоискатели-сингоманы были, есть и обязательно будут. И все вышеизложенное написано не для них, а для тех, кто не хотел бы получить психическое отклонение и лишние неприятности. Вполне достаточно тех, которые уже имеются почти у всех нас — при нынешней-то жизни. ■

БОРЬБА С НАРКОТИКАМИ ИЛИ ЗА НАРКОТИКИ?

— Алексей Валентинович, разговоры о росте наркомании в нашей стране стали общим местом. Вы обладаете точной информацией на этот счет. Что же говорит статистика?

— В прошлом году в России отчетливо — в полтора раза (!) — сократились темпы роста заболеваемости наркоманией, особенно среди несовершеннолетних. Стало гораздо меньше смертей несовершеннолетних от наркотиков. В нынешнем году эта

тенденция даже усиливается. Сокращается прирост темпов заболеваемости и среди взрослых. Хотя в целом количество взрослых наркоманов растет, темпы прироста снижаются. Снажем, если раньше в некоем населенном пункте за год появлялась тысяча новых наркоманов, за второй — уже тысяча сто, то сейчас, допустим, шестьсот. Причем средний их возраст стал старше. А по мнению ведущих эпидемиологов (как наших, так и зарубеж-

Как меняется в нашей стране отношение молодежи к наркотикам? Что таит в себе голландский опыт свободной продажи наркотических веществ? Чем опасен метадон? Об этом с корреспондентом "Смены" беседует главный детский нарколог Министерства здравоохранения Российской Федерации, руководитель клинического отделения детской и подростковой наркологии НИИ наркологии Алексей НАДЕЖДИН.

ных), увеличение возраста потребителей наркотиков — косвенный признак того, что эпидемия идет на убыль.

— Почему?

— Да потому что "рекрутируются" в наркоманы, как правило, подростки и молодежь. Тогда расплозание эпидемии идет не в верхнюю возрастную границу, а в нижнюю. То есть, чем младше возраст потребителей наркотиков, тем больше населения вовлекается в этот порок. Если же

дети начинают приобщаться к наркотикам позже или не приобщаются вообще, значит, распространение эпидемии прекращается и возраст наркоманов стареет.

— Так почему же сократилось количество наркоманов?

— Ответить достаточно сложно. МВД, например, считает, что из-за засухи в Афганистане урожай опиумного мака сгорел на корню. Может быть. Хотя мне лично кажется, что в обществе и

в мировоззрении молодежи произошли фундаментальные изменения. Я стараюсь отслеживать устроения в молодежной среде: провожу опросы, выясняю отношение молодых к наркотикам. Три года назад примерно 15 процентов опрошенных мною студентов говорили, что наркотики — это нормально и признавались в их употреблении. Сейчас таких менее 1 процента. Интересно, что антинаркотическая позиция связана с двумя очень важными факторами: с ростом патриотических настроений в молодежной среде и с ростом традиционной религиозности. По моим наблюдениям, молодежь стала меньше смотреть телевизор, меньше покупать иностранные насадки, больше любить пусть даже жестокие, китчевые, но отечественные фильмы. Сыграли положительную роль и некоторые профилактические программы.

— Еще недавно образ наркомана был овеян романтической дымкой. Я думаю, это связано с романтизацией свободной любви и прочих "достижений демократии". А сейчас (во всяком случае, в Москве) большинство молодежи относится к наркоманам как отбросам общества. А когда смотришь на что-то сверху вниз, то, конечно, подражать уже не будешь.

— Романтизация наркоманов происходила отнюдь не стихийно. Я склонен видеть сознательное внедрение наркомании и наркоманической философии в молодежную субкультуру. Изначально это шло к нам с Запада, а затем поддерживалось определенными кругами внутри нашей страны.

— Зачем?

— На мой взгляд, в основе борьбы за легализацию наркотиков лежит стремление изменить менталитет народа, чтобы потом с ним проще было справиться. Ведь недаром разные народы веками употребляют те или иные, но традиционные для них психоактивные вещества — алкоголь, например. Вероятно, это связано со строем их души, с национальным характером и оказывает определенное воздействие на формирование сознания. Когда-то известный русский историк Сергей Михайлович Соловьев писал о влиянии ландшафта на душу народа. Я думаю, нечто подобное можно сказать и о психоактивном веществе, которое употребляется в той или иной культуре. Поэтому попытки убрать или вытеснить традиционные психоактивные вещества новыми — а как правило, это бывают наркотики — в значительной степени направлены на изменение менталитета.

— Наверное, неслучайно идеологи "глобализации" рано или поздно приходят и к идее легализации наркотиков. В глобальном обществе будущего — если его удастся создать — наркотики, вероятно, будут узаконены.

— Глобальному обществу будущего нужны послушные члены. Тут вспоминаются самые мрачные футурологические романы: и "Мы" Замятина, и произведения Хаксли...

— ... который и сам был наркоманом, и ратовал за свободу наркотинов для всех остальных...

— Да, конечно, в первую очередь вспоминается именно он.

После второй мировой войны неоднократно предпринимались попытки найти такой психоактив, который не только физически, но и душевно держал бы людей в подчинении. В ряде стран уже поставлены массовые эксперименты. Например, крупнейшим полигоном является Голландия. Там ведь легализована не только марихуана. Об этом не принято говорить, но в Голландии узаконена целая группа психоактивных веществ: и различные галлюциногенные растительные композиции, и психостимулирующие композиции типа "экстази".

— Но неужели на Западе все поддерживают либерализацию наркотиков?

— Нет, даже в Голландии не все "за". Голландские исследовательские центры, которые выступают категорически против легализации наркотиков, регулярно печатают доклады, проводят аналитические семинары, дают вопиющие цифры, но... практически не имеют выхода на международную арену. Им не удается донести свою точку зрения до международной общественности. И министерство здравоохранения Голландии крайне негативно настроено, но почему-то его мнение не учитывается.

— А как обстоят дела с попытками легализации наркотиков в нашей стране?

— В последние два года наши "легализаторы" несколько притихли, сменили тактику. Еще недавно открыто говорилось, что наркомания неизлечима, эпидемию победить невозможно, а потому надо ввести заместительную терапию и выдавать наркоманам наркотики. Тогда,

дескать, они перестанут участвовать в криминальном наркобизнесе.

— Если не ошибаюсь, к этому призывали "Врачи без границ".

— И не только они. Множество международных структур активно проводили эту линию. Но потом ситуация стала меняться. Общество с колоссальным трудом, ценой огромного количества жертв, начало вырабатывать иммунитет против наркотиков. И "легализаторы" резко поменяли точку зрения. Теперь они говорят о массовом распространении СПИДа, о плохой профилактике ВИЧ-инфекции среди наркоманов. И призывают к срочной раздаче наркотических веществ и одноразовых шприцов.

— То есть изменилась мотивировка, но не суть позиции?

— Да, и давление по-прежнему огромно. Мне говорят: "Доктор, вы хотите, чтобы большинство ваших пациентов умерло от ВИЧ-инфекции? Вы им что, зла желаете?" Хотя темпы распространения ВИЧ-инфекции в Российской Федерации в нынешнем году тоже замедлились. Изменилась и структура заболеваемости. Если раньше массовое заражение происходило за счет внутривенного потребления наркотиков, то сейчас этот процент сократился, а процент передачи ВИЧ-инфекции половым путем вырос. Это, кстати, тоже косвенно свидетельствует в пользу отступления эпидемии наркомании. Однако требования ввести метадоновые программы по-прежнему продолжают. А ведь введение метадоновых программ в Европе совершенно не улучшило ситуацию!

— *И в чем же суть этих программ?*

— Метадон — опиоидный наркотик — был предложен американскими специалистами в качестве препарата, заменяющего другие наркотики. Подобные попытки уже предпринимались наркологами раньше. Когда был выделен чистый кокаин, им пытались лечить зависимость от опиума и морфина. Но заканчивалось это лишь переходом одной формы заболевания в другую. Когда появился героин, им тоже пробовали лечить опиоманию и морфинную наркоманию. Что опять-таки завершилось плачевно: героин просто оттеснил другие наркотики и вышел на первый план, поскольку он сильнее. Аналогичная история произошла и с метадонем. Мало того, что при его употреблении возникает состояние как после приема опатов, так у метадона есть еще и психостимулирующий компонент. Поэтому при попытке отменить больному метадон у него возникают ужасающие депрессии и интенсивное влечение к наркотику. Влечение гораздо более сильное, чем при отмене героина! Вот типичный пример. Больной готов лечь в больницу, но просит отсрочки на две недели. "Зачем? — спрашиваю я. — Вы не первый раз лечитесь и спокойно переживете абстиненцию". "Видите ли, — отвечает он, — я сейчас употребляю метадон". "Ну и что?" — "Я хочу за две недели сменить метадон на героин, чтобы мне потом было легче". Когда это слышишь не от одного десятка больных, начинаешь подозревать, что метадон гораздо более худший вариант, нежели героин.

Это понятно даже без погружения в психофармакологию и прочее "дебри".

— *Погодите, я что-то не понимаю. Зачем человеку, принимающему героин, начинают давать метадон?*

— Была такая иллюзия, что раз наркоманию лечить бесполезно, пусть государство выдает больному наркотический паек. Дескать, тогда наркоман никому не будет мешать. Считалось, что метадон не вызывает зависимости. Это неправда, но когда программы распространились, когда в них вовлекли десятки тысяч людей, встал вопрос: насколько реально прекратить метадоновые и другие программы заместительной терапии? Представляете, какие волнения это вызовет в обществе? Например, в Америке, структура здравоохранения попадают в зависимость от наркотического вещества, которое они стали легально распространять. Эпидемия при этом не прекращается. Молодые люди перестают бояться наркомании и, естественно, легко вовлекаются. Поэтому западные страны демонстрируют высокий и очень устойчивый уровень потребления наркотиков. А ведь денег на борьбу с наркотиками там выделяется гораздо больше, чем у нас!

— *Но, может быть, метадоновые программы позволяют хотя бы покончить с нелегальной продажей наркотиков?*

— Ничего подобного! Если уж в Америке метадон воруют, и он попадает на нелегальный рынок, если Швеция в 1975 году прекратила и только сейчас снова возобновила метадоновые про-

граммы (причем с оговоркой, что они неэффективны и огромное количество метадона оказывается на нелегальном рынке!), то, естественно, та же история произойдет и в России. Только у нас на черный рынок будут попадать не "огромные количества", а практически весь метадон. Закупая метадон на средства нашего скудного бюджета, мы будем обогащать не только иностранные фирмы-производители, но и отечественных спекулянтов. Поскольку метадон в последние годы вызывает все больше нареканий, в Швейцарии, Германии и других европейских странах от него стараются отходить. И сбыть кому-нибудь другому, скажем, России.

— Вы говорили про бюджетные средства. Но они же формируются за счет налогов. Выходит, мы, граждане России, должны будем на свои деньги обеспечивать наркоманам ежедневную "дозу"?

— Да, ежедневную и пожизненную.

— Ущемляя людей, страдающих другими заболеваниями? Ведь здравоохранение стараются перевести на платные рельсы...

— Тех, кто "пробивает" в нашей стране метадоновые программы, это не волнует. Хотя сейчас так уж прямо, грубо лоббировать метадоновые программы мало кто решается. Слишком непопулярно. Поэтому начинают с малого: с программы обмена шприцов и игл. На недавнем "круглом столе", где обсуждались эти проблемы и куда я был приглашен, снова зазвучали "старые песни о главном": "Надо

выдавать наркоманам иглы и презервативы". И совершенно прав был представитель МВД, сказавший: "А в чем, собственно, проблема? Пожалуйста, давайте. Но в наркологических диспансерах и тем, кто в этом реально нуждается, а не всем подряд на центральной улице".

— Уже упоминавшаяся международная организация "Врачи без границ" очень активно ратовала за обмен шприцев...

— "Врачей без границ" сегодня не слышно. Вместо них появились другие структуры, хотя лозунги, символы, идеология остались прежними. Теперь программы обмена шприцев активно продвигают не "Врачи без границ", а представители управления ООН по борьбе с наркомафией и правонарушениями. В принципе Управление делает много позитивного, и наши официальные структуры с ним сотрудничают. Но при этом его представители весьма настойчиво выступают за обмен шприцев и игл. Хотя большинство представителей наших ведомств, ответственных за борьбу с наркоманией, крайне отрицательно относятся к такому методу решения проблемы. Прошедшее десятилетие свидетельствует, что мы правильно поступили, не последовали советам и не вбросили наркотики на улицы наших городов под видом контролируемой раздачи, не поставили на оживленных перекрестках автобусы с лозунгом "Наркоман, обменяй шприц!" Не нужно быть социальным психологом, чтобы понять, как бы это отразилось на отношении молодежи к самой проблеме употребления наркотиков.

— А позиция Государственной думы?

— Неоднозначна. В СПС довольно много депутатов выступает за легализацию наркотиков под лозунгом "Человек свободен и сам должен решать, как ему жить!" А 26 июня прошлого года, в День борьбы с наркотиками и наркобизнесом, лидер ЛДПР В.Жириновский, выступая на первой международной конференции, посвященной борьбе с наркомафией, прямо взывал к легализации наркотиков.

— А кто-то из наркологов ратует за легализацию наркотиков?

— Как правило, за это ратует не кто-то лично, а общественные структуры, которые получают финансовую подпитку из источников, находящихся за пределами Российской Федерации.

— А какие меры нужны для усиления реальной борьбы с наркотиками?

— Я могу судить только на своем, довольно локальном уровне. На мой взгляд, совершенно необходимо ввести институт принудительного лечения. Не только для наркоманов, но и для лиц, страдающих алкоголизмом. Я вообще против разрыва проблемы пьянства, наркомании и токсикомании. Конечно, наркотики наиболее опасны и недаром выведены в класс особых веществ, за манипуляции с которыми предусмотрена уголовная ответственность. Но комплекс чисто медицинских мероприятий должен быть тут единым. В либеральной Америке, например, институт принудительного лечения существует...

— Говорят, что принудительное лечение алкоголиков в на-

шей стране было неэффективным...

— Это вранье! МВД давало цифры: из 100 алкоголиков, направившихся в лечебно-трудовые профилактории, только 30 осуждались повторно. А остальные или бросали пить, или если даже продолжали, то хотя бы начинали вести себя прилично, прекращали дебоширить, избивать жен и детей. А это, согласитесь, немаловажно, ведь сейчас на таких людей практически нет управы. Скольким людям они испортили жизнь, сколько детских судеб поломано из-за "гуманизма" государства по отношению к родителям-алкоголикам! Причем обращаю ваше внимание на то, что профилактории были лечебно-трудовыми. Упор делался не столько на лечебные мероприятия, сколько на воспитание трудом. Разумеется, в принудительном лечении нуждаются не все имеющие наркологические проблемы, лишь те, кто потерял человеческий облик или чье поведение угрожает их интересам и интересам их близких.

— Как наши власти сейчас относятся к проблеме принудительного лечения наркомании?

— В последнее время все больше государственных чиновников склоняется к принятию такой нормы. Тем более, что она не противоречит международному законодательству.

— А как обстоят дела с наркоманией в среде безнадзорных? Наверное, они чуть ли не поголовно все наркоманы?

— Весьма распространенное заблуждение. На самом деле среди них гораздо больше токсикоманов. Но в нашей стране нет

закона, ограничивающего продажу потенциально опасных токсикантов несовершеннолетним. В Англии, например, такой закон есть. Там до 18 лет клей или баллончик для зажигалки не купишь. А у нас диная ситуация. Стоит торговка на вонзале, продает товары бытовой химии. Подходит чумазый восьмилетний ребенок, протягивает смятую купюру, и она выдает ему клей, а впридачу панетик... И еще тряпочку туда положит, чтобы удобней было нюхать. Прямо безумие какое-то! Министерство здравоохранения многократно предлагало принять меры на уровне административного кодекса. Но почему-то наши органы исполнительной власти, контролирующие торговлю, не реагируют. Хотя это не принесет серьезных убытков торговле. Тем более, что делать прибыль на подобных вещах хуже, чем преступление!

— Нужно ли принимать еще какие-то меры на уровне законодательства для усиления борьбы с нарномафией?

— Я лично за смертную казнь рецидивистов, торгующих наркотиками в особо крупных размерах или создающих сеть наркоторговли. У нас сложилась парадоксальная ситуация, когда за тяжчайшие преступления, связанные с организацией наркоторговли и транспортировкой наркотических веществ, дают небольшие сроки наказания. Это ни в какое сравнение не идет с теми сроками, которые за аналогичные преступления получают наркоторговцы в других странах, в том числе и в "цивилизованных". В Америке, например, за транспортировку наркотиков грозит пожизненное заключение, во Франции наказание тоже очень серьезное, не говоря о поистине драконовских мерах в Китае. Законодательные меры борьбы следует усиливать, и наше министерство направляет соответствующие предложения в Государственную Думу. ■

Беседу вела
Татьяна ШИШОВА.

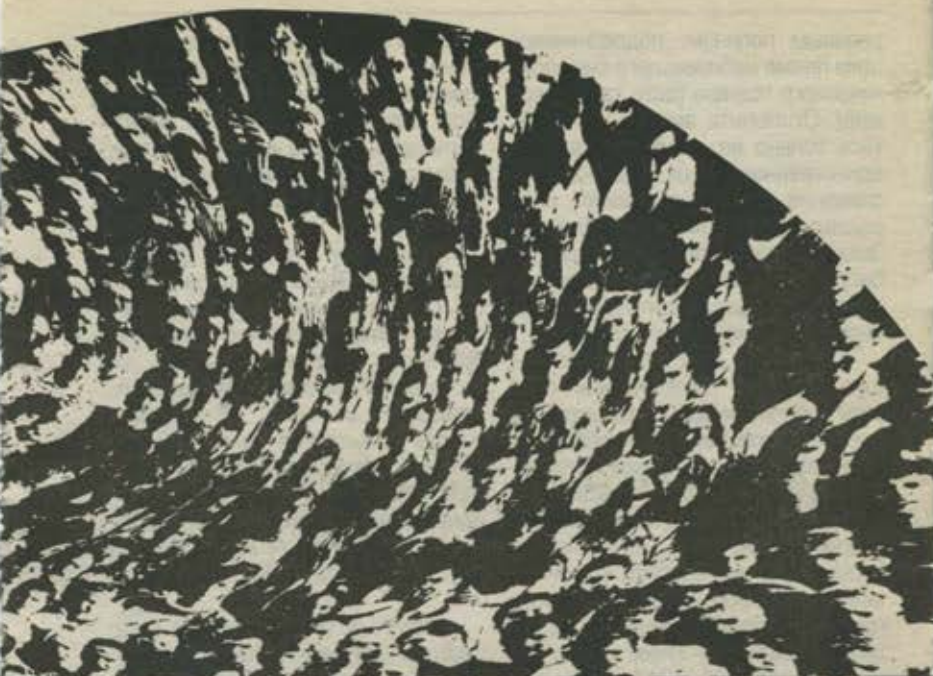

толпа живет по

Пренде всего, давайте договоримся, что такое массовое скопление людей и чем оно отлично от толпы, которой надо опасаться. Сто человек — это толпа? А тысяча? А десять тысяч? Все зависит от места действия. Тридцать человек в замкнутом пространстве малогабаритной квартиры могут быть толпой, а пять тысяч человек, равномерно рассредоточенные по открытому пространству большого поля и занятые своим делом — нет. Может быть, толпа — это скопление неорганизованных людей? Не всегда. Сидят, скажем, сто ты-

сяч болельщиков на стадионе, каждый на своем месте, со своим билетом, каждый сам по себе. Какая же это толпа? Вот если бы они разом всочили...

Для того, чтобы просто массовое скопление людей превратилось в опасную толпу, нужна провокация — щепотка дрожжей, которая заставляет массу теста бродить и подниматься. Что послужит детонатором, превращающим мирных людей в агрессивную толпу, — паника, вызванная стихийным бедствием, пожаром, митинг или рок-концерт, боязнь остаться без раз-

законам реки

Андрей ИЛЬИН

даваемой щедрой руной гуманитарной помощи, массовое недовольство... — не суть важно. Важно, что в какой-то момент тысячи людей утрачивают самоконтроль и превращаются в единый биологический организм, живущий по своим законам. Подчиненность каждого всем — главный закон толпы.

Очень часто после завершения массовых беспорядков люди, вспоминая события прошедших часов или даже дней, удивляются, что они, вдруг "съехав с тормозов", бежали туда, куда бежали все, делали то, что делали прочие, вплоть

до вандализма. Что произошло? Человек — животное стадное. Оттого и выжил в экстремальные первобытные времена. Нет-нет, а старые инстинкты дают о себе знать. И бывший биологический закон — приоритет стаи над составляющими ее индивидуумами — прорывается сквозь налет благоприобретенных цивилизованных привычек.

Основное правило самосохранения в толпе — стремление к сохранению индивидуальности. Главное — не поддаваться общему психозу спасения любой ценой, не стать

рядовым поленом, поддерживающим пламя набирающего силу психического пожара (есть такой термин). Отключите эмоции, полагайтесь только на разум. Он, разум, единственная ваша надежда на спасение. Только он может подсказать верную линию поведения. Эмоции поведут вас туда, куда побегут все. Анализируйте, взвешивайте ситуацию, ищите наиболее перспективные пути спасения.

Перечислю некоторые простейшие приемы, позволяющие оказать психологическое сопротивление массовой панике. Никогда не принимайте на веру слухи, которые муссируются в толпе. Ищите способ проверить их. Не подчиняйтесь слепо мнению толпы, сколько бы верным оно ни казалось в данный момент. Закройте уши, откройте глаза. Принимайте решение, исходя из принципа — "Верю только тому, что вижу!" Но не вздумайте, если вы не согласны с мнением и действиями толпы, высказывать это публично. Ваша внутренняя позиция не должна проявляться внешне. "Белых ворон" толпа уничтожает. Не высказывайте, не защищайте свое мнение, не вступайте в дискуссии. Сосредоточьтесь на действии — оно важнее слов.

Бурные массовые чувства, будь то страх, ненависть или радость, очень заразительны. Сопровождайтесь массовому психозу. Если вы чувствуете, что "заводите", попробуйте взглянуть на себя со стороны. Не глупо ли вы выглядите, не смешны ли ваши движения, мимика, речь? Самоирония и стыд — хорошие тормоза при начинающейся истерике.

Отвлекайтесь любым возможным способом. Главное — сохранить ясность ума. Используйте

приемы аутотренинга: глубокое дыхание, созерцание неподвижных предметов, разговор с самим собой. Наконец, попробуйте отрезать себя, сильно ущипнув за руку, прикусив губу, ударив самого себя по щеке или причинив любую другую боль.

Сосредоточьтесь на близких вам людях. Ваша задача защитить их. Опыт показывает, что под влиянием толпы социальные связи разрушаются, человек перестает заботиться о своих друзьях и родных, перестает замечать их. Человек толпы становится врагом своих близких. Известны случаи, когда в приступе паники или демонстрации фанатической преданности вожаку стаи (читай — лидеру толпы) матери жертвовали своими детьми!

Ищите в толпе подобных себе "изгоев". Объединяйтесь с ними, создавайте оппозицию общему настроению (только молчаливую оппозицию). Нескольких нашедших друг в друге опоры человек легче противостоят толпе, чем один. Не может быть, чтобы среди тысяч людей не нашлось десятка здравомыслящих. Узнавайте их по выражению глаз, по мимике, по действиям. Пробивайтесь к ним, вставайте рядом, объединяйте ваш разум и физическую силу.

Если вы не поддались отрицательному обаянию толпы, значит, вы наполовину выиграли бой за выживание. Физические действия, непосредственно направленные на спасение, в условиях паники вторичны. Если вы защитили сознание, оно научит тело, как вырваться из передраги живым и невредимым.

А если говорить уж совсем отвлеченно, то стихия толпы тем

разрушительней, чем менее воспитаны люди, из которых она состоит. Интеллект, помноженный на воспитание, не оставляет панике ни единого шанса. Судовой оркестр во время гибели лайнера "Титаник" до последнего мгновения, пытаясь успокоить толпу, играл вальсы Штрауса. Оркестранты погибли в полном составе, но в том, что они поддались панике, их обвинить нельзя. На том же "Титанике" было немало случаев, когда джентльмены уступали дамам свои спасилеты, а проплывая в ледяной воде (20 минут — предел выживания!) мимо переполненных шлюпок, спрашивали: "Господа, у вас не найдется еще одного местечка? Нет? Тогда извините за беспокойство. И счастливо оставаться... живыми". Да, именно в подобных изысканных выражениях. К сожалению, большинство из нас будет в подобной ситуации использовать совсем другие словосочетания и предпринимать совсем другие действия. Увы, издержки воспитания. Для нас жизнь — гораздо более конкретное понятие, чем честь.

Итак, вы сидите расслабленно в кресле кинотеатра и вдруг происходит ЧП: пожар, взрыв, вооруженная агрессия группы террористов или просто крики о пожаре или взрыве. Люди в зрительном зале, вначале оторопев, потом инстинктивно бросаются к выходам. Задние, боясь оказаться дальше всех от спасительной двери и ближе всех к опасности (которую зачастую даже и не видят), нажимают на передних. Передние упираются в стены, образуется давка. Вам очень хочется бежать вместе со всеми, не важно — куда, лишь бы отсюда.

А вот тут вы не правы. Очень важно — куда и когда. Если вы надумали убежать, то старайтесь быть первыми, пока еще проходы свободны, пока еще основная масса людей выбирается из рядов кресел, пока они еще не превратились в толпу и помнят о нормах общечеловеческой морали, не пустили в ход локти и кулаки. Если вы не успели попасть в первые ряды бегущих и если явная опасность не просматривается, постарайтесь переждать, пока схлынет основной поток спасающихся. Понимаю, трудно не поддаться общей панике. И все-таки попробуйте усмирить страх.

Очень часто толкотня массы людей в узких проходах бывает опасней самой угрозы, вызвавшей панику. Только в одном случае имеет смысл подвергать свою жизнь опасности, бросаясь в паникующую толпу, — при быстро распространяющемся пожаре. Перед броском избавьтесь от всех, способных причинить боль вам и окружающим, колющих, режущих, стеклянных и просто объемных, выступающих из нарманов, предметов.

Нередко потерпевшие бывают изранены собственными ключами или ножничками, высунувшимися из косметички. Не жадничайте, бросайте вещи. В крайнем случае, запомните, где их оставили, чтобы потом, когда все завершится, вернуться.

Снимите очки, если не хотите, чтобы вам вдавили их в глаза. Уберите сережки — их все равно вырвут в общей сутолоке, но уже вместе с ушами. Избавьтесь от громоздкой, длинной, слишком свободной, изобилующей крючками, пуговицами, завязками одежды. Обязательно снимите с шеи гал-

стун, шарф, декоративную носынку, цепочки, бусы. Такие предметы гардероба в толпе становятся смертельно опасными. Достаточно зацепиться ими за какой-нибудь неподвижный предмет или близкого человека, чтобы они сыграли роль мгновенно стянувшей горло удавки. Едва ли вы сумеете выдернуть из спрессованной массы людей руки, чтобы ослабить давление петли. И уж тем более не сможете затормозить движение толпы, чтобы снять шарф со случайного гвоздя на стене.

Намертво завяжите обувные шнурки. Об этом, бросаясь на приступ дверей, обычно все забывают. Если кто-нибудь наступит вам на шнурок, вы можете упасть, а это гарантированная смерть. И уж, конечно, сбросьте заплечные сумки.

В толпу толпе надо входить с умом. Самое опасное место в толпе, вытекающей из здания через узкие двери, — с края. Людей, оказавшихся там, иногда просто размазывают по стенам и косякам дверей. Любой выступ, розетка, выключатель, случайный шуруп или гвоздь могут изрезать человека, протаскиваемого вдоль стены, не хуже бандитского ножа. Поэтому основная задача человека, вливающегося в толпу, — как можно дальше уйти от ее края. Это можно сделать, либо вернувшись чуть назад, где она более разрежена, чтобы попасть в одну из центральных струй, либо идти "по головам". Увы, как ни безразличен данный совет, с точки зрения физического выживания он совершенно верен. Самое свободное пространство в спрессованной толпе, естественно, сверху. А люди в толпе бывают настолько сдавлены, настолько притерты друг к другу, что по ним,

по их плечам, возможно идти, как, простите, по булыжной мостовой, в полный рост. И тому есть подтверждающие примеры.

Топтать наблудками чужие макушки я, естественно, не призываю, а вот "прилечь" на толпу советую. Для этого надо запрыгнуть на крайние ряды и по-пластунски или перенатываясь ползти до места, которое вы облюбовали, а там уже ввинчиваться в массу людей. А если не выйдет, то так и плыть на чужих головах дальше. Я не обещаю, что вас не будут тревожить снизу ударами, толчками или щипками. Но это не так смертельно, как растирание по стенам.

Особенно этот прием можно порекомендовать в случаях, когда у вас на руках малолетний ребенок. Втащить его в толпу — значит подвергать его жизни смертельной опасности. Известны случаи, когда матери просто бросали своих детей поверх толпы и тем самым спасали их от смерти. Иногда родители усаживают ребенка на плечи и вливаются в людской поток. В постепенно уплотняющейся, каменеющей толпе, когда путь наверх закрыт, родители должны попытаться, повернувшись лицом к лицу и упершись друг в друга согнутыми в локтях и прижатыми к корпусу руками, поместить ребенка между собой.

Начальная разреженность людского потока не должна вводить вас в заблуждение. По мере приближения к выходной двери давление (из-за эффекта воронки) нарастает. И когда вы спохватитесь, ваши руки уже будут намертво прижаты к телу. Все, что вы можете предпринять для своего спасения в толпе, вы должны предпринять до ее "прессовки".

Если вы оказались в первых рядах убегающих людей, постарайтесь, пока толпа не нахлынула, раскрыть вторую, если она заперта, створку двери. Потом это будет сделать сложнее.

И все же лучший способ избежать возможной гибели в выбегающей из помещения толпе — не попадать в нее. Для этого не полнитесь, находясь в кинотеатре, Дворце спорта или на стадионе, заранее наметить пути возможного отхода. Хотя бы обратите внимание на встретившиеся вам на пути двери, над которыми висит табличка "Запасный выход" или горит окрашенный в красный цвет плафон. Замечено, что большинство людей в случае опасности пытаются выбраться тем же путем, что пришли. В результате у входных дверей образуется давка, в то время как подходы к запасным довольно свободны. Это и есть одно из самых главных правил выживания, которое гласит: "Заходя куда-то, подумай, как ты будешь оттуда выбираться". Оно напрямую касается как альпинистов, штурмующих высотный пик, так и простых смертных, на пару часов зашедших в кинотеатр. Правила выживания не зависят от места действия.

Удивительно, но большинству людей выживание в уличной толпе представляется целью более легкодостижимой, чем, к примеру, в замкнутом пространстве киноконцертного зала. Но именно улица знает примеры самых кровавых давок: достаточно вспомнить Ходынку, похороны Сталина. А чем больше толпа, тем напряженней ее психическое состояние, тем легче находится провокатор, поджигающий запал эмоционального взрыва, тем страшнее последствия воз-

можной паники. Любая уличная толпа, в отличие, например, от "зрительской", опасна изначально. Митинг ли это, шествие, демонстрация — не столь важно. В любом случае такая толпа в той или иной степени идеологизирована. А это уже та почва, на которой легко расцветают ярко-алые цветы погромов, самосудов, восстаний и иных уличных беспорядков. Для превышения критической массы покоя бывает довольно одного кирпичика, брошенного в витрину, или одного крика "Наших бьют!", чтобы законопослушное снопление людей превратилось в не боящуюся крови и смерти толпу, которая высвобождает животные инстинкты, создавая иллюзию канущей безнаказанности. В масштабах многотысячной толпы она заразительна, как чума. "Бей! Громи!" — любимые лозунги беснующихся толп. Массовая вседозволенность иногда переходит в ощущение всемогущества. Такая толпа ищет жертвы уже сознательно, поэтому смертельно опасна для всего живого, встретившегося на ее пути.

Отсюда главный совет: в дни социальной напряженности не выходите лишний раз на улицу, не идите на свои ребра приключений. Все, что вы хотите увидеть, вам покажут по телевизору. Особенно следите за детьми, они часто стремятся попасть в самые горячие точки событий, за что и расплачиваются.

Если в силу каких-то обстоятельств избежать участия в массовых шествиях вам не удастся, не забывайте о мерах личной безопасности. Изберите прилегающую, крепко на вас сидящую, с надежными застегнутыми верхнюю одежду.

Собираясь в места массового скопления людей, предпочитайте одежду поплосше, ее не так жалко бросить в случае необходимости. А вот контактные линзы, если вы их носите, обязательно возьмите! Они защищают глаза от воздействия боевых (используемых милицией) слезоточивых газов. Снимите с одежды все знаки профессиональной или идеологической принадлежности. Вообще старайтесь внешним обликом быть "усредненно-нейтральным". Не рекомендуется иметь при себе фотоаппараты и видеокамеры, их не жалуют ни погромщики, ни органы правопорядка, разгоняющие толпу.

Старайтесь не лезть в гущу событий: в голову идущей колонны, к митинговым трибунам, к местам концентрации сил правопорядка и противостоящих им стихийно созданных боевых дружин. В этом случае лучше держаться окраин толпы, чем центра — там больше шансов вовремя и, главное, без потерь покинуть поле боя.

Вспомните план окружающей местности. Зачастую от того, насколько хорошо вы ориентируетесь в своем районе и помните расположение ближайших площадей, улиц, переулков, проходных дворов и даже подъездов, зависит ваша жизнь. Особенно опасны возможные транспортные сужения — переходы магистральной улицы в более тесную, ремонт ее проезжей части, строительство перехода. Любое такое сужение — капкан. Толпа не сможет остановиться, так как дальние задние ряды не видят препятствие и продолжают наступать. Головные колонны будут вынужденно "спрессовываться". У входа в сужение создается неизбежный

затор, а значит, давка и паника, провоцирующая новую, уже более масштабную давку. Прикиньте, где "ваша" толпа может соединиться с другой и где ее может поджидать милиция.

Если вы заранее просчитаете воронку, у вас останется шанс, до того как толпа уплотнится и закаменеет, покинуть ее. Толкайтесь, рыдайте, умоляйте пропустить вас по причине оставленного включенного утюга, предупредите, что у вас плохо со здоровьем и что сейчас, не сходя с этого самого места, вы испустите дух, изобразите сердечный приступ или тошноту. Будет мало слов — вызывайте рвоту. Если вы знаете, что один из потоков разделяющейся толпы хлынет в левую протону — улицу, которая ведет в тупик или заканчивается свежим строительным котлованом (а это неизбежная давка), — а другой — в правую, свободную, то вы должны попасть в поток, утесняющий вправо! Чуть замешнаетесь, растеряетесь — и вас не спросят, куда вы хотите, потащат, подталкивая в бока и спину, навстречу гибели. В толпе спасаются не тогда, когда спасаются все, а тогда, когда паника и массовое бегство только предполагаются.

В ситуациях, когда вы видите приближающуюся к вам толпу, немедленно уходите в сторону — в боковые улицы, переулки, проходные дворы. Убегать от толпы туда, куда она движется, не рекомендуется. Во-первых, вы можете спровоцировать погоню (инстинкт хищника, догоняющего жертву), во-вторых, — упереться в тупик, где вас и накроет вал приблизившихся людей. В-третьих, вы можете оказаться между толпой и органами правопорядка и пострадаете и от

тех, и от других. Лучше уж уходить в подъезды, где, поднявшись на верхние этажи, просить убежища у жильцов или... переждать события на крыше. Как самое крайнее средство можно порекомендовать при приближении толпы взбираться на козырьки магазинов, крыши низких зданий, капитальных киосков и даже трамвайных вагонов (только опасайтесь токонесущего провода!), вскарабкаться на уличные фонари, то есть любым способом стремиться подняться над толпой. Если на облюбованный вами козырек влезает все новые и новые люди, отчего его прочность начинает вызывать сомнение, забирайтесь через окна в квартиры ближайших домов или ползите выше в поисках подходящей для спасения площадки. Путь вниз, в толпу, для вас все равно отрезан! Можно также (но еще более опасно, чем балансировать на случайных крышах и выступах) искать укрытия на уровне земли, например, забираясь под трамваи, тяжелые грузовые автомобили, в слуховые окна подвалов. Например, при похоронах Сталина многие люди спаслись именно так — на бортах и под днищами машин войскового оцепления.

Если вы оказались в толпе, то главное, чего вы не должны делать, — оказывать физическое сопротивление, пытаться сдерживать соседей, хвататься за случайные неподвижные предметы, тормозить общее движение. Вас просто сомнут и затопчут, а руки, ухватившиеся за фонарь, ломают.

Если в разреженной толпе имело смысл "плыть" к ее окраинам, чтобы найти убежище в ближних домах, то в монолитно-текущей — наоборот, надо держаться от них

как можно дальше. Любые выступления на стенах, мимо которых вас тащит людской поток, становятся смертельно опасными. Многометровое стекло витрины, выдавленное вашим телом, становится гигантским гильотинным ножом, способным в падении перерубить всякого оназавшегося на его пути человека.

Предпочитайте семенящий шаг прыжкам — так меньше шансов быть сбитым боковым толчком или угодить в невидимую яму. Избавьтесь от неустойчивой, на высоких каблуках обуви. Вы все равно ее потеряете, но уже вместе с жизнью. Для начала попробуйте отломить каблуки, а если это не добавит устойчивости, сбрасывайте туфли. Наверное, вам в кровь истопчут пальцы на ногах, но это не так страшно, как падение на землю. Не нагибайтесь за уроненными вещами, что бы вы ни потеряли, не пытайтесь рассмотреть нанесенные вам повреждения.

Если вы упали, а подняться не удалось, подтяните колени к животу, наклоните голову к груди, обхватите ее руками, прикрыв локтями бока, по возможности откатытесь за какое-нибудь препятствие на земле и, не реагируя на боль и удары, молитесь Богу. Только он в такой ситуации может помочь вам сохранить жизнь. И еще вовремя подоспевшая к месту событий и вашему телу реанимационная бригада.

Другая опасность связана с удушением. Чтобы этого избежать, руки в "затвердевающей" толпе необходимо выставить перед грудью, со сцепленными в замок пальцами или сжатыми кулаками. В таком положении они хоть в какой-то степени защитят грудную клетку. ■

Николай ЗУЕВ

Фото автора

Шариком

— Ностя, пока игра "14 плюс 1" больше популярна в Европе, чем у нас. В чем ее особенности?

— В игре участвуют все 16 шаров. 15 шаров устанавливаются в пирамиду без учета номеров. Победителем становится тот, кто первым наберет условленное количество очков. Обычно играют до 75, 100 или 150 очков. Причем покладна одного

шара — это одно очко. Поскольку сумма всех шаров пирамиды равна 15, а игра может быть до 100 и более очков, то партия играется в несколько приемов и пирамиду приходится неоднократно ставить в исходное положение. Причем это делается, как только будет сыграно 14 шаров.

— Ты, наверное, доня и в истории возникновения бильярда?

Отныне и у нас в России есть свои короли бильярда — на проходившем в словацком городе Комарно чемпионате Европы среди юниоров по пулу серебряную медаль и звание вице-чемпиона в игре "14 плюс 1" выиграл москвич Константин Степанов. С ним беседует наш корреспондент.

по шарик

— Эта игра имеет очень древнее происхождение. Говорят, что ее родиной считается Азия. По утверждению одних — Индия, по мнению других — Китай. Позже бильярдом "заболела" Европа. По одной версии, пионерами этой игры стали англичане, по другой — французы. Во Франции, еще со времен Людовика XIII, до сих пор сохранился бильярдный зал во дворце Фонтенбло.

— Интересно, тогда играли в бильярд так же, как и сейчас?

— В те далекое времена игра проходила на небольших по размерам столах, в которых было до десяти луз. В средней части стола возвышались небольшие ворота из железа или китового уса. Через них и должны были проходить шары. Игроки были вооружены короткими киями, которые по внешнему виду скорее

напоминали палки. В литературе того времени есть упоминание о том, что даже дамы и девушки в пылу увлечения "целыми днями проводили с нием в руках".

— А есть люди, которые прославились за счет классной игры в бильярд?

— При Людовике XIV благодаря превосходной игре в бильярд можно было даже получить доступ ко двору. Постоянным партнером короля был некий Шамильяр. Он сначала умышленно проиграл королю несколько партий, чтобы расположить к

себе короля. И ему это удалось. Вскоре он сделал блестящую карьеру при дворе. Сначала он недолго ходил в писарях, затем стал советником при парламенте, а затем и военным министром. Если проводить сравнение, то почти такую же карьеру сделал при президенте Ельцине Шамиль Тарпищев, только за счет тенниса.

— Кто из россиян внес наибольший вклад в развитие бильярда?

— У нас эта игра появилась позже, чем в Европе. В 1850 году хороший игрок и управляющий бильярдной фабрикой в Петербурге А.Фрейберг создал образец русского шестилузного бильярда. Затем московские бильярдные мастера Шульц и Бригген предложили низкий борт для этой игры. В 1875 году большой игрок и фабрикант Гердерс изобрел передвижные борты для бильярдных столов.

— А откуда есть и пошло название самой игры?

— О самом названии игры существует несколько мнений. Английский автор Джон Вильк отмечал, что название ее пошло от древнесаксонских слов "мяч" и "палка". В других источниках упоминается о том, что слово "бильярд" происходит от французского "шар".

— Говорят, что у нас бильярд стал популярен благодаря Петру I...

— Будучи в Голландии и поиграв там в бильярд, Петр I приказал изготовить для него стол, за которым затем проводил массу времени. Еще большее распространение бильярд получил при императрице Анне Иоанновне,

которая играла в него ежедневно. Большими любителями этой игры были Ломоносов, граф Орлов, генералы от инфантерии Скобелев и Бибинов, граф Остерман-Толстой.

— Недавно на прилавках магазинов появилась книга Анатолия Лемана "Теория бильярдной игры". Насколько она поучительна для начинающих?

— Очень поучительна, ведь написал ее не только теоретик, но и большой практик этой игры. Еще служа в армии, он настолько увлекся игрой в бильярд, что скоро стал великолепным мастером. Он ежедневно упражнялся с кием и даже получил прозвище "профессор". Изучив всесторонне технику и практику игры, он стал составлять различные бильярдные задачи. Затем, ознакомившись с существующими трудами, сам приступил к разработке общей теории бильярдной игры. Об этом и поведал в романе "В казематах". По воспоминаниям современников, Анатолий Иванович владел всеми приемами игры. Были даже особые, неповторимые "лемановские удары".

— Говорят, что Сталин любил поиграть в бильярд...

— Об этом можно

подробно прочитать в романе Анатолия Рыбакова "Тридцать пятый и другие годы". Там описан случай, когда Сталин играл с Халининым. Он уважал всероссийского старосту за то, что тот никогда не поддавался и стремился выиграть, но это ему ни разу не

удалось. Со Сталиным играл и известный авианструктор Архангельский. Однажды он даже выиграл у Сталина, но нинение оргвыводы, к счастью, не последовали.

— В свое время знаток русского языка адмирал Александр Семенович Шишков назвал бильярд шаронатом. Не обидно за игру?

— Нет. Дело в том, что адмирал до абсурда увлекся заменой иностранных слов русскими. Он пытался назвать галоши монроступами, фонтан — водометом, бульвар — топталищем, но из этого ничего хорошего не вышло. Видеть в бильярде простое перекатывание шаров столь же нелепо, как и утверждать, что футбол — простое перебрасывание мяча, а шахматы — механическая перестановка фигур.

— Нание удары в бильярде тебе особенно нравятся?

— В этой игре нет некрасивых ударов, есть игроки, которые неправильно бьют по шарам. Мне нравятся все удары. Это и клапшотс — удар в центр

битка, и нанат — удар в верхнюю точку строго над центром шара, и оттяжна — удар в нижнюю точку шара. Мне по душе особые удары. Особый найф получаю от удачного дуговика и перескона, пистолета и массе.

— Некоторые считают, что играть в бильярд просто...

— Так считают те, кто ни разу не брал в руки ний. Поверьте на слово, что сложно найти другую игру, где бы так всесторонне проявлялись физические, умственные и интеллектуальные способности игрока. Для игры в бильярд мало иметь светлую голову, необходимо иметь и тренированные ноги, ведь порой за игру приходится пройти вокруг стола несколько километров. Только самые выносливые способны играть целый день. Даже у тренированных игроков после этого на следующий день ноют ноги и побаливает поясница. А еще этот вид спорта развивает глазомер, вырабатывает четность и координацию движений, быструю реакцию, находчивость. ■

"Космический" Дидье

Свою первую песню он написал в 12 лет для приятеля-ровесника, популярного сейчас французского певца Фабиана. Она имела успех, и через пару лет он сочинил песню для веду-

щей детской телепередачи, которая транслировалась по телевидению дважды в день в течение двух лет. Это был первый настоящий успех Дидье Морюани. Повзрослев, Дидье знакомится с поэтом Этьеном Родом-Жилем и пишет уже для французских звезд. В 1975 году он записывает свой первый вокальный альбом и совершает турне с французскими звездами Джонни Холлидеем, Джо Дассеном и Клодом Франсуа. А в 1976 году создает группу "Space". Вскоре выходит альбом "Magic Fly", ставший хитом во всем мире. Затем "Deliverance", повторивший успех первого альбома группы. В 1983 году "Space" дают концерты в Советском Союзе и собирают более 300000 зрителей на стадионах Москвы, Ленинграда и Киева. С этого момента Дидье частый гость в нашей стране. В июне 1987 года группа записывает альбом "Space Opera" — первой космической оперы, написанной для хора и синтезатора. В записи участвуют ансамбль Советской Армии и хор Гарвардского университета (США). Стоит заметить, что диск был доставлен даже на орбитальную станцию "Мир". А в 1992 году Дидье становится первым музыкантом, кто провел концерт на Красной площади. Недавно музыкант завершил работу над альбомом "Symphonic Space Dream", в котором приняли участие и русские музыканты.

— Дидье, кто повлиял на ваш выбор стать музыкантом?

— Я отлично помню, как, уезжая в Монако, я сказал отцу: "Хочу научиться играть на рояле". Он ответил: "Если хочешь научиться играть на рояле, прежде

всего ты должен изучить классическую музыку". Он мне нашел учителя, который был отличным скрипачом. Я вспоминаю тот день, когда мы ходили на концерт Йегуди Менухина. Он выступал в Нанне, и этот концерт стал шоком для меня: столько чувственности в музыке, потрясающий музыкант. После двух лет занятий, когда мне "стукнуло" 7 лет, учитель посоветовал отдать меня к лучшему преподавателю, в Монакскую консерваторию, по-

тому что, как он считал, я был очень одарен. Второй учитель научил меня чувствовать музыку, и еще показал, как заставить свое сердце петь. И в 10 лет я понял, что стану музыкантом. Правда, не знал, каким: дирижером, пианистом или композитором. Но одно знал твердо, музыка — моя жизнь.

— Вам кто-нибудь помогал в начале музыкальной карьеры?

— Больше всего помогли родители. Они всегда верили в ме-

ня и подбадривали, когда, например, не хотелось идти в школу и играть по 3-4 часа в день. Когда ровесники гуляли с девочками, у меня на это не хватало времени. Порой хотелось забросить музыку и бежать к друзьям. Когда я начал писать музыку, мой дядя Жильбер, музыкальный издатель, попросил одного известного автора написать стихи на одну из моих мелодий. Она имела некоторый успех.

— А первый большой успех?

редаче об астрологии и космосе, но она так и не увидела свет. Мы с продюсером решили предложить ее моей звукозаписывающей компании, но там она не понравилась. Тогда продюсер нашел другую компанию. В то время я уже сам пел, и решил создать свою группу. Название пришло быстро: новые звуки тогдашних синтезаторов шли как будто из космоса. На сцену мы выходили в снафандрах и костюмах космонавтов.

— Когда мне было 15, мы с родителями переехали из Монако в Париж. Я поступил в Парижскую консерваторию и временно писал песни. Одна из них стала хитом. Я начал получать большие гонорары. Вскоре с поэтом Этьеном Родом Жилем стали сочинять песни для французских звезд.

— Как появилась группа "Спейс"?

— В 1976 году я написал композицию "Magic Fly" и телепе-

— После выхода альбома "Magic Fly" он сразу же занял первые места в мировых чартах...

— Хотя я старался принять успех спокойно, оставаясь самим собой, было все же странно узнавать о том, что ты №1 в хит-парадах по всему миру. В некоторые дни у нас расходилось до 400 тысяч синглов. Альбом, на сочинение и запись которого ушло 4 месяца, в первую неделю продаж занял первые места в

чартах 10 стран. Моя детская мечта сбылась.

— Какой из альбомов, на ваш взгляд, лучший?

— Для любого музыканта лучший альбом — тот, который еще предстоит написать. Это если бы вы спросили отца, какого ребенка он любит больше. Давайте скажем так: есть трени, близкие мне по духу — "Let me Know the Wonder", "Ballad for Space Lovers", "Symphony" или "From Space to Earth", которую я напи-

не в этом году 23 октября и в московском Кремле 25 октября с участием симфонического оркестра. Буду счастлив представить в России новый наш "Symphonic Space Dream". Записывался он больше года в Нью-Йорке, Париже и Санкт-Петербурге. В новом альбоме ко мне присоединился Санкт-Петербургский симфонический оркестр. Фактически, свершилась моя давняя мечта, и этой работой я постараюсь доказать отсутствие различий между клас-

сал после того, как умерла моя мать. Этой песней я всегда открываю свои концерты. Когда ее играю, чувствую себя ближе к матери.

— Когда планируете приехать с концертами в Россию?

— Собираюсь дать концерт в Санкт-Петербурге на Ледовой аре-

не в этом году 23 октября и в московском Кремле 25 октября с участием симфонического оркестра. Буду счастлив представить в России новый наш "Symphonic Space Dream". Записывался он больше года в Нью-Йорке, Париже и Санкт-Петербурге. В новом альбоме ко мне присоединился Санкт-Петербургский симфонический оркестр. Фактически, свершилась моя давняя мечта, и этой работой я постараюсь доказать отсутствие различий между клас-

— Ваша музыка оказала влияние на творчество многих арти-

стов. А кого вы слушаете на досуге, и кто повлиял на ваше творчество?

— Когда мне говорят, что моя музыка оказала влияние на музыку какого-либо другого музыканта, я очень этим горжусь. Для меня такие признания более важны, нежели признание и успех. Я часто получаю письма, и стараюсь ответить на каждое из них. нравятся все музыкальные стили. Ничто меня в музыкальных предпочтениях не сдерживает,

кроме как отсутствие хорошей музыкальности. На меня оказали сильное влияние некоторые классические композиторы, и, возможно, поэтому главным в музыке я считаю мелодию. На мой взгляд, в музыке и в песнях всегда должна присутствовать мелодия. Она помогает слушателям

понимать музыку и следовать ей. В самом начале музыкальной карьеры на меня огромное влияние оказали Шопен и Моцарт. Затем Элтон Джон и Electric Light Orchestra: люблю их за романтизм и силу.

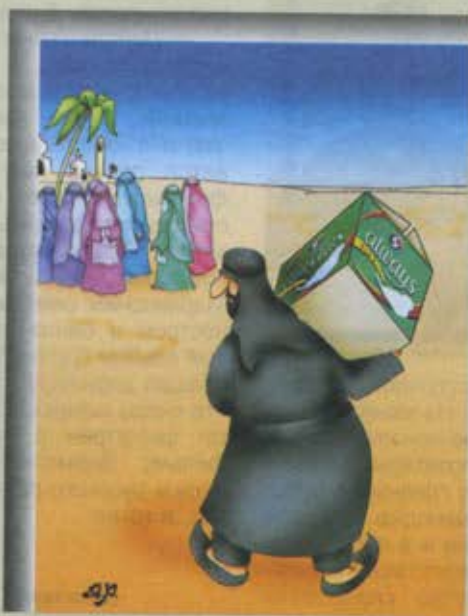
— Из русских исполнителей знаете кого-нибудь? Не хотели бы сыграть с русскими музыкантами?

— К сожалению, за русской музыкальной сценой я слежу мало. Несколько раз встречал на концертах Аллу Пугачеву с Филиппом Нирноровым, но вот уже некоторое время не выступаю на совместных концертах с русскими артистами. Зато над последним альбомом я работал в Нью-Йорке с русскими музыкантами Владимиром Логозинским и Димой Соболевым.

— Когда-то вы занимались продюсированием начинающих исполнителей. А сейчас?

— Действительно, в прошлом я продюсировал. А сейчас моя работа слишком много отнимает времени. К тому же я сотрудничаю и с кинорежиссерами. Нравится работа над музыкой к фильмам, когда композитору приходится попадать в унисон каждому образу, создаваемому режиссером. Когда записывал с Мариинским симфоническим оркестром в Санкт-Петербурге новый альбом группы "Спейс", я пообещал дирижеру и музыкантам, что скоро вернусь и запишу с ними саундтрек к какому-нибудь фильму. Возможно, это будет фильм русского режиссера. Если так, я готов! ■

Беседовал
Дмитрий Гуртовой.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА
(МИИБ) при всероссийской Академии внешней торговли
Министерства экономического развития и торговли РФ
Год основания 1988

Сроки и формы обучения:

вечернее обучение от 10 месяцев до 1 года 7 месяцев,
заочное обучение по субботам,
дистанционное обучение.

Факультеты:

Специальный коммерческий — профессиональная переподготовка:
специалист международного бизнеса (менеджер
или экономист международного бизнеса).

**Факультет профессионального обучения
и повышения квалификации:**

менеджер по продажам (коммерческий работник) внешнеторговой
фирмы, организация внешнеэкономических операций, современные
информационные технологии в управлении ВЭД (первый уровень —
начинающий, второй — углубленный), государственное и валютное
регулирование, экономика и организация инвестиционной деятельности,
работник хозяйственной службы заграничных учреждений, финансовый
менеджмент, иностранные языки, биржевой трейдер.

Выдаются государственные дипломы, свидетельства, удостоверения.

Обучение платное. Вступительные испытания: собеседование.
Прием заявлений в течение года.
Проводится студенческий обмен с вузами США, Великобритании,
Германии, Канады, Кипра; стажировка за рубежом.

**МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА
и MONEY MANAGEMENT INSTITUTE CALIFORNIA (USA)**

Представляет программу конвертации российского диплома
государственного образца в американский диплом.
Особенности программы:
краткий срок обучения — 45 дней, конвертация в BBA, MBA;
доступность.

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА

издает журнал "Практика международного бизнеса".

Индекс 14742 (Объединенный каталог "Пресса России").
Лицензия госномвуза № 2411-0162, сертификат ТПП РФ в области
делового образования № 018.

119330, Москва, ул. Мосфильмовская, 35, стр. 1 (м. Невская, м. Университет)
тел.: 143-85-75, 147-22-78, 143-87-58, факс 147-53-57, 938-22-53
E-mail: MIIB@COL.RU WWW.MIIB.RU

Ректор проф. В.М. Безденежных

ЗДОРОВЬЕ или ОБРАЗОВАНИЕ

ЗДОРОВЬЕ или ОБРАЗОВАНИЕ

✓ Сегодня в адрес школы можно услышать упреки, что программа обучения настолько усложнилась, что она перегружает головы учащихся ненужными знаниями, не давая детям развития, не стимулируя их способностей. Как правило, учителя **ДАЮТ** знания и **ТРЕБУЮТ** знаний, но не учат ребенка, как **ПОЛУЧАТЬ** их. Кроме того, школа совершенно не оставляет ребенку свободного времени.

✓ Это зачастую приводит к таким явлениям, как неуверенность ребенка в себе, депрессия, нарушение сна, раздражительность. Снижается работоспособность, повышается утомляемость, что, в конечном счете, может стать причиной серьезного заболевания. Таким образом, родители оказываются перед выбором: хорошее **образование** ребенка **или** его **здоровье** (как физическое, так и психическое). Как помочь родителям в решении этой проблемы? Как сделать учебу эффективной и доступной для каждого ребенка?

✓ 10 лет назад специалистами **Школы Рационального Чтения** была разработана образовательная технология **Интеллект**, которая представляет собой систему, направленную на развитие у учащихся качеств, необходимых для успешного освоения школьных предметов. Одни упражнения развивают внимание, воображение и память, образное и логическое мышление, другие формируют у школьников навыки безошибочного письма, быстрого чтения, умения грамотно выражать свои мысли. На занятиях ребята узнают, как правильно работать с текстом: выявлять структуру, выделять главные мысли, надежно запоминать информацию. Задания и упражнения разработаны с учетом школьной программы. Доброжелательная атмосфера занятий помогает избавиться от проблем в общении с окружающими, обрести уверенность в себе. Успеваемость повышается на 1-1,5 балла. На курсах **Интеллект** занимаются учащиеся младших, средних и старших классов. В **ШРЧ** работает и дошкольное отделение.

✓ Интересно, что в тех школах, где курс **Интеллект** включен в программу обучения, у детей появился интерес к учебе, у них снизилась заболеваемость ОРЗ, улучшилось общее состояние здоровья. Ведь ребята стали меньше уставать, быстрее выполнять уроки, появилось время для активного отдыха, спорта, ночного сна. Образовательная технология направлена на развитие у человека способностей, обладая которыми он будет легко ориентироваться как в школьных предметах, так и в окружающем мире вообще.

✓ И это касается не только детей. Есть чему поучиться в **Школе Рационального Чтения** и взрослым! Для тех, кто не хочет останавливаться на достигнутом, а желает развивать свои способности дальше, знать — больше, **ШРЧ предлагает курсы и тренинги личностного роста: Скорочтение** (на русском и английском языках), **Суперпамять**, **Техника запоминания иностранных слов**, **Тренировка памяти**.

Теперь я за него спокойна

Школа Рационального Чтения

Москва, Кутузовский проспект, 24а, 249-99-84, 234-17-77 www.inttech.ru

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

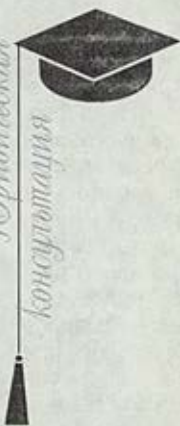
ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТО

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького,90
тел.: (3412) 51-02-3
факс: (3412) 78-58

АКСИОН **ТНП**

e-mail: tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru

Законное посягательство на собственность

"Соседи продали часть своего участка таким образом, что с нее нет выхода на дорогу. Новый владелец требует, чтобы я предоставил ему часть своего участка для проезда. Почему я должен это делать, ведь он сам купил такой неудачный участок?"

В. Соболев,
Владимирская обл.

Притязания вашего нового соседа, скорее всего, имеют под собой основу. Гражданское законодательство, а именно ст. 274 Гражданского кодекса РФ предусматривает такое право ограниченного пользования чужим земельным участком, как сервитут. Согласно ч. 1 ст. 274 ГК РФ собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка предоставления права ограниченного пользования соседним участком — сервитута. Сервитут может устанавливаться для обеспе-

чения прохода и проезда через соседний земельный участок, прокладки и эксплуатации линий электропередачи, связи и трубопроводов, обеспечения водоснабжения и мелиорации, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута.

Сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка и подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество. В случае недостижения соглашения об установлении или условиях сервитута спор разрешается судом по иску лица, требующего установления сервитута. Так что если вы не договоритесь с соседом мирно, он вправе будет обратиться со своим требованием в суд. Но и вы не останетесь без компенсации. В соответствии с ч. 5 ст. 274 ГК собственник участка, обремененного сервитутом, вправе требовать от лиц, в интересах которых установлен сервитут, соразмерную плату за пользование участком.

Прибавка к наследству

"После смерти близкого родственника обнаружил у него в документах страховой полис личного страхования. Я — единственный законный наследник. Могу ли я теперь получить страховую сумму вместо него?"

С.А. Таничев,
Новгородская обл.

В соответствии со ст. 943 Гражданского кодекса РФ по до-

говору личного страхования одна сторона — страховщик — обязуется за обусловленную договором плату, уплачиваемую другой стороной — страхователем, выплачивать единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму — страховую сумму — в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина, достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события — страхового случая. Право на получение страховой суммы принадлежит лицу, в пользу которого заключен договор.

Если в страховом полисе, то есть в договоре страхования, не названо в качестве выгодоприобретателя другое лицо, то он считается заключенным в пользу вашего отца. В случае, если наступил установленный договором страховой случай, сумма выплачивается наследнику застрахованного лица, то есть вам.

Все по-старому?

"Много раз слышал по телевидению и читал в газетах, что отбирать водительские права по новому закону может только суд. Однако недавно права у меня были отобраны сотрудниками ГИБДД за превышение скорости. Может, они не читали новый кодекс?"

П. Алферов,
Тверская обл.

С 1 июля 2002 г. введен в действие новый Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации. Он, в частности, предусматривает, что

одним из административных наказаний является лишение специального права, предоставленного физическому лицу, в том числе права на управление транспортным средством. Лишение физического лица, совершившего административное правонарушение, ранее предоставленного ему специального права устанавливается за грубое или систематическое нарушение порядка пользования этим правом в случаях, специально предусмотренных статьями КоАП РФ. Лишение права управления автомобилем, в частности, предусмотрено для таких правонарушений, как управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения; превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 километров в час и некоторых других.

Согласно ч.1 ст. 3.8 КоАП РФ лишение специального права действительно назначается судьей. Вместе с тем, Кодекс об административных правонарушениях РФ предусматривает ряд мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Согласно ст. 27.1 КоАП РФ к ним относится в числе прочих изъятие вещей и документов, применение которого регламентируется статьей 27.10 КоАП РФ. В соответствии с указанной статьей при совершении административного правонарушения, влекущего лишение права управления транспортным средством соответствующего вида, у водителя изымается до вынесения постановления по делу об административном правонарушении во-

дательское удостоверение. Водителю автомобиля выдается временное разрешение на право управления транспортным средством соответствующего вида до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении.

Таким образом, если превышение скорости в вашем случае составило более 60 километров в час, то сотрудники ГИБДД имели право изъять у вас водительское удостоверение до рассмотрения дела судьей.

Каждому свое имущество

"У меня одновременно умерли родной брат и его сын. Они проживали в частном доме, осталось и другое имущество. Из родственников, кроме меня, есть только внук брата. Кто из нас является наследником имущества брата и племянника?"

Смирнова А.Я.,
Курганская обл.

В данном случае сложилась довольно редко встречающаяся

ситуация, когда открывается наследство сразу от двух наследодателей, каждый из которых имеет свой круг наследников. Несмотря на это, законодательством подобная ситуация урегулирована в ч.2 ст.1114 Гражданского кодекса РФ.

В соответствии с указанной статьей граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга. При этом к наследованию призываются наследники каждого из них. Это означает, что передача имущества будет производиться отдельно: от вашего брата и от его сына соответствующим наследникам. Так, при описанных вами обстоятельствах, наследство брата получаете вы как его наследница ближайшей очереди. Имущество племянника переходит его сыну, как наследнику первой очереди. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Уважаемые читатели!

Мы признательны вам за то, что среди множества печатных изданий, выпускающихся сегодня в России, вы остановили свой выбор на "Смене". Надеемся на взаимную симпатию и в 2003 году. Как и прежде, в розницу будет распространяться лишь малая часть тиража журнала. Чтобы не терять время в поисках очередного номера, советуем оформить подписку. Сделать это можно в любом ближайшем почтовом отделении.

В каталоге агентства "Роспечать" вы найдете индексы "Смены" на странице 307. Обращаем ваше внимание на то, что по каталогу "Роспечати" подписаться на наш журнал можно как на полугодие, так и на весь 2003 год. На полгода — индекс 70820. Стоимость подписки на один месяц — 46 рублей, на три — 138 рублей, на полугодие — 276 рублей (цены указаны с учетом НДС, но без конечной стоимости доставки). На год — индекс 81936, стоимость — 552 рубля (с учетом НДС, но без конечной стоимости доставки).

Агентство "Роспечать" в последние годы предлагает и такую услугу, как подписка через киоски. Преимущество ее в том, что подписчик забирает журнал в киоске в удобное для него время, а в подписную цену не включается местная стоимость доставки. Подписку на "Смену" вплоть до полугодия киоскеры оформляют по каталогу "Подписка через киоски". Индекс — 70820.

Помимо каталога "Роспечати" наш журнал можно найти и в Объединенном (зеленом) каталоге российских и зарубежных газет и журналов на 306 странице. Адресную рассылку "Смены" читателям, оформившим подписку по этому каталогу, осуществляет Агентство подписки и розницы. Индекс — 88998. Подписная цена на один месяц — 68 руб. 05 коп., на полугодие — 408 руб. 30 коп. В эту цену включена и адресная рассылка журнала подписчикам.

Жители Москвы и Подмосковья могут подписаться на наш журнал непосредственно в редакции. Цена одного номера 46 рублей, но такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлении удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 40 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комп-

лект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 212-15-17.

**Наш адрес: Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.**

Звоните, пишите, приезжайте — мы всегда рады вам.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

“СМЕНА”

Количество комплектов

на 2003 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

(индекс издания)

“СМЕНА”

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.
руб.

Количество комплектов

на 2003 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Шахматная эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
XI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

115. В. КОВАЛЕНКО
 Приморский кр.

2

116. В. КОЗЫРЕВ
 Эстония

б) Се2 # 2

117. М. ЧЕРНУШКО
 Уссурийск

2

118. А. СПИРИН
 Москва

3

119. В. КОВАЛЕНКО
 Приморский кр.

3

120. Л. ГРОЛЬМАН
 Казань

3

121. Л. ПРОНИН
 Москва

5

122. В. МЕТЛИЦКИЙ
 Украина

б) a1-h1 (# 4) # 5

123. В. СИЗОНЕНКО
 Украина

6

I Приз
Е. БОГДАНОВ

б) Кра2-h1

II Приз
М. МАРАНДЮК

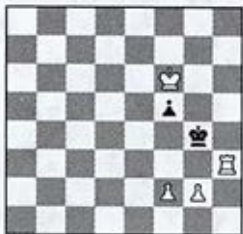
III Приз
Л. ЛЕБЕДЕВ

б) Сс2-с3

в) Ке4-а4

Специальный приз
Н. КУЛИГИН

ТРЕХХОДОВКА-2001

В конкурсе трехходовок 2001-го года участвовало 105 задач 43-х авторов, опубликована 51 миниатюра. Из конкурса из-за предшественников исключаются задачи: №№ 64, 75, 85 и 88.

I приз — Е. БОГДАНОВ (Украина)

а) 1. Фе6? Крс4 2. Ла4 Крb5 3.Фс6х, 1...Крb5 2. Фс6 Крb4 3.Ла4х, 1...Крb4!; 1.e3? — 2.Фс6 Крb4 3.Ла4х, 1...Крb4 2.Лb8 Крс5 3.Фс6х, 1...Крд5!; 1.Лf8? Крд5 2.Лf5 Крд4 3.Фд3х, 1...Крb4 2.Лf4 Крс5 3.Фс6х 1...Крд4!; 1.Фа5? Крд4 2.Ле8 Крс4 3.Ле4х, 1...Крд6 2.Ле8 Крд7 3.Фд8х, 1...Крс4!

1.Ле8! Крb4 2.Ле4 Крс5 3.Фс6х, 1...Крд5 2.b4 Крд4 3.Фд3х, 1...Крд4 2.Фа5 Крс4 3.Ле4х

б) 1.Фf6! Крс4 2.Ла5 Крb3 3.Фс3х, 1...Крb4 2.Фс6 Крb3 3.Фс3х, 1...Крд5 2.Ла5 Крс4 3.Фе5х, 1...Крb5 2.Фс3 Крb6 3.Фс6х

Масштабная миниатюра с многократной переменной игры. Поразительно, но ни одно опровержение ложных следов не повторяется!

II приз — М. МАРАНДЮК (Украина)

1.Лf4? Крс5!, 1.Фf4? Крд5!

1. Фд2-d6! — 2.Лf4 Крс3 3.Фд2х, 1...Крс3 2.Фf4 Крд3 3.Лd2х, 1...Cd3 2. Кd2 Крс3 3. Фf4х

В задаче реализован интересный механизм двух полей. После вступительного хода белые играют только на f4 и d2, а черные на e3 и d3. Особенно интересно чередование ферзя и ладьи на тематических полях в двух первых вариантах.

III приз — Л. ЛЕБЕДЕВ (Беларусь)

а) 1.Cd3! Крд1 2.Лb2 Крс1 3.Лb1х, 1...c5 2.Кс3 с4 3.Лс2х

б) 1. Кс5! Крb1 2.Кb3 с4 3.Лb2х, 1...Крд1 2. Кd3 с4 3.Лd2х

в) 1.Cb3! Крb1 2.Лd2 Крс1 3.Лd1х, 1...c5 2.Кс3 с4 3.Лс2х

В трех удачно скомпонованных близнецах реализована перемена игры с правильными матами. Снижает впечатление полная симметрия в двух близнецах.

Специальный приз — Н. КУЛИГИН (Украина)

1...f4 2.f3х, 1...Крf4 2. Лh4х

1. 1.Крg6? Крf4!, 1.Лh8? f4!

1.Лf3! f4 2.Крg6 Крh4 3.Лf4х, 1...Крh4 2.Крf5 Крh5 3.Лh3х, 1...Крh5 2.Лf4 Крh6 3.Лh4х

Простенькая, но симпатичная псевдодвухходовка. В решении все три варианта заканчиваются правильными матами.

1-й почетный отзыв
М. МАРАНДЮК

2-й почетный отзыв
Е. БОГДАНОВ

3-й почетный отзыв
С. ТИACHENKO

1-й почетный отзыв —
М. МАРАНДЮК (Украина)

1. Фb4! — цугцванг! 1...Kpd5(a)
2.Фс3 е5 3.Фс4х, 1...d5(б) 2.d4 е5
3.Фс5х., 1...е5 2.Лb7 — 3.Фb5х,
2...Kpd5(a) 3.Фс4х, 2...d5(б) 3.Фb6х

Две защиты черных плюс их суммирующий вариант в механизме одного поля — d5. Подкупает тихая игра белых на втором ходу.

2-й почетный отзыв —
Е. БОГДАНОВ (Украина)

1.Фg7? — 2.Кс3 и 3.Фg5х,
1...Кре4!; 1.Кс3? Кре5 2.Фd1 Крf5
3.Фh5х, 1...f3 2.Фа4 Кре5 3.Фf4х,
1...e2 2.Фg1 Кре5 3.Фс5х, 1...Кpg4!

1.Фd1! Кре4 2.Кс3 Кре5
3.Фd5х, 1...Кре5 2.Кс3 Крf5
3.Фh5х, 1...f3 2.Фd4 e2 3.Фf4х,
1...e2 2.Фe2 f3 3.Фe6х

Перемена игры с чередованием вступительного и второго хода белых.

3-й почетный отзыв —
С. ТКАЧЕНКО (Украина)

1. Фе2! — 2.Фа6 Кpd8 3.Лd1х,
1...Крb7 2.Фb5 Кра8 3.Ла1х, 1...c5
2.Фe7 Крb8 3.Лh8х

Три варианта заканчиваются правильными матами. Выделяется прекрасное вступление, отдающее черному королю два свободных поля!

1-й похвальный отзыв —
Ф. КАКАБАДЗЕ (Грузия)

1. Лh1 — цугцванг! 1...Кpg7
2. h5 Крh7 3.Лf7х, 1...h5 2.Лh7
Крh6 3.Лf6х, 1...Крh5 2.Лg8
Крh4 3.Лh1х

Два эхо-хамелеонных правильных мата плюс третий с возвратом ладьи.

2-й похвальный отзыв —
Г. КОЗИЮРА (Украина)

1.Се2! — цугцванг! 1...Сb3
2.Сh5 Са4 3.Сf7х, 1...Cd7 2.Сс4
Се6 3.Се6х, 1...Сf7 2.Лd8 Се8
3.Сс4х

3-й похвальный отзыв —
В. КОВАЛЕНКО (Приморский кр.)

1.Фf8! Ке7 2.Фh6 Ch7 3.Фf6х,
1...Крh7 2.Сf5 Крh8 3.Фf6х,
1...Ке3 2.Крh5 С-3.Фg8х

В. ЧЕПИЖНЫЙ,
международный арбитр

1-й похвальный отзыв
Ф. КАКАБАДЗЕ

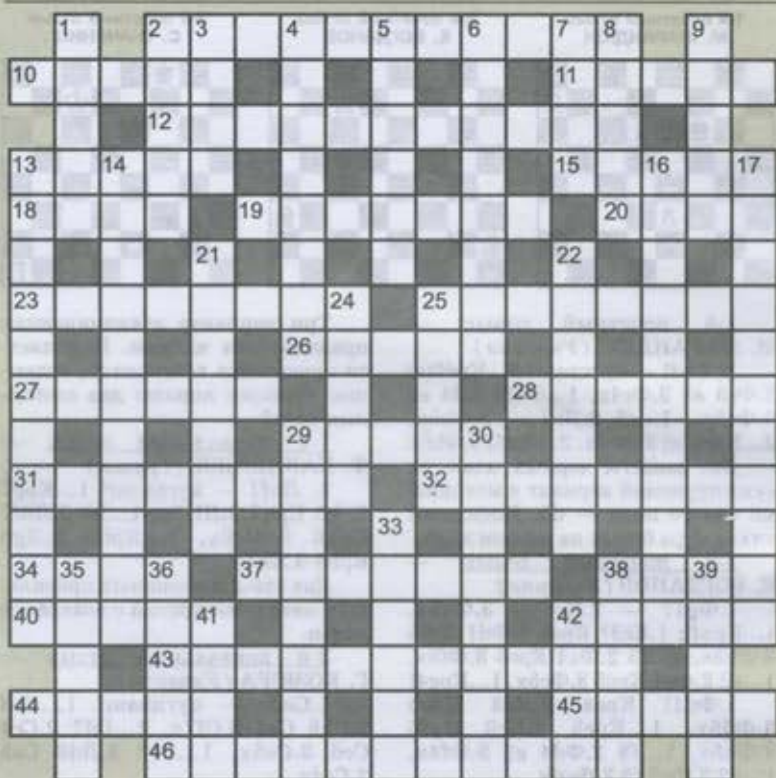

2-й похвальный отзыв
Г. КОЗИЮРА

3-й похвальный отзыв
В. НОВАЛЕНКО

КРОССВОРД

По горизонтали. 2. Поэт сатирического жанра. 10. Ее, как и дух, юристы чтят в законе. 11. Поэт, применивший народный рецепт омоложения в трех котлах. 12. Испытание самим собой. 13. Ветер, которому природа вскружила голову. 15. Пустынная или полупустынная птица, которая никогда не садится на дерево. 18. Рыбное блюдо, развлекающее желудок оригинальным вкусом. 19. Самый известный Балбес советского кино. 20. Музыкальное "фа" или дипломатическое "фи". 3. Вид гравюры на металле. 25. Дерьмовая профессия с блестящим названием. 26. Венгерский композитор, у которого "Граф Люксембург" испытал "Цыганскую любовь" с "Веселой вдовой". 27. Немецкий математик, так склеивший полоску бумаги, что ее поверхность стала односторонней. 28. Канадский северный олень, которому оводы досаждают больше, чем волки. 29. Предлог к войне или драке. 31. Гора пустой породы возле шахты. 32. Женщина, от-

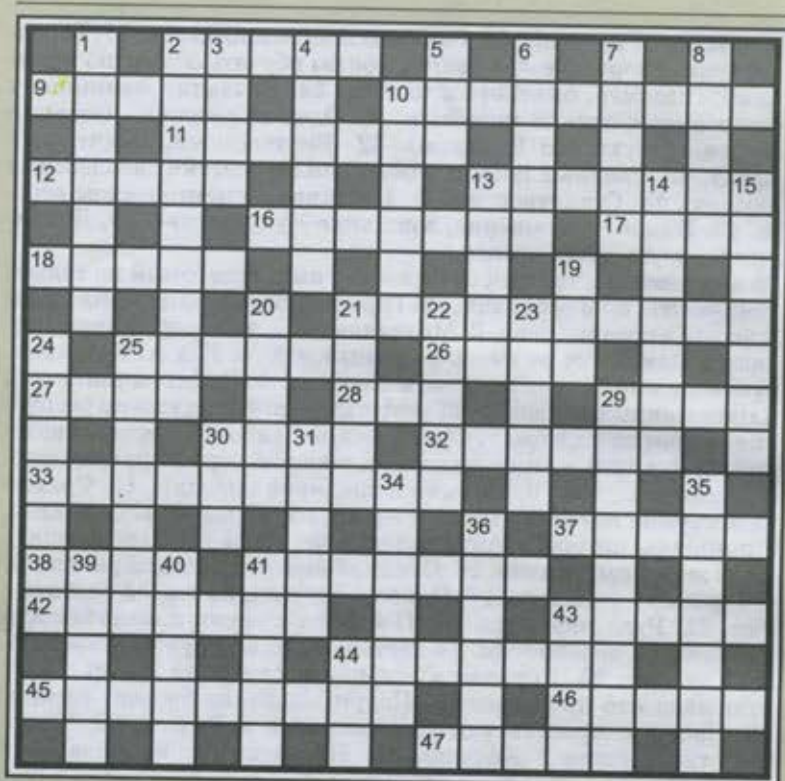
рекламная от мужчин. 34. Снежное жилье эскимосов. 37. Городской транспорт, где А. Суворов мог бы обучать солдат по принципу: глазомер, быстрота и натиск. 38. Название женщины у североамериканских индейцев. 40. Одно из русских названий вздора, чепухи (по В. Далю). 42. Беспольный, ничемный франт. 43. Главный козырь темных сил в системе овладения людьми. 44. Стихотворение А. Пушкина о смертоносном дереве. 45. В деле – улучшение, в психике – ухудшение. 46. Дисциплина, изучающая печати.

По вертикали. 1. Человек со странностями, способный не только позабавить, но и восхитить. 2. Город в Португалии, резиденция королей в средние века. 3. Медвяная роса, из которой пчелы делают сладкий, но не очень полезный мед. 4. Дед А. Пушкина, руководивший строительством Херсона. 5. Рыба, начинка для маринованных оливок. 6. Месяц жатвы во французском республиканском календаре. 7. Французский центр фарфоровых изделий. 8. Русский офицер-эмигрант, ставший героем французского Сопротивления. 9. Музыка лошадиной походки. 13. Средства и методы изучения механических колебаний. 14. Самоцвет, с помощью которого древнеиндийские маги пытались понять язык животных и птиц. 16. Специальная коробка для растений, собираемых учеными. 17. Прибор, отучивший людей считать в уме. 21. Руда марганца. 22. Посланец в верхи с жалобой или прошением, челобитчик. 24. Металлический кружок, заменяющий монету. 25. Крупная и жирная каспийская сельдь, которую мало кто пробовал. 29. Подрисовывание бровей, ресниц. 30. Паспорт, пропуск или удостоверение личности. 33. "Рогатое" государство в Африке. 35. Президент с 50-долларовой банкноты. 36. Город севернее Лимы. 38. День вечеринок в рассказе А. Чехова "Попрыгунья". 39. Предмет домашнего обихода, который становится прочным и не ломается, если его предварительно замочить на два-три часа в горячей соленой воде. 41. Сидит на шее, а никто не жалуется. 42. Распространенное прежде название государственной казны. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 1. Мастер. 6. Бойкот. 10. Плещеев. 13. Дерзость. 14. Наполеон. 15. Акт. 17. Лапа. 18. Сценарист. 19. Реле. 22. Гиена. 23. Ферзь. 24. Разин. 27. Гоген. 28. Индиго. 30. Сократ. 31. Клещи. 35. Авгий. 36. Раунд. 37. Инжир. 42. Рожь. 43. Мельхаль. 45. Штаб. 47. Тат. 49. Циннобер. 51. Цветаева. 52. Портрет. 53. Ячейка. 54. Улитка.

По вертикали. 1. Медаль. 2. Стриптиз. 3. Енот. 4. Эль. 5. Фен. 7. Озон. 8. Крещение. 9. Танеев. 10. Птица. 11. Щука. 12. Васса. 15. Ангел. 16. Трезини. 20. Янковский. 21. "Задонщина". 25. Белка. 26. Фигли. 29. Базальт. 32. Уважение. 33. Шнитт. 34. Жиртрест. 38. Грация... 39. Череп. 40. Плавт. 41. Облава. 44. Хант. 46. Лоск. 48. Стол. 50. Рог. 51. Цеп.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 2. Застойное водяное растение. 9. Сибирская рыба, лучше всего клюющая на кузнечика. 10. Первый русский солдат. 11. Любый богач-выскочка. 12. Птичий хор в лесу. 13. Главное, "все для раба", как считал Еврипид. 16. Японский художник, поздние работы подписывавший: "Старик, одержимый рисованием". 17. Остров в составе Мальты с самой древней из сохранившихся построек Европы. 18. Один из двух предметов на гербе Лондона. 21. Привязанность птиц к месту, где было их гнездо. 25. Французский микробиолог и химик, лечиться от бешенства к которому приезжали десятки русских, укушенных волками. 26. Французский святой, прозванный Великим Ловчим, за которым, по легенде, смыкался лес. 27. Лесная семья Маугли. 28. Самоволка футбольного мяча. 29. Гибридный селезень. 30. "Человек-рыба" халдейских легенд, "выплывший" в Библии под именем персонажа, побывавшего в чреве кита. 32. Парадная одежда кавалера ордена Андрея Первозванного. 33. Самый тонкий знаток вин. 37. Материал, из которого шито платье просто приятной дамы в "Мертвых душах" Н. Гоголя. 38. Жеребец,

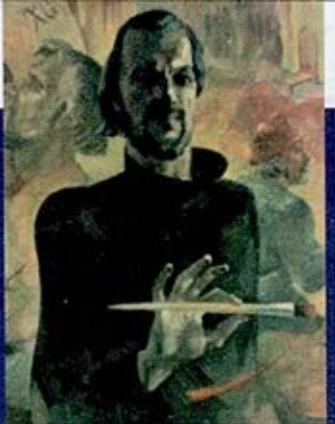
на котором И. Кизимов завоевал золото на Олимпиаде в Мехико (1968 год). 41. Страна, где придумали панаму. 42. Животное, на рубеже XIX-XX веков помогавшее австралийцам из города Иден охотиться на китов. 43. Рыболовная снасть в стихотворении А. Плещеева "На берегу". 44. Ботаническое название травы, называемой на Руси веревочником, кугой, сытью. 45. "Только слышно - на улице где-то одинокая бродит гармонь" (троп). 46. Каждая строфа стихотворения А. Пушкина "Во глубине сибирских руд". 47. Старинное название грабителя на Волге.

По вертикали. 1. Металл, основная мера стоимости в Древнем Египте при XVIII династии. 2. Актриса, ненавидевшая свою самую популярную в стране фразу: "Муля! Не нервируй меня!" 3. Житель "от Сахи". 4. Сын Геи и Урана, оскопивший серпом отца и бросивший отрезанное в море (где из пены и появилась Афродита). 5. Музыка для торжественного случая. 6. Сын Ясона, единственный герой Гомера (в "Илиаде"), занимающийся торговлей. 7. Обычное чувство спелеолога в глубинах пещер. 8. Самый опасный враг камня, образующий в нем мельчайшие трещины. 10. Арабский ученый-энциклопедист, создавший первый глобус Земли. 13. Стиль мебели, появившийся в России после Отечественной войны 1812 года. 14. Качество человека с широкой душой. 15. Мелочь, увиденная в кунсткамере крыловским героем, не заметившим слона. 19. Форма золотого или алмазного сейбу, венчающего пагоду в Бирме (Мьянме). 20. Убегание с берега набегавшей волны. 21. Индеец в человеческом обличье. 22. Немецкий религиозный реформатор, считавший, что в этом мире безраздельно царствует дьявол и человеческие страсти - его прислужники. 23. Окрыленный конь. 24. Представитель второго после сенаторов сословия в Древнем Риме. 25. Философ из вольтеровского "Кандида", утверждающий, что "все к лучшему в этом лучшем из миров". 29. "...и скромность говорят о подлинной просвещенности человека" (Бальзак). 30. Сломанная деталь тележки в рассказе И. Тургенева "Касьян с Красивой Мечи". 31. Сингапурское дерево, приносящее сладкие плоды с оранжевой мякотью. 34. Аплодисменты дружного восхищения. 35. Курорт, чей мощный ключ снабжает немалую часть Дамаска водой. 36. Испанский быкбоец. 39. Длинный шест в руках каюра. 40. Химический элемент, много раз "изотопно" открытый Дебьерном, Дорном, Рамзаем и Содди, Резерфордом и Оуэнсом. 41. Церковный адвокат в Византии, защищавший также вдов и сирот. 43. Молодое, еще не перебродившее вино. 44. Пустыня на южной границе земли Обетованной, как говорит библейская книга Чисел. ■

ОТВЕТЫ НА ЗРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 1. Магия. 7. Стафф. 10. Турнашон. 11. Выжереб. 12. Оптик. 15. Карикатурист. 20. ...гостия. 21. Агон. 22. Баумгартен. 23. Утка. 25. Ероол. 26. Лец. 28. Заряд. 31. Урак. 33. Риги. 34. Банкс. 37. Хоз. 38. Чибис. 40. Элчи. 42. Шопенгауэр. 43. Пион. 44. Вскрик. 46. Микеланджело. 52. Амати. 53. Юниорка. 54. Фернанда... 55. Шепот. 56. Пинчо.

По вертикали. 2. Арыс. 3. Игемон. 4. Рубаи. 5. Инти. 6. Яшма. 7. Сноу. 8. Асти. 9. Факт. 10. Тектит. 13. Прорва. 14. Истеря. 16. Ряба. 17. Каупер. 18. Тигр. 19. Малерб. 20. Готорн. 23. Улус. 24. Крах. 27. Цикл. 28. Зичи. 29. Рыбник. 30. Десант. 32. Корунд. 35. Аноним. 36. Кречет. 39. Игла. 40. Эрве. 41. Чакона. 43. Пилоти. 45. Слюда. 46. Марш. 47. Карп. 48. Лифт. 49. ...нерв... 50. Жуан. 51. Ткач.

Его картины при вполне реалистических сюжетах и письме словно полыхают в огне от обилия красного цвета. Особенно много красного в полотнах на исторические темы. Что понятно, да и оправданно, если вспомнить историю нашей страны. Вот "1612 год". Ляхи в Кремле, Москва объята пожарищами. Но уже собирается ополчение, и вся Русь всколыхнулась, готовая защищать свои земли от самозванцев. И огонь здесь — как символ очищения от скверны и зла. Но в представлении русского человека — красное — это еще и красивое, а не только цвет крови. Поэтому в "Царской невесте" — все так красно-красиво. И юная девица, смиренная и благостная, и ее свадебный сарафан, царские палаты. Наверное, обращение к этому яркому, экспрессивному цвету дает художнику возможность создавать и, главное, усиливать драматическое напряжение сюжета, в котором персонажи, цвет и сама композиция напоминают театральное действо.

Пристрастие Василия Птюхина к багряному колеру проявляется и в других жанрах. "Красный стол" — натюрморт с яблоками и вазой с цветами, надо ли уточнять, в каких тонах он написан... "Букет" — роскошные цветы на алом фоне и с рассыпанными гроздьями спелой рябины. Городские пейзажи "Заря над Вологодой", а особенно "Каменный мост" — вообще кажутся взятыми из "марсианских хроник". Странно, но даже портреты и фигуры обнаженных девушек художник предпочитает писать в излюбленных цветах. И надо заметить, выглядят они фантастически прекрасными.

Василий Птюхин живет и работает в Вологде. А родился на Курилах во Владивостоке, закончил институт искусств, долгое время жил в Томске. Там он писал родную дальневосточную природу, сейчас в творчестве художника преобладают виды Вологды. Еще он создает многофигурные композиции, пишет серии, посвященные музыке. Многие из них часто выставляются в залах Музыкального театра Вологды, и на их фоне проходят музыкально-поэтические программы.

Псенупс.

1912 год.

В каком бы жанре ни работал Василий Птюхин — на его полотнах всегда красочная атмосфера мира, гармония бытия. И какой-то свой, особый мир и порядок. Что подкупает и вызывает интерес. Не зря же его картины можно встретить в музеях и частных коллекциях многих стран.

Полина РОЖНОВА

Наменный мост.

Эдита.

ЗЕНИТ ZENIT

**марка,
проверенная
временем!**

**Зеркальные
фотоаппараты "ЗЕНИТ"**
**Панорамные
фотоаппараты "ГОРИЗОНТ"**
Объективы
Фотокомплекты
Фотопринадлежности

**Верность
традициям
качества
и надежности**

**Воронеж (0732) 77-73-14; Екатеринбург (3432) 71-46-61;
Иркутск (3952) 33-04-39; Красногорск (095) 563-56-07;
Красноярск (3912) 21-65-40, 23-57-21; Москва (095) 269-24-14,
933-59-59; Новосибирск (3832) 26-17-68, 66-52-98; Ростов-на-
Дону (8632) 40-95-91; Санкт-Петербург (812) 247-10-10;
Уфа (3472) 28-83-76**

ОАО "Красногорский завод им. С. А. Зверева"

Россия, 143400, г. Красногорск, Московская обл., ул. Речная, 8
тел. (095) 561-80-84, 561-89-26; факс (095) 563-42-65, 562-83-16

<http://www.zenit-foto.ru>

E-mail: kmz@zenit-foto.ru marketing@zenit.istra.ru